

МИХАИЛ КРУГОВ И К^О

иная история россии

Москва
2008

ББК 83.3
И57

Оформление и макет — Валерий Калныньш

В оформлении использованы иллюстрации Михаила Златковского

Авторы выражают благодарность редакции «Новой газеты» за информационную поддержку проекта.

Авторы признательны посетителям форума «Новой газеты», принявшим участие в обсуждении первоначальных результатов нашей работы, — замечания и поддержка форумчан оказали нам серьезную помощь.

Авторский коллектив: М. Б. Кругов, Ю. В. Бубнов, А. Н. Зацепин, В. Ю. Калмыков, А. С. Киселев, А. А. Маргиев, В. В. Назаров, Б. Н. Рыжков.

Иная история России. — М.: Время, 2008. — 432 с.: ил. — серия «Диалог»

ISBN 978-5-9691-0334-

В книге излагается версия российской истории, созданная на основе новой теории общественного развития. Новая теоретическая основа дала авторам возможность создать полноценную модель развития российского общества и позволила нарисовать совершенно другую по содержанию и смыслу панораму прошлого нашей страны. В результате появилась совершенно иная история — без семейных хроник, борьбы классов, «развилки», мифов и фобий. При этом наше прошлое не только оказалось гораздо богаче и интереснее, но и стало выглядеть достойным великой нации. Например, выяснилось, что на протяжении двенадцати веков своего существования наше общество чаще обгоняло Запад, чем отставало от него. А «тысячелетнее российское рабство» представляет собой литературный миф.

ББК 83.3

ISBN 978-5-9691-0334-

© Коллектив авторов, 2008
© «Время», 2008

Обращаю внимание читателей, что текст не вполне соответствует вышедшей в 2008 году книге, реквизиты которой приведены выше. В текст внесены некоторые изменения и дополнения. Хотя основные идеи и представления книги остались нетронутыми.

ВВЕДЕНИЕ

В России никогда не было независимой исторической науки. До 1917 года историки находились на содержании царской власти, после — на содержании советской. Поэтому дореволюционная история нашей страны представляла собой семейную хронику Рюриковичей и Романовых, а советская — историю борьбы классов. Два десятилетия новой российской государственности историки прожили в ожидании заказа новой власти на нужную ей историю.

В конце концов, власть озаботилась этой проблемой. Правда, не столько самой историей, сколько собственной родословной. И так как новая власть имеет чисто советское происхождение, был сформулирован заказ на реабилитацию советской власти, которую либералы-космополиты совершенно смешали с грязью. Именно этот заказ сегодня и пытаются выполнить официальная историческая наука.

Но власть пока не озаботилась пересмотром истории нашей страны на протяжении всех двенадцати веков ее существования. А сами историки, похоже, разумно полагают глупым заниматься этим делом, не получив предварительно идеологических ориентиров. Только Русская православная церковь (РПЦ) замахнулась на полномасштабный проект — уже многие годы создает и внедряет в общественное сознание собственную версию нашей истории. По ней всеми успехами наше общество обязано идейному руководству РПЦ. А все беды были исключительно следствием отступления власти и народа от православия и церкви.

Что касается историков-публицистов, они разделились на две глухариних стаи. Либеральная стая токует о том, что в царской России все было в основном хорошо, а в СССР все было в основном плохо. Коммунистическая токует о прямо противоположном — как все плохо было до революции и как в основном хорошо было после нее. Каждая стая оперирует только подтверждающими ее взгляды фактами и начисто игнорирует факты, не вписывающиеся в рисуемую ею картину. В такой ситуации говорить об объективности нашей исторической публицистики, не говоря уже о научности, не имеет смысла — это в чистом виде идеологическая беллетристика, причем с изрядной долей фольклорности.

Группа единомышленников попробовала написать новую версию истории нашей страны — научную. То есть не заказную, а объективную — основанную на научной теории. Изначально группа была создана, чтобы разработать

новую идеологию для российского общества. Участники группы исходили из представления о мировоззренческой природе нынешнего кризиса — отсутствии у нашего общества адекватного современным условиям мировоззренческого учения. Оно же, по сути, представляет собой лоцию — дает представление о мироздании и правилах поведения и деятельности в нем. Поэтому обеспечивает человеку и обществу возможность устойчивого существования и успешного развития.

В процессе мировоззренческого поиска группа пришла к выводу, что мировоззренческий кризис носит глобальный характер — связан с устареванием всех учений индустриальной эпохи: социализма, либерализма, коммунизма и пр. И наше общество просто первым достигло открытой стадии кризиса — коммунизм оказался самой архаичной индустриальной идеологией. При этом мы не смогли выбраться из кризиса с помощью идеологии либерализма, потому что на новом постиндустриальном этапе общественного развития, информационном, требуются принципиально новые учения — соответствующие новым условиям. Попытка модернизации индустриальных идеологий успехом не увенчалась. Оказалась, что устарела их мировоззренческая основа — материализм.

Поэтому группе пришлось сначала разрабатывать альтернативную материализму концепцию мироздания — энергетическую. И уже в качестве производной от нее создавать идеологию информационного общества, названную «философией свободы и справедливости». Энергетическая концепция мироздания позволила также создать, хотя и тоже пока в достаточно схематичном виде, новую теорию общественного развития, предварительно названную социогенезом. Эта теория дала возможность увидеть иную историю нашего общества — без семейных хроник, классовой борьбы, мифов и фобий. Новая версия нашей истории в общих чертах и описывается в предлагаемой читателям книге. А основные положения социогенеза даются в Приложении.

I. КУПЕЧЕСКАЯ РУСЬ

1. НАЧАЛО ПУТИ

История России — история лидерства славянского этноса в составе сначала древнерусского, а затем российского и советского обществ. Поэтому первые вопросы истории России — откуда взялись славяне, как они стали доминирующим этносом на территории нашей страны, как создали государственность, которая позволила им стать этническим лидером региона? Археология достаточно точно определила, что прародиной славян является современная Польша. Именно там на протяжении первой половины I тысячелетия н. э. исторический процесс смешал «коктейль» из балтов, кельтов, готов, гуннов и других племен. Результатом этого смешения народов и стал исходный славянский этнос. К концу I тысячелетия н. э. экспансия славян привела к их доминированию на большей части территории Центральной и Восточной Европы. Точно так же позднее сформировался русский этнос — в результате смешения славян, монголов и восточноевропейских племен.

На европейскую часть территории нашей страны славяне пришли в конце VII — начале VIII века и к XII веку стали полностью на ней доминировать. Чтобы стать доминирующим этносом, нужно было вытеснить местные племена — балтские и финно-угорские. А для этого нужно было стать сильнее их — получить ресурсное преимущество, которое племенному обществу обеспечивает воинственность или более эффективное производство.

Про особую воинственность славян ничего неизвестно. Остается предположить, что славяне занимались более эффективным производством — земледелием, которое позволяло получить большее количество ресурсов в сравнении с охотой, на которой специализировались местные племена. Вследствие этого славяне постепенно вытеснили или ассимилировали аборигенов и стали доминирующим этносом на всей средне-русской возвышенности. Так что экспансия славян на восток носила мирный характер — имела не военный, а экономический интерес.

Самый старый стереотип российской исторической науки состоит в том, что основоположницей российской государственности является аристократия. Придворные историки искренне убеждены, что государство может возникать только по воле

«начальства» — вождя, монарха, политического лидера. Поэтому официальная история считает, что первое полноценное государство на европейской территории страны, Киевскую Русь, создали князья из рода Рюриковичей. Тогда как существовавшая до нее Новгородская торговая республика рассматривается в качестве общественной мутации — полу государственного образования, возникшего неизвестно по какой причине.

Для создания государства требуются большие дополнительные ресурсы. Содержание государственных институтов — дело дорогостоящее. И без резкого прироста ресурсов перейти от племенного общества к государству невозможно в принципе. Такой прирост ресурсов могут дать взрывной рост производительности труда, организация производства уникальных товаров, торговля ими или захватническая война, обеспечивающая увеличение ресурсной базы за счет порабощения чужих народов.

В бассейнах рек южных регионов Азии резкий прирост ресурсов обеспечило орошаемое земледелие. В других местах прирост ресурсов обеспечило производство уникальных товаров — металлов и изделий из них, отдельных видов сельхозпродуктов, благовоний, высококачественных тканей и пр. В местностях, по которым проходили торговые магистрали, прирост ресурсов обеспечивало участие в торговле или ее обслуживание. Ведь торговая надбавка на уникальные товары в составе цены составляла подавляющую часть — могла достигать до 99%. В Западной и Центральной Европе прирост ресурсов обеспечивали захватнические войны. Как следствие, становление западноевропейской государственности шло в первую очередь по «тропе войны».

В Восточной Европе период VIII—IX веков не выглядел «эпохой войн», характерной для остальной Европы. Про орошаемое земледелие или производство уникальных товаров тоже ничего не известно. Поэтому первые восточнославянские государства могли возникнуть только благодаря торговле. Остается только разобраться, какая именно торговля и какое участие в ней позволили восточным славянам создать государственность.

2. ПЕРВЫЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Международная торговля начала развиваться после появления уникальных товаров, первым из кото-

рых был металл, то есть как минимум в середине III тысячелетия до н. э. К середине I тысячелетия н. э. существовали достаточно большая номенклатура уникальных товаров, устойчивые торговые магистрали и влиятельное купеческое сословие, которое инициировало создание торговых городов-государств в качестве инфраструктурных узлов торговых магистралей.

В начале второй половины I тысячелетия н. э. в странах Балтики сформировался устойчивый рынок сбыта восточных и средиземноморских товаров. Однако к VIII веку транзит туда товаров через Западную Европу стал очень дорог — там возникла тьма феодальных владений, каждое из которых собирало с купцов пошлину за провоз товаров по своей территории.¹

Транзит через территорию Центральной Европы был чрезвычайно опасен из-за германских племен. Последние специализировались на наемничестве, а при отсутствии «работы» занимались грабежом. А потому провезти товары через территорию, достигаемую для германских племен, было практически невозможно. В итоге скандинавские купцы проложили торговые маршруты на Балтику по более спокойным и дешевым территориям — днепровский для средиземноморских товаров и волжский для восточных.

Обслуживание этих торговых магистралей и дало восточным славянам тот резкий прирост ресурсов, который позволил им создать первые государства. Славяне обеспечивали безопасность торговых путей, снабжение купцов припасами, рабочей силой на волоках. Так что не случайно купцов называли «гостями» — для обслуживающих торговую магистраль славян купцы были именно гостями.

В Средние Века в скандинавских странах гребцов называли языках словами с общим корнем «рос». В финской форме — «русь». По рекам товары перевозились гребными судами, на которых в качестве гребцов скандинавские купцы подражали местным жителям. Как следствие, возможно, купцы стали называть всех местных жителей гребцами — русами, а страну — Русью.

Со временем появились славянские купцы, которые стали самостоятельно осуществлять экспедиции в Византию и на Каспий. Не исключено, что скандинавские купцы освоили только днепровский маршрут, тогда как волжскую магистраль созда-

¹ После исчезновения западной части Римской империи в Западной Европе не осталось центра силы, способного устанавливать общие порядки для экономической деятельности. В результате началась вакханалия таможенного грабежа.

ли уже славянские купцы.

Теория социогенеза формулирует четыре основных представления, необходимых для понимания процесса общественного развития. В соответствии с первым, общественные отношения представляют собой форму взаимодействия, в котором элита выполняет активную, а народ — пассивную функцию. Элита — это наиболее энергичная часть общества, воздействием которой инициируются и поддерживаются общественные процессы. Здесь же можно отметить, что элита делится на две группы — по сферам, в которых она действует. В социальной сфере, которая обеспечивает достижение общих для всех граждан целей, действуют военная, хозяйственная (управленческая), правоохранительная и судебная элиты. В интеллектуальной сфере, в которой граждане достигают своих частных целей, действуют научная, культурная, экономическая и политическая элиты.

Торговые пути Восточной и Центральной Европы и Ближнего Востока в XI-XIII в.в.

Второе представление касается разделения обществ на естественные и искусственные. Естественные общества (семья, родовая община, племя и этнос) создаются эволюционным процессом. Искусственные общества (брак, территориальная община, государство, федерация, предприятие, рынок и т. д.) создаются людьми, которые материализуют в институтах и законах представления мировоззренческих учений — религий или идеологий.

Третье представление определяет власть как воздействующее начало искусственного общества. При этом если в естественном обществе воздействующим началом является вся элита, то в искусственном — только та часть элиты, которая попала в состав власти. Как следствие, качество искусственного общества зависит от того, какое мировоззренческое учение воплощено в институтах и праве, субъекты каких элит присутствуют в составе власти и какие в ней установлены отношения между субъектами.

Четвертое представление касается течения процесса развития искусственных обществ. Представляется, что исторический процесс цикличен и наблюдается в виде последовательного прохождения искусственными обществами четырех эпох — архаичной, патриархальной, индустриальной и информационной. В архаичную эпоху доминируют культовые религии. Поэтому в общественных институтах и праве воплощаются представления этих мировоззренческих учений. В патриархальную эпоху доминируют монотеистические религии, в индустриальную эпоху — материалистические идеологии. А в информационную эпоху на смену им придут мировоззренческие учения, соответствующие условиям постиндустриального общества.

В представлениях социогенеза исторический процесс индивидуален — каждое общество самостоятельно движется в русле эволюционного процесса и последовательно проходит мировоззренческие эпохи. Отсюда суть исторического процесса — развитие мировоззренческих учений и их воплощение в общественных институтах и праве.

В располагавшемся на магистральном торговом пути обществе экономическая элита обладала самыми большими ресурсами и лучше всего умела управлять работой торговой артерии. Купечество автоматически занимало в таком обществе доминирующее положение. И реально управляло им — процессом его создания, функционирования и развития.

Если отказаться от холопского взгляда на историю, легко обнаружить, что первые восточнославянские государства сформировались в IX веке в виде расположенных на торговых магистралях городов-государств — Новгорода, Пскова, Киева, Смоленска, Полоцка, Ростова, Мурома. А потому создательницей первых восточнославянских государств была не военная, как это считает российская историческая наука, а экономическая элита. То есть не «норманны» или племенные вожди, а купцы.

Именно у славянской экономической элиты имелись дополнительные ресурсы, достаточные для создания государств. И именно она была заинтересована в создании государства как общественной организации, в большей степени обеспечивающей им возможность эффективной деятельности. Тогда как в Западной Европе дополнительные ресурсы появились у военной элиты — в результате захватнических войн. Именно военная элита была заинтересована в создании государства как общественной структуры, обеспечивающей эффективное удержание в повиновении покоренных народов.

Восточнославянские государства продолжили греческую традицию — создавались в качестве в первую очередь экономической инфраструктуры. Тогда как первые западноевропейские государства продолжали римскую традицию — создавались в качестве в первую очередь силовой инфраструктуры. Это было естественным следствием того, что у восточных славян самыми большими ресурсами обладала экономическая элита, тогда как в Западной Европе — военная. Каждая создающая государство элита конструирует его в виде удобной именно для себя общественной структуры. Поэтому создаваемые славянским купечеством города-государства по своему устройству были сходными с греческими аналогами. Да и купечество, скорее всего, копировало в создаваемых им государствах устройство известных им греческих причерноморских городов-государств.

Как следствие, восточнославянские торговые города-государства имели республиканскую систему управления, высшим органом которой было городское вече. Развитие российской государственности пошло по демократическому пути еще и потому, что экономической элите такая форма правления была максимально удобной. Она ведь позволяла эффективно контролировать деятельность городских властей, не слишком отвлекаясь от своего основного занятия — торговли или ее обслуживания.

В средневековой Европе государства создавались военной элитой и потому имели удобную и понятную ей авторитарную систему управления. Поэтому в форме правления заключалось второе принципиальное отличие восточнославянского пути развития государственности от западноевропейского.

Торговые города и занимавшие территории между ними восточнославянские племена не образовывали единого общества — были территориальными соседями, поддерживавшими политические и экономические отношения. Города жили по своим, а племена по своим законам. Соответственно, на территории страны существовало два разных типа обществ — племенные и государственные.

Восточнославянские города отличались от древнегреческих одной существенной деталью. Последние достигли демократического уровня развития благодаря развитию науки, культуры и экономики. Соответственно, греческие демократии были результатом полноценного интеллектуального развития. В результате в составе элитного сообщества древнегреческих городов имелись не только военная, политическая и экономическая, но и научная и культурная элиты. И именно деятельность последних элит оставила самый яркий и масштабный след в истории человечества.

Восточнославянские города-государства создавались только экономической элитой и путем простого копирования устройства греческих аналогов. Поэтому в их элитном сообществе не было научной и культурной элит. Как следствие, наши торговые республики оставили гораздо менее заметный след в истории человечества — это просто некому было сделать. Точнее, след оставила только экономическая элита и только тем, что создала города.

3. НОВГОРОДСКО-КИЕВСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Царские историки постарались вытравить память о том, что в VIII—IX веках Древняя Русь была страной торговых городов-республик. В описаниях основоположников российской исторической науки восточнославянские города представляли собой некие торговые стойбища, подобные современным кемпингам. А горожане были местной прислугой для проезжих купцов.

Только Новгород историкам не удалось опустить до кемпингового уровня — эта республика существовала

почти девять веков и была очень активным субъектом европейской политики. В результате о ней сохранилось слишком много свидетельств. И это не случайно. Дело в том, что среди остальных славянских городов-государств Новгород занимал особое положение — был «северными воротами» обоих торговых путей. Он получал ресурсы от двух торговых магистралей и потому рос и развивался более высокими в сравнении с другими городами темпами. Как следствие, стал лидером городов и инициировал их объединение в федерацию.

Впрочем, сочиняя «заказную» историю про князей и царей, историки иногда проговаривались о том, что на самом деле имело место в нашей истории. В качестве иллюстрации можно привести цитату из В. Ключевского: «С VIII до XIII в. масса русского населения сосредоточивалась на среднем и верхнем Днепре с его притоками и с его историческим водным продолжением — линией Ловать—Волхов. Все это время Русь политически разбита на отдельные более или менее обособленные области, в каждой из которых политическим и хозяйственным центром является большой торговый город, первый устроитель и руководитель ее политического быта... Господствующий политический факт периода — политическое дробление земли под руководством городов. Господствующим фактом экономической жизни в этот период является внешняя торговля... Это Русь Днепровская, городская, торговая». Так что Ключевский прямо говорит — никакой исключительной роли в создании древнерусского государства и на протяжении первых веков его развития князья не сыграли.

Создание федерации было естественным очередным шагом общественного развития восточных славян. Толчком стало изменение ситуации на днепровской магистрали. В IX веке участились набеги на нее германских племен. Для усиления защиты магистрали города пошли традиционным для торговых государств путем — стали нанимать дружины тех же германцев. Новгород нанял дружину вождя германского племени пруссов Рюрика, Киев — дружину соплеменника Рюрика Аскольда.²

Так в городах появились дружины германцев, а их вожди стали реальными субъектами

² Возможно, что это были не германские, а скандинавские дружины. Ведь деловые отношения у городов были со скандинавскими купцами. И логично было пригласить лояльных купцам охранников. Тем более, что скандинавы были даже более воинственными в сравнении с германцами.

городской политической жизни.

Со временем охранники вошли в городские общества в качестве новых этнических элементов, а их вожди вошли в состав городских элит в качестве их военной компоненты. Поэтому «варягов» на Русь действительно пригласили — легенда в этой части полностью соответствует действительности. Но только не славянские племена, а торговые города. И купцы пригласили варягов отнюдь не для того, чтобы «править», а лишь в качестве наемной охраны.³

Не случайно Рюрика и его дружину новгородцы расквартировали в Старой Ладоге. И не только потому, что она прикрывала подступы к городу на самом опасном направлении — со стороны балтийского побережья. Новгородцы таким способом постарались также снизить до минимума влияние варягов на городские дела. В дальнейшем и других князей они всегда тоже селили за городом.

Практика найма городами варяжских дружин привела к увеличению нагрузки на городские бюджеты. Для ее компенсации города увеличивали цену за свои услуги. Соответственно, транзит товаров по днепровскому пути стал обходиться дороже, и купцам приходилось увеличивать цену за доставляемые в Новгород товары.

Однако товары с византийского рынка поступали в страны Балтики не только из Новгорода — они доставлялись и через страны Западной Европы. Соответственно, между западно-европейским и днепров-

³ В.Ключевский так же считал, что Рюрика пригласили в Новгород только для охраны торгового пути.

ским маршрутами имела место конкуренция, которая не позволяла тем же новгородцам слишком завышать цены.

При этом если Киев, находясь в начале торгового пути, мог по максимуму увеличивать цену за свои услуги по обеспечению безопасного транзита до границ смоленской территории, то возможности Смоленска увеличивать цену уже были ниже. У Полоцка — еще ниже. Так что у Пскова и Новгорода почти не оставалось возможностей повышать цену — их коллеги выбирали почти всю прибыль.

Договориться о цивилизованном дележе прибыли с остальными городами Новгороду не удавалось. В этой ситуации новгородцам ничего не оставалось, как силой добиваться восстановления добросовестности в вопросе дележа дохода от работы торгового пути. Эту задачу они поручили Рюрику, снабдив его необходимыми материальными ресурсами и усилив его городской дружиной.

Быстро восстановить добросовестность не удалось — тот же Киев объединенная дружина новгородцев и варягов смогла захватить и принудить к более добросовестному участию в работе торгового пути уже после смерти Рюрика. Это в 882 году удалось сделать сменившему Рюрика в качестве вождя дружины его родственнику Олегу. Затем он захватил Смоленск и силой принудил его соблюдать приемлемые для Новгорода правила торговли.

Соглашение между городами о цивилизованном использовании торговых путей на самом деле стало федеративным договором, превратившим страну городов в федеративную державу.⁴

Так что легенда о призвании Рюрика на Русь верна и в части имевшего место конфликта между города-

⁴ В книге излагается версия создания древнерусского государства близкая к традиционной. Однако у М. Кругова имеется и альтернативная версия этого процесса. При этом пока нельзя однозначно сказать, какая из версий наиболее объективная. По второй версии в IX веке имела место экспансия германских или, скорее всего, норманских дружин на прилегающие к Днепровскому торговому пути территории с целью их колонизации. Так что Рюрик и Аскольд были типичными колонизаторами. Естественно, что в этом деле они вступили в конфликт со славянскими торговыми городами. Конфликт Рюрика с Новгородом закончился соглашением о сотрудничестве, по которому варяги взяли на себя охрану Днепровского пути за часть доходов от торговой деятельности и право колонизировать жившие на окрестных землях славянские племена. К этому соглашению присоединились и другие торговые города. Аскольд со своей дружиной оказался вне соглашения и был при поддержке Новгорода изгнан Рюриком с территории Днепровского пути.

ми, а также участия варягов в его разрешении. Легенда ошибается в том, кто именно привлек варягов для разрешения экономического конфликта — не «славянские племена», а Новгород. И не для «наведения порядка», а для установления добросовестных отношений между торговыми городами в деле совместной эксплуатации торгового пути.

Навязанные соглашения действуют до тех пор, пока есть сила, способная заставить принужденную сторону выполнять их условия. Такой силой и стали Рюриковичи, опиравшиеся не только на собственную дружину, но и на военно-экономическую мощь Новгорода. В результате семейство Рюриковичей стало самой мощной после Новгорода политической силой на окружающем днепровский торговый путь пространстве, что позволило им выполнять роль гаранта соглашения между торговыми городами. И получать за выполнение этих функций долю прибыли городов от торговой деятельности. Сначала от использования днепровского, а затем и волжского пути.

Аналогичную федерацию в XIV веке создали расположенные на балтийском побережье немецкие торговые города-республики. Нелишне отметить, что вначале немцы перекопировали заимствованную нами у греков модель торгового города-республики. А потом скопировали и нашу собственную модель торговой федерации. Немецкая копия носила название Ганза и просуществовала до конца XVII века.

4. УСТРОЙСТВО ДРЕВНЕРУССКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Созданная Новгородом с помощью Рюриковичей федерация была полноценным общественным образованием — входившие в ее состав города сохранили свой статус самостоятельных государств, а властное поле было разделено на сферу ведения федеральной и региональных властей. Семейству Рюриковичей были отданы функции федеральной власти, а Новгород получил статус лидера и, соответственно, представителя субъектов федерации в отношениях с федеральной властью. Так что не случайно Новгород стал называться «Господином Великим Новгородом». В иерархических представлениях того времени Новгород и Рюриковичи были равноправными партнерами — первый отвечал за экономическую деятельность федерации, вторые — за безопасность и поддержание правопорядка. Именно поэтому Новгород дольше других городов сохранял свою государственную самостоятельность — только

Иван III покончил с новгородской республикой.

Остальные города оставались полноценными государственными образованиями как минимум до XIII века. В хрониках часто встречаются истории о том, что такой-то город изгнал своего князя. Или пригласил к себе другого князя. В хрониках описаны случаи, когда города посылали свои дружины в помощь тому или иному князю. Иметь войска и участвовать в княжеских разборках в качестве союзников или противников города могут только в том случае, если они являются полноценными государствами. Соответственно, имеют легитимную и постоянно действующую городскую власть, обладающую собственными военными и материальными ресурсами. Поэтому хроники как раз и сообщают о том, что минимум три века Киевская Русь была полноценным федеративным образованием.

В этом смысле весьма характерна история отношений между Новгородом и Ярославом Мудрым в конце первой трети XI века. Противники князя дважды изгнали его из Киева, и оба раза Ярослав бежал к своему союзнику — в Новгород. При этом оба раза князь был так перепуган, что намеревался продолжать бег дальше — уплыть в Швецию. И оба раза новгородцы поворачивали князя обратно, давали ему новое войско и вновь отправляли в Киев. В итоге князь все-таки смог разгромить своих противников и получить «киевский стол». Так что в Киевской Руси города были все-таки «главнее» князей. Как бы царские и советские историки не пытались утверждать противоположное.

Столицей федерации стал Киев. Инициатором создания федерации и главным двигателем этого проекта был Новгород, и потому логично было бы в нем разместить столицу объединенной Руси. Если бы в Новгороде верховодила политическая элита, так бы и случилось. Но во власти Новгорода доминировала прагматичная экономическая элита, для которой важнее было надежное функционирование торговых путей. Сам Новгород вполне справлялся с контролем северных ворот обоих торговых путей. Тогда как расположенные на краю федерации их южные ворота нуждались в организации полноценного надзора. Именно для решения этой задачи Рюриковичи и были отправлены в Киев, из которого удобно было следить за южными воротами не только днепровского, но также средним и нижним течением волжского.

Кроме того, Киев был самым сильным и опасным соперником Новгорода в борьбе между городами за ли-

дерство в федерации. Так что Рюриковичи должны были приглядывать за деятельностью киевских городских властей. Опять же, экономической элите было спокойнее держать военную элиту на окраине федерации — история пребывания Рюрика в Новгороде наглядно свидетельствует, что военные слишком активно ввязываются в городские споры, превращая их в серьезные конфликты. Так что Рюриковичей в Киев фактически сослали. В результате окраинный Киев стал федеральной столицей Новгородско-Киевской Руси.

После формирования федерации главной проблемой обеих торговых магистралей стали внешние отношения. В первую очередь со степняками — контролировавшими нижнее течение Днепра печенегами (позднее с половцами) и контролировавшими среднее течение Волги булгарами и бургасами. Естественно, что из Киева, расположенного на краю Степи, было проще и удобнее разбираться с беспокойными соседями — как договариваться, так и воевать.⁵

Из Киева было удобнее поддерживать отношения с тремя соседними региональными державами — Византией, Хазарией и Польшей. Но неудобно было поддерживать дипломатические отношения с прибалтийскими соседями федерации. Поэтому внешнеполитическое пространство было поделено между Киевом и Новгородом. С северными соседями дипломатические отношения поддерживал Новгород, с южными — Рюриковичи.

Де-факто федерация существовала с начала X века. Де-юре она была оформлена к середине XI века — при княжении Ярослава Мудрого. Соглашение о федерации заключили, с одной стороны, Новгород, Киев, Чернигов и Ростов, с другой стороны, семейство Рюриковичей. Соглашение определяло права городов как субъектов федерации, и княжеского семейства как наследственной федеральной власти. Оговаривались условия, на которых представители семейства княжили в городах, и их обязательства по отношению к городам.

По сути, княживший в Киеве великий князь был

⁵ Очень большие сомнения вызывает представление о том, что Киев был одним из самых крупных торговых городов Древней Руси. И тем более «матерью городов русских». По крайней мере, этому нет археологических свидетельств. Например, на территории города не было найдено характерных для торговых городов древних кладов. Скорее всего, Киев был основан Рюриковичами в качестве своей опорной базы — военной крепости. Так что не случайно после разорения монголами и переноса великокняжеской ставки во Владимир Киев быстро деградировал до провинциального «местечка».

чем-то вроде президента древнерусской державы. Тогда как правившие в остальных городах князья выступали в качестве назначаемых великим князем «губернаторов». При этом заключенное соглашение устанавливало относительную наследственность федеральной власти. В частности, на «губернаторском уровне» принцип престолонаследия соблюдался только в отношении всего семейства Рюриковичей — удельными князьями могли быть только его представители. Но по наследству удел не передавался — после смерти удельного князя его приемник назначался Киевом.

Соглашение также закрепляло «лестничный» порядок доступа князей к верховной власти — после смерти великого князя власть переходила не к его сыну, а к следующему по возрасту брату. И только после смерти последнего из братьев «киевский стол» переходил к сыну старшего из братьев.

Эта особенность перехода «киевского стола» дополнительно свидетельствует в пользу федеративного устройства древнерусской державы — она защищала интересы именно субъектов федерации. Такой порядок исключал возможность появления «малолетних правителей», которых достаточно много в истории наследственных монархий. И при «царствовании» которых страной управляет не монарх, а его окружение.

Субъектам древнерусской федерации вероятность таких ситуаций была ни к чему — им требовался уравновешенный, взрослый князь, способный выполнять функцию главы федеральной власти. И установленный порядок наследования ситуацию появления «малолетних государей» полностью исключал.

Новгородско-Киевская Русь была федерацией только для входящих в ее состав городов. И была в чистом виде империей для подвластных ей восточнославянских племен. Если быть более точным, в составе федерации возникли два чисто имперских образования — рюриковское и новгородское. Дело в том, что, создав федерацию, главные партнеры занялись процессом дальнейшего усиления своих позиций.

Рюриковичи постепенно покорили и принудили платить дань все расположенные между Днестром и Волгой племена. В результате пространство между городами федерации превратилось в семейную империю Рюриковичей. А федерация стала похожа на шкуру леопарда — на ее территории субъекты федерации выглядели отдельными «пятнами». Тогда как пространство между ними стало империей Рюриковичей.

Наряду с торговыми городами, являвшимися субъектами федерации и сохранявшими независимое от князей самоуправление, на Руси появились и города, основанные Рюриковичами в качестве опорных пунктов на покоренных территориях. В этих городах, разумеется, не было никакого самоуправления. Вначале это были просто крепости. Потом они начали разрастаться — в них стали селиться сначала ремесленники, а затем и купцы. Однако они и дальше оставались под княжеским правлением. Такими городами были Владимир, Москва, Ярославль и др.

В остальной Европе, по крайней мере в ее центральной и западной частях, города, наоборот, основывались феодалами. Точнее, возникали вокруг феодальных замков. И только позднее некоторым из них удавалось в кровопролитной борьбе добиться самоуправления — получить статус «вольного города». Так что в средневековой Европе городское самоуправление имело сначала на Руси. И вполне можно предполагать, что именно пример древнерусских торговых городов подвиг европейские города на борьбу за независимость. Поэтому вряд ли случайно первыми начали борьбу за самоуправление и добились успеха североевропейские торговые города. Тамашнее купечество имело тесные торговые связи с Русью и потому хорошо знало, что феодальной власти есть комфортная для него альтернатива — самоуправление. Так греческий опыт городского самоуправления через Русь пришел в северную и центральную Европу.

По сути, империя Рюриковичей была результатом отхожего промысла княжеского семейства. Хотя князья покоряли восточнославянские племена в первую очередь для наведения порядка на территории федерации, то есть действовали в ее интересах. Но при этом обкладывали славян данью уже в своих собственных интересах. Это, правда, не противоречило интересам федерации — дань служила вторым после доли дохода от торговых путей источником финансирования деятельности федеральной власти. Можно предполагать, что экономическая элита федерации таким способом решила проблему финансирования федеральной власти — разрешила Рюриковичам заниматься делом, которое самих купцов мало интересовало.

Империя Рюриковичей не была полным аналогом Римской. И главное различие между ними заключалось в том, что если в Римской империи метрополией был Рим, то в Киевской империи метрополией было семейство Рюриковичей. Соответственно, в составе

империи удельные князья были наместниками семьи в отношениях с покоренными племенами.

Новгород действовал точно так же, как Рюриковичи — тоже покорял расположенные на востоке и северо-востоке от него племена. Как следствие, тоже превратился в имперское образование. По сути, оба партнера вели схожую территориальную экспансию, которая усиливала каждого из них. В результате к моменту развала федерации подвластная Новгороду территория по размерам не уступала империи Рюриковичей. При этом сама новгородская империя была как раз полным аналогом Римской до установления в ней правления цезарей — Новгород был полноценной метрополией.

Этот пример лишний раз свидетельствует о существовании между Новгородом и Рюриковичами особых союзнических отношений. Почему им и позволялось создавать на территории федерации свои собственные империи. Российские и советские историки описывают только рюриковскую империю. Тогда как торговые города-республики и их федерацию не видят в упор. И почти не замечают историю новгородской империи. В результате описание трех первых веков нашей страны больше похоже на сборник народных сказок.

5. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЮРИКОВИЧЕЙ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ ПОПРИЩЕ

Стоит отметить, что, выбрав на роль федеральной власти Рюриковичей, новгородцы не прогадали. Семейство серьезно занималось выполнением возложенных на него обязанностей. Наладив устойчивые дипломатические отношения с соседями и урегулировав спорные вопросы с партнерами, контролировавшими степные участки пути, Рюриковичи занялись решением главной внешнеэкономической проблемы федерации — ликвидации торговой монополии Хазарского каганата.

Каганат полностью контролировал южные ворота волжской торговой магистрали. Даже столица каганата город Итиль располагался на краю страны — в дельте Волги. Каганат просто не пускал русских купцов на Каспий — заставлял покупать товары в Итиле. Естественно, что хазарские купцы устанавливали такие цены на шелк, пряности и другие восточные товары, что русским купцам от торговли ими доставались крохи прибыли. Как следствие, города волжского торгового пути были заметно беднее расположенных на днепровской магистрали городов. Соответственно, были менее

влиятельны и заметны на федеральном поприще. А потому только установление контроля над южными воротами волжского пути могло решить для федерации проблему эффективности восточной торговли.

Рюриковичи не сразу приступили к ее решению — каганат был богатой и потому мощной державой, не экономившей на оплате армии. Только в 939 году князь Игорь собрал достаточно сил для начала войны с Хазарией. В первом походе княжеская дружина захватила расположенный на берегу Керченского пролива хазарский город Самарец.

В этом походе Киев ставил цель заблокировать центрально-европейское ответвление волжского торгового пути. Хазарские купцы часть восточных товаров сами доставляли по Дону, Азовскому и Черному морю в Дунай и далее в Центральную Европу. В результате наши купцы не имели возможности оказывать давление на каганат в ценовых вопросах: если новгородцы отказались бы брать товары по предложенным ценам, хазары отправляли бы их по донско-дунайской магистрали через Центральную Европу на Балтику.

Установив контроль над выходом этого пути в Черное море, русские купцы рассчитывали, как минимум, получить возможность заставить хазар снизить цены на волжском пути. Но в 940 году каганат предпринял мощную контратаку, в результате которой хазарские войска не только освободили Самарец, но и дошли до Киева. Рюриковичам пришлось признать свое поражение и даже согласиться выплачивать каганату дань.

Следующую попытку отвоевать южные ворота волжского пути предпринял в 964 году князь Святослав. Он решил покончить с хазарской проблемой радикальным способом — уничтожить каганат. Собственных сил для этого у Киева было недостаточно, поэтому Святослав заключил военный союз с контролировавшими среднее течение волжского пути булгарами и буртасами, которые тоже были не прочь увеличить доходы от транзита товаров по своей территории. Объединившись с силами булгар и буртасов, Святослав спустился вниз по течению Волги напрямиком к Итилю.

Хазары не смогли противостоять объединенным силам союзников. Сначала Святослав захватил Итиль, а затем и два других ключевых города Хазарии — Семендер и Саркел. В результате под властью каганата остались только Кубань и часть Крымского полуострова. Но доходов от волжской торговли хазары полностью лишились. Поэтому еще какое-то время каганат существовал в качестве государства кочевников.

Чтобы никто из союзников не последовал примеру хазар и не установил в будущем контроль над выходом в Каспийское море, между ними была достигнута договоренность, по которой запрещалось возведение укрепленных городов в нижнем течении Волги. У таких городов очень быстро развиваются амбиции, и они начинают диктовать условия транзита товаров остальным звеньям цепи. Так что открытые ворота — лучший способ избежать этих проблем. В соответствии с этой договоренностью Итиль был полностью разрушен, и в дальнейшем выход в Каспийское море оставался свободным. А его защиту обеспечивали договора со степными племенами.

Свидетельством того, что интересы степняков были прочно связаны с торговыми путями, служат примеры их действий в качестве союзников. Так половцы, которые кочевали по приволжским и кубанским степям, всегда выступали в качестве союзников ростово-суздальских князей. Тогда как степняки, которые кочевали в нижнем течении Днепра, всегда действовали в союзе с киевскими и волынскими князьями. И причина проста — половцев и ростово-суздальских князей объединяло их совместное предприятие — волжский торговый путь. А киевских и волынских князей с приднепровскими кочевниками аналогично объединял путь «из варяг в греки». С киевскими — днепровское русло пути, а с волынскими — днестровское.

Но русские купцы получением свободного выхода в Каспий не ограничились. По их инициативе Киев поставил под свой контроль выход в Черное море донского ответвления волжской магистрали. Этот контроль осуществлял самый южный город Руси — расположенный на таманском полуострове город Тмутаракань. Рюриковичи посылали в него своего представителя на княжение и держали там достаточно сильную дружину.

В результате разгрома Хазарского каганата федерация не только открыла себе путь в Персию, но и получила контроль еще над одной торговой магистралью — из Каспия в страны Центральной Европы. Как следствие, доходы федерации возросли настолько, что она сделалась самой богатой страной Европы. А дочери киевского князя стали самыми завидными невестами христианского мира.

В каганате деятельность по обслуживанию торговых магистралей была отдана на откуп еврейской общине. Так что «хазарские купцы» были евреями. Со временем еврейское купечество взяло на себя и охрану

пути — само нанимало и оплачивало необходимое для этого войско. Вследствие этого еврейская община пользовалась чрезвычайно большим влиянием во власти каганата. Неслучайно хазарская знать приняла иудаизм в качестве государственной религии каганата.

Евреи пришли в каганат из Персии. Туда перебралась часть изгнанных в I веке римлянами иудеев. В Персии они включились в деятельность среднеазиатских торговых магистралей. После возникновения волжского торгового пути часть персидской еврейской общины договорилась с хазарами, которые контролировали нижнее течение Волги, о «совместной деятельности» — получила подряд на обслуживание хазарской части торговой магистрали. Для выполнения своих обязательств евреям пришлось перебраться на Волгу. Итиль, кстати, построили именно они — в качестве опорного пункта, позволившего установить жесткий контроль над южными воротами волжского пути.

После разгрома каганата еврейская община перебралась на черноморское побережье Кубани и в Крым. Так как донскую артерию еврейские купцы всегда обслуживали сами, они продолжили работать на ней и дальше — поставлять восточные товары в Центральную Европу. Хотя теперь пришлось покупать их у русских купцов в Тмутаракани. Эта торговля, разумеется, не давала еврейским купцам прежних прибылей. Однако ее масштабы позволяли получать устойчивый и достаточно высокий доход. Тем более что еврейским купцам больше не требовалось содержать инфраструктуру каганата и армию для обеспечения контроля над каспийскими воротами волжского пути.

Для повышения прибыльности торговли еврейские купцы начали продвигать коммерческую инфраструктуру вглубь Центральной Европы — налаживать прямые поставки восточных товаров на местные рынки. Для этого они стали расселяться сначала по Дунаю, а затем и по другим водным магистралям Центральной Европы. Со временем вся еврейская община каганата перебралась из Крыма и Кубани в новую «землю обетованную» — верхнее течение Рейна. Эта община стала родоначальницей европейского еврейского субэтнуса — ашкеназов. Тогда как оставшиеся в Римской империи евреи со временем сформировали афроазиатский еврейский субэтнос — сефардов.

К XVII веку торговый путь из Каспия в Центральную Европу перестал функционировать — западноевропейские купцы наладили поставку восточных товаров морем вокруг Африки. В результате

еврейская община лишилась основного источника дохода. В этой ситуации евреям пришлось кардинально менять свою жизнь. Богатые евреи перекалифицировались в банкиров, тогда как подавляющей части общины пришлось осваивать профессии ремесленников, лавочников, трактирщиков и управляющих поместьями.

Этот поворот судьбы запустил мировоззренческий поиск, результатом которого стало формирование нового течения иудаизма — хасидизма. К началу XIX века это течение как раз и создало субэтнос ашкеназов. И позволило евреям при расселении по Европе и Северной Америке сохраниться в качестве самостоятельного субэтноса.⁶

Победа над Хазарией вскружила Святославу голову. Он возомнил себя настолько великим полководцем, что, ни много ни мало, решил покорить Византию. Случай для этого вскоре представился. На Византию военные достижения Святослава произвели большое впечатление, и она предложила князю выступить против Болгарии — вернуть ее в состав империи. Так Святослав получил «зеленую улицу» для исполнения своего честолюбивого замысла — возможность вторгнуться в пределы империи по ее же собственной просьбе. Соответственно, создать себе на территории противника плацдарм для дальнейшей борьбы.

Вначале Святославу сопутствовал успех. Он быстро разгромил болгарского царя Петра и соблазнил побежденных болгар перспективой участия в захвате Византии. К тому же на Святослава сделала ставку одна из оппозиционных византийских партий. В итоге князь получил двух союзников, опираясь на которых перешел к военным действиям против Константинополя. Византия оказалась князю не по зубам — войска империи достаточно быстро разгромили Святослава.

⁶ К месту можно упомянуть, что следующий этап мировоззренческого поиска ашкеназов начался во второй половине XIX века и завершился появлением и распространением среди них сионизма — прагматичной версии иудаизма. Точнее, в большей степени соответствующей реалиям индустриальной эпохи в сравнении с традиционным иудаизмом и хасидизмом. Но при этом и гораздо более экстремистской. В итоге весь XX век сионизм не только объединял ашкеназов, но и обеспечивал субэтносу активный статус в составе человечества. Как следствие, был источником всех проблем субэтноса. Все-таки XX век — это век в первую очередь идейной вражды. И мировоззренческая особость в сочетании с активным статусом в процессе развития человечества автоматически создавали ашкеназам смертельных мировоззренческих врагов.

Но при этом ему была дарована жизнь и предоставлена возможность с остатками дружины вернуться в Киев. Империя поступила вполне прагматично — считала, что больше Святослав в Византию не сунется, а хороший военачальник ей еще может пригодиться.

Купцы рассуждали иначе. Новгороду и остальным городам федерации поход Святослава на Болгарию был совершенно не нужен. Тем более им не нужна была война против Византии — экономическая элита более трезво оценивала мощь Константинополя, а потому опасалась, что война лишь расстроит торговлю по основной магистрали. Соответственно, купечество рассматривало затею князя как прямую угрозу своим коммерческим интересам и ничего, кроме убытков, от его молодчества не ожидало.

Зная характер Святослава, экономическая элита прекрасно понимала, что в Киев он вернется только для передышки. После чего опять ввяжется в какую-нибудь военную авантюру. Так как купцам от федеральной власти требовалось, чтобы она защищала торговые пути, нужно было жестоко наказать увлекшегося добыванием бранной славы князя.

Экономическая элита решила сделать это чужими руками — предложила союзным печенегам устроить на днепровских порогах засаду и уничтожить возвращавшиеся из Византии остатки войска. Замысел удался — печенеги вырезали всю княжескую дружину, а их хан велел сделать для себя кубок из черепа Святослава. Урок был хорошо усвоен Рюриковичами — больше ни один русский князь в дальние походы не отправлялся.

Представление о том, что напасть на Святослава печенегов «подбил» Киев, достаточно убедительно обосновал Л. Гумилев. Другое дело — кому именно и зачем это понадобилось в Киеве. И мысль, что это сделала именно экономическая элита с целью проучить Рюриковичей и отбить у них охоту к сумасбродным и опасным для судьбы федерации дальним походам, выглядит вполне достоверной.

Тогда как версия, по которой печенеги напали на Святослава «по случаю», выглядит убого. У Святослава не было с собой никакой добычи, которой бы прельстились печенеги. А идея, что они просто так, из собственной кровожадности убили попавшегося им под руку Святослава, вообще не выдерживает никакой критики. Он же не был их заклятым врагом. И при этом был руководителем соседней и во много раз более мощной державы. Которая, напомним, сов-

сем недавно сокрушила Хазарский каганат — несопоставимо более сильное в сравнении с печенежским обществом.

Так что неспровоцированное убийство Святослава должно было вызвать карательную экспедицию, противостоять которой у печенегов не было достаточных сил. И получается, что кроме бед и несчастий никакой пользы от убийства Святослава для печенегов не предвиделось. Да это был и не последний урок, преподанный доминировавшей во власти элитой представителям правящей династии. В новое время российская аристократия дважды повторила его второй династии — за сумасбродство на троне жестоко поплатились Петр III и Павел I.

6. НАЧАЛО ПАТРИАРХАЛЬНОЙ ЭПОХИ РУСИ

Архаичная эпоха началась примерно 7—10 тысяч лет назад и на ее протяжении наблюдаются земледельческие, скотоводческие, военные, торговые модели общества. И самые разные их комбинации. Тем не менее, в архаичную эпоху чаще всего существовали государственные образования именно городского типа. Причем обычно профессионально ориентированные — торговые или военные. Тогда как государства, которые бы объединяли целые этносы, встречаются достаточно редко.

Исходная причина такого явления — децентрализованный характер архаичных религий. У разных племен и разных элит одного этноса существовали разные представления о том, какой бог «главнее». И эти идейные разногласия служили серьезным препятствием для создания общего для нескольких племен государства. Или объединения в виде одного государства жителей торгового города и окрестного сельского населения.

Важными были и другие причины доминирования в архаичную эпоху не этнических, а профессиональных государств. Так, для экономической элиты, торговцев и ремесленников, требовалась специфическая общая инфраструктура существования и деятельности. В виде которой, по сути, города-государства и создавались. Тогда как для населения, занимающегося сельским трудом и лесными промыслами, требовалась другая инфраструктура.

Для тех же торговых городов-государств гораздо большую роль играл транзит чужих товаров. А отнюдь не получение от окружающей территории сырья

с целью переработки его в собственные товары и последующей торговли ими. Соответственно, от окрестных племен города получали лишь продукты питания и рабочую силу. И при таких экономических отношениях не было особой нужды включать окружающие племена в состав городского общества.

Так что неслучайно в архаичную эпоху этнические государства возникали только в двух случаях. Во-первых, когда города специализировались на переработке имеющихся на окружающей территории экономических ресурсов. Именно это требовало объединения в одно государство не только городского, но и сельского населения, как это было в том же Китае, где сельское население занималось разведением шелкопряда и производством шелкового сырья, а городское население — производством шелка и торговлей им.

Во-вторых, этническое государство возникало в случае специализации городов на защите окружающей территории. То есть города были в первую очередь военной инфраструктурой. При этом сельское население создавало достаточное для содержания города количество ресурсов. Такого типа этнические государства возникали в зонах орошаемого земледелия — оно обеспечивало нужное количество ресурсов.

Для транзитной торговли средиземноморскими и восточными товарами, на чем в первую очередь специализировались восточнославянские города-государства, объединять в рамках общего государства городское население и окрестные славянские племена никакой нужды не было. Не требовалось этого и для получения поставляемых на внешний рынок местных товаров — меха, воска, меда, дегтя и т. п.

Таким образом, для создания этнических славянских государств отсутствовали самые важные условия — идеологические, социальные и экономические. Мало того, города привлекали из окрестных племен их энергичных представителей и тем тормозили процесс их перехода на государственный уровень развития. Это явление хорошо известно и сегодня — большие города высасывают из окружающего их пространства наиболее энергичную часть населения и тем замедляют процесс развития прилегающих территорий. Так что процесс создания этнического восточнославянского государства, включающего в свой состав все население страны, смог с заметной скоростью пойти только в XIV веке.

Восточнославянские торговые республики и их федерация представляли собой государственные образования архаичной ступени развития нашей стра-

ны. В то же время страны Западной и Южной Европы уже перешли на патриархальный уровень развития — там доминировало христианское учение. При этом патриархальные религии инициировали создание как раз этнических государств.

Архаические учения основывались на «профессиональной» модели мироздания — боги и духи отвечали каждый за свою сферу деятельности. Эти религии воплощались в профессионально ориентированных государствах, для которых этнический фактор не имел особой важности. Другое дело патриархальные религии. Они предлагали как раз полностью централизованную модель мира — один бог выполнял функцию центра, общего для всех профессиональных сфер деятельности этноса. Поэтому патриархальные религии создавали этнические государства — объединяли все профессиональные составляющие этноса. Возникло полностью централизованное этническое государство.

Переход нашего общества на патриархальный уровень развития инициировали принятием православия Рюриковичи. Их собственная империя представляла собой уже близкое к патриархальным стандартам общество, и для завершения процесса его создания оставалось только сменить мировоззренческую основу — языческую на монотеистическую.

Имелась и вполне насущная причина организации «крещения Руси». В составе верховной власти князя, пусть и в статусе федеральной власти, оставались младшими партнерами экономической элиты. Причем по простой причине — большая часть дохода от функционирования торговых магистралей доставалась купцам. Тогда как князья получали небольшую часть прибыли.

Свои ресурсы князья увеличивали за счет сбора дани с окружавших торговые города и не входивших в состав федерации славянских племен. Однако этот источник дохода был невелик и не позволял князьям кардинально увеличить ресурсный потенциал. Так что в ресурсном отношении Рюриковичи оставались слабее экономической элиты. А потому им не удавалось подмять под себя региональную власть, которая полностью контролировалась купечеством.

В этой ситуации Рюриковичи решили всем семейством перейти в христианство, что позволило бы им сразу обрести в лице христианских общин и церкви дополнительную опору в обществе. Принципиальным было и то обстоятельство, что патриархальные религии постулировали в качестве истинной централизованную модель власти, на вершине которой находилась аристо-

кратическая элита. Тогда как экономическая к власти вообще не допускалась. А потому христианство узаконило претензии Рюриковичей на верховенство в составе власти древнерусского общества.

В архаичном и патриархальном сознании власть легитимна только в том случае, если она «от бога». То есть легитимность власти должна подтверждаться религиозным институтом общества. Поэтому когда Рюриковичи укрепились в княжеском статусе, им потребовалось договориться хотя бы с одним из двух имевшихся на Руси религиозных институтов, языческим или православным, о законности своей власти. Соответственно, волхвы или священники должны были забыть, в каком качестве Рюрик появился на Руси, и объявить божественную природу власти его потомков.

В конце X века христианские общины в восточнославянских городах были уже весьма многочисленны и представляли собой серьезную политическую силу. Идеологический конфликт между язычниками и христианами перерастал в смуту — стычки случались все чаще, а их характер становился все ожесточеннее. Сложившуюся ситуацию Рюриковичи посчитали удобной, чтобы перейти в христианство. Волхвы отказались обожествлять княжескую власть, за что многие из них были убиты. А священники не только согласились решить Рюриковичам проблему законности их власти, но и придумали легенду, по которой Рюрика призвали править Русью как прирожденного князя.

Князя обосновывали перед купцами разумность своего шага тем, что иначе они не смогут поставить под надежный контроль христианские общины городов. Соответственно, не смогут обуздать смуту. А потому предлагалось, чтобы купечество, большая часть которого была языческой, контролировало языческие общины, а князя — христианские. Экономической элите пришлось согласиться с идейным разводом власти. Так федеральная власть в лице Рюриковичей стала христианской, тогда как региональная в лице экономической элиты осталась языческой.

Официально переход в новую веру состоялся в 988 году — великий князь Владимир Святой объявил христианство православного обряда официальной религией федерации. Нужно сказать, что сам Владимир был душегубом, насильником, предателем, каких еще поискать. Так что если бы он не ввел христианство, то остался бы в истории с прозвищем «Владимир Окаян-

ный».

Полностью фольклорной представляется легенда о том, что князь наряду с православием рассматривал возможность принятия католицизма, ислама и иудаизма. Причем по самой простой причине — не было в древнеславянских городах католических, иудаистских или мусульманских общин. Соответственно, не было субъектов, в пользу которых князь мог сделать иной выбор. Существовали и постоянно усиливались только православные общины. Такой же легендой является история о поголовном крещении киевлян. На самом деле крестилась только федеральная власть — князя, их дружины и дворян. А окончательно язычество было вытеснено из городов гораздо позднее.

Однако переход Рюриковичей в христианство не привел к существенному перевесу сил в их пользу. Дело в том, что русская церковь находилась под сильным влиянием Византии, которой функционирование торгового пути «из варяг в греки» было чрезвычайно важно — обеспечивало существенную долю ее доходов. Купцы для Константинополя были более надежными партнерами в сравнении с князьями, поэтому Византия ориентировала церковь на союз с экономической элитой. И находившаяся в прямом подчинении византийской патриархии русская церковь должна была соблюдать интересы своего сюзерена.

По сути, союзником князей стало только «черное» духовенство — монастырское, которое получало от князей земли и защиту. Тогда как «белое», или храмовое духовенство поддерживало купцов. И не только потому, что это была политика Византии. В городах власть принадлежала экономической элите, а князья были временщиками. Поэтому союз с экономической элитой для храмового духовенства представлялся более надежным.

Так что реальным результатом официального принятия христианства стал раскол русской православной церкви на храмовую и монастырскую. Хотя соотношение сил между аристократической и экономической элитами и изменилось, тем не менее, князья не получили серьезного преимущества. Соответственно, не смогли подчинить себе региональную власть — еще два века оставались только федеральной властью. При этом и церковь не стала самостоятельной политической силой — для этого ей тоже потребовалось больше двух веков.

В массе своей языческая экономическая элита еще

долго доминировала во власти и полностью контролировала ее региональный уровень. А потому принятие христианства только запустило процесс перехода нашего общества на патриархальный уровень развития. Этот процесс завершился гораздо позднее — окончательно это произошло только в XVI веке. Причем православная церковь сыграла в нем главную роль. Но не участием во властных разборках, а распространением христианства, результатом которого стало формирование русской нации — субъекта развития на протяжении патриархальной эпохи нашей страны.

7. ТУРЕЦКАЯ ДИВЕРСИЯ

Процесс распада Новгородско-Киевской федерации, в результате которого ускорился переход древнерусского общества на патриархальный уровень развития, был спровоцирован турками-сельджуками. Последние со второй половины XI века, как могли, старались разладить черноморскую торговлю. Дело в том, что их главный противник, Византия, имела наемную армию, для содержания которой торговые доходы играли важную роль. А потому уменьшение оборота торгового пути «из варяг в греки» автоматически снижало византийскую военную мощь.

Турецкие помехи деятельности днепровского торгового пути в первую очередь ударили по экономической элите — ее доходы существенно сократились. Как следствие, ее положение во власти в расположенных на днепровской магистрали городах резко ослабло. Чем и воспользовались юго-западные Рюриковичи — отстранили купечество от власти в своих городах и тем запустили процесс разрушения федерации.

Следующий шаг был сделан Рюриковичами в 1097 году — в г. Любече семейство провело съезд, на котором приняло решение начать «приватизацию» федерации путем распространения права престолонаследования на удельные столы, то есть отказалось от навязанной экономической элитой модели власти, в которой князья назначались на удельные столы в качестве «губернаторов».

В начале XII века туркам удалось полностью заблокировать функционирование днепровского торгового пути. Это, с одной стороны, позволило юго-западным Рюриковичам окончательно закрепиться на вершине власти своих княжеств, с другой стороны, перевело на принципиально иной уровень и феодальную междоусобицу. Дело в том, что Новгород посылал в Киев княжескую долю прибыли от деятельности обоих

торговых путей. И когда днепровский путь перестал функционировать, продолжал посылать в Киев долю дохода только от волжского пути.

Однако порядок на волжском пути и его защиту фактически обеспечивали северо-восточные Рюриковичи. И так как княжества перестали быть губерниями, а князья стали наследными правителями, то ростово-суздальских Рюриковичей перестало устраивать положение, при котором на торговом пути работают они, а прибыль получают их киевские родственники. Как следствие, ростово-суздальские Рюриковичи взбунтовались — потребовали от Новгорода посылать долю прибыли от волжского пути им. В противном случае угрожали последовать примеру турок и заблокировать торговую магистраль. Новгороду ввязываться в семейные разборки Рюриковичей никакого резона не было, поэтому он предложил Киеву самому разбираться с родственниками. И с 1135 года начал передавать федеральную долю прибыли от деятельности волжского пути ростово-суздальским князьям.

В результате произошло то, что должно было произойти — юго-западные Рюриковичи сцепились с северо-восточными в многолетней войне за «персидское наследство». Рюриковичи и раньше довольно много воевали друг с другом. Но это были или неурядицы между соседями, или бунты отдельных обделенных столами князей. А потому войны были скоротечными и не особо жестокими.

Война за доходы от волжского пути носила совсем другой характер. Во-первых, в масштабах восточнославянского пространства она была по сути «мировой». Во-

вторых, в ней был достигнут принципиально более высокий уровень ожесточения. Именно в этой войне появилась практика отдавать захваченные города войску на разграбление. То есть родственники стали вести себя по отношению друг к другу как иностранные агрессоры.

Так, в 1169 году Киев был не просто захвачен Андреем Боголюбским, но и разграблен. А в 1203 году смоленский князь Рюрик, захватив Киев, пошел еще дальше — не только разграбил, но и сжег город, порушил часть каменных зданий. В результате Киев уже не смог восстановиться: у него не осталось необходимых для этого торговых источников дохода. Поэтому отнюдь не монголы покончили с «Великим Киевом» — они лишь довершили то, что начали сами Рюриковичи.

В этой первой для нашей страны гражданской войне победили северо-восточные князья. Сначала они отстаивали свое право на доходы от работы волжского пути. А затем добились того, что столица федерации была перенесена на их территорию — во Владимир. Точнее, Владимир стал столицей конфедерации. При этом переезд великого стола из Киева на северо-восток был естественен — туда перешли доходы от обслуживания волжского пути.

Так вместо федеративной Новгородско-Киевской Руси на территории нашей страны возникла конфедеративная Владимирская Русь. Ее объединяющим началом выступали уже не торговые пути и расположенные на них города, а родственные связи Рюриковичей. Соответственно, она была гораздо менее устойчивым обществом.

Экономическая элита, разумеется, пыталась сопротивляться этим процессам, которые, по сути, вели к вытеснению ее из власти городов и к ликвидации городского самоуправления. Но только экономической элите Новгорода и поволжских городов удалось отстоять самоуправление. Точнее, Новгороду удалось отстоять полноценную республику, а поволжским городам — полноценное самоуправление. В первую очередь потому, что тамошнее купечество было достаточно богатым и, соответственно, сильным.

Как результат, в поволжских княжествах торговые города имели особый статус — власть князей на их территории была весьма ограниченной. Князья стали полновластными правителями на остальной территории княжеств. Был запущен процесс развития на территории Руси полноценных патриархальных государственных образований.

Деградация — процесс движения в обратном относи-

тельно развития направлении. Поэтому деградация архаичной федерации могла идти единственным путем — сначала превращение федерации в конфедерацию, а затем и гибель последней. Процесс трансформации Новгородско-Киевской федерации во Владимирскую конфедерацию был инициирован Рюриковичами, а конфедерация погибла в результате монгольского нашествия.

Любечский съезд можно считать началом патриархальной эпохи в истории нашей страны. Это значит, что в XII веке на Руси не началась «эпоха феодальной раздробленности», а продолжился начавшийся с приходом христианства подъем древнерусского общества на новую ступень развития — патриархальную. А потому результаты съезда носили позитивный характер — обеспечивали дальнейшее развитие древнерусского общества.

История с переносом столицы в г. Владимир хорошо демонстрирует уровень научности представлений современной российской исторической школы в сравнении с предлагаемыми в данной работе. В цикле телепередач «Кто мы?» доктор исторических наук Ф. Разумовский так описывает этот эпизод междоусобицы. Андрей Боголюбский, став великим князем киевским, решил перенести столицу в город Ростов. По той только причине, что очень уж любил приволжскую землю — в ней он вроде бы прожил свои лучшие годы. Приняв такое сумасбродное с точки зрения субъекта власти решение, князь взял икону Божьей матери и выехал из Киева. Но до Ростова не доехал — возле Владимира лошади, которые везли повозку с иконой, встали, и никакими силами не удалось тронуть их с места. Князь посчитал это знамением и приказал остановиться на ночлег. А ночью к нему явилась Богоматерь, которая велела сделать Владимир новой столицей Руси. Князь так и поступил.

В нашей версии эти действия Андрея Боголюбского выглядят более рациональными — имеют вполне прагматическую мотивацию. Так как в стране остался только один источник доходов от международной торговли, а именно волжский торговый путь, разумно было перенести столицу из Киева на северо-восток. Ведь князья обеспечивали безопасность торговли на магистрали, что с территорий северо-восточных княжеств можно было делать несравненно удобнее и эффективнее.

При выборе в качестве столицы Владимира, а не того же Ростова, Андрей также исходил из прагматических соображений. Дело в том, что Ростов, как

и Киев, был торговой республикой. Соответственно, в Ростове великий князь был бы таким же приживалкой, как и в Киеве. То есть ростовчане могли изгонять его из своего города так же, как это периодически делали киевляне. Тогда как Владимир был княжеским городом, а потому в нем не было городского самоуправления — в городе имелась только княжеская власть. Так что князя просто некому было изгонять — это была его собственная крепость.

Убийство Андрея Боголюбского собственными боярами в изложении Ф. Разумовского выглядит тоже убого. Бояре, которые в представлениях профессионального историка были княжеской прислугой, невзлюбили князя. И однажды, разозлившись, сговорились и убили его. Так что причина убийства — исключительно подлая лакейская натура бояр.

В нашей версии убийство великого князя имеет вполне понятные и серьезные причины. А именно — убийством князя была пресечена попытка установления на Руси абсолютной власти. Андрей Боголюбский, победив юго-западных князей, следующей целью поставил подчинение себе боярства и купечества. И заговор — это ответ тех или других на действия князя. Или, скорее всего, совместный ответ военной и экономической элиты на попытку князя узурпировать власть.

В составе княжеской власти бояре отнюдь не были прислугой. Бояре — это бывший ближний круг княжеских дружинников, без согласия которых князь не имел права принимать ни одного серьезного решения. Так что в структуре власти княжества Боярская дума была выше князя. При этом боярский статус был часто наследственным. А потому и формировать удобную для себя боярскую думу у князя особых возможностей не было.

В качестве примера именно такой иерархии власти в княжествах можно привести случай из более позднего времени. Во время одного из конфликтов с Новгородом великий князь владимирский Всеволод Большое Гнездо подошел к входившему в состав новгородской земли городу Торжку. Его жители согласились сдаться — принять все условия и уплатить дань. Что Всеволода полностью устраивало. Тем не менее, его бояре этот вариант отвергли — потребовали штурма и разграбления города. И Всеволод подчинился боярам — Торжок был взят штурмом и разграблен.

Андрей Боголюбский решил с такой структурой власти покончить. Князь стал принимать важные ре-

шения или вопреки мнению бояр, или вообще без обсуждения с ними своих намерений. То есть Андрей решил стать таким же абсолютным монархом, какими в его время были все сильные европейские короли.

Параллельно князь повел наступление на купечество — решил лишить его статуса старшего партнера князей в составе верховной власти Руси. И, как следствие, наложить свою руку на все доходы от волжского торгового пути — самому устанавливать и взимать сборы от транзита товаров, не получать выторгованную у купечества плату за свою деятельность по охране пути, а брать с купцов столько денег, сколько потребуется для княжеских нужд.

Вероятнее всего, Андрей решил создать на месте Новгородско-Киевской федерации централизованное государство — повторить успех Карла Великого. Для достижения этой цели великому князю предстояло силой подчинить своей власти все княжества. Эта борьба требовала, во-первых, очень больших ресурсов, которые он намеревался получить у экономической элиты. Соответственно, требовалось подчинить ее своей власти и поставить под свой контроль волжскую торговлю. Во-вторых, прежде чем приступить к ликвидации властного статуса остальных князей, Андрею требовалось для начала ликвидировать властный статус собственных бояр. То есть получить статус абсолютной власти в своем собственном княжестве.

Атаку на купечество князь начал с похода на Новгород — главный оплот экономической элиты Руси. Купечество ясно поняло свои перспективы и дало свой ответ — организовало заговор с целью убийства князя. Соответственно, действовало так же, как и в случае со Святославом. Только если тогда купечество воспользовалось услугами печенегов, то теперь его партнером стали бояре.

Сами бояре вряд ли решились бы на убийство князя — скорее всего, подождали бы его естественной смерти и попытались бы восстановить прежнее положение в противоборстве с наследниками. Тем более что на смену сильному монарху всегда приходит слабый. Но купечество такой вариант не устраивал — оно не могло лезть в ярмо неизвестно на какой срок. Поэтому вероятнее всего именно купцы организовали и профинансировали боярский заговор.

Андрей затеял поход за абсолютную власть не в одиночку — он был сильным и неглупым правителем. В своих действиях князь опирался на поддержку ду-

ховенства — заключил с церковью союз, целью которого было не только создание централизованного государства, но и передел властного поля Руси в пользу союзников. Но единственное, чем могла церковь помочь Андрею — узаконить его притязания на абсолютную власть. То есть провести соответствующую пропагандистскую кампанию.

Этой поддержки оказалось недостаточно. Церковь просто еще не была серьезной политической силой, а духовенство не имело большого авторитета у купечества и боярства. А потому и те, и другие не стали слушать доводы церковников и посчитали действия Боголюбского незаконными — прямо нарушающими обычаи того времени. Так что купцы и бояре организовали убийство князя с чистой совестью — дали адекватный ответ на политическое вероломство. Этот урок Рюриковичи тоже хорошо усвоили — ни один из них больше не пытался добиться абсолютной власти.

Предлагаемая Ф. Разумовским картина нашей истории наглядно демонстрирует процесс деградации отечественной исторической науки. Ведь в качестве теоретической основы профессиональным историком используется примитивная идея о том, что все несчастья нашей страны были следствием отступления светской власти от православия. Точнее, отказа светской власти признавать Русскую Православную церковь высшей идейной властью общества. А все успехи, наоборот, являются исключительно следствием возвращения светской власти под направляющую длань церкви. Картина собирается только из фактов, которые можно встроить в замысел историка. В результате получается не только убогая, но и предвзятая версия российской истории.

В этой концепции, разумеется, наука даже не ночевала. Тем не менее, уже несколько лет государственное телевидение всей своей мощью пропагандирует лубочные картинки Ф. Разумовского. Причем пропагандирует тотально — передачи идут часто и без хотя бы символической альтернативы. Словно в России остался только один историк. Получается, что российская историческая наука считает эти байки полноценными научными представлениями.

Передачи Ф. Разумовского — отнюдь не «авторский проект» оригинального историка. На самом деле государственное телевидение внедряет в массовое сознание создаваемую РПЦ ее собственную версию российской истории. Точнее, историю, призванную

помочь РПЦ легализовать ее притязания на статус идейной власти страны и занять в структуре российской власти вакантное место идеологического отдела ЦК КПСС — стать идейным руководителем процесса общественного развития страны. Так что вовсе не случайно РПЦ, помимо исторического проекта, начала презентовать следующие свои фундаментальные разработки — концепции прав человека, отношений между бизнесом и обществом.

То, что нынешняя российская власть мало интересуется российской историей — естественное следствие менталитета временщика, которым обладает большинство ее субъектов. Чем и пользуется РПЦ — тихой сапой готовит общественное мнение к захвату статуса идейной власти страны. И так как никакой серьезной научной альтернативы лубочной церковной истории обществу не предлагается, шансы РПЦ погрузить страну в пучину мракобесия выглядят вполне реальными. В качестве подтверждения именно такой перспективы можно привести пример участия церковных иерархов в заседаниях президиума Российской академии наук. Похоже, скоро попы начнут освящать лаборатории и благословлять эксперименты. Так что — почти приехали.

II. МОНГОЛЬСКАЯ РУСЬ

8. МОНГОЛЫ

Процесс формирования первых патриархальных государственных образований на территории Руси продолжался параллельно с процессом деградации архаичной древнерусской конфедерации — Владимирской Руси. Их завершение должно было закончиться появлением полностью независимых патриархальных княжеств — региональных государств. После этого должна была начаться вторая стадия патриархальной эпохи — слияние княжеств в моноэтническое патриархальное государство, точнее, подчинение русских княжеств одному из них — самому сильному и энергичному. Однако этот процесс был на некоторое время прерван из-за того, что Русь попала в вассальную зависимость от монгольской империи.

Европейские историки в своих интересах, а российские и советские в своих всячески умаляют феномен монгольской империи. И даже отказывают ей в праве считаться полноценной цивилизацией. Однако именно монгольская империя была мега-империей — за всю историю человечества ни одной другой нации не удалось объединить в рамках своего государства большую часть современного ему цивилизованного пространства и его обитателей.

Не случайно одна из трех мировых рас получила название по имени монгольской нации — монголоидная. Тогда как другая, европеоидная, — по названию континента. А третья вообще по цвету кожи. Этот пример наглядно демонстрирует, какое влияние и авторитет когда-то имела монгольская империя — эхо от нее дошло до XIX века и воплотилось в названии расы. И это эхо оказалось сильнее «живого» китайского голоса — восточная раса не удостоилась китайского имени.

Монгольскую империю создала Великая Яса — свод основополагающих законов, разработанных Чингисханом для монгольского общества. Это был собственный монгольский идеологический продукт, созданный в результате синтеза трех учений — традиционной монгольской религии бон, получившего широкое распространение среди монголов христианства несторианского толка и конфуцианства. И именно Яса позволила монгольскому этносу создать собственную цивилизацию.

Монгольская империя была полноценным и высокоэффективным общественным образованием федерального уровня сложности, которое на протяжении

«золотого века» своего существования в качестве единой державы функционировало как швейцарские часы. Например, монголы ухитрились искоренить в империи преступность. Единственный раз в истории человечества большая часть ойкумены была для ее обитателей безопасной территорией проживания. Другой пример — организация почтовой службы, которая обеспечивала доставку посланий от Тихого океана до Черного моря всего за один месяц. Так что монгольская империя — одна из грандиозных вершин патриархальной эпохи, оказавшая огромное положительное влияние на развитие человечества.

Западным историкам не нравится, что монгольская империя была самым грандиозным обществом патриархальной эпохи, в сравнении с которым империя Карла Великого выглядит сибирским улусом. И российским историкам не нравилось, что Русь была всего лишь провинцией одного из улусов. По этой причине монголы изображаются дикими и жестокими варварами, якобы на века затормозившими процесс общественного развития Евразии.

Это далеко не так. Исповедовавшееся значительной частью монгольского общества христианство было передовым для того времени учением. Религия бон — это версия митраизма, в которой главный бог, Митра, был богом договора, согласия, покровителем мирных, доброжелательных отношений между людьми. Стоит упомянуть, что митраизм был широко распространен в эллинистическом мире и на протяжении II—IV веков являлся одним из главных соперников христианства.

Так что мировоззрение монгольского общества имело восточно-средиземноморские корни. А затем было дополнительно обогащено идеями конфуцианства. Как следствие, монголы были жестоки только тогда, когда сталкивались с вероломством и бандитизмом — эти преступления карались самыми безжалостными методами. Тогда как в войне монголы всегда предлагали противнику сдаться на самых необременительных и почетных условиях. И никогда не занимались грабежом — лишь покоряли и подчиняли себе более слабых соперников. И в своем государстве не допускали никакой религиозной вражды — за ее проявление тоже жестоко карали.

В XIII веке монголы были едва ли не самым передовым народом человечества. Почему и смогли создать самую грандиозную в истории империю и собственную цивилизацию. Россия и Китай — прямые наслед-

ники именно монгольской цивилизации. Не лишне заметить, что Китай впервые был объединен именно монголами. Причем это объединение уже никогда не разрушалось — лучшее свидетельство качества монгольской деятельности. Точнее, единство Китая было нарушено только в середине XX века — когда от него откололся Тайвань.

Другое дело, что позднее произошел естественный процесс засорения монгольского общества мировоззренчески чуждыми ему субъектами. А потому феномен монгольской цивилизации и ее вклад следует рассматривать в первую очередь в период ее расцвета, а не на стадии разложения, как мы рассматриваем феномен Древней Греции в первую очередь в период, когда она была передовым обществом человечества.

В начале XIII века монголы покорили большую часть Китая, всю Среднюю Азию и вышли к Волге; они установили свою власть над производством китайских товаров и поставили под свой контроль важнейшие торговые магистрали той эпохи — Великий шелковый путь и сухопутный маршрут из Индии на Каспий. Естественно, монголы были заинтересованы установить контроль и над другими находящимися в досягаемости для них важными торговыми магистралями — волжской и днепровской.

В 1216 году монголы небольшими силами вышли к Волге. Половцы, буртасы и болгары не желали уступать контроль над своей частью торговой магистрали и, соответственно, терять доходы от ее функционирования. А потому оказали сильнейшее сопротивление монголам. В результате первые столкновения с контролировавшими нижний участок волжского пути племенами оказались для монголов неудачными, и им пришлось отступить.

Вторую попытку монголы предприняли в 1223 году — их войско перешло Кавказский хребет и вторглось в тыл к половцам. Как представляется, на этом этапе монголы рассматривали половцев в качестве главного противника, разгромив которого они получали двойной выигрыш. Во-первых, они устанавливали контроль над конечными участками обоих торговых путей — приволжскими и приднепровскими степями. Во-вторых, получали обширную ресурсную базу — необходимые для конного войска пастбища.

Буртасы, болгары и северо-восточные Рюриковичи не пришли на помощь половцам, потому что решили — это их собственная проблема. Во-первых, полов-

цы получали доход от торгового пути именно потому, что не только контролировали, но и защищали свой участок. Так что разбираться с монголами им нужно было самим. Во-вторых, численность монгольского войска не превышала двадцати тысяч человек — казалось, что это была не такая уж большая сила, чтобы половцам требовалась подмога.

Но половцы гораздо лучше понимали, кто такие монголы — как они воюют и каких успехов достигли. И трезво оценивали свои шансы выстоять как сомнительные. Поэтому половцы обратились за помощью к юго-западным Рюриковичам. Как можно предполагать, князья решили поддержать половцев за долю их дохода от волжского торгового пути. На что половцам пришлось согласиться.

В свою очередь и монголы направили в Киев послов — договориться с юго-западными князьями о нейтралитете. Однако князья предложение о мире отвергли и даже убили монгольских послов. Этот поступок не был проявлением княжеской дури — их кровью был скреплен договор с половцами. Последние прекрасно понимали, что таким способом они превращают князей в смертельных врагов монголов и, соответственно, надежных союзников. А потому могли не бояться предательства Рюриковичей. Тем более что князья особой верностью не отличались.

Объединенная армия юго-западных Рюриковичей и половцев встретила с монгольским войском на Калке. Несмотря на существенное численное превосходство, «наши» проиграли битву. При этом стоит отметить, что жестокое убийство плененных в битве русских князей имеет понятное объяснение — месть за убийство монгольских послов. Так что этот эпизод не может служить примером какой-то особой жестокости монголов. Это было понятное и естественное для того времени наказание виновных — нарушивших международные обычаи.

После битвы половцы уступили монголам приволжские степи — ушли за Дон в приднепровские степи. В результате монголы достигли поставленных целей — получили контроль над нижним течением Волги и плацдарм для дальнейшего наступления на Русь и приднепровские степи. Другое дело, что монголам пришлось взять паузу — покорение Китая на время отвлекло силы монголов с европейского театра военных действий. Они вернулись в низовья Волги только в 1236 году.

9. БАТЫЕВО НАШЕСТВИЕ

Второй монгольский поход на Русь начался с разгрома монголами буртасов и болгар. В следующем, 1237 году монгольское войско во главе с Батыем переправилось на правый берег Волги. Там оно разделилось на две близкие по размеру части. Одна под командованием самого Батыея двинулась на Русь — устанавливать контроль над волжским путем. Вторая ушла в южнорусские степи — устанавливать контроль над днепровским путем.

Батый возглавил поход на Русь потому, что захват волжского пути был первоочередной задачей — пока днепровский путь был заблокирован турками, он представлял собой лишь потенциально ценную добычу. Сначала Батый вторгся в Рязанское княжество. Рязанский князь оказался полной бездарностью и не смог организовать серьезного сопротивления. Поэтому монголы без особых потерь захватили Рязань. Затем монголы пошли к Владимиру — политическому центру северо-восточных княжеств. Они прекрасно понимали, что, взяв столицу, они деморализуют остальные города. Так оно и вышло — взятие Владимира позволило им продолжить завоевание торгового пути с минимальными потерями.

Из Владимира монголы ушли на зимовку в приволжские степи и вернулись в северо-восточные княжества в начале 1238 года — продолжили движение на север. При этом Батый, как и в предыдущем походе, предлагал городам покориться и в качестве отступного выдать лишь лошадей и провиант. И брал их штурмом только в случае отказа. Так избежал разорения Углич — богатый торговый город. Этот пример свидетельствует, что монголы шли в этот поход не грабить, а завоевывать торговый путь. Соответственно, им незачем было разорять торговые города и тем самым разрушать инфраструктуру торгового пути. Ведь при штурме торгового города гибли не только военные и обыватели, но и купцы — интеллектуальный компонент торгового пути.

По этой же причине Батый не стал захватывать Новгород — ему были нужны действующие северные ворота торгового пути, а не пепелище. Поэтому он заключил с новгородцами устраивающий обе стороны договор о коммерческом партнерстве. Точнее, Новгород подрядился обслуживать северные ворота волжского торгового пути в интересах монголов.

Пример Углича и других сдавшихся городов демонстрирует, что на северо-востоке купечество оставалось сильной политической силой — как следствие того, что волжский путь обеспечивал экономической элите достаточно большие финансовые ресурсы. А потому купечество имело возможность принуждать городские власти сдаваться монголам без боя. Тем более что после падения Рязани и Владимира влияние князей на городские дела совсем ослабло.

Реально экономическая элита выступила в роли коллаборациониста — приняла сторону монголов. Купцам был прекрасно понятен замысел похода — не разорение торгового пути, а установление контроля над ним. И им по большому счету было все равно, кому платить за охрану пути — Рюриковичам или Чингизидам. Экономической элите нужен был только порядок. И не было ни малейшего желания погибнуть, защищая княжества Рюриковичей. Причем не только потому, что князья в защите Рязани и Владимира продемонстрировали полную бездарность. Русская нация только начала зарождаться и потому «национальное самосознание» как источник патриотизма еще не сформировалось. Купечество продолжало в массе оставаться языческим, поэтому никакого духовного «родства» с князьями не ощущало.

Возвращаясь в 1238 году в причерноморские степи, монголы разоряли города юго-западных Рюриковичей. И тоже из прагматичных соображений — с целью ослабить князей и тем застраховаться от возможных попыток нападения на расположенные по волжскому торговому пути города. Их ведь монголы рассматривали уже в качестве своей собственной торговой инфраструктуры. Опять же, в перспективе восстановления деятельности днепровского пути монголам не нужны были сильные княжества на нем, способные оказать серьезное сопротивление установлению монгольского контроля над торговой магистралью.

Вторая часть монгольского войска, которая по южнорусским степям двигалась на Запад, тоже выполнила свою задачу — вытеснила половцев из приднестровских степей. А также продемонстрировала своим новым европейским соседям мощь монгольского войска, чем надолго отбила охоту соваться на территорию монгольской империи. То есть ликвидировала угрозы, которым бы подвергался после восстановления путь «из варяг в греки».

Завоевание монголами волжского торгового пути

завершилось строительством в низовьях Волги города Сарая, который стал столицей Золотой Орды — самой западной провинции монгольской империи. Так южные ворота волжской торговой магистрали были поставлены под полный контроль монголов.

10. ПОД МОНГОЛЬСКОЙ «КРЫШЕЙ»

В вассальную зависимость от Орды попали только северо-восточные княжества — расположенные вдоль Волжского пути. Тогда как юго-западные княжества сохранили независимость. Вероятно, монголы оценили ограниченность своих сил и посчитали, что пока путь из «варяг в греки» не восстановился, нет смысла обременять себя дополнительными и малопродуктивными территориями. Новгород, судя по всему, вначале сохранял независимость — договорился с монголами о статусе торгового союзника.

Шведы и немцы столетиями пытались овладеть северными воротами русских торговых путей. Шведские покушения начались после того, как контроль над торговлей на обеих магистралях перешел от варяжских купцов к русским торговым городам. Немцы появились позднее — после провала палестинского проекта Рима.

Этот провал оставил без работы рыцарские ордена — они и создавались в рамках борьбы за «гроб господень». Тамплиеры и мальтийцы быстро нашли для себя новое занятие — вписались в общеевропейский бизнес: тамплиеры — в западноевропейский финансовый рынок, мальтийцы — в средиземноморскую торговлю.

Немецкие ордена базировались на периферии католического мира и потому могли пойти по стопам коллег единственным способом — захватить выход на Балтику волжского торгового пути. Именно эта цель двигала Тевтонский и Ливонский ордена на северо-восток. А вовсе не миссионерская деятельность или завоевание малопродуктивных северо-восточных прибалтийских земель — эти цели позволяли иметь поддержку Рима и получать минимально необходимые для экспансии ресурсы.

Так что стычки наподобие «невской» и «чудской» происходили достаточно регулярно. После перехода в вассальную зависимость от Орды или разорения русских княжеств шведы и немцы решили, что Новгороду больше неоткуда ждать помощи. А потому имеется реальный шанс его наконец захватить.

Первыми попытку в 1240 году сделали шведы. Од-

нако в битве на Неве княживший в Новгороде Александр разгромил шведское войско. Через два года аналогичную попытку предприняли немцы — Ливонский орден вторгся в пределы Новгородского государства и захватил сначала Юрьев, а затем и Псков. Но Александр, получивший за победу над шведами прозвище «Невский», разгромил и немцев — в битве на Чудском озере войско рыцарей было наголову разбито.

Эти победы считаются эпохальными, потому что были достигнуты в критический для Новгорода и остальной страны период. Соответственно, выглядят чудом — ослабленная Русь смогла выдержать очередной натиск вечных врагов. А победитель, князь Александр, предстает выдающимся полководцем. И первое, и второе вполне истинно. Эти победы со временем заняли почетное место среди самых знаменательных событий отечественной истории.

Однако новгородские власти прекрасно поняли, что это только первые попытки захватить северные ворота волжского пути. И обязательно будут следующие — в Европе всегда найдется достаточно наемников для формирования войска, которому будет трудно противостоять. А у Новгорода может не оказаться талантливой князя. Ведь среди Рюриковичей Александр Невский выглядел белой вороной — остальные князья стабильно демонстрировали убогие полководческие способности. В такой ситуации Новгород почел за благо обзавестись более надежной «крышей» — сменить статус торгового союзника на вассального партнера.

Приписывать Александру Невскому инициативу вхождения всех северо-восточных княжеств в состав Орды не стоит — его собственный отец был утвержден в качестве великого князя Владимирского монголами и правил северо-восточными княжествами в качестве наместника хана. Другое дело, что именно при посредничестве Александра Невского в состав Орды вошла Новгородская республика.

Как только в Новгороде стало известно, что шведы, ливонцы и поляки формируют новый союз, чтобы повторить попытку захвата северных ворот, новгородцы обратились к Александру Невскому с просьбой содействовать заключению вассального договора с монголами. Разумеется, монголы приняли бы Новгород в состав Орды в качестве вассала и без посредника. Александр потребовался новгородцам, чтобы выторговать статус привилегированного вассала — пользу-

ющегося особыми правами и льготами. В частности, новгородцы хотели сохранить самоуправление и независимость от наместника Орды на Руси — великого князя Владимирского. То есть хотели подчиняться Орде напрямую — разумно полагали, что это им будет стоить дешевле.

Так как Александр враждовал с владимирским князем Андреем, своим собственным братом, он охотно выполнил просьбу Новгорода, и в 1251 году у Орды появилась вассальная торговая республика. Так что добровольно в состав монгольской империи вошел только Новгород. И благодаря этому обстоятельству, а также статусу торгового партнера Орды, сохранял достаточно большую независимость. И еще три века оставался торговой республикой.

Получение Новгородом статуса вассала Орды на время охладило пыл его недругов — новый поход не состоялся. В 1268 году во время очередной разборки новгородцев с немцами последними была призвана подмога из Европы — гораздо большее, чем обычно, количество наемников. Новгород запросил срочную помощь от Орды. И появление в составе новгородского войска всего лишь небольшого монгольского отряда привело к тому, что немецкая рать без боя отступила. И больше никто серьезно на Новгород и вошедшие в состав монгольской империи русские княжества не покушался. Войны с поляками, немцами и шведами возобновились только после выхода Руси из состава Золотой Орды.

Александр Невский не только защищал Новгород от западных агрессоров, за что ему честь и хвала. Положительную роль в судьбе нашей страны сыграла и прордынская политика князя — он правильно опасался, что прозападная ориентация многих Рюриковичей закончится растаскиванием русских княжеств венграми, поляками, немцами и шведами. Соответственно, в обозримом будущем целостность Руси можно сохранить только в составе Орды — в качестве ее вассала.

Для достижения этой цели князь ввел практику привлечения к княжеским разборкам монголов. Александр воспользовался монгольской поддержкой в борьбе с братом Андреем. Он убедил Батюя, что Андрей вступил в сговор с поляками и ливонцами, намереваясь с их помощью освободиться от вассальной зависимости. Батый поверил Александру и в 1252 году направил против владимирского князя войско под командованием Неврюя. Монголы разгромили дружину

Андрея и разорили Владимирское княжество. И то, что Андрей попытался сражаться с монголами, а затем, потерпев поражение, эмигрировал в Швецию, свидетельствует, что Александр имел верные сведения о намерениях брата.

Так что в борьбе друг с другом «монгольская» и «европейская» княжеские партии не останавливались ни перед чем. А потому разорение владимирской земли в 1252 году имеет причиной отнюдь не разбойничью натуру монголов. В то время они отличались безукоризненной верностью договоренностям и строжайшей дисциплиной. И им в голову не могла прийти идея разорить собственного вассала. Другое дело, если монголов убедили, что имеет место измена. В таких делах они были безжалостны — превращались в жестоких карателей.

Именно таким карательным был поход Неврюя — жестоким и разорительным. А величайший «защитник русской земли» был организатором похода. Тем не менее, несмотря на ужасные жертвы и разорение, поход Неврюя сыграл положительную роль в судьбе страны — монголы надолго отбили у Рюриковичей стремление к выходу из Орды. Князья перестали мечтать о независимости и занялись обустройством своих княжеств — превращением их в полноценные патриархальные государственные образования, пусть и в вассальном статусе.

Мнение российских и советских историков, что «татаро-монгольское иго» затормозило развитие русского общества, представляется ошибочным. Монгольская империя была передовым патриархальным обществом своего времени. Чего нельзя сказать о находившейся еще на архаичной стадии развития Владимирской Руси. А потому пребывание нашего общества в составе монгольской державы имело исключительно положительное влияние.

Во-первых, это не только ускорило процесс консолидации княжеств в национальное государство, но и обеспечило ему достаточно мягкий характер. Во-вторых, российская элита очень многое заимствовала у монгольской цивилизации. Не случайно в итоге она создала собственную империю, чрезвычайно близкую по масштабам и институциональным особенностям к монгольской.

Вассальная зависимость от Орды была игом только для Рюриковичей — превратила их из самовластных правителей в наместников ханов. Как следствие, кня-

зья стали гораздо меньше воевать друг с другом. Соответственно, народ меньше подвергался разбою, который сопровождал княжеские разборки. Так что полноценные междоусобные войны возобновились только после того, как Золотая Орда начала слабеть, а Москва, пользуясь этим обстоятельством, стала «собирать» русские княжества в единое государство.

11. ВАССАЛЫ

Захват монголами волжского торгового пути похоронил конфедерацию. А княжества, оставшиеся в составе Владимирской Руси, образовали вдоль торгового пути защитную полосу для него. Кроме обязанности обеспечивать порядок на торговом пути, князья выплачивали Орде дань — отдавали часть дани, собираемой с населения княжеств. В современных российских понятиях — «делились». Все это обеспечивало княжествам надежную защиту от внешних врагов.

Княжества были объединены Ордой в виде одной провинции, главой которой сначала являлся Великий князь Владимирский. Позднее ярлык на великое княжение получали и другие князья — те, которые с точки зрения монголов были наиболее удобны и пригодны для этой роли. Поэтому титул Великого князя сначала не был наследственным — гулял по княжествам.

Новгород не входил в состав Владимирской Руси и не платил дани — будучи больше торговым партнером и союзником, чем вассалом, республика отдавала Орде только часть дохода от торгового пути. Как следствие, Новгород смог сохранить республиканскую форму правления и подвластные ему северные и северо-восточные территории.

Большая часть юго-западных русских земель была захвачена Литвой. Во второй половине XII века натиск турок на Византию ослабел; ослабла и экономическая блокада империи — у нее появилась возможность восстановить путь «из варяг в греки» и возобновить поставки по днепровскому пути средиземноморских товаров в Восточную и Северную Европу.

Восстановление поставок средиземноморских товаров по пути «из варяг в греки» в страны Балтики привело к борьбе за контроль над ним. Монголов вполне устраивал контроль над степным участком торгового пути, у них уже не было сил для борьбы за оставшуюся часть магистрали. Контроль над ней был установлен литовцами, которые сообразили, что тор-

говый путь может оканчиваться не в Новгороде, а на контролируемом ими участке балтийского побережья. И пока Новгород ждал, что торговый путь естественным образом восстановится в своем старом русле, литовцы занялись делом — повторили поход Рюрика на юг.

В первой половине XIV века литовский князь Гедимин, а потом его сын Ольгерд последовательно завоевывали расположенные вдоль торговой трассы юго-западные русские княжества. Литовцы захватили Гродно, Полоцк, Минск, Витебск, Киев, Чернигов и другие города юго-западной Руси и создали на месте конгломерата древнерусских княжеств свое собственное государство — Великое княжество Литовское, или Литовскую Русь.⁷

В 1363 году Ольгерд даже разбил монголов и захватил западную часть причерноморских степей. И на какое-то время установил полный контроль над всем торговым путем — от Черного до Балтийского моря. Но позднее литовцам пришлось все-таки договориться с монголами о совместном контроле за южным концом торговой магистрали. Соответственно, уступить Золотой Орде часть прибыли от ее функционирования.

Восстановление торгового пути «из варяг в греки» обеспечило Великому княжеству Литовскому дополнительные ресурсы, которые позволили ему стать могущественной державой Центральной Европы и позднее на выгодных условиях объединиться с Польшей — создать Речь Посполитую. К середине XIV века оба восточноевропейских торговых пути снова действовали в полную силу, хотя доходы от днепровского пути теперь доставались литовцам, а большая часть доходов от волжского пути — монголам. Однако существенная часть волжского дохода все-таки доставалась русской экономической элите — новгородской и поволжской. Как следствие, эта элита оставалась серьезным политическим игроком.

Первый период пребывания в вассальном состоянии северо-восточные Рюриковичи посвятили междоусобной борьбе за великокняжеский статус. При

⁷ Великое княжество Литовское – второе русское государство, независимое от Орды. Попав в зависимость от Польши, Литва была в итоге ополячена. А литовцами стали не русские, а прибалтийские племена, известные под названием Жмудь. Только белорусы смогли сохранить свою исходную идентичность. Это к вопросу о том, под кем нашему народу можно было сохранить свою идентичность – под монголами или западными католиками.

этом Рюриковичи быстро освоились в ордынском властном сообществе. Они вошли в него без проблем и комплексов — стали участвовать во всех ордынских интригах. Со временем ордынские мурзы втянулись в княжеские разборки — стали посылать свои дружины в поддержку того или иного князя. Княжеская междоусобица снова стала опустошать русскую землю.

Одновременно на Руси стала набирать политическую мощь Русская православная церковь. Этому способствовали два фактора. Во-первых, церковь смогла покончить с расколом между белым и черным духовенством — городскими храмами и монастырями. Во-вторых, сменила византийское покровительство на ордынское. В результате РПЦ стала интеллектуальной опорой Орды на Руси.

Покровительство Орды РПЦ законодательно оформил хан Менге-Тимур. В его указе от 1270 года говорилось: «На Руси да не дерзнет никто посрамлять церквей и обижать митрополита и подчиненных ему архимандритов, протоиереев, иереев и прочих священнослужителей. Свободными от всех податей да будут их города, области, деревни, земли, охоты, ульи, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства. Все это принадлежит Богу, и сами они Божьи. Да помолятся они за нас».⁸

Хан Узбек, введя в Золотой Орде в качестве государственной религии ислам, не только сделал исключение для Руси, но и расширил привилегии церкви: «Все чины православной церкви и все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, отнюдь не чиновников Орды и не княжескому суду. Тот, кто ограбит духовное лицо, должен заплатить ему втрое. Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорблять церковь, монастырь, часовню, подлежит смерти без различия, русский он или монгол. Да чувствует себя русское духовенство свободными слугами Бога».⁹

Получала церковь и разовые пожертвования от ханов. Так, хан Берке отпустил на храм митрополита Кирилла годовой оброк со всей ростовской земли. Это была благодарность за организованные духовенством массовые молебны о выздоровлении ханского сына. Нелишне напомнить, что это случилось через считанные годы после Батыева нашествия. Понятно, что по-

⁸ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929. Ч. 2, гл. XIII.

⁹ Там же.

добное никак не могло бы происходить, если бы РПЦ была, как она теперь уверяет, патриотом и противником Орды.

Вовсе не просто так РПЦ объявила Александра Невского святым. Проордынская ориентация князя была хорошо известна. Так что, освятив ее в лице князя, церковь прямо задала вассальную ориентацию всей русской элите.

Будучи интеллектуальной опорой Орды на Руси, церковь стала неудержимо богатеть и превращаться в сильного политического игрока. Все-таки политика всегда основывалась на финансовых ресурсах. Так что как только РПЦ стала получать дополнительные финансовые ресурсы, она сразу начала заниматься политикой и даже в столице Орды, Сарае, организовала свой епископат.

Таким образом, на политическом поле Владимирской Руси в начале XIV века действовали три политические силы — Русская православная церковь, экономическая элита и Рюриковичи. Под их воздействием продолжился процесс формирования русской нации и началось строительство полноценного патриархального этнического государства. Для последнего было необходимо, чтобы среди Рюриковичей появилась династия, способная подчинить себе остальные ветви княжеского рода и объединить все русские земли. Такой династией стала основанная младшим сыном Александра Невского Даниилом династия московских князей.

12. СТРАТЕГИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОСКВЫ, РПЦ И КУПЕЧЕСТВА

Московские князья и РПЦ не случайно стали союзниками. Что бы там ни говорили наши историки про патриотизм московских князей, на самом деле они были административной опорой Орды на Руси. Потому что нельзя было быть ее верховным представителем и не быть при этом ее опорой. Точно так же опорами Орды были РПЦ и купечество — первая выступала в качестве интеллектуальной, а второе — в качестве экономической опоры. Естественно, что все три опоры автоматически оказывались союзниками — их объединяла общая задача, а именно — держать провинцию в подчинении и организовывать поступление в метрополию ресурсов.

Московская Русь стала первым полноценным патриархальным государством на территории нашей

страны, пусть и находившимся в вассальной зависимости от Орды. Наши историки возвышение Москвы объясняют более успешными интригами московских князей. Мол, они переиграли остальных конкурентов в ордынских интригах. Хотя другие князья по всем статьям больше подходили на роль лидеров древнерусского общества — возглавляли более мощные княжества и выглядели в глазах историков более мудрыми правителями и талантливymi воинами.

Разумеется, в возвышении Москвы интриги играли не последнюю роль. Но главная причина была совсем другой. Власть в Орде еще не вступила в стадию деградации. А потому интриги давали лишь тактические выигрыши. Тогда как стратегическое преимущество давало качество претендентов на роль административной опоры.

Великое княжение — это не столько статус, сколько поручение следить за порядком и собирать дань. А «величие» обеспечивало необходимый для этого занятия авторитет. Москва добилась статуса столицы славянской провинции Золотой Орды и возвысилась над остальными княжествами только потому, что в Московском княжестве во главе власти оказалась хозяйственная элита, тогда как в остальных по-прежнему доминировала военная.

Аристократическая элита — это общее название военной и хозяйственной элит в патриархальную эпоху. Первая достигла «зрелости» в архаичную эпоху. Становление второй происходит на протяжении патриархальной эпохи. Так как хозяйственная элита в патриархальном обществе обычно обладает большими ресурсами и устойчивыми источниками их получения, она оказывается сильнее военной элиты и чаще главенствует во власти. При этом государство, в котором хозяйственная элита быстрее развивается и раньше приходит к власти, автоматически оказывается эффективнее возглавляемых военной элитой конкурентов. Не случайно все создатели патриархальных империй были в первую очередь талантливыми управленцами.

Московские Рюриковичи оказались лучшими из всех других ветвей этого семейства хозяйственниками. Сила определяется ресурсами. После того как князья лишились основного источника доходов от торговых путей, они вынуждены были начать кормиться от собираемой с подвластной территории дани. И у московских князей это получалось гораздо эффективнее. У Даниила Александровича, получившего в княжение захолустную Москву, обнаружился управленче-

ский талант, благодаря которому он наладил эффективное хозяйствование, а также собрал, как бы сейчас выразились, хорошую «команду менеджеров». В результате он сделал Москву «инвестиционно привлекательным» городом. Его сыновья, Юрий и Иван, не только продолжили политику отца. Юрий оказался хитроумным политиком, а Иван — еще более толковым хозяйственником, так что не случайно заслужил прозвище «Калита» — кошелек. А созданная их отцом «команда менеджеров» продолжала активную политику экономического развития княжества.

Деятельность московских Рюриковичей вызывала симпатии и поддержку экономической элиты, поэтому она выбрала Москву в качестве национального торгового перекрестка. По мере развития на территории Руси патриархальных государств активно развивались внутренние торговые пути. Ставка экономической элиты на московских князей имела следствием то, что все торговые пути стали проходить через Москву. Это был результат не «удобного расположения» города, а проводимой московскими князьями политики и ее поддержки купечеством.

Не только купечество, но и Русская православная церковь сделала ставку на московских Рюриковичей — выбрала их в качестве стратегического союзника. Церковь осуществляла объединение русского народа в единую нацию — развивала интеллектуальную сферу общества, основой которой является общее мировоззрение. И понимала, что для единой нации потребуется единая светская власть.

Хозяйственные князья больше подходили на роль светской власти национального государства. Поэтому между московскими Рюриковичами, РПЦ и купечеством был заключен стратегический союз, целью которого стало объединение всех княжеств в виде пусть и вассального, но, тем не менее, единого государства. Заключению союза способствовало то обстоятельство, что РПЦ не была автокефальной, а подчинялась константинопольскому патриарху, то есть в иерархических представлениях того времени находилась на второй ступеньке власти. И так как московские князья как вассалы ханов тоже находились на второй ступеньке, князья и церковь по иерархическому статусу были близки друг другу.

Именно ставка на московских князей экономической элиты и РПЦ была замечена и оценена Ордой. Монголы рассудили здраво — если две неформальные опоры Орды выбрали себе в качестве союзника мос-

ковских князей, то разумно одобрить этот выбор и назначить Москву формальной опорой — административной. В результате ярлык на великое княжение был отнят у тверского князя Михаила и передан московскому князю — сначала Юрию, а после его гибели — Ивану.

Так в начале XIV века на пространстве Руси появился стратегический внутривосточный союз, которому оказалось под силу, пусть и за два века, вновь объединить страну. При этом если московская ветвь Рюриковичей выступала в этом процессе в качестве явного врага остальных князей, то РПЦ играла роль их тайного противника. В свою очередь, купечество, благополучие которого сильно зависело от местных князей, предпочитало делать вид, что соблюдает в этом процессе нейтралитет, хотя на самом деле всеми силами поддерживало «собрание русских земель» — этот процесс освобождал и развивал национальный рынок, в чем купечество было кровно заинтересовано.

Действительно нейтральную позицию по отношению к церковно-купеческо-московскому «заговору» занял только Новгород — предпочел не вмешиваться в процесс «собрания русских земель». В результате, после того как этот процесс завершился, Новгород оказался один на один с более мощной в сравнении с ним самой державой. И был завоеван Москвой — лишился статуса относительно независимого государства. Можно считать, что именно завоеванием Иваном III Новгорода полностью завершился архаичный период развития российского общества.

Стоит отметить, что борьба с Новгородом сопровождалась гораздо большей жестокостью победителей, чем в случае с остальными противниками Москвы. Как представляется, причиной этому было наличие в борьбе идеологической составляющей. Так в купеческой среде Новгорода язычество по-прежнему занимало достаточно сильные позиции. Соответственно, новгородская власть выступала серьезным препятствием в деле распространения православия на всю территорию Руси. Немаловажно и то, что церковные власти Новгорода, опираясь на местную экономическую элиту вели себя достаточно независимо по отношению к московскому митрополиту. Поэтому церковь рассматривала походы на Новгород в качестве крестовых — считала их главными целями окончательное искоренение язычества и распространение полноценной власти московских митрополитов на новгородские земли

13. СПАСЕНИЕ ОРДЫ

Считать битву на Куликовом поле началом борьбы Московской Руси за независимость, как это утверждают российские и советские историки, нет никаких оснований. Вообще, в этом эпизоде нашей истории имеется несколько странностей. Так, ханом Золотой Орды был Тохтамыш, а бились мы с Мамаем. Не менее странным выглядит участие в битве дружин почти всех княжеств. При том, что это было время самой активной экспансии Москвы на пространстве Руси. Так что непонятно, с какой стати все враждебные княжества вдруг прислали московскому князю свои дружины?

Непонятно и то, почему, наголову разгромив превосходящие силы монголов, Московская Русь еще сто лет оставалась вассалом. И ни разу не пыталась повторить достигнутый на Куликовом поле успех. Тем более что военная мощь Орды постоянно снижалась. И главное, непонятно зачем независимость нужна была главному действующему лицу этой истории — московскому князю? Вассальная зависимость русских княжеств и статус административной опоры Орды давали Москве огромные преимущества — позволяли успешно заниматься «собираем земель». И не только под прикрытием Орды, но и часто прямо опираясь на ее военную поддержку.

Опять же, представим, что московский князь действительно начал войну за независимость. Любой человек ставит перед собой цели, гипотетически достижимые в обозримом будущем. Так что если бы Дмитрий начал бы борьбу с Ордой, он должен был рассчитывать лет за десять добиться успеха. И что бы в этом случае он получил?

Москва была уже сильнее остальных русских княжеств. Но только по отдельности. А уже два-три княжества, объединившись, были бы сильнее Москвы. И потому в случае обретения независимости остальные княжества первым делом объединились бы на борьбу с Москвой — у князей накопилось достаточно обид на московских коллег. Это не считая того, что они видели бы в Москве прямую угрозу своей независимости. Так что все остальные княжества обязательно бы победили — разорили и обкорнали московское княжество. Соответственно, поставили бы жирный крест на перспективах его дальнейшего возвышения.

Литва и Польша тоже не сидели бы «сложена руки». По мощи оба государства были сопоставимы со всеми русскими княжествами вместе взятыми. А потому сразу же начали бы их захват. И дошли бы до Волги — волжская торговая магистраль была чрезвычайно лакомым куском. Так что в это время выход из состава Орды означал бы для Москвы переход «из огня да в полымя».

При этом, что особо важно, существовал риск попасть в вассальную зависимость от католической державы. Что, разумеется, категорически не устраивало Русскую православную церковь. С Ордой она прекрасно ладила и хорошо понимала, что с Литвой и Польшей ничего подобного в принципе не будет. Так что если бы даже у Дмитрия и возникли идеи о независимости, РПЦ быстро окоротила бы князя. Вот и получается, что в 1380 году борьба с «татаро-монгольским игом» начаться никак не могла. Некому этим было заниматься и незачем. Что же тогда на самом деле произошло на Куликовом поле? С кем мы все вместе бились, кто нас всех впервые объединил и для чего?

Имеются и другие странности в информации о Куликовской битве. Например, еще во времена Ивана Грозного прозвище «Донской» принадлежало Владимиру Андреевичу Серпуховскому — командиру засадного полка. А в современных битве летописях подробностей о ходе сражения нет вообще. В том числе и о том, кто командовал русскими войсками. Это странно, потому что в то же время летописи однозначно приписывают Дмитрию победу над отрядом татарского князя Бебича — в сражении на реке Воже, случившемся за два года до Куликовской битвы.

Мало того, история с решающим ударом засадного полка появилась почти через полтора века — в «Сказании о Мамаевом побоище», которое было написано в Серпуховском княжестве. Случайно ли, что серпуховский князь Владимир Андреевич стал главным героем Куликовской битвы? Но, опять же, сложным маневром — через командование появившимся неизвестно откуда засадным полком. Так что и главному герою отводится хоть и решающая, но далеко не главная роль. Ведь не сам себя князь Серпуховской отправил в засаду и держал там до решающего момента.

На самом деле быть о Куликовской битве — типич-

ный пример исторического пиара. И появление ее красочного описания в XVI веке вовсе не просто так совпало с началом подготовки к походам на Казанское и Астраханское ханства. По сути, это была пропагандистская операция, призванная поднять боевой дух русского общества. И, скорее всего, ее организовала РПЦ — мол, нужно продолжать дело, на которое Русь направил преподобный Сергей Радонежский. Дело в том, что после обретения страной независимости союзники стали конкурентами на властном поприще. И церковь в XVI веке уже искала способы ослабить светскую элиту, в том числе и направляя ее энергию во внешнюю сферу русского общества.

Так что вовсе не случайно «сказание» было написано в монастыре, и если создавалось в качестве пропагандистского мифа, то должно было решать и задачу возвеличивания церкви. Что мы и наблюдаем — вдохновителем похода числится не князь Дмитрий, а преподобный Сергей. А в качестве «народных героев» битвы выступают монахи — Ослябя и Пересвет.

Так же не случайно в качестве главного «благородного» героя выбран Владимир Серпуховской — в отличие от Дмитрия, он не заслонял фигуру Сергия. Плюс роль Владимира Серпуховского умаляла еще и фигура второго воеводы засадного полка — литвина Боброка Волынского. А сам князь Дмитрий фигурирует в качестве рядового дружинника. Вероятнее всего, Дмитрий в битве вообще не участвовал — наблюдал за ней с другого берега Непрядвы.

Ответ на вопрос о том, что именно произошло на Куликовом поле, нужно искать не в Московской Руси, а в Золотой Орде. В конце XIV века ее захлестнула эпидемия дворцовых переворотов — ханы менялись на ордынском престоле чуть ли не ежемесячно. Вакханалия переворотов естественным образом породила сепаратизм — некоторые представители монгольской знати стали стремиться разделить Орду и создать собственные государства. Что рано или поздно случается в громоздких и вступивших на путь деградации империях.

Наиболее успешным сепаратистом стал Мамай. Он был темником и наместником хана в западной провинции Орды — Крыму и причерноморских степях. Воспользовавшись неразберихой в столице, Сарая, Мамай отделился от Орды — провозгласил себя Крымским ханом. Так что угроза распада империи стала реальной —

у Сарая в тот момент не было достаточно сил, чтобы разделаться с сепаратистом. Точнее, укрепившемуся в тот момент на ордынском троне Тохтамышу требовалось время для сбора сил — получения подкреплений из Сибири и Средней Азии.

По контролируемой Мамаем территории проходили две важнейшие средневековые магистрали — старинный путь «из варяг в греки» и новый путь из Византии в Московскую Русь. Эти два пути давали Мамаю не только доход, позволявший набирать большое войско, но и поддержку других участников торговли. Так что Мамай дополнительно укрепил свои позиции перед схваткой с Тохтамышем — заключил союзные договоры с генуэзцами и Литвой.

Генуэзцы контролировали Черное море и были заинтересованы распространить свое влияние на территорию Московской Руси. Литва контролировала большую часть пути «из варяг в греки» и была заинтересована выйти к волжской торговой магистрали. Мамай договорился с обоими партнерами. Вероятнее всего, генуэзцам была обещана монополия на торговлю по всей территории Руси. Литовцам пообещали раздел волжского пути — контроль над верхней частью его течения. Оставалось немного — отвоевать Московскую Русь у Тохтамыша.

Сначала Мамай предложил московскому князю добровольно сменить сюзерена — перейти в вассальное подчинение к себе. Однако получил отказ. И московский князь, и Русская православная церковь прекрасно знали, кто поддерживает Мамаю, и не собирались менять веротерпимого и не очень тягостного ордынского сюзерена на свежее испеченный татарско-генуэзско-литовский триумвират. Точнее, догадываясь об истинных намерениях союзников, Москва предпочла остаться вассалом Тохтамыша.

Мамаю разумнее было бы двинуть свои силы на Сарай — нанести упреждающий удар Тохтамышу, пока он не получил подкрепление. В этом варианте победа Мамаю была гарантирована. А ее плоды вполне можно было обменять на признание суверенитета Крымского ханства. Стоит заметить, что Мамай вряд ли имел виды на золотоордынский трон — он не был чингизидом и потому не смог бы его удержать. Тогда как претенденты-чингизиды всегда могли рассчитывать на поддержку других улусов Большой Орды — в первую очередь Синей и Белой орд.

Но союзников Мамаю интересовала только Московская Русь. И Мамаю пришлось вначале отрабо-

тывать союзные обязательства — завоевывать русскую провинцию Золотой Орды. В принципе, захват Московской Руси укрепил бы позиции Мамаю и, наоборот, ослабил бы позиции Тохтамышу. А потому поход на Русь отнюдь не был простой отработкой Мамаем союзнического долга — выглядел пусть и затягивающим, тем не менее, вполне допустимым ходом в его борьбе с Тохтамышем. В результате решающая схватка между Мамаем и Тохтамышем произошла именно на Руси — в сражении на Куликовом поле.

Поняв, что Русь является первой целью Мамаю, Тохтамыш велел всем русским князьям выступить против сепаратиста. Тохтамыш не мог прислать им в поддержку войск — их у него самого пока было мало. Как представляется, он прислал своих представителей — хороших военачальников. Причем только приказ Тохтамышу мог заставить все княжества выставить военные дружины — лишь хану остальные князья могли подчиниться.

Разумеется, без активного участия московского князя как административной опоры Орды, собрать большинство русских князей было бы трудно. И Дмитрий в этом деле активно участвовал. Как можно предполагать, строго по обычаю московских Рюриковичей — не бескорыстно. Судя по всему, Дмитрий выторговал у Тохтамышу права на наследственное владение московскими Рюриковичами статусом наместника Орды. Это резко поднимало статус Москвы — вплотную приближало к статусу Великого княжества Литовского.

Естественно, что и командовали объединенной русской армией тоже монгольские военачальники. А Дмитрий вполне мог благоразумно наблюдать за битвой со стороны. Из-за чего и пришлось придумать историю с переодеванием его простым дружинником. Так что на Куликовом поле мы победили одних монголов под руководством других монголов. Официальные историки просто вымарали эту пикантную с точки зрения версии «освободительной борьбы» подробность. Пусть вышло и не очень складно — получилось, что князь-победитель битвой вообще не руководил.

Изложенное означает, что против Мамаю Москва выступила в качестве вассала Орды — воевала против сепаратиста. И никакой «борьбы с татаро-монгольским игмом» не было и в помине. Московская Русь пребывала в вассальном статусе ровно столько, сколько ей

было нужно для объединения русских княжеств в единое национальное государство. И после того, как эта цель была достигнута, Москва просто вышла из состава Орды.

Мало того, именно Куликовская битва сохранила

Орду — разгром самого опасного сепаратиста, Мамаю, отсрочил распад степной империи почти на целое столетие. Что и было нужно Москве — еще целый век она не «страдала под игом», а занималась своим делом под «крышей» Орды. И «обрела независимость» тогда, когда сочла нужным. Точнее, когда объединила все княжества и могла не опасаться угрозы ни с Востока, ни с Запада.

Так что вовсе не случайно после окончания битвы Тохтамыш прислал Дмитрию свои поздравления с победой. Так хан благодарил своего вассала за спасение — свое и Золотой Орды. Плюс за верность Дмитрий получил и более существенную награду — статус наместника хана на Руси был закреплен за московскими Рюриковичами, то есть стал наследственным.

Хотя через два года после Куликовской битвы Тохтамышу пришлось организовать поход на Москву. Этому походу имеется весьма прозаическое объяснение — хану нечем было расплатиться с подкреплениями, которые для борьбы с Мамаем прибыли из Синей и Белой орд. Вакханалия дворцовых переворотов оставила после себя абсолютно пустую казну. А Москва всячески увивалась от выплаты недоимок прошлых лет, когда она, пользуясь внутриордынской смутой, несколько лет не платила дани. Хотя Дмитрий ее, разумеется, собирал.

В конце концов, у Тохтамыша не осталось иного выхода, как отправить сибирское и среднеазиатское подкрепления грабежом взять причитавшуюся им плату, раз он не мог выплатить ее из русской дани. Так что поход дал возможность подкреплению пограбить Русь, а Дмитрию отвертеться от уплаты задолженности по дани. Не случайно, как только войска Тохтамыша начали встречать серьезное сопротивление, они сразу же ушли восвояси.

Стоит напомнить, что крестоносцы, прежде чем разграбить Константинополь, тоже полтора года под его стенами ждали выплаты денег, которые им причитались. И за конкретную услугу — военную поддержку, которая позволила захватить византийский престол очередному претенденту. У нас сложилась сходная ситуация — Дмитрий предпочел отдать на разграбление страну, лишь бы не платить Орде недо-

имки.

Но особого ущерба поход Тохтамыша не нанес — из крупных городов монголы сожгли только Рязань и Москву. Причем бояре, князья, купцы от этого мало пострадали — они покидали города загодя. А города и без монголов часто горели. Так что причина похода и последующего недружелюбного отношения Тохтамыша к Дмитрию — традиционная скардность московских Рюриковичей, а вовсе не ордынские интриги, как это считал Л. Гумилев. По этой же причине Дмитрия не причислили, как Александра Невского, к лику святых. Точнее, РПЦ объявила Дмитрия святым только в годы перестройки — через 600 лет.

Тем не менее, Куликовская битва приобрела совершенно колоссальное национальное звучание — сначала для общества, а потом и для историков она становится «точкой отсчета становления великорусского сознания». Хотя эту роль сыграла не сама битва, а лишь миф о ней — первая широкомасштабная отечественная пиар-акция.

14. ЭЛИТНЫЙ ФАКТОР

Общественное развитие — результат в первую очередь взаимодействия элиты и народа. Вторая составляющая общественного взаимодействия — между элитами. Во-первых, между элитами социальной и интеллектуальной сфер, во-вторых, между субъектами элит внутри самих сфер. И от того, какая элита оказывается сильнее и толковее, соответственно, каким влиянием обладает в элитном сообществе и обществе в целом, зависит путь, по которому развиваются сферы и, как следствие, все общество.

Поэтому отношения элит между собой — не менее важный фактор, влияющий на качество и темпы общественного развития. Соответственно, рассматривая любой этап исторического процесса, необходимо определять участвующих в нем элитных субъектов и их принципиальные особенности, то есть принадлежность к конкретной элите, качество, силу, зрелость. В целом в истории человечества в каждую эпоху во власти доминируют элиты, которые закончили свое формирование на протяжении текущей эпохи. Поэтому в архаичную эпоху во власти социальной сферы чаще доминирует военная, а во власти интеллектуальной — религиозная элита. Аналогично в патриархальную эпоху во власти социальной сферы чаще доминирует хозяйственная элита, а во власти интеллектуаль-

ной сферы — культурная.

Но достаточно часто встречаются отклонения от этого правила. Так, на протяжении архаичной эпохи нашего общества в нем доминировала экономическая элита. И потому, что была его основателем, и потому, что обладала большими в сравнении с другими элитами ресурсами. Военная и религиозная элиты играли роль «младших партнеров» купечества.

В Орде любая религиозная элита пользовалась особым покровительством власти. Благодаря этому РПЦ начала быстро богатеть и, соответственно, усиливаться. Под властью московских князей была только часть Руси. Тогда как духовная власть РПЦ распространялась на всю ее территорию. А потому и в территориальном аспекте РПЦ быстро стала мощнее своего союзника. В результате она стала естественным образом доминировать во власти московского княжества — смогла заменить экономическую элиту в качестве «старшего партнера» светской власти. Так что и в Московской Руси великие князья по-прежнему оставались «младшим партнером». Точнее, «самым младшим партнером» — экономическая элита по-прежнему была богаче и влиятельнее князей.

В возвышении Москвы немалую роль сыграло усиление московской аристократической элиты выходцами из Орды. После того как в 1312 году хан Узбек сделал государственной религией Орды ислам, многие исповедовавшие христианство и не пожелавшие перейти в новую веру знатные монгольские роды переместились в Москву и тем заметно усилили российскую аристократию. Так что именно выходцы из Орды составили основу русского конного войска, обеспечившего победу на Куликовом поле.

Полсотни боярских, сотня княжеских и свыше трехсот дворянских родов имеют ордынские корни. Можно привести для примера лишь несколько известных фамилий — Апраксины, Адашевы, Аничковы, Арсеньевы, Ахматовы, Арцыбашевы, Базаровы, Басаргины, Баскаковы, Блохины, Глинские, Годуновы, Дашковы, Державины, Достоевские, Дохтуровы, Елизаровы, Ермоловы, Ждановы, Загоскины, Замятины, Карамзины, Карауловы, Кобылинские, Марковы, Менделеевы, Мещерские, Нарышкины, Огаревы, Павловы, Радищевы, Ростопчины, Рылеевы, Скрябины, Танеевы, Тимирязевы, Тургеневы, Уваровы, Улановы, Чаадаевы, Челюскины, Чуриковы, Шалимовы, Юсуповы, Якушевы...

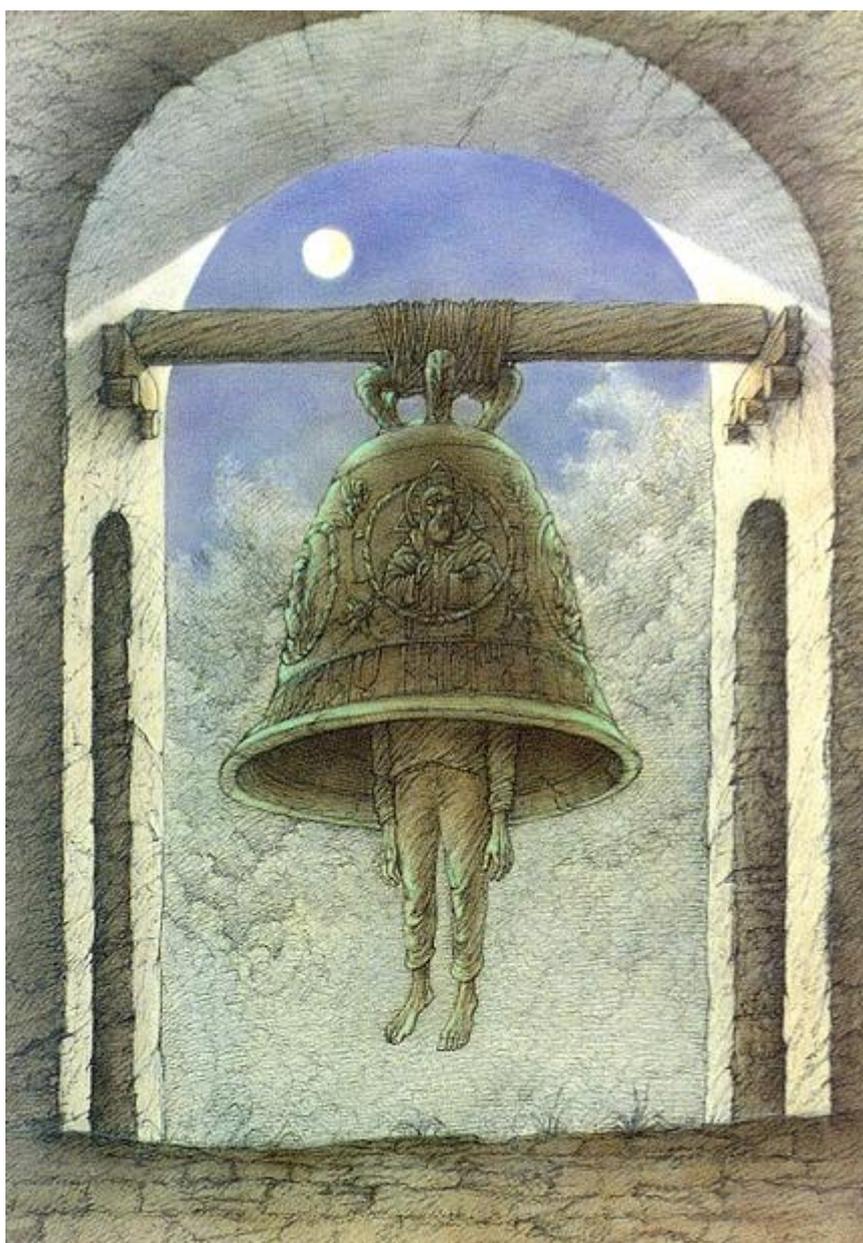
Усиливалась московская аристократия и за счет вы-

ходцев из Литвы, значительная часть элиты которой тоже была православной. Процесс объединения Литвы с Польшей сопровождался насаждением католицизма, ставшего официальной религией польско-литовского государства. В результате в Москву перебралась значительная часть литовской элиты. Например, князья Глинские, являвшиеся прямыми потомками Мамая. А представительница этого рода, Елена Глинская, стала матерью Ивана Грозного.

Такое элитное усиление как раз и дало возможность Москве со временем объединить под своей властью все находившиеся в вассальной зависимости от Орды русские княжества и основать мощное государство, которое смогло обрести независимость и создать новую империю — российскую. Причем Петр тоже использовал этот кадровый опыт — усиливал русское общество европейской протестантской элитой.

На протяжении тысячи лет инородцы пополняли и обновляли российскую элиту. При этом чаще легиrowали, чем портили русскую нацию. Иона прекрасно осознает этот факт. Как следствие, национализм никогда не был ей свойственен. А потому появление русского национализма нужно рассматривать в первую очередь как симптом тяжелого заболевания нашего общества — помутнения его сознания.

III. СМУТНОЕ ЦАРСТВО

15. ПОЛУ-ЦАРИ

Образованием суверенного государства закончился процесс рождения русской нации. И ее создателями нужно считать православное учение, РПЦ, экономическую элиту, московских князей и инородцев. Причем именно последние, обладая державным менталитетом, стали катализатором завершающей стадии формирования русской нации — обретения независимости.

В сущности, московские князья никогда за независимость от Орды не боролись. В первую очередь, потому что были ее наместниками — административной опорой. В патриархальных представлениях «сильный» автоматически был «главный» — сюзерен.

И вассальная зависимость обеспечивала более слабому обществу дополнительную защиту. Так что слабые общества всегда только меняли сюзеренов, но за независимость никогда не боролись. Хотя и стремились стать более сильными — сюзеренами для более слабых обществ.

Стоит заметить, что реальная борьба за независимость появилась только в индустриальную эпоху. Точнее, после того, как дополнительную защиту стало обеспечивать международное право. А возможность любому обществу стать независимым появилась только в середине XX века. Тогда как до этого периода суверенитет любого слабого общества был мнимым — такое общество всегда находилось в явной или скрытой вассальной зависимости от более сильных соседей.

Великое княжество Московское стало таким же осколком империи, как Казанское, Астраханское, Крымское, Сибирское ханства, Ногайская Орда. Это произошло в правление Ивана III. При нем был завершен процесс объединения русских земель в унитарное государство. Последними были присоединены Тверское, Рязанское княжества и Новгород. Завоевание последнего обеспечило Москве контроль над всем северным участком Волжского торгового пути и, соответственно, солидные дополнительные ресурсы. Москва усилилась настолько, что ей больше не требовалась вассальная зависимость — вокруг нее просто не было более сильных обществ.

Почему же, обретя, наконец, независимость, российское общество вскоре погрузилось в Смуту, а затем фактически разрушилось? Наши историки склонны объяснять феномен Смуты психическими недуга-

ми. Вроде как сначала Иван Грозный помешался — уничтожением непокорного боярства и устрашением остального общества захотел добиться абсолютной власти. В результате все общество тронулось умом. Вот и наломали дров. Но почему именно так разворачивались события, историки не объясняют.

Неуемное стремление к неограниченной власти — классический способ объяснения действий литературных героев. Тогда как исторический процесс демонстрирует исключительно прагматичное поведение своих субъектов. А потому разумнее поискать причину нестандартного поведения власти и общества, которая будет иметь понятное с точки зрения общественных отношений объяснение.

Второй после деградации причиной разрушения общества является внутренний и глобальный для его масштабов конфликт. То есть когда происходит искажение общественных отношений — глобальные субъекты общества от сотрудничества переходят к борьбе друг с другом. В этой борьбе не только гибнут соперники, но и разрушается само общество.

Для общества смертельно опасна борьба наиболее мощных субъектов общественных отношений — ветвей власти между собой или власти и оппозиции. Потому что только самые сильные и близкие по весовой категории противники способны в пылу борьбы разрушить все общество. Соответственно, для объяснения феномена Смуты необходимо определить, кто именно и за что конкретно в период Смуты боролся в Московской Руси.

Так как конфликта между властью и народом в начале Смуты не наблюдалось, а оппозиции фактически не было, остается предполагать, что глобальный конфликт возник на верхнем этаже власти. Соответственно, именно на нем оказались два близких по весовой категории властных субъекта. И именно борьба между ними за первенство привела к Смуте.

О том, что Смута началась именно на верхнем этаже власти, свидетельствует одно принципиально важное обстоятельство. А именно то, что, в отличие от других осколков монгольской империи, обретя независимость, Великое княжество Московское не стало царством. Такое государство возглавляет царь-самодержец, который представляет собой единственную высшую власть общества. А в Московской Руси высших властей было как минимум две — де-юре ею был Великий князь Московский, а де-факто страной пра-

вила Русская православная церковь.

Пока партнеры занимались достижением общей цели объединения Руси и обретения независимости, они не враждовали. Каждый занимался своим делом на собственной «делянке». Но, после того как цель была достигнута, у каждого партнера появились собственные цели. У РПЦ — сохранить и дальше статус «старшего партнера». У великих князей — стать реальной верховной властью страны.

При этом нужно иметь в виду, что уже в XV веке российское духовенство в массе перестало быть чисто религиозной элитой — разделилось на религиозное и политическое. Немногочисленное первое продолжало выполнять роль интеллектуальной элиты — занималось мировоззренческим обеспечением общества. Тогда как вторая и при этом большая часть духовенства перешла в разряд политической элиты — целиком сосредоточилась на выполнении властных функций в русском государстве. По сути, политическое духовенство стало клерикальной разновидностью политической элиты.

Поэтому начиная с XV века необходимо разделять православное духовенство на религиозную и политическую элиты и понимать, что они играли разные роли в истории страны — религиозная элита способствовала развитию российского патриархального общества, а политическая руководила государством. Это, естественно, не нравилось московским князьям. Необходимо отметить, что экономическая элита сохраняла сильные позиции во власти только на региональном и местном уровне.

Присутствие в верховной власти двух разных по своей природе элит, аристократической и церковной, противоречит описываемой патриархальными учениями централизованной модели государства, а потому после обретения страной независимости между ними обязательно должна была начаться борьба за главенство. Причем для московских князей эта борьба была полностью легитимной — в патриархальном обществе только аристократия имеет право быть верховной властью.

В свою очередь, политическое духовенство представляло собой тень по своей природе власть, а потому не имело права быть «первой». Для этого вначале нужно было преобразовать Русь в клерикальное государство. Чего РПЦ пока что делать не хотела — предпочитала действовать из-за кулис.

По сути, с начала XIV века Русская православная церковь имела такой же властный статус, что и като-

лическая церковь в Западной Европе — была де-факто высшей властью сначала Великого княжества Московского, а затем и Московской Руси. Мало того, она вышла из подчинения Константинопольской патриархии — московского митрополита избирали сами иерархи РПЦ, то есть так же, как кардиналы избирали папу. А потому, расходясь с католической церковью в отдельных формальных догматах, в качестве субъекта общественных отношений РПЦ превратилась в практически полный аналог католической церкви.

Только в XVII веке церковники начали перестраивать клирическую по содержанию власть Московской Руси в соответствующую содержанию форму. Так патриархи получили титул «великого государя». И вплоть до свержения Никона они были по всей форме верховной властью государства.

Сила церкви основывалась в первую очередь на ее богатстве. «Кому война, а кому мать родна». РПЦ не платила налоги ни ханам, ни князьям, и потому за время «монгольского ига» накопила огромные богатства. Во вторую очередь сила церкви основывалась на ее духовном авторитете в русском обществе. В третью очередь — на традиции. Ведь Рюриковичи никогда не были «первыми» — в Новгородско-Киевской Руси «старшим партнером» было купечество, в Московской Руси над ними стояли ордынские ханы.

То, что Русская православная церковь была именно «старшим партнером» московских князей, нагляднее всего демонстрирует история со сменой наследника Ивана III. Великий князь оставил трон своему внуку Дмитрию — сыну умершего старшего сына Ивана. Дмитрия даже успели короновать в Успенском соборе. Однако затем РПЦ пришла к выводу, что ей больше подходит второй сын Ивана — Василий, и переиграла ситуацию — отменила коронацию Дмитрия и возвела на трон Василия.

Причина, по которой РПЦ организовала дворцовый переворот, была достаточно важной. Дело в том, что уже Иван III начал серьезно расшатывать позиции церкви во власти. Так, великий князь негласно покровительствовал распространению на Руси «ереси жидовствующих». В форме этого учения к нам стал проникать европейский протестантизм, который привлек Ивана тем, что критиковал стремление церкви к обогащению и отрицал ее боговоплощенную природу.

Первый тезис давал основания добиваться уреза-

ния в пользу великокняжеской власти доходов церкви и, как следствие, уменьшать ее финансовое могущество. Что, естественно, ослабляло «старшего партнера» и усиливало влияние в верховной власти князей. Второй тезис позволял великому князю опустить РПЦ до статуса «младшего партнера» или вообще изгнать из состава верховной власти. Ведь если финансовое могущество было ресурсной опорой церкви в структуре власти, то представление о боговоплощенной природе обеспечивало легитимность ее властным притязаниям. Она же была законным «представителем» божественного начала мироздания.

Самым важным элементом западноевропейской Реформации был отказ от общего для православия и католицизма догмата о боговоплощенной природе церкви, на котором как раз и основываются ее претензии на власть. Ведь если церковь представляет в земных делах самого Бога, то в общественной иерархии она должна стоять выше светской власти. Поэтому во всех версиях протестантизма церковь меняет свой статус — из земного представителя божественного начала мира превращается в посредника между человеком и Спасителем. Соответственно, лишается всяких прав на властный статус. Так что борьба светской корпорации с РПЦ за статус высшей власти Московской Руси представляла собой русскую Реформацию.

Если христианин отрицает божественную природу церкви, он перестает быть католиком или православным. А потому борьба с церковью возможна только в том случае, если светская элита впадает в протестантизм — отказывается от догмата о боговоплощенной природе церкви. Иначе ведь получается, что земная власть вступает в борьбу с божественной. Что для патриархального сознания означает переход светской власти на сторону дьявола.

Выбирая в качестве наследника Дмитрия, Иван III, разумеется, передавал власть своим единомышленникам, которые продолжили бы политику великого князя. Это, естественно, никак РПЦ не устраивало, и она организовала перекоронацию, то есть пошла на прямое нарушение русских обычаев престолонаследия.

Не только Иван III, но и интеллектуальная часть духовенства поддерживала еретиков. В частности, к ней относился и Московский митрополит Зосима — сторонник царя, продвинутый им в руководители РПЦ, благодаря чему и удалось короновать Дмитрия. Тогда как против ереси жидовствующих выступило полити-

ческое духовенство, которое неформально возглавлял церковный авторитет Иосиф Волоцкий. Церковные иерархи прекрасно понимали, что вслед за ересью в страну придет Реформация. В конце концов, церковная корпорация победила — убрала и Зосиму, и законного наследника Ивана III на престоле — Дмитрия.

Так политическое духовенство выиграло первый раунд борьбы за верховную власть с князьями. Дмитрий с матерью были заключены в тюрьму, где и умерли. Этот пример свидетельствует, что РПЦ с самого начала была настроена бороться за власть любыми способами, не останавливаясь ни перед чем. Что и предопределило характер дальнейших событий — беспредел Смутного времени.

16. ЦАРЬ ВСЕЯ РУСИ

Борьба между княжеской и церковной властью за верховенство возобновилась уже в правление сына Василия III — Ивана IV Грозного. Василий, не имея законных прав на престол, был полностью зависимым от церкви соправителем Руси и потому против церкви не выступал. Иван такой узды не имел, но опасений у РПЦ поначалу не вызывал — в юности великий князь увлекался изучением богословия и производил впечатление искреннего сына церкви. Так что политическое духовенство рассчитывало и дальше сохранить свое влияние на него.

Тем не менее, церковь предприняла грандиозную государственную реформу. РПЦ решила воспользоваться временным ослаблением великокняжеской власти по причине малолетства Ивана, чтобы с меньшими трудностями и издержками осуществить давно назревшие реформы. Причем в максимально выгодном для себя ключе.

Первые века своей истории наша страна сначала была корпоративным обществом, которое условно можно назвать Купеческая Русь. Затем Рюриковичи сформировали второе корпоративное общество — Княжескую Русь. В результате страна превратилась в сообщество двух профессиональных корпораций. Основой отношений между корпорациями являлось разделение между ними поля деятельности. Купеческая Русь управляла экономической сферой, Княжеская Русь — военной. Естественно, на подвластных им территориях обе корпорации занимались и другими видами деятельности — коммунальной, правоохранительной, судебной.

Во время пребывания в составе Золотой Орды в стране оформилось третье корпоративное общество — Церковная Русь. Эта корпорация занималась мировоззренческим обеспечением процесса формирования русской нации и религиозным обслуживанием общества. В результате появления Церковной Руси сообщество расширилось до трех корпораций.

Купеческая и Церковная Русь объединяли свободных жителей страны — купечество, ремесленников, вольных крестьян, духовенство. В состав Княжеской Руси входили князья, бояре, служилые люди (дворяне) и крепостные крестьяне. Великий князь был командующим, бояре и простые князья — генералами и старшими офицерами, служилые люди — младшими офицерами и солдатами. По сути, Княжеская Русь была русским аналогом рыцарских орденов.

Каждая корпорация имела свою власть, свое право и свою территорию в составе общей Руси. Купеческая и Церковная корпорации были полностью демократическими образованиями. Несмотря на свой военизированный характер, Княжеская Русь имела относительно демократическую систему управления — Боярская дума была представительным органом власти. Причем в структуре власти Княжеской Руси Боярская дума по статусу была выше князя. А крестьяне имели свободу трудоустройства — право выбора помещика. Это, конечно, не полная демократия, но и далеко не авторитарная система управления.

Все три корпорации были самодостаточными обществами — имели собственную ресурсную базу. Ресурсной базой купеческой Руси была большая часть экономической сферы страны. Церковная Русь имела храмы и монастыри с огромными угодьями. Княжеская Русь — вотчины с крепостными крестьянами. Поэтому вотчины и крепостные крестьяне не были полноценной собственностью помещиков — при продаже или переходе по наследству вместе с вотчиной и крестьянами новому владельцу переходили и обязанности по оснащению вооружением и провиантом установленного числа ратников.

Ресурсная самодостаточность каждого общества обеспечивала сравнительно большую независимость партнеров друг от друга. Однако в союзе двух субъектов один всегда оказывается «старшим» партнером, а второй — «младшим». В домонгольский период существования «совместного предприятия» в нем безусловно доминировала власть Купеческой Руси — князья были просто слабее торговых городов и купечества.

При монголах РПЦ набрала не только большую экономическую силу, но и огромное политическое влияние. Как следствие, статус лидера перешел к церковной корпорации. При этом духовенство и купечество были самостоятельными и не менее важными в сравнении с великими князьями опорами ханской власти. И в противостоянии с Рюриковичами всегда действовали заодно. После обретения страной независимости ситуация не изменилась — Церковная Русь продолжала доминировать в верховной власти и держаться Купеческой Руси.

Рюриковичи периодически затевали борьбу за статус старшего партнера. Однако сначала купечеству, а затем духовенству всегда удавалось отбить эти атаки и отстоять свое верховенство во власти.¹⁰ Таким образом, к концу XIV века в составе «совместного предприятия» под названием Московская Русь духовенство имело статус старшего партнера, купечество — среднего партнера, великие князья — младшего партнера.

К началу царствования Ивана Грозного РПЦ осознала необходимость скорейшего проведения кардинальной государственной реформы — запуска процесса полноценного объединения трех корпоративных обществ в единое государство, то есть в общество с общим правом и властью. В первую очередь этого требовал статус независимого государства. Не менее важным было осознание церковниками, что распространение во власти Княжеской Руси протестантизма несет принципиально новую угрозу «брачному союзу». Ведь статусные напряжения между властями двух обществ начинают дополняться мировоззренческими. А потому разумнее, пока конфликты не достигают катастрофического уровня, объединить три общества в единое целое. Это повысит прочность страны и, соответственно, ее устойчивость при властных конфликтах.

Сила авторитарной власти чрезвычайно зависит от качества ее главы. Поэтому малолетство Ивана имело следствием хотя и временное, но весьма существенное ослабление власти Княжеской Руси. Соответственно,

¹⁰ Кстати, московские Рюриковичи ввели практику приема на службу чужеземной элиты именно для своего усиления — понимали, что одним своим семейством серьезно конкурировать с РПЦ и купечеством за статус верховной власти нереально

в 30—40-е годы XVI века имели место исключительно благоприятные условия для проведения государственной реформы — с максимальной пользой для РПЦ. Церковь правильно рассчитывала, что, проведя в тех условиях реформу, она сможет не только сохранить во власти объединенного общества статус старшего партнера, но и упрочить это положение на достаточно длительный срок.

Создание объединенного общества осуществлялось естественным способом — формирование объединяющей власти и разработка общего права. Объединяющей властью стал Земский собор, в котором заседали представители духовенства, Боярской думы, царского двора, провинциального дворянства, купечества и других свободных сословий. Как высший по отношению ко всем властям орган Земский собор получил право решения самых важных вопросов — принятия законов, объявления войны и заключения мира, избрания царя и т. п. Общее право было разработано в виде Судебника, принятого Земским собором 1550 года.

На первом этапе объединительного процесса все корпорации сохранялись в качестве достаточно самостоятельных субъектов внутриросийской жизни. Они получали общую власть в лице Земского собора, общее право и унификацию организации местной власти. Раньше на местном уровне власти Купеческой Руси и Княжеской Руси принципиально различались. В Купеческой Руси на местном уровне имелось самоуправление — выборными субъектами власти. В Княжеской Руси на местном уровне властные функции выполняли назначаемые великим князем наместники. В результате реформы местная власть была унифицирована по образцу, принятому в Купеческой Руси — самоуправление было внедрено на всей территории страны, и все местные власти стали выборными.

Хотя историки называют реформу местного самоуправления именем Ивана Грозного, она, конечно, проводилась по инициативе РПЦ и под ее нажимом. Царю она была не нужна в принципе. Ведь она лишала его власти на местном уровне. Тогда как для церкви эта реформа была принципиально необходима — при выборах духовенство и купечество всегда получали большую поддержку в сравнении с княжеской властью. Так что переводом местной власти княжеской территории на самоуправление фактически передавался контроль над ней церковникам и купцам. А это автоматически увеличивало их представительство

в Земском соборе.

Таким образом, в процессе государственной реформы РПЦ получила две существенные выгоды. Первая состояла в том, что верховная власть в государстве передавалась Земскому собору, контролируемому земскими союзниками, духовенством и купечеством. Вторая выгода заключалась в лишении великого князя контроля над местной властью — она де-факто вся переходила к земским союзникам.

Получение в 1547 году Иваном титула царя представляло собой компенсацию полученных духовенством в процессе проведения государственной реформы выгод. Права на этот титул реально получил еще дед Ивана Грозного — Иван III, так как все осколки Золотой Орды стали царствами. Но РПЦ не спешила помазать великих князей на царство, здраво рассуждая, что это усложнит взаимодействие с ними — даст им дополнительные и уже правовые основания претендовать на статус старшего партнера во власти.

Царский титул представлял собой прекрасный предмет для обмена или торга. И РПЦ ждала, когда наконец появится предмет, который стоило бы обменять на царский титул. И будут иметься условия, в которых обмен не приведет к изменению баланса сил во властной иерархии. Таким образом, РПЦ смогла бы сохранить статус старшего партнера и, соответственно, свое доминирование в верховной власти страны.

Этим предметом обмена на царский титул и стал дисбаланс властных полномочий в сторону земских союзников через Земский собор и самоуправляемую местную власть. Как следствие, они получили возможность проводить в целом более выгодные для себя решения как на верховном, так и на местном уровнях власти. По сути, РПЦ взяла курс на превращение Московской Руси в полноценную клерикальную державу, в которой царю отводилась роль всего лишь главнокомандующего вооруженными силами.

Награждение московских Рюриковичей царским титулом было обставлено РПЦ более чем солидно — легитимность помазания великого князя на царство была подтверждена Константинопольским патриархом. Но Иван со временем понял, что совершенная им в молодости сделка была явно неравноценной. Забегая вперед, можно заметить, что понимание этого факта стало фактором, ужесточившим борьбу Ивана с РПЦ.

В первый период царствования конфликтов между

царем и РПЦ не было, так как энергия Ивана ориентировалась на внешнеполитическую сферу. После присоединения к Московскому государству новгородских северо-восточных земель контроль над пушными ресурсами этих территорий перешел к купцам, контролировавшим волжский торговый путь на отрезке между Казанским ханством и Новгородом. Поэтому в результате покорения Новгорода не только московские князья увеличили свои доходы — северо-восточное купечество тоже стало богаче. Как следствие, экономическая элита усилила свое влияние в московском государстве.

К началу правления Ивана Грозного северо-восточное купечество полностью освоило пушное наследие Новгорода и обратило взоры на юг — на средний и нижний участок волжского торгового пути. Купцы легко уговорили молодого правителя отправиться на завоевание контролировавших эти части торговой магистрали ханств — Казанского и Астраханского. Можно предполагать, что купцы даже взяли на себя финансирование этих походов. РПЦ это предприятие поначалу тоже приветствовала — энергия светской элиты направлялась во внешнюю политику. Соответственно, ослабевал ее натиск на позиции церкви во власти.

Результат получился таким же, как в случае с Новгородом. Завоевание поволжских ханств существенно обогатило и усилило купечество. И увеличило доходы светской власти. Этот успех укрепил союз царя с экономической элитой. Затем молодой царь начал Ливонскую войну, которая тоже преследовала интересы экономической элиты — ставила цель расширить доступ к Балтике.

Дело в том, что хотя у страны и был выход к Балтийскому морю, однако серьезной торговой инфраструктуры на побережье не было — новгородское купечество привыкло к тому, что североевропейские купцы сами приезжали в Новгород за восточными товарами. Начавшийся во второй половине XV и продолжавшийся на протяжении первой половины XVI века бурный экономический рост привел к росту во внешнеторговом обороте доли товаров российского происхождения. А это потребовало создания соответствующей внешнеэкономической инфраструктуры — обустроенных незамерзающих портов, торгового флота для перевозки товаров, военного флота для охраны торговых маршрутов. Купцы решили, что проще захватить чужую инфраструктуру, чем созда-

вать собственную. Например, завоевать Ливонский орден, который обладал качественными портами и необходимыми для флотов кадровыми ресурсами, но существенно ослаб к середине XVI века.

Начало похода в Ливонию было более чем успешным — за короткий срок была завоевана добрая половина территории ордена. Однако после этого в войну вступили шведы, датчане и поляки — все они решили поучаствовать в дележе рыцарского имущества. А для борьбы с таким набором противников ресурсов у Ивана и купечества не хватило. И у царя остался только один способ достижения победы — мобилизация ресурсов всего государства. Однако реализация этого варианта встретила жесткое сопротивление РПЦ.

Судя по всему, церковь все больше беспокоило усиление царя — победы над поволжскими ханствами заметно подняли авторитет царской власти. Победа в Ливонской войне сделала бы Ивана вообще национальным героем — вторым после Александра Невского великим русским полководцем. А великие исторические деятели терпеть не могут подчиненного положения — считая себя избранниками судьбы, всегда стремятся к единовластию. Вряд ли стал бы исключением и Иван — обязательно постарался бы отстранить РПЦ от власти.

Не меньше беспокоил церковь и союз царя с купечеством. В этом союзе вообще не было места богатой и доминирующей в системе власти РПЦ. А церковной корпорации территориальная экспансия не нужна была в принципе. И не только потому, что ее результаты усиливали светскую и экономическую элиты. Церковь категорически не устраивал выбор ее «младшими партнерами» многоконфессиональной модели общества — основанной на принципе веротерпимости. Ведь присоединение Казанского и Астраханского ханств создало на территории страны легитимную иноверческую территорию. Соответственно, не только ликвидировалась идеологическая монополия РПЦ, но последняя получала в лице более молодой мусульманской религии опасного конкурента.

Церковные иерархи прекрасно помнили о религиозной реформе хана Узбека — переводе Золотой Орды в мусульманство. И вполне обоснованно опасались ее повторения в Московской Руси. Мало того, Иван стал проводить политику введения субъектов мусульманской элиты в состав светской власти. Но если московские князья принимали на службу инородческую эли-

ту только при условии перехода в православие, то Иван от этого требования отказался.

Это тем более было опасным для РПЦ, что мусульманская элита ничем с ней не была связана, а потому в противостоянии церкви и светской власти автоматически оказывалась на стороне последней. Ведь при отсутствии духовных уз вассальные отношения надежно связывали светскую элиту. Поэтому введение в светскую элиту иноверческой компоненты обеспечивало царю дополнительную опору в обществе, полностью чуждую РПЦ.

В такой ситуации РПЦ ничего не оставалось, как начать показывать Ивану, «кто в доме хозяин». Через Земский собор и Боярскую думу церковники смогли заблокировать мобилизацию ресурсов общества на военные нужды. В результате Ливонская война перешла в вялотекущее состояние без перспектив успешного окончания. Что, разумеется, напрямую способствовало снижению авторитета Ивана в общественном мнении. Затем церковь встала на пути проводимых Иваном реформ светской власти — начала блокировать в Земском соборе и в Боярской думе их реализацию или, как минимум, выхолащивать их содержание.

РПЦ быстро поняла, что Иван решил продолжить дело своего деда — борьбу за статус единственной верховной власти. И все затеваемые царем реформы имеют конечной целью перестроить общество под самодержавную модель во главе с аристократической элитой — усилить светские институты и ликвидировать влияние на их деятельность церкви.

Царь прекрасно знал о сути только что завершившегося в Западной Европе процесса Реформации. И считал ее идеи вполне подходящими для себя. Так что стремление лишить вставшую у него на пути церковь властного статуса возникла не на пустом месте — то же самое сделала светская власть стран Северной Европы. А потому, столкнувшись с открытым противодействием церкви своим мобилизационным планам и реформам, Иван без особых колебаний двинулся по проторенному европейской Реформацией пути — начал борьбу с РПЦ за установление на Руси реального самодержавия.

Главным полем этой борьбы стала дворянская среда. Статус верховной власти без поддержки большей части дворянства невозможно было ни получить, ни удержать. И начинать борьбу за поддержку дворянства нужно было с боярства, которое в большинстве поддерживало церковь.

Часть бояр просто не могла отречься от основополагающего догмата и потому воспринимала политику царя как богоборчество. Более прагматичная часть боярства привыкла использовать в своих интересах двойственную природу российской власти — умела лавировать между ее ветвями и не хотела лишаться свободы политического маневра. Так что с большей частью боярства было невозможно договориться не то что о союзе против РПЦ, но даже о нейтралитете в этом вопросе — его полностью устраивало главенство церкви в составе верховной власти.

Царь очень быстро пришел к выводу, что без ликвидации боярской поддержки церкви у него нет шансов превратить дворянство в свою полноценную опору. А также понял, что, утратив поддержку бояр, РПЦ автоматически лишится властного статуса. Ведь на местном уровне власти в ней доминировал союзник царя — экономическая элита. В свою очередь, переманив на свою сторону Боярскую думу и, соответственно, получив полную поддержку дворянства, которое дума и представляла, царь мог бы пойти на ликвидацию института Земских соборов.

Дворянство этот вариант вполне устроил бы, потому что институт его собственного представительства значительно усиливался. Ведь полномочия Земского собора перешли бы к Боярской думе. Так что в этом государственном перевороте дворянство полностью поддержало бы царя. По сути, Иван хотел перейти на хорошо известную ему и более удобную английскую систему власти. Соответственно, Боярская дума стала бы аналогом британской палаты лордов.

Именно исходя из этих соображений Иван начал войну на уничтожение процерковного боярства. Так что не «безумие», а трезвая оценка ситуации подвигла царя на антибоярский террор. Тем более что в то время компромисс между противниками в борьбе за верховную власть был принципиально невозможен — патриархальные идеологии задавали жестко централизованную конструкцию общества и не предусматривали разделения властей. Соответственно, у царя просто не было выбора — во главе патриархального общества всегда должна была быть только одна власть.

Истовая набожность Ивана в представлениях психоаналитиков от истории служила дополнительным свидетельством в пользу версии, что царь тронулся умом. Тогда как набожность Ивана так же отличалась от показной набожности алчных и властолюбивых иерархов РПЦ, как набожность протестантов — от фор-

мальной набожности католических ханжей. Своей религиозностью Грозный показывал, что не отступил от христианства. Соответственно, демонстрировал обществу, что его врагом является только РПЦ.

Лобовые атаки успеха Ивану не принесли. Ни интриги, ни уничтожение отдельных бояр доступными способами (вплоть до примитивного отравления) не смогли обеспечить царю стратегического выигрыша. Наоборот, боярство в ответ на репрессии только сильнее спланивалось. В итоге Иван утратил в боярской среде даже ту поддержку, которую имел изначально, — все боярство перешло в оппозицию царю.

Оставшись на властной арене в одиночестве и понимая, что его окончательное поражение только вопрос времени, царь предпринял нестандартный ход — формально вообще покинул арену. Он как бы добровольно отправился в изгнание — удалился в вытребованный для себя собственный удел.

Опричнина — это удел, который предоставлялся женщинам из великокняжеской семьи в качестве источника собственного дохода. Иван воспользовался этим обычаем, чтобы, во-первых, уйти от неминуемого контрнаступления оппозиции, которому ему нечего было противопоставить, во-вторых, чтобы получить собственную защищенную территорию, на которой он мог бы самодержавно править и готовиться к реваншу.

К слову заметить, взяв себе опричнину, то есть «женский удел», Иван тем самым официально смирился со статусом «младшего партнера» в составе верховной власти. История с опричниной доказывает псевдо самодержавный характер царской власти в Московской Руси. Царство формально было, но полноценной царской власти не было и в помине.

Получив независимую от РПЦ и боярства территорию, Иван начал собирать силы — формировать из люмпенизированной части дворянства полностью лояльную себе опору. А затем своими опричниками стал терроризировать страну — опустошать и разорять. Однако за семь лет существования опричнины царь смог лишь ликвидировать угрозу полного поражения и собственной гибели. Но ни царь, ни РПЦ с боярством не смогли достичь стратегического преимущества. При этом ущерб от второй в российской истории гражданской войны уже поставил под угрозу само существование государства.

В этой ситуации в конфликт, наконец, вмешалась экономическая элита. Вначале купечество в борьбе

царя и РПЦ прагматично придерживалось нейтралитета. Во-первых, война ветвей власти не касалась прилегающих к Волге территорий, на которых лидер экономической элиты, поволжское купечество, было едва ли не абсолютной властью. Во-вторых, поволжские купцы начали освоение Сибири, что требовало мобилизации всех их сил и ресурсов.

При этом разорение центра было даже выгодно поволжским купцам. Ведь народ бежал из разоренных опричниками боярских вотчин не только на юг, но и на восток. Эта волна решала проблему привлечения дополнительных трудовых ресурсов, необходимых для колонизации Сибири.

Первое время нейтралитета придерживалась и вторая по влиянию группа экономической элиты — новгородское купечество. Ситуация изменилась, когда от гражданской войны Новгород стал терпеть убытки. Новгородские купцы в больших объемах экспортировали хлеб, поставлявшийся как раз из центральных областей. А их разорение опричниками эту торговлю полностью разрушило. Так что опричнина в конце концов расколола экономическую элиту — новгородские купцы отказались от нейтралитета и встали на сторону РПЦ и боярства.

Еще раньше на сторону РПЦ перешло купечество центральных областей страны, которое первым пострадало от гражданской войны. Ведь опричники грабили не только боярские вотчины, но и купеческие лавки и лабазы. И за какие-нибудь два года полностью разрушили экономику всех прилегающих к Москве регионов. В результате купечество центральных областей сначала было ограблено, а затем и вовсе лишилось возможности заниматься делом — торговать стало нечем.

Иван прекрасно понимал, что если на сторону его противников перейдет вся экономическая элита, у него не останется шансов на победу, а потому решил устроить показательную расправу с нарушителями нейтралитета — предпринял поход против новгородского купечества. Что и стало реальной причиной разорения Грозным Новгорода и жестокости царского войска — по некоторым оценкам было убито порядка 60 тысяч новгородцев.

В этом эпизоде гражданской войны поволжское купечество тоже сохранило нейтралитет и поэтому смогло воспользоваться результатами карательного похода — заняло место вырезанного царем новгородского купечества. В результате поволжские купцы взяли под свой контроль выход волжского торгового

пути на Балтику и пушные ресурсы северных территорий. Как следствие, поволжский клан экономической элиты стал тотально доминировать в экономической сфере страны.

В конце концов противостояние царя и церкви зашло уже так далеко, что начало разрушать экономическую инфраструктуру общества. Тут экономической элите уже нельзя было сохранять нейтралитет — ущерб от Смуты становился для нее неприемлемым. В этой ситуации купечество выступило посредником в переговорах о примирении. Точнее, экономическая элита потребовала от противников возвращения на исходные позиции.

В 1572 году РПЦ и царю пришлось прийти к мировому соглашению, которое вернуло политическую ситуацию к положению, существовавшему до начала террористической кампании царя. Хотя фактически купечество не только спасло царя, но и принудило РПЦ и боярство частично уступить развязанному царем террору. Царь вернулся в Москву, а опричники составили его новую свиту.

В 1575 Иван сделал еще одну попытку возобновить борьбу с церковью. Он передал московский престол татарскому царевичу Симеону Бекбулатовичу и покинул Москву. По сути, Иван хотел продемонстрировать русскому обществу, что в структуре власти Московской Руси статус царя мало что значит. Так что царем может быть кто угодно.

Церковь была теневой главой верховной власти. Тогда как царь был ее формальной главой. В этой ситуации ход царя дискредитировал существовавшую систему верховной власти. Точнее, демонстрировал ее откровенно фарсовый характер. Соответственно, ход с воцарением Симеона Бекбулатовича был направлен против РПЦ.

Восемь месяцев церковь терпела издевательство Ивана над имиджем верховной власти. И в конце концов была вынуждена пойти на мировую — согласилась на дополнительные уступки Ивану в вопросах разграничения полномочий между двором, Боярской думой и Земским собором. Это мировое соглашение стало окончательным — до конца царствования Ивана открытой борьбы между ним и РПЦ больше не наблюдалось.

В царствование Ивана Грозного началась территориальная экспансия России в Сибирь и на Дальний Восток, в результате которой мы стали самой большой по площади страной в мире и сегодня владеем третью

мировых полезных ископаемых. Но российская власть к этому великому походу отношения не имела — экспансия осуществлялась по инициативе купцов и финансировалась ими. Только при Петре I власть подключилась к этому процессу. И то ненадолго. Завоеванием Казанского и Астраханского ханств Иван Грозный решал для купечества и власти задачу установления контроля над всей волжской торговой магистралью. И не собирался продолжать двигаться на Восток. Туда экономическая элита двинулась самостоятельно. Сначала купцы Строгановы профинансировали поход Ермака, целью которого было установление контроля над пушными ресурсами Западной Сибири.

Затем купцы двинулись дальше. И тоже с понятной целью — проложить торговую магистраль на китайский рынок, альтернативную Великому шелковому пути. И на Дальний Восток они двигались с аналогичной целью — хотели подобраться «с тыла» к юго-восточному рынку пряностей.

Путь в Юго-Восточную Азию через Сибирь — это не фантастика. В подтверждение этого можно сослаться на испанцев, которые добирались до рынка этого региона еще более долгим путем — в течение XVI—XVII веков они получали китайские товары и пряности через два океана. Из Манилы товары доставлялись специальными галеонами в Мексику. Это были самые большие корабли того времени, которые так и назывались — «манильскими галеонами». А из Мексики через Атлантику товары уже доставлялись на рынок Европы.

Так что путь для пряностей в Европу через Сибирь выглядел вполне реальным. Но к моменту, когда наши купцы, наконец, дошли до Тихого океана, англичане и голландцы уже колонизировали страны-производители пряностей и закрыли доступ к ним. А потому купцам пришлось в поисках прибыли двинуться дальше — осваивать Америку. Российское купечество постоянно искало новые пути для транспортировки товаров. Последняя его «экспедиция» — поиск северного морского пути в Тихий океан.

Маловероятно, что купцы действовали без согласования своих инициатив с царской властью и Строгановы по собственному разумению снарядили Ермака на завоевание Сибирского ханства. Это все-таки было соседнее полноценное государство, равное по статусу Московской Руси. Просто цари сами не хотели этим заниматься, но и не препятствовали купечеству выступать в роли конкистадоров.

Вслед за купцами на обустроенные ими восточные земли начинал тянуться народ — появлялись казачьи поселения. И только потом приходила власть — строила сначала таможенную, а затем острог. Не случайно в фильмах «Начальник Чукотки» и «Белое солнце пустыни», действие которых разворачивается на дальних окраинах Российской империи, инфраструктура государства исчерпывается таможенными постами, а сама власть представлена лишь оказавшимися не у дел таможенниками. Так что реальную работу по расширению территории страны и обустройству новых земель выполняла только экономическая элита.

Ничего «мессианского» в двухвековом продвижении российского общества на Восток не было — только коммерческий интерес нашей экономической элиты. Поэтому не власть и не русский народ, а только русская экономическая элита создала самую большую страну в мире. И именно благодаря ей мы сегодня неплохо существуем. Точнее, власть разворовывает, а народ проедает природные богатства, добытые для нас русским купечеством.

И российские, и советские историки прекрасно знали о реальной роли в истории страны экономической элиты. В доказательство можно сослаться на слова академика М. Н. Покровского о том, что «собрание Руси с самого начала Московского княжества и до Александра I двигалось совершенно определенным историческим фактором, этим фактором был торговый капитал». Но только историки не стремятся доводить подобную информацию до общества. А причина в том, что уже скоро три века это невыгодно власти.

В результате получилось, что страну вначале собирали одни московские князья, а затем приращивали казаки и какие-то «землепроходцы». Причем непонятно, зачем им это было нужно, и, главное, за счет каких ресурсов они это делали. Советские историки, правда, добавили романтическую версию, что на восток страну расширяли беглые крестьяне — стремились к вольной жизни.

Увы, но наши историки, начиная с самых первых, писали только выгодную власти историю. И использовали только те факты, которые эту историю «доказывали». Тогда как большую часть фактов, которые не вписывались в удобную власти историю, прятали в запасниках. А если и обсуждали, то только в своем кругу — в специальной литературе. В результате нынешняя власть и народ искренне уверены в том, что именно они «соль» российского общества и его опора, тогда как предпринима-

тели — прирожденные жулики и кровопийцы.

Традиционная трактовка жестокости правления Ивана Грозного как следствия психического заболевания царя подходит для романов. Тогда как имеется классическая причина подобного поведения власти — ведение ею гражданской войны. Такого рода войны как раз и отличаются сверхжестокостью.

Резню дворянства, причем во много раз больших в сравнении с устроенной Грозным масштабов, в период Реформации практиковали европейские монархи. Особенно отличились протестантский английский и католический французский короли. Так, в одну только Варфоломеевскую ночь было вырезано больше французских дворян-гугенотов, чем Грозный убил наших дворян за все свое царствование. А потому Ивану IV далеко до западноевропейских чемпионов по этой части — он по всем статьям выглядит третьеразрядным тираном.

Хотя если к дворянам добавить жертвы опричников из числа простого народа, тогда Иван Грозный, возможно, займет место в ряду самых одиозных западноевропейских тиранов той эпохи. Правда, достоверных данных о числе жертв опричнины среди простого народа нет. То, что центральные области страны обезлюдели, еще не означает, что их население было вырезано опричниками. Последние в основном разорjali боярские вотчины. А крестьяне, лишившись скотины и запасов продуктов, просто уходили на юг и восток — в казаки или в Сибирь. Так что вовсе не случайно в следующие периоды Смуты казачество особо отличилось по части жестокости и грабежей — бывшие крестьяне элементарно мстили за постигшие их в опричнину несчастья.

Гражданская война — не только самая жестокая, но и самая разорительная. На первом этапе второй гражданской войны были разорены центральные области и Новгород. При этом отмена опричнины стала только перемирием — гражданская война с небольшими перерывами продолжалась еще без малого четыре десятилетия. В результате была разорена большая часть страны и уничтожена основная часть созданного к середине XVI века экономического потенциала.

Хотя, как и в Западной Европе, промышленного производства в стране еще не было, тем не менее суммарный валовой внутренний продукт кустарных производств был колоссальным. Помимо волжской торговли в стране сформировались еще несколько больших

товарных кластеров — металлургический, ткацкий, лесной и сельскохозяйственный.

В результате экономический потенциал Московской Руси к середине XVI века был едва ли не самым большим в Европе. А страна была самой богатой после испанской и португальской колониальных империй страной континента. При этом, если в Испании и Португалии в результате эксплуатации колоний богатыми стали светская и церковная власти, то в Московской Руси экономическое развитие подняло уровень жизни большей части общества.

Этот результат был достигнут благодаря присутствию во власти экономической элиты. Властный статус купечества обеспечил высочайший уровень экономической свободы, которая позволила множеству людей реализовывать свой предпринимательский талант. Что и привело к стремительному росту во второй половине XV и первой половине XVI века производительной экономики. Этот процесс наглядно демонстрирует бурный рост городов в этот период. Соответственно, экономическая свобода создала ресурсный потенциал, который позволил покорить Казанское и Астраханское ханства, а затем начать борьбу за выход к Балтийскому побережью — для развития и увеличения эффективности экспорта продукции металлургии, ткацкого и сельскохозяйственного производств.

Развязанная РПЦ и Иваном Грозным гражданская война за полвека полностью разрушила экономику большей части страны, в результате чего она и превратилась в глухую окраину Европы. Причем разорена была как раз «новая экономика» — производственная. Как следствие, промышленная революция началась не у нас, а на другом конце Европы.

По сути, после Смуты страна осталась только с волжским торговым путем — в экономическом развитии вернулась на полтора века назад. Так что после окончания Смуты экономической элите тоже потребовался век, чтобы восстановить экономический потенциал страны — только в начале XVIII века он достиг уровня середины XVI века. После чего российская экономика смогла обеспечить ресурсами территориальную экспансию российского общества на север, запад и юг.

17. КОНТРАСТНОЕ ПЕРИОДИЗАЦИЯ РПЦ

После смерти Ивана Грозного на престол взошел его сын — слабовольный и весьма недалекий Федор. Русская православная церковь воспользовалась этим

обстоятельством и смогла еще больше укрепить свои позиции во власти — в 1589 году в Русской православной церкви был учрежден сан патриарха. Так РПЦ стала автокефальной — получила полную независимость от других церквей.

В иерархических представлениях той эпохи митрополит, располагаясь на второй ступеньке церковной иерархии, по статусу считался равным главе светской власти. А патриарх, как наместник Бога на Земле, по статусу располагался на ступеньку выше царя. Как и другой наместник, Римский папа, был выше светских королей и императоров. Поэтому в результате «обретения» статуса автокефальной РПЦ в иерархических представлениях того времени стала выше царей. Как позднее сформулировал это положение патриарх Никон — «божеское выше царского».

После смерти Федора РПЦ решила упрочить свои позиции возведением на престол «худородного» царя. Предполагалось, что, обязанный своим возвышением церкви, он не будет слишком строптив. Выбор пал на Бориса Годунова — потомка выходцев из Орды. РПЦ начала двигать Годунова еще при жизни Федора. Последний был бездетным и вообще слабым здоровьем, так что смена династии была неминуемой. Церковь к ней подготовилась успешно — «раскрутила» Бориса настолько, что его избрание контролируемым РПЦ Земским собором не составило особой проблемы.

Однако Годунов, посчитав себя полностью легитимным самодержцем, достаточно быстро стал проводить политику Ивана Грозного — начал избавляться от опеки церкви. РПЦ это, естественно, не устроило, и борьба между царем и политическим духовенством вспыхнула с новой силой. В первую очередь церковь развернула пропагандистскую кампанию, целью которой было лишение Бориса легитимности. Так что это именно РПЦ запустило и стало поддерживать слухи о том, что Годунов приказал убить царевича Дмитрия. На самом деле, это было маловероятно. В то время худородному Годунову и в голову не могла прийти идея самому стать царем. Опять же, он достиг для себя максимума возможного — породнился с царской семьей и стал теневым регентом при слабовольном Федоре.

А при смене династии рисковал потерять все. Тогда как для церкви страдавший эпилепсией царевич Дмитрий выглядел серьезной угрозой. В те времена эпилепсия болезнью для царственных особ не считалась. Наоборот, она свидетельствовала о том, что царевич может стать великим царем. Ведь, по преданию, эпилептика-

ми были Александр Македонский и Юлий Цезарь.

Так что РПЦ могла всерьез опасаться появления на троне «великого царя», который сможет выдворить церковную корпорацию из власти. Однажды церковь уже погубила малолетнего царя, носившего точно такое же имя и отчество — внука Ивана III Дмитрия Ивановича. «Береженого бог бережет» — РПЦ вполне могла проявить предусмотрительность и пойти на убийство царевича. Разумеется, это только подозрения. Но они гораздо более основательные, в сравнении с подозрениями в отношении Годунова.

Затем РПЦ стала готовить смену монарха. Она решила больше не рисковать и посадить на престол полностью зависимого от себя царя. Таким мог быть только нелегитимный царь, каким в свое время был Василий III. Но церковь решила дополнительно «перестраховаться» — возвести на трон принципиально нелегитимного монарха, то есть самозванца. Для этого в кампании по обвинению Годунова в убийстве царевича Дмитрия был сделан логичный ход — организовано появление «чудесно спасшегося царевича».

На роль самозванца был выбран монах Григорий Отрепьев. Он происходил из боярского рода, а потому был вполне образован и обладал нужным властным менталитетом. Так что ему не составило труда перевоплотиться в царевича и в дальнейшем играть роль урожденного самодержца.

Однако у проекта существовало серьезное препятствие — Борис был здоровяком и помирать не собирался. Соответственно, его требовалось свергать силой. Необходимой для этого собственной военной силы у РПЦ было недостаточно, а «поднимать народ» на бунт она опасалась. Это было рискованно — любой бунт со временем выходит из-под контроля и может закончиться любым результатом.

В широкомасштабной и длительной борьбе ключевым условием успеха является наличие нужных союзников, потому что именно союзники компенсируют участнику борьбы дефицит ресурсов или возможностей, например, недостаточную военную мощь. У РПЦ вооруженные силы имелись — монашество было, по сути, военизированным церковным сословием. Однако монахи больше годились для обороны монастырей-крепостей и не могли в открытом поле противостоять дворянской коннице. К тому же, РПЦ не хотела выходить на авансцену политической борьбы — предпочитала продолжать действовать через подставные фигуры.

В этой ситуации для церкви не оставалось иного выхода, как найти самозванцу внешнюю силовую поддержку. Выбор потенциальных внешних союзников был невелик — военную поддержку можно было получить только в Крымском ханстве, Польше и Швеции. Опираясь на татар было рискованно — народ мог не понять союза царевича с крымчаками. Швеция была опасным союзником — могла установить свой контроль над Новгородом и всеми северными землями.

Выбор пал на Польшу. При этом едва ли не главную роль в нем сыграло то, что в Польше отсутствовал институт наследственной монархии — короля избирал Сейм и в качестве лишь пожизненного монарха. Сейм мог в случае необходимости отстранять короля от власти. Такая модель власти РПЦ как раз подходила. А потому, если церковь собиралась перейти к польской модели власти, ее союз с Сеймом был вполне естественным.

Можно с большой долей уверенности предполагать, что РПЦ заключила с Сеймом союз, который должен был обеспечить самозванцу военную поддержку. Польская власть тоже была заинтересована в таком союзе — он позволял ей влиять на внутренние русские дела, а в перспективе сулил и реальные территориальные выгоды.

Самозванец был переправлен в Польшу, где Сейм провел операцию по узакониванию его притязаний на русский престол. А после того как несколько неурожайных лет достаточно накалили обстановку в стране, Лжедмитрий во главе небольшой армии начал поход на Москву. Голод, кампания РПЦ по дискредитации Годунова, поддержка самозванца духовенством сделали свое дело — посылаемые против Лжедмитрия войска разбегались или переходили на его сторону.

Годунов не выдержал психологического напряжения борьбы на несколько фронтов и скоропостижно скончался. Его жена и малолетний сын были сразу же убиты, и РПЦ без помех возвела на престол Лжедмитрия. Так церковь выиграла третий раунд борьбы за верховную власть в Московской Руси и сохранила статус «старшего партнера» светской власти.

18. КАРНАВАЛ ЦАРЕЙ

Самое интересное в описании нашими историками Смуты XVI—XVII веков — замалчивание роли в ней Русской православной церкви: в исторических писаниях РПЦ выступает в лучшем случае второстепенным участником политической борьбы. Хотя боль-

шую часть Смутного времени именно она была реальной верховной властью страны. А за исключением Ивана Грозного все русские цари в период Смуты не только назначались РПЦ, но и правили страной лишь в качестве пожизненного премьер-министра при церкви-президенте.

Разумеется, можно в трагедии Смуты обвинять Рюриковичей — это же они начали борьбу с РПЦ за верховную власть. Однако их борьба была вполне законной — де-юре именно они были верховной властью страны. И отвоевывали право быть верховной властью не только де-юре, но и де-факто. Тогда как церковная корпорация никаких законных прав на верховенство во власти не имела. По сути, она была аналогом КПСС в Советском Союзе. Поэтому ответственность за Смуту в первую очередь лежит на РПЦ.

В то же время православное духовенство, как интеллектуальная элита российского патриархального общества, успешно выполняла важнейшую функцию — обеспечивала формирование единой русской нации. Далеко не все православные священнослужители боролись за власть со светской элитой — многие занимались положенным интеллектуальной элите полезным делом.

Имея в основном пропагандистское и финансовое «вооружение», РПЦ сделала упор на политике дискредитации светской власти. А потому последовательно снижала ее авторитет в глазах общества. Как следствие, достаточно быстро значительная часть дворянства, а затем и народа сначала перестали уважать царскую власть, а затем и подчиняться ей. Так что Смута стала результатом сознательной политики церкви, направленной на снижение авторитета противника — аристократической элиты, а также неспособности церковной корпорации эффективно управлять обществом.

В конце концов, РПЦ достигла своей цели — народ ни во что не ставил светскую власть. А так как сама церковь играла роль «серого кардинала», то общественным сознанием в качестве власти тоже не воспринималась. Так политика РПЦ запустила процесс криминализации общественного сознания. В результате разбой на улицах и дорогах на полтора века стал повседневным спутником тогдашней российской жизни.

Эксперимент с возведением на трон самозванца тоже оказался неудачным. Судя по всему, освоившись на троне, Лжедмитрий решил сменить сюзерена — РПЦ на польского короля. Трудно определить, что по-

служило тому причиной — то ли ему быстро надоело кураторство церковных иерархов, то ли польские союзники успешно перевербовали зиц-царя, то ли польский сюзерен выглядел сильнее и надежнее. Результат оказался для РПЦ неутешительным — ее ставленник явно стал проводить политику превращения Московской Руси в провинцию Польши.

РПЦ пришлось организовывать очередной переворот и подыскивать нового царя. Судя по всему, церковь смогла достичь соглашения с боярством о переходе к польской модели власти — ненаследственной монархии. Так что вовсе не случайно после свержения и убийства Лжедмитрия на трон был избран старый и бездетный Василий Шуйский — по замыслу РПЦ, на Руси больше не должно было быть правящих династий. При этом, по требованию боярства, интересы которого поляки явно ущемляли, РПЦ согласилась расторгнуть союз с Польшей. Нужды в ее поддержке вроде бы больше не усматривалось, а безобразий союзник творил достаточно много.

Однако поляки к этому моменту уже достаточно глубоко внедрили во внутривнутриполитическую жизнь Руси и вовсе не собирались ее покидать. Хотя бы потому, что еще не получили дивидендов от своего участия в союзе. Поляки хотели получить Смоленск и несколько городов поменьше на западе и юго-западе страны. Естественно, что новой российской власти делиться территорией не хотелось.

Тогда Польша перешла к проведению собственной активной политики на Руси. Сначала она спровоциро-

вала дворянское восстание в юго-западных областях, в которых пользовалась достаточно большим влиянием. По недоразумению это восстание называется «крестьянской войной Ивана Болотникова», хотя «восставшие» никакого отношения к крестьянству не имели — представляли собой типичную дворянскую фронду.

Московскую власть в большей степени поддерживало дворянство северных и центральных областей страны, тогда как на юге власть Москвы особой популярностью не пользовалась. Нужно также отметить, что постоянная борьба с татарскими набегами сделала южан чрезвычайно воинственной частью русского общества. Поэтому дворяне всех южных областей охотно присоединились к мятежу.

«Восстание Болотникова» можно называть дворянской войной между Севером и Югом за московский престол — за право посадить на него своего ставленника. Другое дело, что южане ориентировались на самозванцев, — не имея достаточного веса в боярской среде, они не могли легитимно продвигать на престол серьезных претендентов из своей среды.

Поход Болотникова на Москву окончился неудачей. Поляки на этом не успокоились и организовали поход на Москву следующего самозванца — Лжедмитрия II. И тоже при поддержке южного дворянства. Больше известный как «Тушинский вор», самозванец достиг некоторых успехов — даже смог осадить Москву. Но Василий Шуйский снова удержался на троне — северяне разгромили войска самозванца.

В конце концов, полякам ничего не оставалось, как самим вторгнуться в пределы Руси. К этому моменту Смута фактически разрушила российское государство — еще недавно мощная страна превратилась в «дикое поле». В этой ситуации церковные иерархи осознали реальную перспективу — поняли, что можно «доиграться» и вслед за страной тоже потерять независимость. Точнее, оказаться в подчинении Рима.

РПЦ ничего не оставалось, как просить у Польши мира. Договориться удалось на крайне унижительных условиях. Пришлось согласиться возвести на московский престол королевича Владислава — сына польского короля Сигизмунда III из шведской династии Вазы. То есть Московская Русь де-факто превращалась в вассала Польши. Но при этом поляки согласились не покушаться на независимость церкви. РПЦ уступила суверенитет страны в обмен на сохранение собственной независимости.

Поляки пошли на такую уступку, потому что пони-

мали — южное дворянство представляет собой весьма неустойчивую опору. А потому без поддержки РПЦ королевичу Владиславу на русском престоле удержаться не удастся. В итоге поляки фактически заключили с РПЦ новый союз, по которому церковь в деле управления Русью стала равноправным партнером польского короля.

После достижения соглашения о восстановлении союза РПЦ организовала переворот, в результате которого Василий Шуйский был свергнут и отправлен в заточение в Польшу. После чего на московский престол без помех был возведен Владислав. Стоит отметить еще один важный момент этого эпизода нашей истории. Кроме Василия Шуйского в Польшу был отправлен митрополит Филарет. При этом если первый был явно пленником, то второй больше всего походил на заложника. Поляки нашим церковникам не доверяли и вытребовали Филарета для обеспечения безопасности Владислава и гарантий выполнения РПЦ своих союзнических обязательств.

В залог всегда идет имущество участника сделки, но никак не его соседа. Поэтому то, что в залог был взят митрополит Филарет, наглядно свидетельствует, что второй стороной сделки с поляками была именно РПЦ. Для поляков было бы странно договариваться с формально правившей страной «семибоярщиной», а в залог брать попа — субъекта совсем другой части власти. Разумнее было бы взять семерых «детей боярских».

В заключение нужно отметить, что возведение на престол — это не только светская, но и в существенной части церковная церемония. Поэтому именно РПЦ через контролируемые ею Земские соборы и собственные церковные церемонии «помазания на царство» возводила на престол всех «смутных» царей — Годунова, Лжедмитрия, Шуйского, Владислава. При этом нет никаких свидетельств, которые подтверждали бы, что церковь это делала по принуждению. Наоборот, анализ фактов доказывает, что это была политика самой церкви, которая имела своей целью смену формы правления страной — перевода ее на удобную для себя модель выборной и полностью зависимой от нее монархии.

19. ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Избрание Михаила Романова только внешне выглядит удачным выбором Земским собором новой династии. Словно бы верховная власть наконец доста-

лась толковому боярскому роду, который навел в стране порядок и затем триста лет достаточно успешно ею правил. Тем же Романовым не хотелось, чтобы все и всегда помнили, кому на самом деле они обязаны трон. А потому период между царствованием Василия Шуйского и восшествием на престол Михаила Романова у отечественных историков представляет собой святочный рассказ — о «замаскированной интервенции» поляков и шведов.

На самом деле эта сказка заменила вырванную Романовыми и РПЦ реальную страницу нашей истории — царствование представителя шведско-польской королевской династии Ваза. Ведь Владислав стал законным русским царем. При этом РПЦ нисколько не смущало то, что страна фактически теряла независимость. Наоборот, она рассматривала вассальный статус в качестве дополнительной узды для всей вертикали светской власти.

Именно ослабленную вассальной зависимостью модель ненаследственной монархии РПЦ решила узаконить в стране с помощью польского королевича. Получалось, что, устав бороться со светской властью, РПЦ решила восстановить положение, имевшее место во время пребывания в составе Золотой Орды. Разница получалась только в том, что «ярлык» на царствование должна была давать сама церковь.

Так как Владислав был шведом, его избрание русским царем церковь попыталась подать в качестве следования опыту предков — повторению мифической истории с призванием Рюрика на Русь. Мол, так как отечественная светская власть не может справиться с наступившим в стране беспределом, ничего не остается, как опять пригласить на трон варяга.

Однако планам РПЦ не суждено было сбыться — в Нижнем Новгороде началось восстание, которое в 1612 году свергло Владислава. И уже по итогам этой первой русской революции собрался Земский собор, на котором была избрана новая династия — Романовы.

В первой русской революции имелись особенности, на которые необходимо особо обратить внимание. Так, восстание в Нижнем Новгороде было организовано купечеством. И именно Нижегородское вече создало ополчение и организовало поход на Москву. Все время существования Московской Руси экономическая элита оставалась сильным игроком на политической арене.

Другое дело, что она, во-первых, действовала на региональном и местном уровнях власти. Во-вторых, была

особенно сильна в северной, северо-восточной и восточной частях страны — там, где проходила волжская торговая магистраль. Поэтому практически не участвовала в «московской политике».

Освоение Сибири требовало больших человеческих и материальных ресурсов. При этом колонизация и обустройство новых земель осуществлялись исключительно силами и на средства купечества. А потому, начиная со второй половины XVI века, активность экономической элиты на российской политической сцене снизилась почти до нуля.

По сути, замилив Ивана Грозного с РПЦ, купечество до 1611 года не вмешивалось в Смуту. Возможно, именно поэтому Смута продолжилась после смерти Ивана Грозного. Отсутствие сильного игрока нарушило равновесие в политической сфере, и в ней возобновились разрушительные процессы. Двинувшимся на восток купцам было не до Смуты. Тем более что ею были охвачены центральные, западные и юго-западные области. В них экономическая элита не имела критических экономических интересов и, соответственно, не была влиятельной силой. Только когда после захвата шведами Новгорода возникла реальная угроза потерять контроль над волжским торговым путем, экономическая элита вернулась на общероссийскую политическую арену.

В принципе, для экономической элиты и вассальная зависимость от Польши тоже была неприемлемой. В первую очередь, разумеется, с экономической точки зрения. Купцы понимали, что в результате им придется платить гораздо больше налогов — не только московским царям, но и польским королям. Однако и патриотизм купеческого сословия сыграл не последнюю роль. Как говорил герой И. Гончарова о женитьбе, «по любви, но с интересом». Так и купечество поднялось — из патриотизма, но с экономическим интересом.

Вовсе не случайно взбунтовались именно поволжские купцы. Им было что терять, и имелись деньги на организацию и содержание войска. Первый блин оказался комом — ополчение 1611 года действовало неудачно. Это ополчение купечество только финансировало, тогда как руководил им представитель хозяйственной элиты — думский дворянин П. Ляпунов. Он не смог справиться с поставленной задачей, и ополчение разбежалось. Возможно, что его наемные вожди просто разворовали деньги, которые купцы выдали на содержание войска.

Купечество поняло, что поручать дело руководства восстанием никому нельзя — все придется делать самим. Поэтому второе ополчение, собранное в Нижнем Новгороде в начале 1612 года, возглавил представитель экономической элиты — купец К. Минин. Тогда как военный руководитель, князь Д. Пожарский, занимал подчиненное положение. И другого варианта быть не может — чтобы купец смог попасть в исторические хроники того времени в качестве освободителя страны и при этом фигурировать впереди князя, он должен был быть не просто реальным, но единственным руководителем восстания.

Экономическая элита не ошиблась, возглавив восстание. И не только потому, что Минин не давал разворовывать купеческие деньги. Дело в том, что Пожарский сразу же вступил в переговоры с шведским королем на предмет возведения на престол его брата — принца Карла-Филиппа. Для достижения этой цели Пожарский затянул наступление на Москву на полгода — до августа. Так что ополчение только в начале ноября смогло взять столицу и свергнуть Владислава.

Купечество отнюдь не собиралось устраниваться от участия в выборе новой династии. Именно оно остановило свой выбор на кандидатуре Михаила Романова — сына митрополита Филарета. Этот выбор объяснялся тем, что церковь все-таки была ближе экономической элите в сравнении с дворянством. По сути, церковники и купцы чаще выступали вместе против светской власти. Церковь согласилась с кандидатурой купечества в первую очередь потому, что опростоволосилась с иноземным царем.

Кроме того, в случае с Михаилом церковь могла гарантировать сохранение подчиненного статуса светской власти — царь был явно слабохарактерен, а потому обречен оставаться под полным влиянием отца — митрополита Филарета. В итоге, как дворянство ни старалось посадить на престол шведского принца, купцы и церковники добились своего — возвели на престол Романова. Так, вернувшись на московскую политическую сцену, экономическая элита меньше чем за два года навела порядок в верхнем эшелоне власти и добилась коронации представителя удобной для себя династии. После чего опять отправилась колонизировать сибирские просторы.

Понятна и причина, по которой РПЦ обнаруживается на стороне восставших только после их победы. Она находилась по другую сторону баррикад и, по су-

ти, сыграла положительную роль только в деле выбора новой династии. Причем благодаря лишь тому, что купцы подобрали правильную кандидатуру нового царя — полностью устраивающую РПЦ.

Не случайно РПЦ загодя начала готовиться к предстоящему 400-летию первой русской революции — инициировали перенос праздничного дня с 7-го на 4-е ноября и переименование праздника в «День народного единства». Причем церковники добились совмещения праздника с торжеством Обретения иконы Казанской божьей матери. Хотя Кремль был освобожден ополчением только 5-го ноября. Фактически РПЦ добилась от власти «второй стороны медали» для собственного праздника — патриотической. То есть частично узаконила в светском обществе церковный праздник в качестве государственного.

Для власти было бы разумнее не отменять празднование Октябрьской революции 7-го и 8-го ноября, а преобразовать в «праздник революций» — 6-го ноября первой, 7-го — второй. В 1612 и 1917 году произошли однотипные и равноценные события — народ силой сверг выродившуюся власть, то есть совершил революции, апогеи которых приходятся на взятие Кремля и Зимнего дворца. Соответственно, народ продемонстрировал власти, что, во-первых, не она хозяйка страны, во-вторых, что власть, которая не в состоянии осознать это, выбрасывается на свалку истории. В итоге общество имело бы полноценный «праздник российских революций». Причем этот праздник обязательно пришелся бы народу по душе — как память о том, как он разбирался с властью. Правда, по этой же причине такой праздник вряд ли был бы по душе власти. Но она могла бы уважить народ.

Организатором и движущей силой первой русской революции было купечество. Оно по-прежнему сохраняло статус второй после РПЦ «теневой» ветви власти. И у него оказалось достаточно сил заставить церковь и боярство вернуться к модели наследственной монархии как юридической модели формальной верховной власти. Так что тремя веками царствования Романовы обязаны именно экономической элите.

И больше ста лет Романовы об этом хорошо помнили — только после Петра I экономическая элита была изгнана сначала из власти, а потом и из русской истории. Так что неслучайно историки постарались свести роль купечества в событиях 1611—1612 годов к мало-заметному участию. В результате на известном па-

мятнике купец Минин стал «гражданином» — получил неизвестное в то время на Руси звание.

Большую часть царствования Романовых русские цари и императоры не жаловали экономическую элиту — понимали, какой потенциально мощной политической силой она является. А потому всегда опасались ее возвышения. Что, впрочем, вообще свойственно военной и хозяйственной элитам — они в первую очередь опасаются соперников, обладающих большими собственными ресурсами.

Земский собор 1613 года, избравший Михаила на трон, сохранил прежнюю модель государственного устройства. То есть Земский собор остался верховной властью — принимающей законы и утверждающей важнейшие решения. А власть царя оставалась только исполнительной, причем ограниченной Боярской думой — она должна была утверждать текущие решения царя. По сути, Земский собор сохранил существовавшую в Московской Руси «конституционную монархию».

Однако после возвращения в 1619 году из польского плена отца царя, патриарха Филарета, РПЦ решила использовать его влияние на сына, чтобы повысить свой статус в структуре власти страны. Для этого был введен второй титул «великого государя», который получил патриарх. В государстве не может быть двух монархов, государей или президентов — один из них обязательно является формальным соправителем. Как формальным соправителем Петра I был его брат Иван — хотя оба они носили титул «царя», реальным монархом был только Петр.

Аналогично обстояло дело и с титулом «великого государя» — реально им стал патриарх. РПЦ юридически сравнялась с исполнительной властью, а реально стала на голову выше ее. В результате Московская Русь была преобразована в полуклерикальное государство, в котором монархия ограничена не только представительной, но и церковной властью. То есть во властной иерархии царь был опущен на четвертую ступеньку — после Земского собора, Боярской Думы и РПЦ. Так что и этот раунд борьбы за верховную власть церковь выиграла. Хотя и не достигла своей главной цели — перехода к ненаследственной монархии.

XVII век называют «бунташным». Сведенная церковью до положения прислуги светская власть не пользовалась у народа авторитетом и потому не могла навести в стране порядок. А церковная корпорация в принципе была не способна это сделать — оставаясь по сути

неформальной властью, она не могла организовать эффективное руководство патриархальным обществом. Так что наладить толковое управление страной и справиться с криминализацией общественного сознания удалось только тогда, когда общество реально возглавила формальная власть — при Петре I.

Это столетие можно назвать золотым веком РПЦ. И не только потому, что патриархи носили титул «великих государей». Так, в этом веке было построено больше всего каменных храмов. Для церковных иерархов строились величественные апартаменты. А часть монастырей была превращена в неприступные крепости — получила мощные оборонительные сооружения.

Тем не менее необходимо отметить, что в XVII веке купечество несколько ограничило власть РПЦ — как в Земском соборе, так и на местном уровне власти. В результате Смуты перешла в вялотекущее состояние и дальнейшие властные разборки были неминовемы.

20. РАСКОЛ РПЦ

Второй царь из династии Романовых, Алексей Михайлович, начал новый раунд борьбы с РПЦ. Царю незря дали прозвище «Тишайший». Он вел борьбу с церковью, что называется, «тихой сапой» — малозаметными маневрами постепенно отвоевывая властное поприще. В первую очередь он использовал промахи церковной корпорации во внутренней и внешней политике.

В конечном счете, царь смог серьезно потеснить церковь во власти. Ключевую роль в этом сыграла затеянная патриархом Никоном церковная реформа. Формально она преследовала цель унификации православного богослужения. Мол, нужно было подстроиться под особенности обрядов, распространенных в среде украинского и белорусского населения, включенного в состав России. Хотя этот повод выглядит достаточно странно — получается, что под небольшую часть населения, причем провинциального, перестраивалась служба, которой придерживалась подавляющая часть населения метрополии.

На самом деле реформа преследовала совсем другую цель — завершить трансформацию РПЦ в аналог католической церкви. Планировалось усилить церковь, во-первых, путем повышения жесткости ее централизации; во-вторых, с помощью введения заимствованных у католической церкви обрядовых элементов. Белорусская и украинская церкви, находясь под определенным

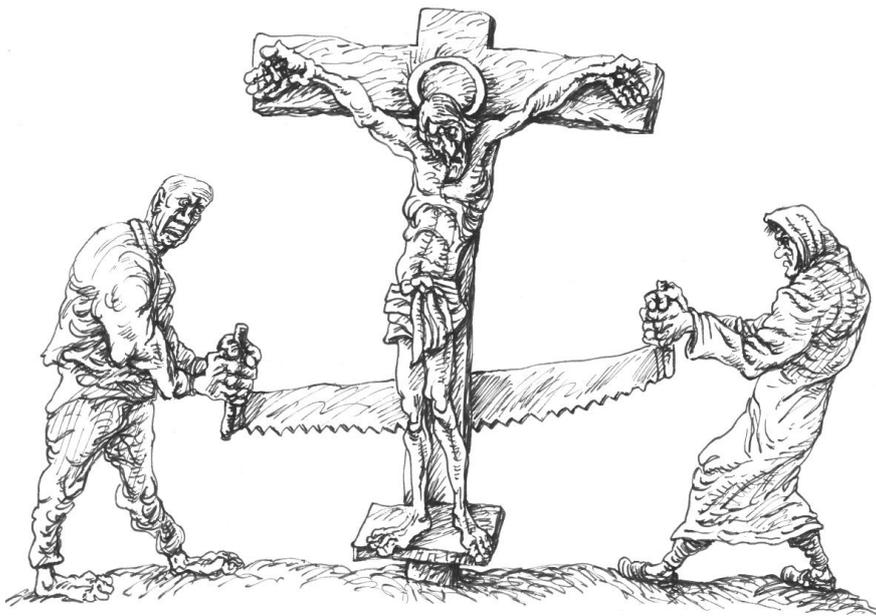
влиянием католической церкви, кое-что заимствовали у нее в части обрядов. Именно эти заимствования Никон и решил распространить на всю РПЦ.

Патриархальное сознание очень внимательно относится к обрядовой составляющей в деятельности власти. Новые обряды должны были разделить в сознании общества две разные эпохи — ушедшую в прошлое эпоху, на протяжении которой РПЦ была теневой властью, отделить от наступившей эпохи, в которой она становилась полностью легитимной верховной властью страны.

Однако реформа неожиданно для Никона расколола РПЦ — интеллектуальная часть религиозной элиты восстала против руководства церковной корпорации. Религиозным авторитетам было ясно, что Никон меняет обряды исключительно в меркантильных целях — чтобы усилить властные позиции церкви, то есть реформа представляла собой чистой воды святотатство. В результате реформа не усилила, а, наоборот, ослабила РПЦ. В первую очередь потому, что ей пришлось перейти к борьбе на два фронта — и против царя, и против раскольников. А на двух фронтах победить трудно. Не удалось этого и РПЦ — в этом раунде успех сопутствовал Алексею Михайловичу.

Религия и церковь — это хотя и связанные друг с другом, но все-таки принципиально разные феномены. Религия — это мировоззренческое учение, используемое человеком для создания фундамента своего разума, а властью — в качестве руководства по созданию архаичного или патриархального общества и управлению им. Тогда как церковь — это мировоззренческий институт или корпорация. Как мировоззренческий институт церковь обеспечивает продвижение религии в общественное сознание и снабжает власть «руководством» в деятельности.

Как корпорация церковь эксплуатирует религию. Если церковь является экономической корпорацией, она использует религию для получения дохода от обеспечения обрядово-культурной стороны жизни населения. Соответственно, в этом варианте церковь является субъектом экономических отношений. Если церковь является политической корпорацией, она использует религию в качестве инструмента борьбы за власть. В этом варианте церковь является субъектом политических отношений.

Религиозные конфликты начинаются после того, как в церкви формируются экономические или политические корпорации. Вслед за формированием экономических корпораций начинается борьба с другими церквями за долю рынка — каноническую территорию. После формирования политической корпорации начинается борьба церкви с другими элитами — за высокий статус в иерархии государственной власти. В религиозной борьбе церковники применяют разные толкования Священного писания. Доказывая истинность своего понимания канонических текстов, корпорации тем самым обосновывают свои права на долю рынка или властный статус. Причиной религиозного конфликта может быть и стремление светской власти подчинить себе части церковной корпорации. Так, в североевропейских протестантских странах в результате Реформации власть, по сути, подчинила себе местные филиалы католической корпорации.

Русская православная церковь на протяжении X—XIII веков была, безусловно, мировоззренческим институтом. А потому занималась продвижением православия в сознание древнерусского общества. И создание русской нации — результат деятельности РПЦ в качестве как раз мировоззренческого института. Но полноценным институтом было только храмовое духовенство, тогда как монастырское достаточно быстро трансформировалось в экономическую корпорацию — уже в XI веке.

К XIV веку монастырское духовенство стало безусловно доминировать в составе РПЦ. Как следствие,

РПЦ стала в большей мере экономической корпорацией. Тем не менее, храмовое духовенство продолжало действовать в качестве мировоззренческого института — обеспечивало процесс формирования русской нации. К XV веку РПЦ трансформировалась в политическую корпорацию и начала доминировать в системе всей власти Московской Руси. И период XV—XVII веков — время существования РПЦ в качестве именно политической корпорации.

С XIV по XVII века независимость храмового духовенства как мировоззренческого института неуклонно снижалась. Никоновские реформы, по сути, преследовали цель лишить храмовое духовенство остатков независимости. В итоге мировоззренческий институт в составе РПЦ должен был перестать существовать — даже в качестве неформальной структуры. Не согласившиеся с этим священнослужители вышли из РПЦ — создали независимую церковь. Так что раскол на старообрядческую и никонианскую церкви представляет собой выход мировоззренческого института из состава РПЦ. Соответственно, раскол разделил РПЦ на два независимых общественных образования — политическую корпорацию и мировоззренческий институт.

Царь реформе Никона не препятствовал — она вела к расколу РПЦ и, соответственно, к ее ослаблению, а после того как раскол стал реальностью, по мере возможности поддерживал старообрядцев. То есть действовал так же, как и Иван III. В этом смысле характерна история с четырьмя главными старообрядческими писателями, наводнявшими Россию своими сочинениями — Аввакумом, Епифанием, Федором и Лазарем.

Под нажимом церкви Алексей сначала заточил писателей в острог. Когда выяснилось, что это отнюдь не препятствует сочинительству, а хулящие РПЦ писания по-прежнему без помех распространяются, царь под давлением церковников вынужден был приказать отрубить старцам пальцы и отрезать языки. Но сделал это только с тремя из них. Самый талантливый писатель, Аввакум, этой участи избежал. Царь явно оставил его для того, чтобы в случае перехода борьбы с РПЦ в открытую форму иметь в своем распоряжении выдающегося пропагандиста. Так что до Аввакума церковники смогли добраться только после смерти царя — сожгли вместе с немymi товарищами.

Поняв, что раскол сильно ослабил как саму церковь,

так и ее позиции в обществе, Алексей перешел в решительное наступление — лишил патриарха Никона титула «великого государя» и сослал в дальний монастырь. РПЦ была обезглавлена, а верховная власть страны полностью сосредоточилась в руках царя. Алексей, таким образом, достиг первого реального успеха в борьбе с РПЦ — смог выиграть очередной раунд борьбы.

Необходимо заметить, что в противостоянии царя и РПЦ экономическая элита взяла сторону первого. Купцы сильно страдали от криминального беспредела и прекрасно понимали, что справиться с этой напастью способна только сильная светская власть. Экономической элите все меньше нравилось абсолютное верховенство церкви в структуре власти. Точнее, католический путь развития верхушку купечества явно не устраивал — им больше импонировала модель протестантских стран. В результате в операции по свержению Никона экономическая элита полностью поддержала царя.

21. ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

После смерти Алексея Михайловича на трон возвели его старшего сына — пятнадцатилетнего Федора, который, к тому же, был еще и очень слаб здоровьем. Так что страной правила аристократическая элита, которую объединил вокруг себя Алексей Михайлович. При этом Федор был далеко не глупым молодым человеком и потому не позволял себе и своему окружению использовать возможности царского статуса в интересах какой-то одной политической партии или силы. В результате все время его правления аристократия хотя и оставалась разделенной на кланы, но всегда выступала в качестве единого субъекта политической сцены.

РПЦ была достаточно далека от власти. Точнее, она имела возможность воздействовать на политику только через представительную власть — Земские соборы. Тогда как в исполнительной власти и Боярской думе влияние церковников было минимально. В свою очередь экономическая элита продолжала оставаться доминирующей политической силой в северных, северо-восточных и восточных регионах и на региональном и местном уровне. В Земском соборе экономическая элита не принимала сторону ни одного из соперников — всегда поддерживала выгодные ей самой решения.

Аристократическая элита продолжила начатый Алексеем Михайловичем процесс преобразования Московской Руси в полностью светское государство. Так как разногласий в среде аристократии по этому вопросу не было, реформы шли быстро и в больших масштабах. За шесть лет было принято Земскими соборами или утверждено Боярской думой свыше тысячи законов и указов. В результате структура государственного устройства и институты Московской Руси были существенно модернизированы. По сути, в общих чертах был завершен процесс преобразования клерикальной страны в светское государство.

Что касается борьбы между аристократической элитой и духовенством, то все шесть лет формального правления Федора она носила больше позиционный характер — противники копили силы и укрепляли свои ряды. Но при этом РПЦ удавалось провести отдельные направленные против аристократии диверсии. Так, по инициативе РПЦ Земский собор уничтожил «списки», которые обуславливали назначение на государственные посты исключительно происхождением претендента. Эти списки, по сути, закрепляли право боярских родов занимать высшие государственные должности. Вместо них был введен «Разряд чинов», позволявший любому дворянину дослужиться до любого поста в иерархии исполнительной власти. Уничтожение списков стало первым шагом к ослаблению сословной жесткости государственного устройства. Таким способом церковь запустила процесс размывания аристократической элиты «выскачками» — и, как следствие, снижения ее силы. РПЦ прекрасно понимала, что хундордные выдвиженцы будут презираться представителями старых боярских родов, а потому неизбежно станут стремиться к союзу с их противниками — церковниками.

Другим принятым по инициативе РПЦ решением Земского собора было в три раза сокращено количество представителей центральной власти в городах и уездах. В результате был обращен вспять процесс дальнейшей централизации государства и заблокировано расширение влияния аристократической элиты на региональную и местную власть.

РПЦ поддержала в Земском соборе налоговую реформу, по которой число собираемых с населения налогов было сокращено с восьми до двух, а недоимки за десять последних лет были прощены. Причем два оставшихся налога имели полностью военное предназначение и должны были отправляться напрямую в Стре-

лецкий приказ. Тем самым исполнительная власть была посажена на достаточно скудный ресурсный паек, и существенно ограничивались ее возможности маневра ресурсами.

Статус-кво на верхнем этаже власти нарушила преждевременная смерть царя, приведшая к расколу аристократии, которым воспользовалась РПЦ. После чего борьба между ними вновь перешла в открытую форму. Все началось с выбора наследника. Вторым сыном Алексея, Иван, был очень болезненным ребенком, непригодным даже для формального выполнения функций главы государства. Однако за Иваном стоял мощный клан Милославских — родственников матери царевича. И эта боярская группировка все годы правления Федора была лидером антицерковной партии в составе аристократии.

Вторая боярская группировка считала, что на престол нужно возвести Петра — третьего сына Алексея от его второй жены Натальи Нарышкиной. Он был здоровым ребенком и потому мог сносно выполнять функции номинального главы светской власти. За Петром стояла партия Нарышкиных. Естественно, что каждая группировка преследовала свои политические цели. При Иване клан Милославских автоматически сохранял доминирующее положение в аристократической элите и исполнительной власти. При Петре у клана Нарышкиных появлялись шансы потеснить во властной иерархии старого лидера или даже занять его место.

В этой ситуации РПЦ примкнула к клану Нарышкиных и стала поддерживать возведение на трон Петра. Во-первых, это был вариант Василия III — обождевшего законного наследника и потому не вполне легитимного царя. Во-вторых, клан Нарышкиных был гораздо слабее своего конкурента и в случае победы мог править только при поддержке РПЦ.

Достаточно скоро обеим сторонам стало ясно, что борьба между ними ведет к разрушению государства и беспределу, аналогичному тому, который имел место в начале века. Как следствие, противники осознали, что победа любого из них может оказаться пирровой. В конце концов, стороны пришли к компромиссному соглашению. По нему на трон возводились оба брата — Иван и Петр. А регентом при малолетних царях назначалась их старшая сестра Софья.

В этом соглашении каждая из сторон видела свою выгоду. Милославские — возможность выдвинуть ре-

гента из собственного клана. РПЦ — закрепление раскола аристократической элиты, облегчавшей церковникам дальнейшую борьбу с ней. Нарышкины укрепили свое положение в структуре светской власти.

Кстати заметить, что факт возведения на трон одновременно двух царей наглядно подтверждает — влияние царя на жизнь страны зависело не столько от официального статуса «самодержца», сколько от его личных качеств. А потому трон давал не право руководить страной, а только возможность побороться за это право с остальными субъектами власти — как формальными, так и теневыми.

На несколько лет ситуация стабилизировалась. Но после того как Петр вырос, борьба возобновилась с новой силой. Молодой царь в ней опирался не только на поддержку РПЦ, но и на собственные силы. Так, он сумел создать свою небольшую армию в составе Преображенского и Семеновского полков, усилил клан Нарышкиных молодыми худородными дворянами и выходцами из народа, которые образовали для царя дополнительную надежную опору, очень напоминавшую опричников Ивана Грозного. Так что против Милославских выступила не только РПЦ, но и существенно усилившийся клан Нарышкиных.

В этом раунде борьбы Милославские потерпели поражение — Софья была отправлена в монастырь, а клан вытеснен из власти. Исключение было сделано лишь для Ивана. Он не принимал никакого участия в борьбе и потому не рассматривался братом в качестве врага. Его статус соправителя обеспечивал Петру собственную легитимность и при этом нисколько не мешал правлению.

Победа часто переходит в разборку между победителями-союзниками. Петр ни в малейшей степени не подходил на роль зиц-царя при теновом верховенстве во власти РПЦ. Кроме того, царь намеревался провести радикальную реформу и превратить страну в мировую державу, что РПЦ не интересовало ни в малейшей степени.

В итоге возникла ситуация, полностью повторявшая ту, что имела место полтора века назад — когда интересы молодого Ивана Грозного кардинально разошлись с интересами РПЦ. Но так как сама церковь к тому моменту смогла полностью зачистить политическую арену от старообрядцев, она вновь стала единой и, соответственно, сильной, а потому решилась открыто выступить против планов молодого царя.

Однако в лице Петра I церковная корпорация получила своего могильщика. Молодой царь быстро и без публичного шума покончил с врагом — в 1703 году упразднил патриархат и тем обезглавил церковную власть. А в 1721 году юридически подчинил церковь светской власти — отныне РПЦ возглавлял назначаемый царем обер-прокурор Священного Синода. То есть взамен патриарха царь дал церкви светского начальника — чиновника. А сам царь стал официальным главой церкви.

К слову сказать, Петр отнюдь не узурпировал пост главы РПЦ. В 1589 году церковь, вероятнее всего, купила автокефальный статус у Константинопольской патриархии, в состав которой она формально входила. Хотя уже давно сама избирала собственное руководство и не делала положенных финансовых отчислений, только иногда оказывала патриархии спонсорскую помощь.

За без малого полтора века нахождения под властью Османской империи константинопольские патриархи сильно обеднели. Поэтому когда патриарх приехал в Москву с просьбой об очередной спонсорской помощи, РПЦ предложила сделку — деньги в обмен на признание своего автокефального статуса. И назвала сумму, от которой патриарх не смог отказаться. Тем более что его целый год держали в Москве фактически на положении почетного пленника. Так РПЦ получила от патриарха грамоту, которая легализовала ее фактическую независимость от Константинопольской патриархии.

Петр, вероятно, пошел этим же путем. Царь, скорее всего, тоже сделал константинопольскому патриарху финансовое предложение, от которого тот тоже не смог отказаться. За эти деньги патриарх, во-первых, аннулировал решение своего предшественника о предоставлении автокефального статуса как неправомочное. Во-вторых, закрепил пост главы РПЦ за русскими царями. Так Петр вполне легитимно ликвидировал патриархию и стал главой церкви. И уже в этом статусе создал Священный Синод, руководить которым поручил своему наместнику-чиновнику.

В 1917 году РПЦ восстановила свой автокефальный статус без согласия Константинопольской патриархии, то есть полностью революционным путем. Но реально РПЦ стала автокефальной только после того, как Сталин поставил ее на службу своей власти. Так что во второй раз РПЦ получила автокефальный статус от генсека ВКП(б). Что позволяет сомневаться в легитимности этого статуса. Если только Сталин,

как в свое время Петр, не «утряс» этот вопрос с константинопольским патриархом.

22. «ПТИЦА-ТРОЙКА» ПЕТРА

Петр, как представляется, смог окончательно разгромить РПЦ, потому что его сторону приняла экономическая элита. Она хоть и не «светилась» на верхнем этаже власти, тем не менее, по-прежнему оставалась серьезной политической силой. Купечество пошло на союз с Петром и стало первым «мотором» его деяний по нескольким причинам.

К середине XVII века значение волжского торгового пути стало неуклонно снижаться. С одной стороны, китайский импорт стал поступать в страну, минуя Среднюю Азию — через Сибирь. С другой стороны, английские и голландские купцы наладили поставку в Европу пряностей и других товаров из Индии и Юго-Восточной Азии морским путем и практически вытеснили с европейского рынка волжские поставки. Разумеется, пушная торговля по-прежнему приносила большой доход, но экономической элите пришлось думать, как компенсировать потерю доходов от транзита восточных товаров. В первую очередь, купцы начали наращивать поставки в Европу менее доходных товаров, таких как лес, пенька, деготь. Затем приступили к организации производств — металлургических и металлообрабатывающих. Сначала для экспорта их продукции на юг — в Среднюю Азию. В результате волжский путь постепенно стал гораздо менее элитарным — на юг в дополнение к мехам пошел металл и изделия из него.

Повышение доходности новой товарной номенклатуры было возможно только путем продвижения торговой инфраструктуры к рынкам сбыта. До прорыва европейцев в Индийский океан торговать китайскими, индийскими товарами, пряностями можно было в Новгороде — продвижение к рынкам потребления существенно прибыль не увеличивало. Поэтому склады, к примеру, в ганзейских городах имели только русские купцы, торговавшие отечественными товарами — тем же лесом или пенькой. Когда купцам пришлось переключиться с элитной на мало доходную товарную номенклатуру, продвижение торговой инфраструктуры к рынкам их сбыта стало насущной необходимостью.

Однако к концу XVII века Швеция лишила наше купечество независимого выхода на рынки европейских стран. Шведы монополизировали торговлю в во-

сточной части Балтики. В результате большая часть прибыли от торговли российскими товарами стала оседать в шведских карманах. Это, естественно, не устраивало нашу экономическую элиту, и ей ничего не оставалось, как искать способ прорыва шведской блокады.

Не менее важно и то обстоятельство, что верхушка экономической элиты мечтала стать глобальным торговым игроком, какими были их английские и голландские коллеги. Для решения этой задачи купечество нашло общий язык с Петром. Именно поэтому Петр переориентировал военную экспансию с турецкого юга на шведский север — купцы не только объяснили царю, «где лежат деньги», но и поддержали финансово. А это была очень серьезная поддержка — купечество было гораздо богаче русских царей и бояр.

В доказательство можно привести пару примеров. В те времена самый богатый боярин, фаворит Алексея Михайловича Б. Морозов, имел годовой доход порядка 10 тыс. рублей. А купец Строганов как-то поддержал Алексея Михайловича — безвозмездно покрыл дефицит госбюджета в сумме 824 тыс. рублей. Другой купец, Гурьев, построил для царя Алексея город на реке Урал. Так как царь обещал назвать город именем купца, последний не стал экономить — отгрохал каменный город. Что обошлось честолюбивому купчине в 300 тыс. рублей. Купечество постоянно кредитовало московских царей на сопоставимые с приведенными суммы. Так что его влияние было сопоставимо с влиянием РПЦ.

Изложенное позволяет предполагать, что основную часть расходов на ведение войны с Швецией взяли на себя купцы. Разумеется, Петр увеличил и налоги — мобилизовал на создание империи ресурсы всего российского общества. Да и церковную мощь потряс основательно. Но на первых порах царя финансировало преимущественно купечество. Разумеется, в своих интересах — для прорыва на европейские рынки.

Наша экономическая элита прекрасно знала, что английские и голландские коллеги достигли успеха в союзе именно с аристократической элитой. На такой союз и поддержку аристократии в экспансии на мировой рынок купечество и рассчитывало. Почему и бросило церковную элиту, которая обычно была союзником купечества на властном поприще. Кроме того, в рамках союза Петр приблизил экономическую элиту к верховной власти и начал уничтожать сословные перегородки, преграждавшие купцам путь на верхний

этаж власти.

Если отбросить риторику «создания великой европейской державы», то обнаружится, что вся без исключения деятельность Петра преследовала интересы только экономической элиты. По сути, царь создавал великую экономическую державу. Точнее, возрождал, потому что на протяжении большей части своей предшествующей истории наша страна была именно таким по качеству субъектом мирового сообщества.

Вторым «мотором» царя в его реформаторской деятельности стало протестантское дворянство. Если во времена Ивана Грозного только небольшая часть дворянства придерживалась протестантских взглядов и поддерживала борьбу царя с РПЦ, то во времена Алексея Михайловича в протестантизм впала уже значительная часть аристократической элиты. Так что Петр имел в дворянской среде гораздо более обширную опору. Тем не менее, вероятность церковной контрреволюции сохранялась — сторонников церкви в составе светской власти оставалось достаточно много.

Сторонники РПЦ в прежние времена оставались во власти по той простой причине, что царям-протестантам для управления страной элементарно не хватало единомышленников. И им поневоле приходилось проявлять веротерпимость — использовать чуждые им по взглядам кадры. Но после смерти царя-протестанта его единомышленникам во власти не удавалось устоять перед контрнаступлением церковников — православное крыло власти сразу же переходило на сторону РПЦ.

А потому для окончательного разгрома РПЦ царю требовалось решить кадровую проблему. Петр справился с ней путем широкомасштабного привлечения на службу представителей протестантской элиты Европы и снятием ограничений на доступ во власть элитным субъектам народа. Иноземцы и выходцы из народа стали третьим «мотором» Петра. Точнее, тысячи нанятых иностранных протестантов и делавших успешную карьеру простолюдинов решили Петру кадровый вопрос. В итоге царь смог минимизировать присутствие православной аристократии во власти и тем лишить церковь сильной «пятой колонны».

Требование брить дворянам бороды и запрет носить головные платки дворянкам только внешне выглядят проявлением «царской дури». На самом деле это был акт публичного отказа дворянства от обрядовых составляющих православия. Отречение от догма-

та о боговоплощенной природе церкви осуществляется в сознании и внешне может никак не проявляться.

Поэтому Петр добавил в собственную версию протестантизма прямо наблюдаемую форму отречения — отказ от предписываемых православием стандартов внешнего облика христианина. В итоге искренним сторонникам РПЦ был полностью отрезан доступ к светской власти. Ведь для попадания в ее состав им требовалось нарушить религиозные заповеди. А для человека, который искренне придерживается православного учения, такой шаг является святотатством.

То обстоятельство, что большую часть XVIII века Россией правили императрицы, дополнительно подтверждает версию о переходе дворянства и власти в протестантизм. Такое положение вещей для православия просто невыносимо — в его представлениях женщина является «сосудом греха» и потому имеет право на существование только в качестве рабыни мужчины. Только в протестантских странах женщины получают возможность становиться монархами.

Заговор царевича Алексея был последней и весьма слабой попыткой РПЦ восстановить свой властный статус. При этом казнь собственного сына царь продемонстрировал церковникам, что в случае повторения ими чего-то подобного он, не задумываясь, вырежет все поповское сословие. Церковные иерархи все прекрасно поняли, и в истории романовской России больше никогда и ни один церковный деятель не пытался оказать даже минимального влияния на действия светской власти или на процесс формирования политики государства. В дальнейшем РПЦ выполняла естественную для себя работу — обслуживала культурные потребности части населения страны, сохранившей приверженность православному учению.

Последний удар по РПЦ нанесла Екатерина II — лишила монастыри земель, представлявших собой источник достаточно серьезных доходов. Церковь умела копить ресурсы, а потому однажды могла снова усилиться. К тому же, если храмы выполняли понятную власти идеологическую работу, то монастыри фактически представляли собой неприятельские крепости в тылу светской власти. Лишившись же земли, монастыри начали хиреть — перестали быть даже потенциальной угрозой.

Только после революции 1917 года РПЦ попыталась принять участие в политической борьбе. Но репрессии большевиков быстро заставили церковников покинуть политическую арену и вернуться к выполне-

нию своих обязанностей — осуществлению религиозных обрядов. В итоге РПЦ опять стала лояльной по отношению к власти. Теперь уже к советской.

По форме русский протестантизм был ближе всего к англиканству — в обеих версиях монарх являлся главой церкви. Сами церковники называли новое вероисповедание элиты цезарепапизмом. При этом русский протестантизм пошел дальше западноевропейских версий в деле реформирования церкви. Петр не просто победил церковную корпорацию, но и преобразовал ее в идеологический департамент светской власти — заставил заниматься идеологическим надзором как за самими священнослужителями, так и за частью общества, сохранившей православное мировоззрение. Фактически царь создал первое в истории министерство идеологии.

Что касается протестантской части русского общества, то между нею и РПЦ установились чисто экономические отношения — священнослужители отправляли обряды и получали плату за эту работу. Создавать отдельную протестантскую церковную организацию было рискованно — существовала реальная опасность спровоцировать открытый идейный раскол между властью и народом. Тем более что европеизация жизни власти и дворянства создала для этого все исходные условия. И так как память о старообрядческом расколе еще была свежа, Петр здраво рассудил, что не играет особой роли, какой именно священник проводит церковную службу или выполняет обряд — православный или протестантский.

Необходимо отметить, что принципиально важными были три особенности русского протестантизма. Во-первых, он стал исключительно идеологией власти и дворянства — военной и управленческой элит. Во-вторых, сознательно использовал православие в качестве идеологической узды для народа. В-третьих, царь и дворянство не афишировали своего протестантского мировоззрения — не хотели выглядеть в глазах православного народа еретической властью. Как и церковь предпочитала не распространяться о своем действительном общественном статусе идеологической прислуги.

Церковная реформа Петра была неизмеримо принципиальнее никоновской — царь изменил не обрядовую, как Никон, а иерархическую структуру церкви и ее статус в обществе. Тем не менее, эта реформа не привела к расколу. Как представляется, по той простой причине, что РПЦ уже полностью трансформи-

ровалась из идейной во властную корпорацию. А потому для священнослужителей идейные вопросы перестали быть жизненно важными. В результате РПЦ попыталась побороться только за свой властный статус — организовала заговор Алексея.

Восстановить патриаршество церковникам удалось только после Октябрьской революции. Так что еще нужно посчитать, кто больше притеснял РПЦ — цари или большевики. А если учесть, что именно по указу Петра священнослужители обязывались доносить власти обо всем крамольном, что они узнают на исповеди, то получается, что и использовать православных священников в сыском деле начали тоже цари.¹¹

23. ИТОГИ СМУТЫ

Смутное время являет собой мировоззренческий кризис общества — устаревание доминирующего в нем учения. Ведь, разуверившись в истинности исповедуемой им религии, общество перестает понимать окружающий мир — становится слепым, теряет представление о правильном направлении своего развития и перестает различать добро и зло. В результате обязательно дичает — сначала власть, а за ней и народ.

Смута заканчивается только после обретения обществом нового учения и восприятия его представлений большинством элиты и народа. Власть по «чертежам» новой религии создает соответствующие имеющимся условиям и потому эффективные в них общественные институты. Как следствие, общество возобновляет прерванный процесс своего развития.

Если же обществу не удастся перейти на соответствующее новым условиям учение и перестроиться под более современные представления о конструкции общественных институтов, оно автоматически ложится в эволюционный дрейф — прекращает развиваться. Что наглядно демонстрируют существующие сегодня патриархальные общества.

После того как Петр добился окончательной победы протестантской аристократии, мировоззренческий кризис, а с ним и длившееся два с лишним века Смутное время, закончились. Отныне русское дворянство и, соответственно, власть в большинстве сво-

¹¹ Стоит отметить, что русские историки прекрасно знали о властном протестантизме. Можно привести в пример историка и философа Г.П.Федотова, прямо называвшего тот же Священный Синод «протестантским» (Новый град, Нью-Йорк, 1952, с. 149.).

ем исповедовали протестантское учение, которое в них постоянно укрепляли и поддерживали тысячи иностранных управленцев, военных, губернаторов. Аналогичную роль играли браки наследников престола с протестантскими принцессами.

Стоит отметить и существенную роль, которую в поддержке и распространении протестантизма играли обращенные в него выходцы из народа. Некоторые из них даже попадали в состав дворянства, но основная часть образовала слой поддерживающих власть обывателей, ставший чем-то вроде «унтер-офицера» для остального народа. Ведь его большая часть оставалась в православной вере.

Увы, но Смута не закончилась переходом русского общества на новое учение. Фактически на территории страны отныне существовали два самостоятельных общества — властное протестантское и народное православное. В этом и состоит суть двухвекового отчуждения власти от народа — они имели разное в своей основе мировоззрение. Поэтому полноценным обществом стал только Советский Союз. И только после того, как к середине 50-х годов коммунистическая идеология стала доминировать не только во власти, но и в народе.

Наша Реформация проходила дольше и тяжелее европейской по вполне понятным причинам. В первую очередь, наша церковная корпорация, хотя и была аналогом католической, еще не перешла в стадию деградации и оставалась очень сильным противником светской власти.

Российской аристократии пришлось бороться с церковной корпорацией, опираясь на поддержку только верхушки экономической элиты. Тогда как подавляющая часть купечества в протестантизм не перешла — оставалась православной и потому придерживалась нейтралитета. В обществе не было научной и культурной элит, которые оказали существенную информационную поддержку североевропейским протестантам. РПЦ никогда не допускала в интеллектуальной сфере Московской Руси конкуренции себе — до Петра материалистическая наука была вообще запрещена, а культурная деятельность ограничивалась культовой живописью, храмовой архитектурой и церковной музыкой. Как следствие, для победы над церковниками аристократии потребовалось больше двух веков жесточайшей борьбы.

В результате победы Русской реформации наше па-

триархальное общество получило возможность продолжить развитие. Во-первых, социальную сферу возглавили военная и хозяйственная элиты в лице дворянства. Во-вторых, интеллектуальная сфера освободилась от церковных пут, которые не давали ей развиваться. В-третьих, религиозной элите был возвращен ее естественный статус — из верховной власти она превратилась в нормального субъекта интеллектуальной сферы.

Однако продолжить развитие удалось только интеллектуальным элитам — сначала научной и культурной, позднее экономической и, наконец, политической. Тогда как развития общества как системы общественных отношений, не получилось. В первую очередь по причине идеологического раскола. Поэтому если североевропейские страны в результате Реформации ускорили развитие, то наше общество, наоборот, развитие начало замедлять и в конце концов полностью прекратило движение по «столбовой дороге цивилизации», превратилось в препятствие на ней. Почему в 1917 году и было сметено эволюционным процессом.

IV. ТРЕТИЙ РИМ

24. ДЕВЯТЬ ВЕКОВ РУССКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Кроме идейного раскола имелось еще две фундаментальные причины, из-за которых наше общество лишилось возможности по окончании Русской реформации ускорить или хотя бы продолжить свое развитие. Первая причина — ликвидация Петром I демократии. Второй причиной стала смена лидеров элитного сообщества — место духовенства и купечества заняли хозяйственники и военные.

Замалчивание демократического прошлого нашей страны наглядно демонстрирует пристрастность отечественной исторической науки. В XIX и начале XX века она оказалась интеллектуально неизмеримо слабее русской литературы. Поэтому писатели без проблем внедрили в общественное сознание собственные представления об отечественной истории. В результате наша история писалась под мощным влиянием создаваемых литературой стереотипов, которые сформировали идейный фундамент российской исторической науки. Так что историческая картина искажалась не только по требованиям заказчика (то есть власти), но и под влиянием внедряемых культурной элитой стереотипов.

Но та же литература всегда отражает современную ей действительность. И в случае с историей литература распространила видимую ей действительность на всю историю страны. В результате и родился миф о «тысячелетнем российском рабстве». XVIII—XIX века безусловно не демократический период истории нашей страны — авторитарная монархия и крепостное право. И писатели внедрили в общественное сознание представление, что так же обстояло дело и во все предыдущие века. То есть реалии двух последних веков были распространены литературой на все одиннадцать веков нашей истории.

Советская историческая наука миф о «тысячелетнем рабстве» всячески поддерживала и развивала тоже по понятной причине — марксистская теория формаций описывает развитие общества как переход от рабовладения к феодализму, от него к капитализму и далее к социализму. Поэтому через призму формационной теории советские историки видели то же, что и писатели — «тысячелетнее рабство».

Наши нынешние либералы — коммунистические выкресты. Неудивительно, что они продолжили традицию литературных либералов XIX века и коммуни-

стических идеологов — тоже пустились в рассуждения о «тысячелетнем рабстве». Тем более что, не сумев построить демократическое общество после своего прихода к власти в 1991 году, либеральные реформаторы возложили вину за свою неудачу на народ. Мол, пребывавший в тысячелетнем рабстве народ не годится для демократии. И ему требуется лет двести, чтобы развиться до требуемого демократической системой уровня. То есть не сами либералы криворукие, а народ им попался неудачный — незрелый.

Если под демократией понимать систему управления, основанную на общественном самоуправлении, выборности и разделении основных властей, то большую часть своей истории наша страна была единственным демократическим обществом в Европе. Русская демократия гораздо старше любой европейской демократии — насчитывает девять веков. И имеет понятное происхождение — продолжает греческую демократию. Последняя не погибла в эпоху Римской империи — продолжила свое существование в черноморских городах-государствах, из которых со славянским купечеством пришла на территорию Древней Руси — в ее торговые города-государства.

Князья русскую демократию не ликвидировали, так как Княжеская Русь стала отдельным корпоративным обществом на территории нашей страны. А объединявшая свободные сословия Купеческая Русь оставалась полностью демократическим обществом. Все входившие в него сословия сохраняли самоуправление на всех уровнях и были независимы от княжеской власти.

Князья периодически покушались на независимость Купеческой Руси и действовавшие в ней порядки — таких эпизодов в нашей истории предостаточно. И хотя князьям так и не удалось покончить с независимостью Купеческой Руси, постоянные покушения оказывали свое влияние — ее институты и право периодически изменялись, приспособливаясь к новой ситуации в элитном сообществе страны или княжеств. В результате на протяжении девяти веков и в разных местностях древнерусская демократия имела самые разные формы — подходящие для конкретных условий. Та же новгородская демократия заметно отличалась от нижегородской и, тем более, от систем самоуправления свободных сословий, имевшихся в княжеских городах.

Новгородская демократия — высший уровень древнерусской демократической системы, достигну-

тый в процессе ее развития. Тогда как демократические системы управления на других территориях были менее совершенны — сосуществование с княжескими властями вынуждало демократическую систему использовать компромиссные элементы. Тем не менее, демократическая суть системы управления свободных сословий сохранялась всегда и везде.

При этом и Княжеская Русь была не вполне авторитарным обществом. Единоначалие в княжеской дружине соблюдалось только в бою. Тогда как все остальное время все решения принимались князем лишь с согласия Боярской думы — русской «палаты лордов». Эти отношения подтверждаются стандартной формулой указов, начинавшихся словами «Великий князь решил, а Дума приговорила» (то есть утвердила принятое князем решение). Во властной иерархии утверждающий решение находится выше того, кто решение принимает. Поэтому Боярская дума была выше по властному статусу великого князя и царя. Соответственно, Княжеская Русь возглавлялась представительным органом и потому была, по сути, «военной демократией». То есть представляла собой не столько авторитарную, сколько демократическую систему управления, имевшую в своем составе авторитарные элементы.

Русская «палата лордов» возникла минимум на три века раньше английской. Пусть сначала и имела форму «ближнего круга» княжеских дружинников. Когда великий князь стал царем, который мог сказать, что для него обычай князей не указ, Земский собор 1550 года внес в Судебник специальную статью, однозначно запрещающую царю принимать управленческие решения и осуществлять кадровые назначения без согласия Боярской думы.

Этот пример демонстрирует, что духовенство и купечество следили за тем, чтобы княжеская корпорация оставалась минимально авторитарным обществом — сохраняла достаточное количество демократических элементов. По той простой причине, что элементы демократии как раз и позволяли тому же духовенству оказывать существенное влияние на дела Княжеской Руси.

При переходе от «совместного предприятия» трех корпораций к единому государству духовенство и купечество обеспечили ему полностью демократическую природу. Церковь, доминируя в верховной власти, предпочитала сохранять установленную изначально экономической элитой и отлаженную ею за

века демократическую систему управления. РПЦ вполне оценила ее эффективность и удобство для себя. В результате патриархальная Московская Русь имела полностью демократическую систему управления. Так что в Московской Руси структура власти только формально соответствовала патриархальным канонам, утверждавшим в качестве истинной авторитарную систему управления. Соответственно, великие князья, а затем цари лишь формально возглавляли государство. А потому и самодержавие тоже было формальным.

Высшей формальной властью обладал Земский собор, представлявший большинство сословий и обладавший не только законодательными полномочиями, но и правом решения самых важных вопросов государственной жизни. Именно Земским собором 1550 года был доработан и утвержден новый Судебник. Только Земский собор мог разрешать царю начинать войну и вообще принимать серьезные внешнеполитические решения. Так, присоединение Украины было осуществлено по решению Земского собора 1653 года. Причем двумя годами раньше собор отклонил первую просьбу украинцев о присоединении.

В итоге в стране имелась полноценная представительная власть, между палатами которой, Земским собором и Боярской думой, были разумно распределены функции. При этом не только собор, но и дума формировались путем выборов. Дума была подобна английской палате лордов, за исключение двух важных деталей. Если в палату лордов старший в семье аристократ попадал по праву рождения, то в думу попадали любые представители боярских родов и только с согласия самой думы. Великий князь, а потом царь только формально назначал членов думы — лишь после одобрения кандидата самой думой. Так что Боярская дума была более демократически организованной представительной властью дворянства в сравнении с английской палатой лордов.

Система управления Московской Руси в части представительной власти выглядит гораздо разумнее нынешней российской. В последней две палаты представительной власти дублируют друг друга, а исполнительная власть принимает указы и постановления без какого-либо контроля со стороны других властей. Тогда как в московском государстве Земский собор осуществлял стратегический, а Боярская дума — тактический контроль за деятельностью исполнительной власти.

Если посмотреть на исполнительную ветвь власти, то и здесь ситуация с демократией в Московской Руси выглядит предпочтительнее. Так, вся вертикаль исполнительной власти состояла из трех звеньев — царь, приказ, воевода. Мало того, воевода отнюдь не был царским наместником — фактически это был нынешний военком, отвечавший за мобилизационные вопросы и оборону вверенной территории. И воевода носа не мог совать в другие местные дела. Потому что на местах действовала система полного самоуправления — уезды, города, села управлялись исключительно выборными представителями местного населения. И не только из представителей дворянства, но и из торговцев, ремесленников и крестьян.

Причем и на этом уровне мы опять видим более высокий уровень демократии в сравнении с современной российской действительностью — в Московской Руси судебная власть была полностью выборной. Так что ни царь, ни воевода судей и служителей правоохранительной системы не назначали и командовать ими не могли. А в середине XVI века даже появились суды присяжных — некоторые виды дел стали рассматриваться судьями совместно с выборными представителями населения.

Чтобы права были реальными, их обладателю требуется возможность ими пользоваться. Для любой власти ее независимость и, соответственно, самостоятельность зависит не только от имеющихся у нее прав, но и от доступа к ресурсам, которые дают возможность пользоваться правами. Поэтому власть без собственных ресурсов — это всегда фикция. И разделение властей в Московской Руси было реальным именно потому, что каждая власть имела собственные ресурсы. Так, наряду с царской казной имелась земская казна, которая расходовалась по решению Земского собора. Собственную казну имели и местные власти. При этом ни одна из властей не находилась на содержании у вышестоящей власти — каждая имела свои собственные источники ресурсов. Так что и в этом отношении древнерусская демократия была совершеннее нынешней российской.

Проведенная РПЦ в середине XVI государственная реформа, результатом которой стал переход от «совместного предприятия» трех корпораций к единому государству, состояла из трех «отраслевых» реформ — земской, судебной и муниципальной. И каждая из них внедряла и узаконивала именно демократические институты и порядки. В результате возникла

общая для всей страны демократическая система управления свободными сословиями, достаточно эффективно сопряженная с относительно авторитарной вертикалью исполнительной власти.

Демократическая система управления стала главенствующей в Московском царстве — задающей принципиальные особенности конструкции государства и модели властных отношений. Там, где наиболее эффективна демократическая система управления, использовалась именно она. Там, где больший эффект давало использование авторитарной системы управления, были узаконены относительно авторитарные отношения. Ничего противоестественного в этом нет. В любой демократической стране существуют авторитарные территории. Например, армия. Потому что некоторые сферы деятельности эффективнее работают при использовании авторитарной системы управления.

Российское «крепостное рабство» — это тоже в значительной степени миф. Крепостное право — это далеко не рабство. До XVIII века крепостное право прикрепляло крестьянина к земле. При этом дворянские вотчины и поместья, хотя и передавались по наследству, а также могли продаваться, не были в полной собственности дворян. Ими владело государство в лице царя. По сути, дворяне обладали только правом пользования и частично правом распоряжения своими поместьями. Тогда как третья составляющая права собственности, право владения, оставалась у власти.

А потому крепостное право, прикрепляя крестьянина к земле, фактически прикрепляло его к государству. Как сегодня, пусть и другими способами, все люди прикрепляются к государству, гражданами которого они являются. При этом точно в таком же положении находились и дворяне — они все были в крепостной зависимости от царя. Разница только в том, что эта зависимость обязывала крестьянина пахать, а дворянина служить.

Мало того, если свободные сословия (купцы, ремесленники, горожане, казаки, свободные крестьяне) имели независимую от княжеской власти судебную систему и выборных судей, то крепостные крестьяне и дворяне судились «начальственным судом» — крепостных крестьян судил помещик, а помещиков — царь. Только эти два сословия были, безусловно, поражены в правах — не имели независимого суда, были прикреплены к земле и исполнительной власти, и их

труд носил принудительный характер (крестьянский и служебный).

Так как в крепостной зависимости находилось не только крестьянство, но и дворянство, то оснований считать крепостное право рабством нет. Крепостное право в Московской Руси увеличивало устойчивость государства. Крепостная зависимость дворян от государства сплавила дворянство в очень сильную и патристическую элиту. Прикрепление крестьян изменяло их отношение к земле и соседям — оседлость формировала более совершенную общественную мораль. Так что русская община, несколько веков выполнявшая функцию станового хребта российского общества, стала полноценным общественным образованием только после того, как у нее появились постоянные субъекты.

А потому считать прикрепление крестьян к земле «закабалением» не вполне корректно — это был естественный этап развития сельской составляющей российского общества. Миф о крепостном рабстве возник по двум причинам. Первая причина состояла в том, что оба сословия получили вольность в разное время. Сначала вольность дворянству дал своим указом Петр III. Тогда как крестьяне получили вольность на сотню лет позже. Вторая причина в том, что с конца XVIII века стала массовой практика продажи крестьян. Так как помещики больше не обязаны были служить, имевшаяся у них ресурсная база, в том числе и крестьяне, оказывалась в их полном распоряжении. Точнее, ресурсная база больше не была обременена обязанностью содержать помещика на службе. А потому он мог распоряжаться ею не так, как требовалось власти, а как ему вздумается. В результате помещики и начали торговать крепостными крестьянами как скотом. Тем более что в представлениях протестантского дворянства православные крестьяне опустились на ступеньку ниже — приблизились к животным.

Так что рабство крестьян в истории нашей страны началось не в Московской Руси, а в Российской империи. Причем продолжалось меньше века. Распространение либерализма покончило с крепостным правом для крестьян. Точнее, покончило совсем с другим по сути правом — из права государства ограничивать миграцию крепостное право превратилось в право помещиков торговать людьми. Для сравнения, в тех же США полноценное рабство существовало дольше.

Близкое к классическому экономическое рабство в форме кабальной зависимости, пусть и в незначительных масштабах, в Московской Руси существовало. Хотя это было достаточно «мягкое» рабство — не было наследственным и не давало владельцу раба никаких прав, кроме права использовать его труд. Так что жизнью раба русские рабовладельцы не распоряжались.

Свободными людьми в Московской Руси были купцы, ремесленники, священнослужители и часть крестьян — на Севере, на Урале и в Сибири крепостной зависимости не было вообще. И это не просто «так сложилось» — этим слоям российского населения свобода была необходима для эффективной деятельности. Свободные крестьяне населяли земли, не представлявшие интереса для помещиков. Купцам и ремесленникам свобода нужна была для эффективной экономической деятельности. Служителям церкви — для выполнения мировоззренческой миссии. Для свободных людей стремление к демократии естественно. Потому что она предназначена для управления как раз свободными людьми. И существование в допетровском российском обществе демократической системы управления как раз и объясняется наличием в нем многочисленных и достаточно сильных свободных сословий. А крепостные сословия имели собственную систему управления — относительно авторитарную.

Если теперь мысленно перенестись на просторы тогдашней Западной Европы, то где мы сможем увидеть систему государственного управления, близкую по уровню демократичности и сложности к нашей? Так что Палата общин, Генеральные штаты, Кортесы — отнюдь не первые институты демократии, появившиеся в христианской Европе. Тем более что вначале они имели лишь право совещательного голоса. Так, на «родине парламентаризма», в Англии, парламент стал выше короля только в 1689 году.

Но это началась эпоха демократии только для привилегированных слоев английского общества. А потому на протяжении девяти веков российское общество было самым демократическим в мире. В свою очередь, имевшийся в нашей стране к концу XVII века уровень демократии был достигнут в Западной Европе только во второй половине XIX века. И лишь в некоторых странах.

Начиная с XIII века российское общество отстава-

ло от некоторых обществ Западной Европы в развитии научной сферы. А с конца XIV века начало отставать в развитии сферы культурной. Но тоже не от всех стран Западной Европы. Вина за это лежит на РПЦ, которая, находясь во главе власти, запрещала научную деятельность и ограничивала культурную. Отставание в этих двух сферах и сформировало у российских интеллектуалов ложное представление о том, что наше общество всегда плелось в хвосте у Запада.

В свою очередь, в экономическом развитии некоторое отставание наметилось только в конце XVII века. Что касается политической сферы, то по уровню демократии наше общество далеко опережало весь мир вплоть до начала XVIII века. И стало отставать от некоторых стран Западной Европы лишь в XIX веке. Причем благодаря сначала военной и хозяйственной элитам, а затем бюрократии, запустившим и поддерживавшим процесс политической деградации.

К середине XIX века мы ликвидировали отставание в научной и культурной сферах, а к началу XX века догнали Западную Европу в экономическом развитии. И уже больше никогда существенно не отставали в этих сферах. Нам не удалось ликвидировать отставание в политической сфере. Но вовсе не потому, что наш народ был «недоразвитым», а потому, что большую часть XIX и XX веков у нас в стране существовала жесткая диктатура бюрократии. Соответственно, проблема была не в народе, а во власти.

Западноевропейское русло европейской цивилизации было продолжением русла Римской империи. Как следствие, в Западной Европе с самого начала получила распространение авторитарная форма правления. Когда католическая церковь пришла к власти в обществах Западной Европы, она продолжила авторитарную традицию. И весь период ее главенства в обществах европейских стран в них сохранялась авторитарная система управления.

Только с появлением свободных городов и торговых республик, в которых верховная власть принадлежала экономической элите, в Западной Европе начинается эпоха демократии. А близкая к современной по своей идейной основе демократия реально появилась в Западной Европе только с просветителями и пропагандируемыми ими идеологиями индустриального общества — социализмом и либерализмом.

При этом свободные города появились в Северной Европе не сами по себе — конструкция торговой рес-

публики была заимствована североевропейской экономической элитой у нас. Работавшие с нашим рынком европейские купцы были хорошо знакомы с порядками, которые существовали на Руси. Естественно, завидовали статусу русской экономической элиты в обществе и демократической форме самоуправления ее существования и деятельности. А потому стремились добиться такого же статуса и демократического самоуправления. Когда это удавалось сделать, в Западной Европе появлялись подобные Новгороду «вольные города».

Так что реально в Западную Европу демократия пришла все-таки из Греции через черноморские греческие полисы и русские торговые города. Итальянские торговые республики тоже имеют греческое происхождение — венецианские и генуэзские купцы тоже заимствовали конструкцию торговой республики в греческих причерноморских городах, с которыми они активно торговали. Другое дело, что в Западной Европе дальнейшее развитие получило только североевропейское русло демократии, тогда как итальянское заглохло. Хотя свою роль в качестве второго наряду с русским примера для подражания итальянское русло сыграло — продемонстрировало западноевропейской экономической элите, что она может иметь самый высокий общественный статус в любом по своей мировоззренческой ориентации обществе.

Девятисотлетняя русская демократия выглядит исключением из общего «европейского» правила. На самом деле никакого исключения нет. Все дело в том, что форма правления зависит от доминирующей во власти элиты. В архаичных обществах чаще всего доминировала военная элита. Как следствие, в этих обществах чаще встречается естественная для военной элиты авторитарная форма правления.

В патриархальных обществах чаще доминировала хозяйственная элита. И так как для этой элиты авторитаризм тоже естественен, то в патриархальных обществах так же чаще встречается авторитарная форма правления.

В индустриальную эпоху происходит очередное перераспределение сил во власти — в индустриальных обществах резко усиливается экономическая элита. Она начинает доминировать во власти, пусть и в качестве ее теневой ветви. Для экономической элиты более удобна демократическая система управления. А потому в индустриальных обществах чаще используется демократическая система управления.

Феномены древнегреческой и древнерус-

ской демократии имеют понятное объяснение — в этих обществах самой сильной была экономическая элита, поэтому она доминировала во власти, пусть и в качестве теневой ветви. И внедряла удобную для себя демократическую форму управления обществом. Потому что эта система позволяет предпринимателям контролировать власть и при этом минимально отвлекаться от своего основного занятия — бизнеса.

После того как на Руси на первые роли во власти вышла церковная элита, она предпочла сохранить демократическую форму управления — ей как теневой ветви власти демократия тоже была удобна. Хотя католическая церковь, как упоминалось выше, возглавив власть, предпочла пользоваться традиционной для Западной Европы авторитарной формой управления.

В западноевропейских странах экономическая элита начала заметно усиливаться только в XIV веке — после того, как ослабла католическая церковь. Рим ограничивал возвышение купечества, так как опасался конкуренции с его стороны на властном поприще — прелаты прекрасно понимали, что большие финансовые ресурсы эффективны в любых руках. Поэтому только в XIV веке начался реальный процесс демократизации Западной Европы, условия для которого возникли в результате усиления экономической элиты.

Увы, но именно под идеологическим воздействием Запада Россия лишилась девятисотлетней демократии. И создала военную сверхдержаву — романовскую империю, которая во второй половине XVIII — начале XIX веков была, несомненно, самой сильной в военном отношении державой мира. Во второй половине XIX века в нашей стране начался процесс восстановления демократии, который ускорился в начале XX века. И опять под идейным воздействием Запада Россия свернула процесс демократизации. Ведь коммунизм мы не сами придумали — он, как и протестантизм, пришел к нам с Запада. И опять мы создали военную сверхдержаву — СССР. Может, поэтому Запад наконец решил вернуть Россию на демократический путь развития — испугался перспективы появления третьей российской сверхдержавы?

Все девять веков российской демократии наша страна была самой богатой в Европе. Судя по количеству археологических находок, Новгородско-Киевская Русь имела на вооружении чуть ли не половину мечей, произведенных в Западной Европе. Учитывая тогдашние рыночные цены — 5—10 солидов за меч, 12 солидов за доспех, — в IX—XII веках Русь была бес-

прецедентно богатым для Европы государством. И этому имеется понятное объяснение — через страну проходили две мощнейшие торговые артерии.

Так же обстояло дело и в эпоху Московской Руси. При этом принципиально важно, что богато жили не только дворяне, священнослужители и купцы, но и большая часть народа. Можно сослаться на свидетельства посещавших Русь иностранцев, которые возмущались тем, что многие простолюдины одеты богато — на одежде часто встречаются оторочки из дорогого меха, элементы золотого шитья, используются украшения из золота, жемчуга. В остальной Европе ничего подобного не наблюдалось вообще — слова «простолюдин» и «бедняк» были полными синонимами.

Причина этого феномена — доминирование во власти религиозной и экономической элит. Они ограничивали аппетиты светской власти в деле установления налогов. Ведь богатый народ — естественный источник богатства духовенства и купечества. Это не аристократам, а им нужны зажиточные прихожане и покупатели. Поэтому высокие налоги на Руси — эпизодическое и обязательно непродолжительное явление.

Тогда как в Западной Европе властвовавшая изначально аристократия в деле установления налогов тормозов не имела — отбирала у народа все что могла. Доминирование во власти в Средние века католической церкви ничего не меняло, так как епископы сплошь и рядом были выходцами из аристократии и при этом владели городами и областями. А потому предпочитали получать доходы в виде налогов, причем максимальных по величине — западноевропейская аристократия свято верила в то, что народ обязательно должен быть бедным.

В России налоговая нагрузка на народ начала серьезно возрастать только при Петре I — царь организовал широкомасштабную мобилизацию ресурсов. А после прихода к власти военной и хозяйственной элит она стала постоянно высокой — росту налоговой нагрузки больше не препятствовали тормоза в лице религиозной и экономической элит. Хотя в сравнении с Западной Европой российские налоги оставались относительно низкими. Так что наш народ хотя и стал жить заметно беднее, еще долго оставался самым богатым в Европе. Естественно, это не относилось к крепостному крестьянству. Но оно составляло меньшую часть российского общества.

Только к середине XIX века Россия по уровню жизни населения стала уступать передовым западноевропейским странам. Так свертывание демократии в XVIII веке запустило процесс обеднения нашего народа. А власть, наоборот, стала непомерно богатеть. В передовых западноевропейских странах шел противоположный процесс — развивалась демократия, и вслед за ней росло благосостояние народа.

25. ЗАКАТ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Для выполнения заказа экономической элиты на создание «великой экономической державы» Петр кардинально усилил и объединил социальные элиты — военную и хозяйственную. В результате они стали сильнее экономической элиты. Тем более что последняя лишилась возможности опираться на своего традиционного властного союзника — церковную элиту.

После смерти Петра социальные элиты не захотели оставаться подрядчиками экономической элиты в деле строительства «великой экономической державы». И совсем не хотели делить власть с чуждой себе по менталитету экономической элитой. Тем более что это отчуждение усилилось мировоззренческим фактором. Так как если социальные элиты в массе перешли в протестантизм, то подавляющая часть купечества сохранила приверженность православию.

После того как экономическая элита была полностью отлучена от власти на всех ее уровнях, новые союзники запустили процесс систематического грабежа купечества: с одной стороны, обложили высокими налогами, с другой стороны — отдали купцов под власть лихоимцев-губернаторов. В итоге экономическая элита быстро обнищала и перестала пользоваться каким бы то ни было влиянием в российском обществе. Так закончился продолжавшийся почти тысячелетие «золотой век» российской экономической элиты.

Аристократии купечество требовалось не в качестве «штурмана» на капитанском мостике общества, а всего лишь в качестве «дойной коровы». Исключительно в этой роли экономическая элита в дальнейшем и использовалась российской властью.

Купечество было вынуждено прекратить обустривать дальние территории — Восточную Сибирь, Приморье, Аляску, западное побережье Северной Америки. Новой власти такие далекие земли не были нужны — ей больше нравилось воевать за европейские

территории. И воевать ходить недалеко, и завоеванные территории обустроить не нужно. А после того как возможности экспансии в Европу иссякли, власть двинулась в Среднюю Азию. Тоже обустроенные и теплые земли.

Принципиальной особенностью романовской империи стало идейное разделение общества на «метрополию» и «провинцию». Перешедшие в протестантство дворянство и большая часть городских обывателей стали «метрополией». Тогда как все сельское население и небольшая часть городского остались в православии и выполняли в романовской империи функцию «провинции».

Русское купечество создало фундамент романовской империи. Точнее, создало ресурсный потенциал, который после Петра военная и хозяйственная элиты использовали для превращения страны в военную сверхдержаву. При этом нельзя сказать, что новые рулевые использовали этот потенциал с толком.

И не только потому, что создали общество, в котором между властью и большей частью народа существовал идеологический раскол. Важнее было то, что они заморозили процесс развития российского общества. Соответственно, не дали ему возможности вовремя перейти на следующий уровень развития — индустриальный.

Итог двухвекового доминирования во власти Российской империи аристократии в лице военной и хозяйственной элит удручающ. На ветер был пущен ресурсный потенциал, созданный за девять веков экономической элитой, — частью проеден, частью истрачен на завоевания ненужных территорий. А общество опустилось на более низкий уровень развития — авторитарной патриархальной империи середины XVII века. И на этом уровне было стреножено. Как следствие, к началу XX века социальные рулевые фактически обанкротились, что и привело Российскую империю к гибели.

Так что неслучайно страна потеряла сначала благодатные земли западного побережья Северной Америки. А затем по случаю власть продала и Аляску. Только к концу XIX века, когда экономическая элита снова усилилась, она смогла возобновить работу по обустройству оставшихся дальних территорий — Восточной Сибири и Приморья. Но полтора века было потеряно. Военные приобретения России не принесли никакой пользы для ее развития. К началу XXI века Россия

оказалась в границах, до которых ее расширила экономическая элита, тогда как все военные приобретения власти от нее откололись. Они удерживались в составе страны сначала военной силой, потом ресурсной подпиткой.

Когда ресурсная подпитка и военная мощь ослабли, страна лишилась всех приобретенных военным путем территорий. При этом оставшиеся в составе страны северокавказские республики являются членами Российской Федерации лишь де-юре. Тогда как де-факто являются сателлитами в статусе политических содержания, у которых российское право выполняет лишь декоративную роль.

Необходимо отметить еще одно крайне неприятное следствие петровских реформ — коррумпирование власти. Наше общество во все времена отличалось повышенной честностью. Это художественная литература внедрила представление о русском народе как чуть ли не самом вороватом в мире. На самом деле это полная ложь — вороватыми были только социальные элиты и только последние два с половиной века. Тогда как интеллектуальные элиты и народ всегда были по мировым меркам невероятно честными.

Гиляровский наглядно продемонстрировал знакомому интеллигенту уровень честности нашего народа. Ночью на Сухаревке он дал босяку, по виду типичному разбойнику, рубль и велел сбежать за папиросами. К изумлению интеллигента, представления которого о качествах русского народа были почерпнуты исключительно из художественной литературы и публицистики, оборванец через пять минут принес и папиросы, и сдачу. После чего получил плату за свою услугу.

Так что еще в конце XIX века наш народ был в массе очень честным. Да и сегодня социологические исследования показывают, что в сельской местности люди считают честность самым важным качеством человека и утрату доверия сельчан расценивают как одно из самых больших несчастий. Это, разумеется, не относится к сельскому начальству — в нем доля нравственных люмпенов достаточно высока.

Можно привести свидетельство англичанина С. Хогга, который писал, что «Россия была единственной страной, где контракты заключались не на бумаге, а на словах. И не брались расписки за полученные за товар деньги. Только в России так можно было торговать». Это, кстати, было сказано об экономической элите эпохи НЭПа, которая в произведениях советских писате-

лей изображалась исключительно в виде корпорации жуликов.

Причина феноменальной честности российского общества на протяжении большей части его истории заключалась в том, что оно было создано экономической элитой, которая затем четыре века безусловно доминировала во власти. Соответственно, устанавливала естественные для себя правила поведения и деятельности. А затем пять веков оказывала на власть и народ существенное влияние.

Казнокрадство и взяточничество как массовое нравственное уродство пришло в Россию из Западной Европы — с хлынувшими в нашу страну при Петре протестантскими гастарбайтерами. Представители западноевропейских элит, военной и хозяйственной, ехали в Россию на заработки. И при этом не гнушались любыми способами обогащения. Ведь в подавляющем большинстве это была маргинальная часть европейской элиты или чистой воды авантюристы. Именно они привили российским социальным элитам коррупционные наклонности.

Поток западноевропейских европейских военных и хозяйственных кадров не иссякал без малого два века. А потому не только успешно инфицировал нашу социальную элиту коррупционными наклонностями, но и надежно укоренил их во властной среде. Русская литература XIX века своими критическими произведениями наглядно проиллюстрировала эти итоги «просвещения».¹²

К концу XVIII века российские военная, хозяйственная, правоохранительная и судебная элиты стали тотально коррумпированными. А Суворов говаривал, что офицера, год прослужившего интендантом, можно сажать в тюрьму без суда и следствия. А Ф. Тютчев резюмировал, что история России после Петра — сплошное уголовное дело. В отношении представителей этих четырех элит наша художественная литература была, безусловно, права. Но интеллектуальные элиты и народ в массе своей продолжали оставаться честными.¹³

¹² К слову, Петр официально жил «на зарплату» – получал жалованье адмирала и корабельного мастера. Это, разумеется, делалось в качестве примера элите. Тогда как реально имел и «подкожные» доходы – он брал их из «кармана» Меншикова. Почему и закрывал глаза на мздоимство последнего. Потому что вряд ли даже двух зарплат хватало бы Екатерине на наряды и прочие дамские расходы.

¹³ Конечно, среди приезжавших в Россию встречались достойные люди. Инекоторые из них внесли заметный вклад в развитие научной и культурной сфер нашего общества. Но, кроме того, что это были исключительно представители интеллектуальной элиты, их доля в общем потоке иностранцев была настолько мизерной, что они никак не могли препятствовать разложению российской социальной элиты.

Увы, следует признать, что казнокрадством и мздоимством российскую власть заразила именно элита Западной Европы. Пусть это была ее худшая часть. Впрочем, такая же бесчестная, как та, которая огнем и мечом осуществляла колонизацию. Не стоит думать, что в Америку, Африку, Юго-Восточную Азию отправлялась «плохая» европейская элита, тогда как в Россию приезжала «на ловлю счастья и чинов» качественно иная.

Имеется достаточно много аргументов в пользу предположения, что в установившейся после Петра системе управления царь, как и в прежние времена, не был самодержцем. Реально он даже не возглавлял ни одну из ветвей власти — был только арбитром в отношениях между властными элитами. Соответственно, отнюдь не правил.

Именно поэтому любые реформы в России всегда носили половинчатый характер и шли крайне медленно — они были не волей царя, а результатом компромисса между элитными кланами. Хотя императоры, разумеется, могли выступать инициаторами каких-то мероприятий или реформ, но осуществлялись эти действия только с согласия властных элит и только ими самими.

В истории после петровской России было только три случая, когда императоры пытались вести себя как самодержцы. Сначала самодержцем попробовал стать Петр III. И был убит собственными придворными. Затем полноценным императором возомнил себя Павел I. И тоже был убит придворными. Через сто лет попытку повторил Николай II — он вообразил себя «хозяином земли русской». В итоге тоже был свергнут с престола. Причем тоже собственной свитой.

Это значит, что в России никогда не было реального самодержавия — монархия всегда была ограничена. До Петра это была, безусловно, «конституционная монархия», в которой царь был главой исполнительной власти, ограниченной Земским собором, Боярской думой, РПЦ. А после Петра власть императора вообще стала формальной, потому что реальные функции царя как арбитра относились не к сфере управления государством, а к сфере межэлитных отношений. Реальная же государственная власть принадлежала элитным кланам — военным и хозяйственным «партиям».

Трудно представить, что при полном отсутствии вековых традиций единоличного правления в стране вдруг появилось и укрепилось самодержавие. Причем

получается, что господство этой формы правления закрепили четыре правившие одна за другой императрицы. Тогда как трансформация системы власти в виде перехода от царя как главы исполнительной власти к императору как арбитру в отношениях между властными кланами выглядит более естественным — как следствие смены доминирующих во власти элит.

Церковная и экономическая элита как теневые субъекты власти в Московском царстве делили ее по вертикали. На верхнем уровне господствовали попы, на местном уровне — купцы. А противоречия разрешали на Земских соборах, в которых кроме церковников и купцов участвовали представители исполнительной власти — нейтральные по отношению к обоим властным «теневикам». Соответственно, на соборах исполнительная власть выступала арбитром в спорах между церковниками и купцами.

Военная и хозяйственная элиты так делить власть не могли. Если местный уровень военные отдали хозяйственникам, то на верхнем уровне присутствовали обе элиты. При этом Земские соборы были упразднены, а сменивший Боярскую думу Сенат для улаживания разногласий не подходил вовсе — в нем заседали только сами военные и хозяйственники. В такой ситуации было разумным учредить пост арбитра отношений между кланами — нейтрального по отношению ко всем кланам императора. Но никак не сажая себе на голову деспота.

Аналогичная система власти существовала у нас в брежневские времена — генсек был только арбитром в отношениях между партийными и бюрократическими кланами. Так что за всю двенадцативековую историю нашей страны ею только однажды правил полноценный самодержец — И. В. Сталин.

Описанные представления о формальности российского самодержавия требуют дополнительной проработки. Поэтому дальше описание событий будет излагаться в традиционных представлениях, в которых императоры реально возглавляли верховную власть страны и были достаточно самостоятельны — в своей деятельности только опирались на властные кланы. Или, наоборот, боролись с ними, отстаивая свои властные полномочия.

26. ИСТОРИЧЕСКИЙ РАЗВОРОТ

Захватившим власть социальным элитам ближе и понятнее была задача создания не индустриальной

экономической державы, а патриархальной военной империи. В случае доминирования во власти социальных элит общество всегда приобретает вид казармы или тюрьмы. Если ресурсов много, возникает военная держава, если мало — полицейское государство. В обоих вариантах возглавляемое социальными элитами общество всегда авторитарное образование — авторитарные отношения более понятны и потому комфортны для социальных элит.

Придя к власти, военная и хозяйственная элиты начали переделывать систему управления российским обществом на полностью авторитарную, то есть ликвидировали демократическую систему управления. По сути, новые властители стали копировать западноевропейское ноу-хау общественного устройства. Что тоже было естественно — эти элиты умеют только копировать действия других и не способны создавать что-либо новое. Но новые рулевые стали копировать не зарождающиеся промышленные империи, в которых во власти доминировала экономическая и политическая элиты, а вырождающихся патриархальных монстров, возглавляемых военной и хозяйственной элитами. И именно такую вырождающуюся империю в итоге и создали. Так под руководством военной и хозяйственной элит энергия российского общества стала тратиться не на развитие, а на осуществление территориальной экспансии.

Тип общества и модель управления им полностью определяются тем, какие элиты доминируют во власти. Индустриальная экономическая или промышленная держава/империя обычно является демократическим образованием — как следствие доминирования во власти интеллектуальных элит — экономической и политической. Демократические отношения естественны и потому комфортны как раз для интеллектуальных элит. Так что не случайно в Европе процесс развития демократии шел параллельно процессу развития промышленных держав.

Русь девять веков была демократическим обществом, потому что в ее власти доминировали интеллектуальные элиты. В Новгородско-Киевской Руси экономическая элита доминировала в составе верховной власти. В Московской Руси статус доминирующей в верховной власти элиты перешел к РПЦ. Но экономическая элита тоже осталась во власти — продолжала доминировать на ее региональном и местном этапах.

С отстранением от власти сначала церковной, а за-

тем экономической элиты исчезли препятствия для перехода к удобной для новых рулевых авторитарной системе управления. Во власти российского общества просто не осталось элит, которым бы требовалась демократия. В результате демократический период развития России закончился — началась трехвековая эпоха авторитарной системы власти. На ее протяжении в основном наблюдались длительные периоды деградации или застоя. А периоды развития были редки и коротки.

В это же самое время элементы авторитаризма в системе управления не помешали развитию английского общества. И этому есть вполне понятные объяснения.

Во-первых, авторитаризм как этап развития общественных отношений не обязательно обеспечивает обществу деградацию или застой. Потому что развитие обществу обеспечивает не форма правления, а доминирование во власти интеллектуальных элит. Демократия или авторитаризм не только удобные для разных элит формы правления. Они также различаются по своей эффективности — обеспечивают разный КПД деятельности элит. Так что интеллектуальные элиты могут использовать для развития любую форму правления. Точнее, в зависимости от имеющихся условий. Потому что авторитаризм относительно эффективен лишь в экстремальных ситуациях, в которых требуется максимальная мобилизация ресурсов и быстрое принятие решений. Тогда как демократия эффективна в благоприятных условиях — обеспечивает более высокий КПД использования ресурсов и принятие более качественных решений.

Во-вторых, в Англии имелся совершенно другой в сравнении с Россией расклад сил в элитном сообществе. Так, в Англии значительная часть дворянства перешла в разряд экономической элиты. Существовал даже закон, разрешавший заниматься экономической деятельностью исключительно дворянам. В результате экономическая элита постоянно усиливалась сильнейшими представителями военной и хозяйственной элит. А эти последние, в свою очередь, не имели возможности усиливаться. В России, наоборот, верхушка экономической элиты (Демидовы, Строгановы и др.) дезертировали в состав хозяйственной элиты.

Кроме того, в Англии уже имелись и при этом пользовались достаточно большим влиянием научная и культурная элиты. И появилась политическая элита. В результате интеллектуальные элиты оказались силь-

нее социальных и своим воздействием на власть имели возможность обеспечивать ускоренное развитие общества.

В России научной и культурной элит не было вообще. А потому идейный раскол экономической элиты и отсутствие других интеллектуальных элит не позволили интеллектуальной сфере российского общества своим воздействием обеспечить следующий этап его развития.

По сути, Россия и передовая часть Европы стали двигаться в разных направлениях — у нас началась деградация демократии, тогда как в Западной Европе — ее ускоренное развитие. Это значит, что после петровских реформ был осуществлен разворот в совсем другую сторону — общественной деградации. И созданная наследниками Петра военная сверхдержава только внешне выглядит выдающимся достижением на пути общественного развития. На самом деле это был в чистом виде этап деградации, который естественным образом завершился в 1917 году полным разрушением российского общества.

В начале XVIII века российское патриархальное общество достигло апогея своего развития. Апогей — точка, после которой вектор процесса меняет свой знак на противоположный. В общественном процессе в апогее развитие переходит в деградацию — противоположное по направленности изменение. И разворот российского общества в сторону деградации был естественным.

Другое дело, что для завершения положительной работы отката хватило бы полувека. Тогда как у нас период деградации растянулся на целых два века — в первую очередь потому, что у нас не было элит, которые могли бы запустить следующий цикл развития в условиях наступающей эпохи индустриального общества — научной, культурной, политической. А единственная полноценная интеллектуальная элита, экономическая, была изгнана из власти и закабалена.

27. ВЕЛИКАЯ СТРОЙКА ЭПОХИ ЗАКАТА

В период между смертью Петра и восшествием на трон Елизаветы шла борьба за власть между элитами и элитными группами. Ссылкой А. Меншикова закончилась борьба аристократии с экономической элитой. Именно Меншиков был главной опорой купечества в верховной власти. И после смерти Петра он получил

фактически верховную власть как раз в качестве представителя главного союзника царя — экономической элиты.

После смещения Меншикова и изгнания из власти купечества началась борьба между кланами в составе военной и хозяйственной элит. По сути, кланы отражали новый этнический состав этих элит — в них кроме русского дворянства было очень много осевших в России иностранцев, в первую очередь немцев. Сразу после удаления Меншикова во власти стал доминировать «русский» клан.

Затем успех улыбнулся «немецкому» клану — в правление Анны Иоанновны этому клану удалось оттеснить «русских» от верховной власти. Однако сохранить доминирующее положение у «немецкого» клана не хватило сил, и «русский» клан смог в конце концов одержать победу над «немцами» и возвести на престол своего ставленника — Елизавету. При этом «немецкий» клан отнюдь не был изгнан из власти — остался в ней в качестве младшего партнера «русского» клана. А со временем оба клана сумели избавиться от этнических различий и слились в единое целое.

После этой очередной победы «русских над немцами» и началось строительство военной империи — страна начала череду войн, которые обеспечили расширение ее границ на запад и юг Европы. На обоих направлениях военная элита достигла больших успехов. В первую очередь завоевала своих старинных недругов — Польшу и Крымское ханство.

Южные причерноморские территории российская власть только отвоевала, тогда как обустроивала их экономическая элита. Причем осуществила это в такие короткие сроки, что Екатерина даже устроила западным дипломатам экскурсию по новым землям, дабы они воочию убедились в грандиозных масштабах и рекордных темпах колонизации новых земель. Но дипломатам не хотелось наряду с военными признавать и экономические достижения России. В результате они сочинили байку про муляжи поселений — «потемкинские деревни».

На самом деле причерноморские земли были действительно в короткий срок и полноценно колонизированы российской экономической элитой. И кортеж Екатерины следовал по действительно заселенным и реально освоенным территориям. Так что никаких «потемкинских деревень» на самом деле не было — все населенные пункты были настоящими. После колонизации Сибири и Дальнего Востока для экономической

элиты достичь успеха в деле колонизации Причерноморья не составило особого труда. В то же время этот «подъем целины» стал последним масштабным успехом экономической элиты — дальше целый век она только выживала в романовской казарме.

Завоевание Польши и Крыма сделало Российскую империю самой мощной военной державой континентальной Европы. Как говаривал канцлер Екатерины II, «в Европе ни одна пушка без ведома России выстрелить не смела». Поэтому когда грянула Великая Французская революция и появилась мощная французская военная держава, ее схватка с Россией «не на жизнь, а на смерть» была неизбежной. Тем более что Наполеон вначале разрушал мировоззренчески близкую российской аристократической элите патриархальную Европу и не скрывал своих планов сделать Францию самой сильной европейской державой. Российскую власть категорически не устраивало ни первое, ни второе.

Союзниками России в борьбе с Наполеоном стали не только европейские патриархальные монархии, но и Англия, которая уже вступила в индустриальную эпоху своего развития. Соответственно, английская элита мировоззренчески была близка к новой французской элите. Тем не менее, англичане стали союзниками именно патриархальных монархий. Они прекрасно понимали, что после покорения Европы Наполеон не остановится — обязательно двинется дальше. Причем в известном направлении — перекраивать колониальную карту мира. И начнет следующий поход против самой богатой колониальной державы — Британской.

Борьба главных противников началась на промежуточных рубежах — в Италии, Австрии, Пруссии. На первых порах удача сопутствовала французам — они постоянно побеждали и теснили русские войска. В конце концов Наполеон загнал Россию в собственные границы. Но не смог остановиться на этом — решил добиться полной победы над соперником. С этой целью летом 1812 года Наполеон вторгся в Россию и даже захватил вторую столицу — Москву.

Однако затем удача отвернулась от французов, и в последующие два года русская армия методично отвоевывала утраченные позиции. А в 1814 году взяла Париж, вернув себе статус самой сильной европейской военной державы. После чего превратилась в «жандарма Европы» — начала защищать патриар-

хальные монархии и тем препятствовать переходу европейских обществ на индустриальный уровень развития.

Таким образом, Россия смогла не только стать самой мощной военной державой Европы, но и отстоять этот статус в борьбе с Францией. Однако это стало последним достижением правящего страной союза военной и хозяйственной элит. То, что эти достижения были весьма сомнительного качества, продемонстрировали последующие десятилетия, в течение которых страна быстро скатилась с вершины военного могущества.

Реальное состояние страны наглядно показала Крымская война, в которой Россия потерпела поражение — была разбита на своей собственной территории. И не «Великой армией», а всего лишь экспедиционным корпусом. Это поражение продемонстрировало результаты деятельности союза военных и хозяйственников — построенная ими военная империя оказалась «колоссом на глиняных ногах». Николай I не смог пережить этого позора и вскоре умер.

28. ПЕРВОЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ЦАРСТВО

Лозунг французской революции «свобода, равенство, братство» озвучивает главные идеи первых идеологий индустриального общества. Свобода — главный лозунг либерализма, равенство — социализма, братство — масонства. Индустриальные идеологии — продукт развития европейской науки, точнее, созданной ею материалистической концепции мироздания. Так как рациональная наука была полной противоположностью иррациональной религии, естественно, что производные от материализма индустриальные идеологии были атеистические — отрицали божественную природу мироздания.

Первой в XVII веке появилась идеология масонства. В этом учении божественное начало еще сохранялось, но при этом полностью приземлялось. Человек уравнивался по статусу с Творцом мироздания — был только меньшим по масштабу творцом или, в терминологии масонов, созидающим мир «каменщиком». В XVIII веке были созданы две следующие индустриальные идеологии — либерализм как «теория свободы» и социализм как «теория справедливости».

Любое искусственное общество построено по чертежам мировоззренческого учения — религиозного или идеологического. В конструкции общественных

институтов воплощаются представления учения об устройстве мироздания, которому общество как его часть должно быть подобно. В законах отражаются представления учения о правилах поведения и деятельности человека в составе мироздания. Ведь люди действуют успешно только в том случае, если соблюдают порядки мироздания.

Распространение индустриальных идеологий привело к разделению элит европейских обществ на патриархальную и индустриальную партии. И когда вторая партия становилась сильнее первой, она уничтожала институты и право патриархального общества, а на их месте создавала их индустриальные аналоги. Уничтожение патриархальных обществ осуществлялось революцией или реформированием — взрывом и стройкой нового общества «с нуля» или постепенной перестройкой в новое качество старого общества.

Во второй половине XVIII века в России получила достаточно большое распространение первая индустриальная идеология — масонство. Пройдя по европейским просторам, часть военной элиты заразилась следующей индустриальной идеологией — либерализмом. Европейская литература заразила либерализмом и часть культурной элиты. В итоге к концу первой четверти XIX века в среде военной и культурной элиты сформировалась устойчивая либеральная оппозиция патриархальной российской власти.

Уже по окончании наполеоновских войн части военной элиты стало ясно, что страна идет «не туда». Находясь на переднем фронте борьбы, военные лучше хозяйственников видели несовершенство российского имперского общества и то, что оно сильное только потому, что большое и богатое. Но при этом с огромным трудом и с помощью чуть ли не всей Европы смогло справиться с небольшой и небогатой Францией.

Военные и деятели культуры политической борьбой заниматься не могут — это не их поприще. Поэтому либеральная оппозиция пошла единственным известным военным путем — организовала заговор. Внезапная смерть императора Александра I вдали от столицы показалась заговорщикам удобным моментом для переворота. Они выступили 14 декабря 1825 — вывели подчиненные им войска на Сенатскую площадь. По сути, замысел выступления состоял в демонстрации силы заговорщиков, которая должна была испугать власть и заставить ее капитулировать. Однако новый император Николай I не испугался и быстро подавил мятеж.

Восстание декабристов провалилось в первую очередь потому, что военные — плохие организаторы. Они могут умело командовать войсками на поле боя, но не способны провести любое другое мероприятие. Тем более — толково организовать его. В заговоре декабристов реально участвовала только военная и культурная элиты и не участвовала хозяйственная. Соответственно, в составе заговорщиков просто не оказалось людей, которые смогли бы профессионально организовать захват власти.

Поражение декабристов не остановило распространение либерализма. Но оно привело к изгнанию военной элиты из верховной власти. Царь заменил военных бюрократами в военных мундирах — «паркетными генералами». С этого шага царской власти началась трансформация российского государства в бюрократическое царство.

Бюрократ — недобросовестный государственный служащий, то есть не выполняющий должным образом свои обязанности. Не важно, в чем именно проявляется недобросовестность — в лени, непрофессионализме, взяточничестве или воровстве. Главное, что бюрократ уязвим и потому более удобен слабой власти — легче управляем. Потому что слабой власти не до КПД деятельности — она рада хоть какой-то работоспособности системы управления.

Но бюрократ легко управляем до тех пор, пока он одинок. Бюрократы обязательно объединяются в корпорации. А объединившись, становятся сильнее слабой власти. После чего происходит рокировка — законная власть становится формальной. А реальная власть переходит к бюрократической корпорации. Как следствие, власть начинает действовать не в интересах общества, а в интересах бюрократии. Точнее, интересы общества соблюдаются только в том случае, если они не противоречат интересам бюрократии. В чем и состоит суть бюрократического царства.

Если хозяйственника поставить командовать полком, он быстро превратится в бюрократа. Потому что в достижении целей безопасности он не является профессионалом и не исповедует соответствующую профессиональную этику. В такой ситуации для хозяйственника становятся более понятными и удобными его частные цели, и он начинает лишь формально стремиться к достижению общих целей безопасности, тогда как на деле «всею душой» отдается достижению собствен-

ных частных целей. Если происходит массовая замена военных хозяйственниками, все они превращаются в бюрократов. Военная организация начинает деградировать.

В любой элите всегда встречаются случайно попавшие в ее ряды чуждые элементы. Причем их иногда бывает достаточно много. Так что элита сохраняет свое качество лишь в том случае, если полноценные субъекты не только составляют в ней большинство, но и из них состоит верхушка элиты. Уровень засоренности российской военной элиты чуждыми субъектами был вполне терпимым. А в верхушке военной элиты их практически не было — наполеоновские войны провели эффективный отбор. Поэтому политика Николая I после восстания декабристов состояла в смене верхушки военной элиты представителями имевшихся в ее составе чуждых элит, в первую очередь хозяйственной. Так царь хотел обезопасить себя от угрозы мятежа. А в действительности он запустил процесс бюрократизации военной элиты.

Ликвидация монополии РПЦ на мировоззренческую и культурную деятельность в интеллектуальной сфере российского общества обеспечили ускоренное развитие научной и культурной элит. И в начале XIX века они смогли набрать доступную для них скорость развития. Но затем наступившее бюрократическое царство начало тормозить развитие этих элит и еще надежнее блокировало развитие экономической и политической. Так что полноценная экономическая элита появилась в России во второй половине XIX века — после либеральных реформ Александра II, а дееспособная политическая элита сформировалась и того позже — в начале XX века.

Романовская империя достигла расцвета в царствование Екатерины II. При этом Россия стала не только самой большой по территории страной мира, но и самой мощной военной державой. Хотя и не могла претендовать на лидерство в научной и культурной сферах. Точнее, пусть и не принципиально, но все-таки заметно отставала в этих сферах от лидеров — Англии, Франции и конгломерата германских государств.

Период со второй половины XVIII до конца первой четверти XIX века — золотой век романовской сверхдержавы. Не случайно в царствование Елизаветы не было вынесено ни одного смертного приговора. Этот золотой век закончился «салютом» николаев-

ских пушек на Сенатской площади — военная империя начала движение к своему краху. И бюрократическое царство — естественная для такого пути форма общества.

Переход Российской империи в стадию деградации — следствие в том числе и низких темпов развития мировоззренческих представлений. Воспринимая и развивая более передовую религию или идеологию, субъекты интеллектуальной сферы получают более качественную лоцию и достигают больших успехов в созидательной деятельности. Интеллектуальная сфера становится мощнее и оказывает на социальную сферу усиленное воздействие.

Так что если интеллектуальная сфера недостаточно быстро развивает идейное обеспечение, она лишается возможности эффективно использовать творческий потенциал. А потому оказывает на социальную сферу и власть меньшее, чем это позволяет ее потенциал, воздействие. В итоге общество в целом замедляет темп своего изменения.

Отсюда основной причиной ускоренной деградации российской империи во второй четверти XIX века было сохранение устаревшим русским протестантизмом доминирующих позиций в российской элите. И медленное распространение передовых учений наступающей индустриальной эпохи — идеологий социализма и либерализма.

Вторая причина ускоренной деградации — медленное развитие интеллектуальной сферы как результат негативного воздействия на нее власти. И это воздействие далеко не исчерпывалось цензурой или ссылками поэтов. Власть бюрократического царства блокировала процесс развития экономической и политической элит.

В XIX веке российские научная и культурная элиты достигли феноменальных результатов и мощи. Но без экономической и политической элит интеллектуальная сфера оставалась общественным инвалидом. В результате оказывала на социальную сферу и власть слабое воздействие. Реально это воздействие лишь раздражало власть, но отнюдь не вынуждало ее заниматься модернизацией общества.

Третья причина — монополизация верховной власти хозяйственной элитой. Монополизация власти одной элитой резко снизила эффективность управления обществом. Потому что хозяйственная элита отнюдь не мастер на все руки — она эффективно умеет

только хозяйствовать. Причем не везде, а только в коммунальной сфере.

Тогда как армией, правоохранительной и судебной системами, не говоря уже о науке, культуре, экономике и политике, умеют управлять только профильные элиты. Мало того, и коммунальное хозяйство для хозяйственной элиты тоже кто-то должен создать и периодически модернизировать. Потому что сами хозяйственники ничего нового создавать не умеют — это профессия интеллектуальных элит.

Четвертая причина — бюрократизация хозяйственной элиты. Монополизация власти хозяйственной элитой привела к ее бюрократизации. Тем самым был запущен процесс ускоренной деградации хозяйственников — бюрократизация быстро перевела процесс деградации хозяйственной элиты в стадию разложения. Поэтому внешнего порядка в царстве Николая Палкина было больше, чем когда-либо до того, тогда как толку было все меньше и меньше. При таком положении вещей катастрофа становилась неизбежной — привести власть в чувство иначе было невозможно. Такой отрезвляющей катастрофой как раз и стало поражение в Крымской войне.

У. ВТОРАЯ СМУТА

29. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ОТТЕПЕЛЬ

Идеи либерализма, как учения свободы, и социализма, как учения справедливости, сначала получили широкое распространение во Франции и Англии. При этом, если во французской элите в большей мере получили распространение социалистические идеи, то в среде английских интеллектуалов большей популярностью пользовались идеи либерализма. Причиной разных предпочтений стало различие в идеологических площадках, с которых стартовал процесс перехода интеллектуальных элит к индустриальным идеологиям. Во Франции это был переход от католицизма, а в Англии — от протестантизма.

Социализм ставит интересы общества выше интересов человека. Поэтому для католической идеологии, в которой существовали аналогичные представления о статусах человека и общества, естественен был переход к более понятному социализму. Либерализм, наоборот, ставит интересы человека выше интересов общества. И такое представление о статусах человека и общества было близко к представлениям протестантской идеологии. Поэтому английская протестантская элита легче перешла именно в либерализм.

Либеральная и социалистическая версии материализма пришли в Россию с некоторым опозданием и были встречены властью в штыки. Как следствие, распространялись в элите черепашьими темпами. Так что реально либерализм получил достаточно широкое распространение в российской элите только к середине XIX века, а социализм и того позже — к концу столетия.

Для понимания процесса общественного развития необходимо учитывать принципиальные особенности общества. В первую очередь то, что любое общество — это среда, а потому в нем всегда присутствуют как его полноценные субъекты, так и чуждые ему по идеологическим представлениям. И на развитие общества оказывают влияние как первые, так и вторые. А потому любое воздействие на общество носит относительный характер — всегда искажается влиянием чуждых ему субъектов.

Основное влияние оказывают доминирующие субъекты. Тогда как остальные субъекты оказывают искажающее влияние. Точнее, доминирующие субъекты своим воздействием задают ориентацию процесса общественного развития, тогда как остальные

субъекты только влияют на его темп — замедляют или ускоряют течение процесса.

Ориентация и темп общественного развития зависят в первую очередь от чистоты элитного сообщества — уровня доминирования в нем его полноценных субъектов. Ведь доминировать могут и 25% — если в обществе распространена дюжина идеологий, каждой из которых придерживаются от 1% до 20% его субъектов. А могут доминировать 95% полноценных субъектов. Понятно, что во втором случае влияние полноценных субъектов будет гораздо масштабнее. Изложенное объясняет, почему многим обществам не удается достигать высоких темпов развития или получать полноценные результаты — причина в несущественном доминировании пусть даже и передовой идеологии.

В свою очередь, говоря о доминирующей в обществе идеологии, нужно понимать, что имеется в виду идеология, доминирующая в первую очередь в элите. И не обязательно широко распространенная в народе. По той простой причине, что именно элита осуществляет воздействие, обеспечивающее изменение общества. Так что это для нее идеология служит лоцией — как на корабле карта важна для капитана и штурмана, а не для кочегара и кока. Последним наличие у капитана и штурмана карты только обеспечивает душевное спокойствие.

Присутствие в обществе более передовой идеологии обеспечивает ускорение развития только после того, как она займет доминирующие позиции в элите и, соответственно, во власти. Так что пока в российской элите доминировали приверженцы протестантизма, сторонники других идеологий своим влиянием только снижали КПД деятельности власти. Точнее, индустриальные идеологии действовали на общественный организм как инфекция. Не случайно власть называла чужие для нее учения не иначе как «заразой».

Поражение в Крымской кампании — банкротство российской бюрократии. Как всякое банкротство, оно заставило власть заняться полномасштабным реформированием общества. К середине XIX века либерализм уже достаточно широко распространился в российской элите. При этом и занявший русский престол Александр II был либералом. Точнее, был воспитан русской культурной элитой в либеральной идеологии. Поэтому Александр II затеял именно либеральные реформы.

В первую очередь царь вернул в состав верховной власти полноценную военную элиту. Потерпев поражение в Крыму именно из-за неспособности организовать обеспечение военных действий, имперская бюрократия вынуждена была вернуться к властному партнерству с военными. Была быстро восстановлена боеспособность армии, что наглядно продемонстрировала очередная русско-турецкая война.

Военные прекрасно понимали, что без организации полноценного экономического развития невозможно поддерживать военную мощь на должном уровне. Военная элита поддержала либералов в составе власти, которые настаивали на широкомасштабном реформировании российского общества, необходимом для организации экономического развития.

Позорное поражение и пребывание в статусе прислуги бюрократии превратило военных в отчаянных революционеров. Поражение также раскололо бюрократию на либеральную и протестантскую фракции и в значительной степени лишило последнюю воли к сопротивлению. В результате в составе власти сформировался сильный союз военных с либеральными хозяйственниками, который поддержал царя в его намерении кардинально реформировать российское общество.

Поэтому реформы Александра II только создали условия для развития экономической элиты. В первую очередь тем, что отменили крепостное право. Это не только высвободило необходимые для экономического развития трудовые ресурсы, но и позволило легализоваться огромному количеству предпринимателей. Ведь множество крепостных крестьян таковыми только числились, тогда как занимались отнюдь не крестьянским трудом. Кроме того, отхожий промысел не исчерпывался наемным трудом — многие крепостные крестьяне были, по современной терминологии, представителями малого и даже среднего бизнеса.

При этом далеко не все крепостные «бизнесмены» стремились купить себе свободу — это было дорого и не особо изменяло их общественный статус. И с бюрократической властью у них не было особых проблем — деньги решали любые вопросы. Причем «бедному крестьянину» такое взаимодействие с властью обходилось дешевле, чем «богатому купцу». Так что желающих тратить сотню тысяч рублей за «вольный паспорт» находилось немного.

Разумеется, отмена крепостного права оказала положительное влияние на общественные отношения

в стране — сделала их принципиально более цивилизованными. Хотя крестьянам свобода в утилитарном смысле не так уж была и нужна — без земли ее ценность была относительной. Отмена крепостного права оказало решающее влияние на судьбу империи тем, что эта реформа легализовала новую экономическую элиту и предоставила ей необходимые трудовые ресурсы.

Особенно важным было то, что новая экономическая элита существенно отличалась от старообрядческой — формировалась в неизмеримо более тяжелых условиях и потому была во много раз крепче наследников допетровского купечества. И когда новая экономическая элита выросла в масштабах, она организовала крах романовской империи. Потому что именно она, встав на ноги, вскормила политическую элиту, которая расшатала устои власти. Так что вовсе не случайно новая экономическая элита финансировала всю без исключения политическую элиту — как либеральную (кадеты, октябристы), так и социалистическую (эсеры и эсдеки).

По сути, Александр II предпринял попытку изменить направленность вектора движения российского общества с деградации на развитие. И пытался осуществить этот разворот путем «революции сверху» — проведением кардинальных, но осуществляемых действующей властью реформ. В рамках такой «управляемой революции» император не только отменил крепостное право, но и осуществил земскую, судебную, военную и другие либерально ориентированные реформы.

Однако реформы Александра II только начали повышать уровень справедливости социальной сферы, а в большей мере повысили уровень свободы в интеллектуальной сфере. Реформы вели к усилению интеллектуальной сферы и ее воздействию на власть. В результате проведенных реформ российское общество стало в большей мере соответствовать современным условиям. Но Александру II не удалось осуществить второй этап реформирования — убийство императора народовольцами поставило крест на подготовленной им конституционной реформе, которая должна была создать условия для развития политической элиты.

Просматриваются две основные причины ограниченного успеха российских либеральных реформ. Первая — либерализм отнюдь не доминировал в российской элите. И потому император постоянно встре-

чал мощное противодействие со стороны патриархальной части элиты. А так как он помнил о судьбе Петра III и Павла I, то предпочитал искать компромиссы с противниками реформ. Поэтому процесс реформирования растянулся на десятилетия. Фактически император просто не успел довести задуманное до конца.

Вторая причина — игнорирование интересов той части российской элиты, которая придерживалась социалистической ориентации. Если либерализм распространялся преимущественно в среде дворянства, то социализм нашел благодатную почву в среде разночинцев — городских обывателей. Соответственно, распространение материализма раскололо российскую элиту на три политические силы — либеральную, социалистическую и протестантскую. Причем в составе последней пребывала существенная часть российской элиты.

Царь проводил реформы в пользу только либеральной части элиты. И если с протестантской частью реформаторы достигали компромисса, то социалистическую они просто игнорировали и тем самым сделали ее своим врагом. Как результат, реформы хотя и затормозили процесс деградации романовской империи, но не смогли укрепить влияние власти в обществе. А социалистическая элита вообще начала вооруженную борьбу за свои идеи — организовала охоту на царя. И достигла в этом деле успеха — царь-освободитель был убит. Тем самым правящей династии было продемонстрировано, что не только дворянская оппозиция может убивать царей — идейная оппозиция тоже способна это делать.

30. ВТОРОЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ЦАРСТВО

С Александром III к власти вернулась протестантская элита. Она сделала неверный вывод о причинах убийства Александра II — решила, что все зло в новых идеологиях. Поэтому анафеме были преданы обе индустриальные идеологии — социалистическая и либеральная. Мало того, интеллектуальное окружение царя пришло к мысли, что причиной деградации страны является дефектность протестантской лоции. А потому было решено обратиться к прошлому — вернуть российскую элиту в православие.

Возможно, что именно так протестантская элита решила восстановить свое идейное единство с народом и стать сильнее идеологических противников —

социалистов и либералов. Александр III с начальственной непосредственностью рассудил, что для достижения мировоззренческого единства проще элиту вернуть в православие, чем в народ внедрить протестантизм. Так что вовсе не случайно впервые с допетровских времен царь отпустил бороду и ввел стилизованную под русскую старину военную форму — этим он демонстрировал возвращение верховной власти в лоно православия.

Опыт Николая I наглядно продемонстрировал, что протестантская идеология не способна изменить в лучшую сторону ситуацию с развитием общества. А потому военной и управленческой элитам было не так уж трудно сменить веру. Естественно, что реанимация православия требовала его модернизации. Проблема состояла в том, что власть не собиралась возвращать Русской православной церкви статус представителя Бога на земле. В то же время для власти нужно было, чтобы кто-то играл для общества роль божественного начала и смог бы обеспечить власти «божественную опору», точнее, позволил бы власти объявить себя легитимным представителем «божественного начала» и тем поднять свой общественный статус на недостижимую для политической оппозиции высоту.

Решение этой проблемы было призвано обеспечить славянофильство — возникшее в 40-х годах XIX века националистическое течение российской общественно-политической мысли. Его главное ноу-хау было заимствовано в иудаизме, где не было боговоплощенной церкви, но был богоизбранный еврейский народ. Славянофильство как раз и попыталось модернизировать православие заменой боговоплощенной РПЦ богоизбранным славянским этносом. Это полностью устраивало власть, потому что позволяло ей оставить неизменным «земной» статус РПЦ. Славянофильское учение было выбрано вернувшейся к власти патриархальной элитой в качестве новой лоции — удобной версии православия.

Однако славянофильство не смогло стать полноценным мировоззренческим учением и повело власть тропую катастроф, закончившейся в 1917 году крушением патриархальной империи. И этому имелась объективная причина — славянофилы не смогли создать для новой версии православия качественной философской основы.

Мировоззренческое учение становится полноценным и пригодным для широкого внедрения в общест-

венное сознание только после обретения собственной и при этом обязательно качественной философской основы. Так, христианство стало полноценной религией после того как греческие религиозные мыслители подвели под него фундамент православной философии — патристики. Католичество обрело силу мировой религии в результате развития схоластической философии. Для протестантизма роль философского фундамента выполняла натурфилософия Возрождения. Индустриальные идеологии стали завоевывать мировоззренческое пространство после создания собственной концептуальной основы — материалистической философии.

В процессе создания новой версии православия славянофилам взять философскую «высоту» не удалось. Хотя А. Хомяков, И. Киреевский, Ю. Самарин, В. Соловьев, Н. Бердяев и другие сформулировали отдельные оригинальные концептуальные представления, создать из них полноценное течение религиозной философии у славянофилов не получилось. Точнее, русскому идеализму не удалось преодолеть естественный для любого философского учения маргинальный этап развития. Славянофильство осталось провинциальным мировоззренческим проектом, не сумевшим выйти на простор мировой сцены, — чисто русским продуктом, не востребованным другими славянскими народами.¹⁴

Неудача славянофилов в деле создания качественной философской основы для своего учения тоже имеет вполне понятную причину. Во второй половине XIX — начале XX века в среде интеллектуальной элиты уже тотально доминировал материализм. А потому никакая новая версия религиозной философии не имела ни малейших шансов на успех. Сколь бы талантливыми ни были мыслители, успех их деятельности полностью зависит от наличия последователей, причем в достаточно большом количестве. За славянофилами и вообще религиозными философами шла самая слабая и незначительная часть российской интеллектуальной элиты, тогда как ее самая сильная и при этом подавляющая часть уже исповедовала другую

¹⁴ Что же касается современной версии славянофильства, именуемой евразийством, то она демонстрирует окончательную деградацию некогда достаточно сильного в интеллектуальном отношении идейного продукта. Впрочем, от замены нынешними славянофилами Соловьева и Бердяева на Хантингтона и Маккиндера иного результата и не могло быть.

философию — материалистическую.

Реформы Александра II запустили процесс перехода российского общества на индустриальный уровень развития. И любая версия патриархальной идеологии этому процессу могла только препятствовать. Так что славянофильство обеспечило лишь «подмораживание» России. Новая версия православия на самом деле возобновила приостановленный Александром II процесс деградации романовской империи. При этом реально было заморожено развитие социальной сферы, тогда как интеллектуальная продолжала ускоренно развиваться, и ее успехи лишь со все возрастающей скоростью приближали российское общество к революционному взрыву.

Александр III снова удалил из верховной власти военную элиту — и страна вновь стала бюрократическим царством николаевского образца. Смена в верховной власти военной элиты «паркетными генералами» естественным образом привела страну к поражению в русско-японской войне и неудачам в Первой мировой.

Но при этом царь не стал душить экономическую элиту — посчитал ее не опасной для власти. Александр III был консерватор, но отнюдь не глупец, а потому понимал, что экономическое развитие — обязательный для общества процесс. Хотя особых экономических реформ не проводил — просто не мешал.

К тому же царь сохранял влияние на подконтрольный власти казенный сектор промышленности, в котором создавалась большая часть промышленной продукции страны. Естественно, власть заказывала казенным заводам не мебель или фаянс, а оружие. Так что большая часть российской казенной промышленности была в чистом виде военной. Именно этот опыт русских императоров позднее использовал Сталин — создал экономику, в которой доминировала военная промышленность.

Только незадолго до смерти Александр III решился начать серьезные экономические реформы. Непосредственно реформированием российской экономики занимался С. Витте. И не только в период своего пребывания в должностях министра путей сообщения, министра финансов и председателя Кабинета министров. Аграрная реформа П. Столыпина тоже была разработана под руководством Витте. Реформы существенно ускорили экономическое развитие России и, соответственно, усилили экономическую элиту.

Однако экономические реформы ничего не измени-

ли в общественных отношениях — Россия продолжала оставаться бюрократическим царством. Витте делал попытки привлечь экономическую элиту к сотрудничеству с правительством. Речь, разумеется, не шла о введении ее в состав верховной власти — как и сегодня, правящая бюрократия ограничивалась налаживанием «диалога между властью и бизнесом». Диалог получился, сотрудничество — нет.

По сути, царская бюрократия упустила шанс объединиться с экономической элитой и укрепить власть и российское общество в целом. Ничего особо экзотического в этом союзе не было — те же Англия, Германия и Япония демонстрировали, что союз аристократической бюрократии с экономической элитой не только вполне возможен, но и способен обеспечить обществу достаточно высокую устойчивость и быстрые темпы экономического развития.

31. МОГИЛЬЩИК ИМПЕРИИ

Славянофильская версия православия не смогла покорить сердце российской элиты и объединить ее вокруг власти. Точно так же шаровары и бороды романовской власти не смогли обеспечить ей широкую поддержку народа. В итоге в элите получили распространение сразу четыре идеологии — две индустриальные (либеральная и социалистическая) и две патриархальные (протестантская и славянофильская). При этом значительная часть народа придерживалась пятой идеологии — православия.

Такое расщепление общественного сознания, по сути, означает умопомешательство общества. В чем, в конечном счете, и состоит смысл мировоззренческого кризиса. Поэтому в царствование Николая II в Россию вновь пришло Смутное время — второе в его истории. Недалекий царь вывел на финишную прямую негативные процессы не только своей непоследовательной политикой и бессмысленной жестокостью, но и, главное, продолжением отцовского эксперимента по внедрению в общественное сознание «патриархальных ценностей» древней Руси.

Триста лет назад Петр не просто так запечатал в бутылку православного мировоззренческого джина — так он прекратил Смуту. Когда его потомки выпустили этого джина средневековья, они получили новую Смуту. А ее градус задала власть, одичавшая в результате внедрения в ее сознание славянофильской версии православной идеологии.

Одичание выразилось не только в воцарении в императорской семье Распутина. Еврейские погромы и расстрелы мирных демонстраций — того же поля ягоды. По своей жестокости правление Николая II сопоставимо только с царствованием Ивана Грозного и Петра I. А потому прозвище «Кровавый» последний русский царь получил, что называется, по заслугам.

Стоит отметить, что убиенный Николай II Кровавый был канонизирован РПЦ. Тогда как тоже убиенный Александр II Освободитель такой чести не удостоился. Причина проста — Александр II был либералом и освободителем крестьян. Николай II продолжал миссионерские начинания Александра III по возвращению власти в православие и пострадал за это дело, чем и заслужил признание церковной корпорации.

Славянофильство, протестантизм и православие при поддержке власти тянули российское общество в прошлое. А социализм и либерализм — в будущее. В 1905 году общество треснуло, а в 1917 году произошел окончательный разрыв. И главным действующим лицом в этом процессе были отнюдь не большевики или эсеры.

Отказ от партнерства с экономической элитой сыграл для аристократической бюрократии роковую роль. Потому что это был отказ от модернизации общества, альтернатива которому — только его разрушение. Этим делом экономическая элита и занялась — стала рыть могилу бюрократическому царству. Точнее, расшатывать его устои.

Новый российский бизнес презирал российскую бюрократию — алчную и продажную. В свою очередь, восшествие на престол недалекого Николая II продемонстрировало экономической элите, что у нее нет шансов занять достойное место в составе власти, а у бюрократического царства нет перспектив на эволюционную трансформацию в соответствующее современным условиям общество.

К 90-м годам XIX века крупный российский бизнес набрал достаточную силу, чтобы начать оказывать реальное влияние на политику власти. К середине 90-х годов экономическая элита фактически руководила экономической политикой страны. Но на этом процесс расширения влияния крупного капитала на общественные процессы закончился — власть и мысли не допускала о возможности вмешательства экономической элиты во внутреннюю и внешнюю политику.

Мало того, бюрократия решила даже поставить крупный капитал на место. Власть организовала «на-

езд» на Савву Мамонтова и разорила его. Мамонтов был одним из крупнейших представителей российской экономической элиты и активно финансировал процесс развития культуры, то есть был заметной и влиятельной фигурой не только в экономической, но и в культурной сфере, олицетворял лучшие черты новой экономической элиты. Почему и был выбран в качестве объекта показательной экзекуции.

Однако этот «наезд» стал одной из главных ошибок власти. Российский крупный капитал сделал из случившегося совсем не тот вывод, на который рассчитывала бюрократия — не вернулся в положение оброчного холопа, а начал бескомпромиссную борьбу с самодержавием. Точнее, стал целенаправленно ковать оружие — создавать сильную политическую элиту. И для достижения этой цели экономическая элита начала финансировать все политические движения.

Так российский крупный капитал взял курс на разрушение Российской империи. В этом предприятии экономическая элита предпочла действовать из-за кулис — использовать в качестве инструмента разрушения культурную и политическую элиты. Бизнес стал оказывать широкую меценатскую поддержку культурной элите и массивную спонсорскую помощь политической.

Большая часть культурной элиты занялась целенаправленной дискредитацией власти — и аристократии как ее главной опоры. Так что «серебряный век» в русском искусстве случился в первую очередь благодаря меценатству экономической элиты. Другое дело, что он был побочным результатом совсем другого по замыслу предприятия — расшатывания устоев бюрократического царства.

Политическая элита занялась смущением общества. Социал-демократы расшатывали городскую часть российского общества, социалисты-революционеры — городскую и сельскую части, либералы — дворянство и интеллигенцию. То, что только-только появившейся политической элите удалось менее чем за два десятка лет расшатать сверхдержаву, имеет лишь одно объяснение — массивное финансирование этой деятельности экономической элитой. Причем почти всех политических сил.

Политическая деятельность без крупномасштабного финансирования возможна, но неэффективна. Нужно содержать партийный аппарат, издавать пропагандистскую литературу, проводить разного рода мероприятия. И партийных взносов на все это нико-

гда не хватит. Поэтому эффективная политическая деятельность возможна только за счет дополнительных источников финансирования — спонсорских взносов общества, власти или бизнеса. И те же экстремистские политические силы начинают заниматься «экспроприацией» только в том случае, когда по каким-то причинам лишаются спонсорской поддержки.

Так, большевики стали грабить банки после того, как в результате раскола социал-демократов лишились спонсорских денег — экономическая элита поначалу сохранила спонсорскую поддержку только меньшевиков и пыталась восстановить единство социал-демократов отлучением раскольников-большевиков от источников финансирования. Но когда выяснилось, что таким способом ликвидировать раскол невозможно, экономическая элита стала финансировать и большевиков. И они перестали грабить банки.

Ничего странного в идейной беспринципности российской экономической элиты не было — для расшатывания патриархальной авторитарной империи годились любые по идейной ориентации политики. Все инструменты экономической элиты объединяла не идеологическая база, а категорическое неприятие существующей власти и общественного устройства.

В начале XX века российская политическая элита еще не сформировалась в качестве полноценного субъекта элитного сообщества — не выработала собственную этику и не сформулировала общих для всех своих субъектов целей. В такой ситуации экономической элите можно было объединить всех политиков только общим чувством ненависти к существующей власти. Этой «общности» было вполне достаточно, чтобы политическая элита смогла эффективно выполнить для экономической роль инструмента разрушения. Тем более что эффективнее расшатывают разные по ориентации воздействия — со всех сторон и во всех направлениях.

Следует признать, что замысел экономической элиты был блестящим — за атаками со всех сторон власть не могла разглядеть, кто именно инициирует и поддерживает атаки на нее и общественные институты. Для организации этого дела не нужен формализованный центр — требуется лишь постоянная финансовая подпитка политической элиты. А эти вопросы русский бизнес решал между делом и без формальностей — обсуждал на деловых ужинах, а деньги передавал через посредников наличными.

Власть так и не поняла, кто именно стоял за расша-

тиванием ее устоев. Точнее, видела только разной идейной окраски «смутьянов». Как и историки до сих пор считают, что российские политики действовали только по собственной инициативе и лишь исходя из собственных идейных воззрений, и не задумываются над главным вопросом — из каких источников они свою деятельность финансировали? Хотя давно известно, что «кто платит, тот и заказывает музыку». А потому за любым процессом нужно искать источник исходного воздействия — кто обеспечивает его ресурсами, чьи интересы на самом деле блюдут формальные участники процесса.

Впервые Смута перешла из латентной в открытую форму в 1905 году и наблюдалась в виде массовых демонстраций, стачек и, наконец, вооруженного восстания в Москве. Мировоззренческие кризисы, наблюдаемые в виде Смутного времени, переходят в открытую форму в результате детонации, вызываемой обычными кризисами — неурожаем, военной неудачей. Так, неудачная Ливонская война стала детонатором перехода в открытую форму первой Смуты. Аналогичную роль сыграла неудачная русско-японская война.

В какой-то мере эта война началась по вине экономической элиты, которая осуществляла широкую экономическую экспансию в Китай, где ее интересы вступили в конфликт с интересами Японии и Германии. Причем конфликт с японцами был главным. В то время российские товары были самыми качественными в мире. Так что определение «русский» обозначало товар высшего качества. Тогда как «американский» или «японский», наоборот, означало, что товар дрянь. Не случайно японские производители в широких масштабах подделывали русские товары или просто вешали на свои товары фальшивые русские ярлыки. Что касается английской или немецкой промышленности, то российская проигрывала им в масштабах, но нисколько не уступала, а часто и превосходила по качеству.

В конце XIX века одного качества для продвижения товаров на рынках третьих стран было недостаточно — требовалась военно-политическая поддержка экономической экспансии. А Китай оставался едва ли не последним масштабным рынком, который еще не был окончательно поделен мировыми державами. Что и объясняет повышенную активность в Китае опоздавших к первому разделу мирового рынка Японии и Германии.

Экономическая элита убедила С. Витте включить-

ся в этот процесс — обеспечить действиям российских купцов на китайском рынке необходимую поддержку. Фактически, установить военно-политический контроль над существенными территориями в Китае и Корее. Витте и сам понимал, что экспансия на китайский рынок ускорит экономическое развитие всего дальневосточного региона России. А потому власть начала усиливать военно-политическое присутствие в Китае и Корее, а затем и просто теснить японцев. Тем более что для самой большой по территории империи мира Япония выглядела не столько соперником, сколько международным недоразумением.

Эта самоуверенная политика привела к войне, которую Россия бездарно проиграла. Хотя Япония обладала несопоставимо меньшими возможностями — Россия по всем ресурсам превосходила своего соперника. Однако японцы смогли разгромить русскую армию как на море (Цусима), так и на суше (Порт-Артур). И это естественный результат изгнания Александром III из власти военной элиты. Первое изгнание военных привело к поражению в Крымской кампании, а второе закончилось поражением в русско-японской войне.

Поражение в войне продемонстрировало слабость российской власти, что воодушевило левую политическую элиту — она посчитала возможным организовать прямую атаку на самодержавие. Большевики и эсеры начали устраивать демонстрации, стачки, погромы помещичьих имений и вооруженные мятежи. Однако революция не удалась. И не только потому, что наступление левых не поддержала правая политическая элита. Важнее, что левых не до конца поддержала экономическая элита. Она посчитала, что будет достаточно частичной победы — существенных политических уступок со стороны власти.

Экономическая элита обратилась с предложением о посредничестве к Витте и согласовала с ним манифест, который был подписан царем и обнародован в качестве «мирового соглашения» между властью и обществом. Манифестом в России устанавливалась конституционная монархия и даровались свободы — слова, собраний, политической деятельности.

Хотя манифест практически не ограничивал самодержавие, экономическая элита посчитала его достаточным достижением по той причине, что манифест освобождал политическую сферу — создавал условия для развития политической элиты. На тот момент только это и требовалось от оппозиции — получить

легальную территорию в обществе, на которой можно было бы растить и учить будущую власть. Потому что в 1905 году политическая элита не была готова стать властью — была слишком молода и неопытна.

Продолжать революцию не имело смысла. И потому, что было получено то, что реально оппозиции требовалось, и потому, что это становилась рискованным предприятием. Чтобы свалить власть, много ума не требуется. А вот создать новое общество — задача сложнейшая. И пока ни экономическая, ни политическая элиты к ее решению не были готовы.

1905 год напугал власть, и она, усмирив общество, приступила к его реформированию. Власть посчитала, что манифест вполне устроил городскую часть российского общества, а для удовлетворения сельской части начала проводить аграрную реформу. Тем более что волнения в сельской местности в центральных областях страны по масштабу не уступали городским беспорядкам — крестьяне разграбили и сожгли множество помещичьих имений.

Столыпинская аграрная реформа, автором которой на самом деле был Витте, в первую очередь ставила задачу снизить напряженность в сельской местности в центральной части России. С этой целью правительство начало финансировать переселение малоземельных крестьян в Сибирь — там имелось огромное количество неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения.

Второй задачей реформы было ускорение процесса экономического развития сельской местности. Эту задачу власть пыталась решить посредством ликвидации сельской общины. Реформа разрешила выход из общины с наделом земли — «отруб». В результате создавались условия для развития сельской экономической элиты — она освобождалась от пут, которые на нее накладывало общинное землевладение, и получала возможность расширять сельхозпроизводство за счет использования наемного труда.

В сущности, ликвидация общины была диверсией экономической элиты против власти. И эта часть реформы была разработана Витте, вероятнее всего, по инициативе русского бизнеса. Ведь реформа работала исключительно на интересы экономической элиты. Во-первых, община была основной опорой патриархальной власти в сельской местности, и ее ликвидация существенно ослабляла власть.

Во-вторых, реформа запустила процесс создания

новой сельской экономической элиты — кулаков. Они были прямыми родственниками городской экономической элиты, а потому автоматически становились серьезным противником помещиков — второй опоры патриархальной власти в сельской местности центральных регионов страны. Так что реформа ослабила и эту опору власти.

В-третьих, ускоренное расслоение сельского населения обесценило эффект от расселения крестьян на сибирских просторах — результата первой части реформы. Потому что появление кулаков обеспечило не только сохранение, но даже рост напряженности в сельском обществе. При этом новый центр силы на селе быстро поставил крестьянство под свой контроль и в дальнейшем крестьяне бунтовали и жгли помещичьи усадьбы по инициативе и под непосредственным руководством кулаков.

В итоге реформаторская деятельность П. Столыпина лишь дополнительно ослабила власть. Поэтому «столыпинские реформы» только приблизили конец романовской империи — лишили власть опор и создали ей дополнительных противников.

32. ВТОРАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В начале XX века для многих стран завершился переход с патриархального на индустриальный уровень развития. В результате в русле европейской цивилизации стали окончательно доминировать индустриальные общества. Но за быстрый переход в это качество была заплачена высокая цена. Потому что переход произошел в виде Первой мировой войны, в результате которой погибли все патриархальные империи — Российская, Австро-Венгерская, Германская, Османская.

Мировая война представляла собой отчаянную контратаку европейских патриархальных держав, Германской и Австро-Венгерской, на позиции индустриальных держав — колониальных империй. Для Германии контратака имела целью осуществить новый передел мира и дать ресурсы, которые смогли бы продлить ее существование — отобрать у Англии, Франции, Бельгии и Голландии существенную часть их колониальных владений.

Для Австро-Венгрии целью контратаки было установление контроля над Балканами. Соответственно, война должна была ослабить индустриальные державы и усилить Германскую и Австро-Венгерскую им-

перии. В этом предприятии приняла участие и Италия — примкнула к союзникам с намерением разжиться колониями.

Россия ввязалась в Первую мировую войну, и при этом на стороне чуждых себе индустриальных держав, по чисто идеологическим соображениям. Славянофильство требовало всесторонней защиты мифического «славянского братства». На Балканах «славянскому братству» угрожала Австро-Венгрия. Получилось, что, после того как Россия освободила Балканы от турецкого господства, над регионом нависла опасность попасть под пяту Вены.

Сыграло свою роль и то, что к союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии примкнула Османская империя. Англия уже прибрала к рукам ближневосточные провинции этой патриархальной державы. Россия по инерции продолжала попытки экспансии на юг, поэтому рассчитывала в результате войны присоединить к себе турецкие части Армении и Грузии, а также не оставляла вековую мечту установить контроль над черноморскими проливами — Босфором и Дарданеллами.

А потому в результате франко-английской дипломатической игры Россия оказалась в стане индустриальных держав — примкнула к Антанте. Однако, будучи сама дряхлой патриархальной империей, Россия не выдержала трехлетнего напряжения войны. Тем более что война шла в целом для России неудачно — она неуклонно отступала и несла колоссальные потери.

Общеизвестно, что большевики в 1914 году выдвинули лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. Менее известно, что этот лозунг реализовали легальные правые политические силы — кадеты и октябристы. Именно они организовали в 1915—1916 годах беспощадное информационное наступление на верховную власть, обвиняя ее в предательстве национальных интересов, а царскую семью и ее ближайшее окружение — в прямом шпионаже в пользу Германии. Хотя проведенные позднее расследования не смогли обнаружить ни предательства, ни шпионажа. В условиях войны дискредитация власти — это удар обществу в спину. Так что либералы выступили фактически в качестве немецкой «пятой колонны» — лишили общество единства, а власть легитимности.

Из-за военных неудач, перенапряжения экономики и дискредитации правыми верховной власти империя начала трещать по швам, а в общественном сознании

стало доминировать представление о необходимости кардинально изменить общественное устройство страны. По сути, Первая мировая война сделала Смуту тотальной.

Николай II и Распутин выступили в роли катализаторов деградации — в короткие сроки лишили власть авторитета и даже мизерной поддержки в обществе. Этому способствовала в первую очередь демонстрация обществу разложения властной верхушки. В процессе деградации власть способна опускаться до дна — доходить до полного скотства. Именно это «достижение» романовской династии продемонстрировал период между 1905 и 1917. По сути, это был пир во время чумы — вакханалия разврата и злоупотреблений потерявшей всякий стыд власти.

Революция никогда не бывает результатом воплощения чьих-то «злых умыслов». Это итог «трудов» самого рулевого — власти. И в своей гибели, как и в разрушении общества, власть всегда виновата сама — не захотела отказать от не соответствующей реальным общественным условиям модели управления. Так что революция никакое не «зло», а лишь произошедший по вине деградировавшей власти взрыв, который уничтожил не только ее саму, но и устаревшие общественные институты.

Интеллектуальная прислуга нынешней власти занимается восхвалением элиты царской России — СМИ переполняются байками о том, какие у нас были умная бюрократия, отважное офицерство, высоко нравственное духовенство. Возникает только один вопрос — если все они были такими замечательными, то как сумели довести общество до революции?

Разумеется, в составе царской власти были высококачественные субъекты. И именно таких людей нынешние сказители приводят в качестве примера того, что тогдашняя власть обладала прекрасными качествами — деловыми и духовными. Просто им страшно не повезло — злые «новички» сплели против них заговор, обманули народ и изгнали достойнейших людей. Однако проблема в том, что качество власти и элиты определяется исключительно качеством большинства. Именно большинство — не «пара достойных» — осуществляет реальное воздействие на народ, и определяет направление изменения общества.

Из числа пльвших на «Титанике» VIP-персон мужского пола спасся только один человек — все остальные уступили свои места в шлюпках женщинам и детям. Если эта история реальна, то она наглядно демонстрирует качество западноевропейской индустриальной элиты

начала XX века — в ее составе некачественные субъекты составляли максимум 1—2% от общей численности. История предреволюционной России демонстрирует, что если бы на «Титанике» плыли представители российской власти, то они спаслись бы почти все.

У интеллектуальных элит с нравственностью дело обстояло не в пример лучше. А потому с началом Первой мировой войны экономическая элита существенно уменьшила финансирование расшатывания общества. Аналогично поступила и культурная элита. В первую очередь они исходили из патриотических и нравственных соображений. На власть им было плевать, но по отношению к обществу такая деятельность в условиях войны представляла собой предательство.

Однако к концу 1916 года ситуация изменилась. Экономическая элита ясно поняла, что, вероятнее всего, в 1917 году мировая война закончится. Во-первых, русская армия уже научилась воевать, и в ее составе накопилось достаточное количество толковых командиров и военачальников. Во-вторых, военная промышленность набрала обороты, которые в 1917 году обеспечили бы русской армии трехкратное превосходство в огневой мощи над противником.

Мировая война закончилась в конце 1918 года, потому что в 1917—1918 годах русская армия практически не воевала — уже к лету 1917 года занималась только митингами и выборами комитетов. Как следствие, Германия и Австро-Венгрия воевали только на одном фронте — Западном. В результате у них хватило ресурсов еще на два года войны с Антантой. Но если бы в 1917 году Россия продолжала активные боевые действия, война закончилась бы осенью.

Победоносное окончание войны, без сомнения, укрепило бы самодержавие. Соответственно, свалить пусть и прогнивший режим стало бы практически невозможно. По крайней мере, в обозримой перспективе. Как и не приходилось рассчитывать на мирный процесс либерализации российского общества — период после 1906 года наглядно продемонстрировал, что власть способна двигаться только в противоположном направлении. А потому у экономической элиты оставалась единственная возможность покончить с самодержавием — организовать наступление на власть зимой 1916/1917 годов. И она это сделала — организовала революцию.

С точки зрения наших историков, Февральская революция произошла стихийно. Вроде бы для всех без

исключения политических партий она была полной неожиданностью. На самом деле это далеко не так. То, что революцию не ожидали политические партии — вполне естественно. Они два десятилетия были только инструментами экономической элиты в борьбе с самодержавием. А инструментам не дано знать, что именно собирается делать их владелец.

Революция, разумеется, взрыв. Но только взрыв, у которого имеется сапер — тот, кто поджег бикфордов шнур. Взрывчатку власть всегда заготавливает сама, если своей политикой обеспечивает неуклонное накопление общественного недовольства. После чего появляется дело для сапера. В 1916 году функцию сапера выполнила экономическая элита — именно она использовала накопившееся недовольство режимом для революционного взрыва.

Точнее, она инициировала серию политических терактов — запальных взрывов, один из которых должен был вызвать революционный взрыв. Первый запал был взорван в Думе — правые депутаты повели в ноябре беспрецедентную информационную атаку на власть. Затем к атаке подключились земские структуры — в декабре Земский съезд «устаами провинции» продолжил поношение власти. Эти запальные взрывы поддержали и усилили СМИ.

Режим дрогнул и, «идя навстречу пожеланиям трудящихся», избавился от, как он считал, главного раздражающего общественное мнение субъекта — Распутина. Однако эффект от убийства великими князьями старца оказался невелик — общество ненавидело уже всю власть. Поэтому в феврале началась третья атака. В ней оппозиция пустила в ход самое страшное в условиях войны оружие — слухи. В Петрограде и Москве стали усиленно распространяться слухи о наступающем голоде — якобы запасов продовольствия осталось на несколько дней.

Слухи сделали свое дело — начались народные волнения. И оппозиции оставалось только внушать власти, что «все кончено». К 1917 году экономическая элита подтянула к оппозиции качественную часть военной элиты, которая считала царя и его окружение виновниками поражения в русско-японской войне и неудач в ходе Первой мировой. Так что в конце февраля против самодержавия выступили не только политики, но и генералитет.

Политики направляли народные волнения в нужное русло. Генералы обеспечили сначала нейтралитет, а затем поддержку армией действий политиков.

И именно генералы в нужный момент сначала выманили царя из столицы в ставку, а затем, когда он попытался вернуться в Петроград, блокировали его недалеко от Пскова. В результате царь оказался далеко и от столицы, и от войск. По сути, генералы и лидеры правой оппозиции совместными действиями просто запутали царя и принудили его отречься от престола. Вначале в пользу младшего брата Михаила.

А затем и Михаила убедили не спешить с вступлением на престол. Точнее, сделать это после созыва Учредительного собрания, которое выбрало бы подходящую степень конституционности монархии. А до того передать власть Временному правительству. Михаил согласился. Но как только Временное правительство обрело минимум легитимности, оно первым делом начало разгром царской власти — сначала арестовало Николая, а потом и всех более-менее видных представителей прежнего режима. После чего тема реформы самодержавия сама собой умерла — правящая династия была выкинута на свалку истории.

Потому Временное правительство распустило Думу и тем завершило первую фазу революции — полную ликвидацию прежней власти. В результате, как выразился В. Розанов, «Россию смыло в три дня». Так предпринятая Александром III и продолженная Николаем II попытка возродить православие в качестве государственной идеологии закончилась второй русской революцией, уничтожившей романовскую империю. При этом экономическая элита могла бы повторить слова Тараса Бульбы — «я тебя породил, я тебя и убью». Потому что как в 1613 Романовы взошли на трон благодаря поддержке русской экономической элиты, так в 1917 году и лишились его в результате устроенной ею же диверсии — организованного русским бизнесом двадцатилетнего процесса расшатывания российского общества.

33. ДВОЕВЛАСТИЕ

Разгромив самодержавие, экономическая элита затем совершила фатальную для себя ошибку — допустила во Временное правительство только правых и умеренных левых. А большевиков и левых эсеров в новую власть не взяла. И потому что революцию удалось совершить без участия левых, и потому что экономическая элита посчитала, что обойдется без них и дальше, и потому что сама имела либеральную ориентацию. Экономическая элита повторила ошибку Александра

II, который, будучи либералом, в своей реформаторской деятельности игнорировал требования социалистической оппозиции. В результате и сам погиб, и реформы сменились «подмораживанием России».

Левые оказались неизмеримо сильнее правых. В первую очередь потому, что имели двадцатилетний опыт политической борьбы. Правые были только политическими подростками. Левые были более закаленной политической силой — правые занимались политической деятельностью в парниковых условиях, которые им создавала экономическая элита, тогда как левые всегда существовали в экстремальных условиях. Наконец, левые имели опыт создания новых органов власти — Советов. У правых такого опыта не было вообще.

Ошибка экономической элиты привела к тому, что сформированная ею новая и потому еще очень слабая власть получила сильнейшего политического противника. Левые не собирались ждать разрешения, чтобы начать «цивилизованно» бороться за власть. Тем более что правые отложили любые выборы на неопределенный срок. А выборы в Учредительное собрание вообще решили провести после окончания войны. В ответ левые пошли своим путем — начали организовывать альтернативные органы власти в виде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В результате в стране наступило двоевластие. Кроме того, быстро выяснилось, что Временное правительство оказалось «властью без силы», а Советы — «силой без власти». Сила без власти может только одно — свергнуть власть или расшатывать ее устои. Вторым, как лучше всего освоенным в предыдущие годы делом, большевики и левые эсеры и занялись. Только теперь они занялись расшатыванием власти своих прежних спонсоров — применили тактику экономической элиты уже против ее собственной власти.

Левые прекрасно понимали, что победоносное завершение мировой войны кардинально укрепит позиции правых во власти. Поэтому, организовав борьбу двух гражданских властей, левые параллельно начали борьбу за контроль над армией. И добились полного успеха — комитеты солдатских депутатов сначала парализовали армию, а затем фактически подчинили ее левым. В результате Временное правительство не только не смогло летом 1917 года организовать масштабные военные действия, но и потеряло поддержку армии. Винить большевиков и левых эсеров в том, что они в октябре разогнали Временное правительство и узурпировали власть, нельзя. И потому что в феврале правые

сделали то же самое — узурпировали власть. И потому что правые проводили политику, которая лишила Временное правительство даже минимальной поддержки общества. В Петрограде в ходе октябрьского переворота погибло всего шесть человек. Это не результат вооруженной борьбы, а следствие того, что оружие оказалось в руках у множества не умеющих обращаться с ним людей.

Проклятья, которые уже скоро век сыплются на голову большевиков из уст либеральных историков, политологов и публицистов, не имеют под собой никаких оснований. Октябрьский переворот целиком и полностью лежит на совести российских правых и стоявшей за ними экономической элиты. Это естественный результат проявленной ими близорукости и самоуверенности, приведших к непоправимым ошибкам — отказу от сотрудничества с левыми и продолжению непопулярной войны.

Точно так же правые напрасно называют Россию в период между февралем и октябрём демократической — это был муляж демократии. Почему его и смыло за несколько часов и без особых усилий со стороны победителей. А вот в октябре к власти в стране пришел действительно сильный отряд политической элиты — большевики. Что они доказали не только свержением Временного правительства, но и победой в Гражданской войне.

34. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Революция — это не одномоментный акт, а длительный процесс. Его первая фаза — разрушение старого общества, вторая — создание нового. Разрушение обычно происходит во много раз быстрее созидания, поэтому вторая фаза революции всегда растягивается на длительный период. При этом процесс создания нового общества сопровождается ожесточенной борьбой элит за власть.

В феврале верховная власть упала в руки либералам и правым социалистическим группам политической элиты — кадетам, октябристам, меньшевикам и правым эсерам. Их противниками стали левые политические силы — большевики и левые эсеры. Причем левые оказались по всем статьям сильнее правых. Во-первых, они имели гениального лидера — В. Ленина. Лидеры правых выглядели рядом с ним политическими лилипутами. Во-вторых, большевики и левые эсеры были более «взрослыми» политиками и более опытными политическими бойцами. В-третьих, левые смогли создать

плацдарм на властном поприще — альтернативные институты власти в лице Советов, которые обладали не меньшей легитимностью в сравнении с Временным правительством и пользовались гораздо большей поддержкой в обществе. Так что когда правые не справились с управлением российским обществом в условиях войны и полномасштабного экономического кризиса, левые просто изгнали их с властного поприща.

А потому нет причины за октябрьский переворот пригвозждать большевиков к «позорному столбу истории». Наоборот, минимальное число жертв октябрьских событий демонстрирует, с одной стороны, полную никчемность действующей власти, с другой стороны, превосходные организаторские качества большевиков.

Никакой «самостоятельной» революции в октябре 1917 года не было — это завершился очередной раунд борьбы между элитами. «Революцией» октябрьские события сделала советская пропаганда. Российское общество после февраля 1917 года раскололось на достаточно массивные фрагменты. А потому победа лево-социалистической политической элиты была не случайной — левые оказались сильнее своих противников и пользовалась поддержкой значительной части остальной российской элиты и общества.¹⁵

Гражданская война — это следующий раунд борьбы, матч-реванш потерпевшей поражение элиты. «Отец сына бил не за то, что играл, а за то, что отыгрывался». Попытка отыграться — неизмеримо больший грех в сравнении с игрой. Ирразвязанная политическими неудачниками Гражданская война является неизмеримо большим грехом в сравнении с захватом власти большевиками. Потому что октябрьский пере-

¹⁵ К месту сказать, что альтернативы социалистическому выбору у российского общества не было. Потому что противниками большевиков и в 17-ом году, и в Гражданской войне были тоже социалистические политические силы — правые эсеры и меньшевики. Именно они были политическим лицом белого движения. Но никак не либералы. Хотя либеральная идеология была в России старейшей — появилась на политической арене еще в конце XVIII века. При этом либералы были в составе верховной власти минимум трижды. Первый раз при Александре II. Александр III удалил их из власти ненадолго — уже в 1887 году Кабинет министров возглавил Н. Х. Бунге. Он был не просто либералом, но даже теоретиком — автором нескольких книг по экономическим аспектам либерализма. За ним Кабинет возглавлял С. Ю. Витте — тоже стопроцентный либерал. Наконец, Либералы занимали ведущие позиции и в первом составе Временного правительства. Несмотря на это либералы не смогли получить достаточно серьезной опоры в российском обществе. И по своей собственной вине. Дело в том, что либерализм в России был всегда барской идеологией. Российские либералы считали, что либерализм, как и масонство, является идеологией исключительно элиты. И ничего не делали для продвижения либеральных идей в массовое сознание. Как итог, всегда были кучкой сектантов, не имеющей серьезной поддержки в обществе.

ворот был осуществлен в рамках политической игры, причем по правилам, установленным правыми. Тогда как Гражданская война была попыткой правых отыграться, причем безо всяких правил.

Грядущее поражение правые начали предчувствовать еще летом 1917 года. Свидетельство тому — расстрел июльской демонстрации в Петрограде, показавший, что правые уже не могли управлять страной без использования крайних форм насилия. Так что и вакханалию жестокости тоже «запустили» именно они. А расстрел большевиками в начале 1918 года демонстрации в поддержку Учредительного собрания был просто ответом на аналогичные действия правых в июле 1917 года.

Однако этим «разменом» дело не закончилось. Летом 1918 года правые организовали мятежи в Рыбинске и Ярославле, в которых подняли планку жестокости — уничтожили не только представителей советской власти, но и технический персонал советских учреждений. Тем самым большевикам было продемонстрировано, как с ними намерены поступать их политические противники — не просто бороться с оружием в руках, но осуществлять поголовное истребление всех, кто имеет хоть какое-то отношение к новой власти. По сути, был объявлен «белый террор» против советской власти и ее социальных опор. Так что «красный террор» был только ответом большевиков на действия противников.

Самим большевикам жестокости не были нужны. Они получили власть, имели достаточно большую поддержку в обществе, нуждались в поддержке хотя бы какой-то части остальных элит, без чего невозможно было надеяться быстро создать и наладить новую систему управления обществом и хозяйством. Так что зверствовать большевикам не было ни нужды, ни интереса. Наоборот, они были кровно заинтересованы в подавлении естественного следствия любой революции — криминального беспредела.

Любая революция разрушает сословные перегородки и «взбалтывает» общество. В результате во власть поступает гораздо более качественная элита. Это резко усиливает власть, и потому ей нет нужды поднимать планку жестокости в деле осуществления насилия, с помощью которого власть принуждает оппозицию соблюдать установленные в обществе новые правила. В пример можно привести французскую революцию — за десять лет после свержения монархии экономический потенциал Франции не изменился. Тем не менее, страна вошла в тройку самых мощных военных держав. И это резуль-

тат именно радикального обновления элиты.

Но революция, «взбалтывающая» общество, одновременно поднимает с его дна всю накопившуюся муть — бандитов, проходимцев, авантюристов. Начинается криминальный беспредел, на ликвидацию которого у новой власти уходит десять-пятнадцать лет. При этом муть засоряет и власть — в нее проникает достаточно большое количество мерзавцев. Эта муть, оказавшись в составе власти, действует не так, как это диктует складывающаяся в обществе ситуация, а как ей привычно — практикуя самые жестокие методы насилия. Тем более что муть составляет самую слабую часть новой власти, и повышенная жестокость, устрашая объекты насилия, помогает ей худо-бедно выполнять властные функции.

Власть ликвидирует криминальный беспредел и за такой же срок постепенно очищает себя от попавшей в нее мути. В итоге становится полноценной — умеет соизмерять уровень жестокости насилия с реальной ситуацией. Так что эксцессы первых десяти-пятнадцати лет деятельности новой власти характеризуют степень ее засоренности некачественными субъектами. По сути, это последствия деятельности прежней власти — ведь она довела общество до революции, которая «взболтала» общество, вследствие чего во власть попало гораздо большее, чем обычно, количество мути.

В Гражданской войне правая оппозиция совершила непростительную ошибку — сделала ставку на иностранную поддержку. В результате война была в значительной степени интервенцией стран Антанты и Японии против России, которая осуществлялась руками «белых». Союзники быстро поняли, что свержение большевиков им не по силам, а потому уступили эту «честь» проигравшим в 1917 году элитам. Так что, по сути, белое движение было коллаборационистским — союзники полностью обеспечивали все ресурсы. Кроме, разумеется, пушечного мяса. Эта реальность была достаточно быстро осознана большей частью общества, патриотически настроенные слои населения встали на сторону большевиков.

Л. Троцкий говорил, что Красная Армия похожа на редису — красная только снаружи, тогда как внутри вся белая. Как только военной элите стало понятно, кто стоит за белым движением, в Красную Армию хлынул поток патриотически настроенных профессиональных военных. Тем более что у них имелись достаточно серьезные претензии к бывшим союзникам по итогам совместных боевых действий против немцев и австрий-

цев. Именно эти военные и стали организаторами всех побед. Л. Троцкий был председателем Реввоенсовета республики и народным комиссаром по военным и морским делам, то есть исключительно политическим руководителем Красной Армии. Тогда как главнокомандующим Красной Армией всю Гражданскую войну был полковник Генерального штаба царской армии Каменев. Он же руководил разгромом Колчака. Борьбой с генерал-лейтенантом Деникиным руководил генерал-лейтенант Егорьев. Генералов Краснова и Юденича громил полковник Гиттис.

В Красной Армии воевали свыше 700 царских генералов и около 80 тысяч офицеров. Для сравнения, в Белой Армии офицеров было не намного больше — порядка 100 тысяч. А генералов вообще было меньше сотни. Это значит, что русское офицерство раскололось практически пополам. И хотя в Красную Армию вступило несколько меньшее количество офицеров, это была лучшая часть российской военной элиты. Что так же демонстрирует факт, что в Красной Армии служило гораздо больше генералов, чем в Белой Армии.¹⁶ Почему красные и победили.

Советская пропаганда в интересах власти неумеренно выпятила роль в Гражданской войне нескольких десятков выходцев из народа, ставших талантливыми военачальниками — в основном командирами полков, бригад и дивизий. Но в Красной Армии было 174 дивизии, 22 армии и 5 фронтов. И в подавляющем большинстве ими командовали перешедшие на сторону большевиков профессиональные военные. Кроме уже упомянутых военачальников решающий вклад в победу Красной Армии внесли генерал-лейтенанты Надежный и Парский, генерал-майоры Ольдерроге, Сычин, Свечин, полковники Шорин, Егоров, Вацетис. Даже начальник Главного штаба русской армии в 1911—1917 годах генерал от инфантерии Михневич с 1918 года служил в Красной Армии.

В действительно победоносной истории Первой конной армии из ее высшего комсостава советская пропаганда оставила только фамилии Буденного и Ворошилова. Буденного — как командующего арми-

¹⁶ Российское общество отнюдь не испытывало идиосинкразию к социал-демократам (эсдекам) вообще и большевикам в частности. И относилось гораздо лучше, чем к другой части социалистических политиков — социал-революционерам (эсерам). Хотя бы потому, что эсдеки, в отличие от эсеров, никогда не занимались террором. В этом смысле не слишком прилично в глазах военной элиты выглядело и Временное правительство, в котором товарищем (заместителем) военного министра был Б.Савинков — руководитель боевой организации эсеров. То есть, самый главный российский террорист. С какой стати при таком положении вещей генералам и офицерам плохо относиться к большевикам?

ей, а Ворошилова — как члена реввоенсовета. Причем в реввоенсовете Ворошилов был не военным специалистом, а представителем партии. На самом деле командование армией состояло не из вахмистра и подпольщика — большинство членов реввоенсовета были профессиональными военными, которые и обеспечили победы армии. Их имена были стерты из истории, а организованные ими победы присвоили себе будущие первые советские маршалы. Правда, к началу Великой Отечественной войны их гениальность куда-то улетучилась, «выдающиеся полководцы» продемонстрировали полную профнепригодность и были отправлены в тыл. А кто был истинным организатором побед Первой конной армии, общество до сих пор не знает.

По сути, в тридцатые годы все победы Красной Армии были попросту приватизированы близкими к Сталину военачальниками или, если это было невозможно сделать, записаны на погибших или уже умерших выходцев из простого народа — Фрунзе, Чапаева, Котовского, Пархоменко и т. д. В результате получилось, что большевики победили не только политических противников, но и всех интервентов и всех российских военных вместе взятых — от генералов до прапорщиков.

35. ПЕРВЫЙ КОНФЛИКТ СОВЕТСКИХ ЭЛИТ

Советско-польская война выглядит достаточно странной. С одной стороны, войну начала Польша. Для общества, только что получившего независимость и занятого созданием государственных институтов, более чем странно идти войной на во много раз более сильного соседа. Не менее странным выглядит поражение Красной Армии. В ней под ружьем было порядка 5 млн человек, и, бросив в бой существенную часть этих сил, большевики обязательно разгромили бы польские войска. Тем более что несколькими месяцами ранее Красная Армия наглядно продемонстрировала свою силу — блестяще разгромила армию Врангеля. Однако большевики почему-то смирились с первой неудачей в этой войне — предпочли заключить мир. Причем внешне мирный договор выглядел для большевиков невыгодным. Тем не менее, это было вполне разумным решением, которому имеются вполне понятные объяснения. Как объяснимо и молодечество польских властей.

Война началась с перехода польскими войсками «линии Керзона» — установленной Антантой границы свежеиспеченных центрально-европейских государств с Россией. «Линия» была установлена не просто

так — это была граница, за которой Антанта гарантировала новым странам безопасность. Соответственно, при ее переходе Красной Армией страны Антанты должны были вступать в войну с Россией.

Судя по всему, польское наступление преследовало цель втянуть Советскую Россию в новый цикл войны и не дать ей возможности укрепиться и создать полноценные государственные институты. Антанта рассчитывала, что большевики увязнут в войне с Польшей, к которой затем присоединятся другие центральноевропейские страны. Так что в этой войне роль пушечного мяса отводилась сначала полякам, затем прибалтам, венграм, чехам, румынам.

Трудно представить, чтобы Польша сама нарушила установленные Антантой границы. Более вероятно, что именно Англия и Франция организовали советско-польскую войну и полностью обеспечивали Польшу необходимыми ресурсами. Советская политическая элита прекрасно поняла замысел Антанты и не дала втянуть страну в новую войну, хотя при этом ей пришлось преодолеть колоссальное сопротивление военной элиты.

Политической элите «повезло» с командующим польским фронтом Тухачевским. Он оказался никудышным полководцем и не смог быстро разгромить польскую армию. Хотя, вероятнее всего, Тухачевского в главнокомандующие польским фронтом продвинула сама политическая элита. И с прагматичной целью — обеспечить поражение Красной Армии. В пользу предположения о том, что она не только была заинтересована в поражении собственной армии, но целенаправленно ему содействовала, говорит тот факт, что вскоре после начала наступления было практически прекращено снабжение войск боеприпасами. В результате им стало нечем воевать. Саботаж такого масштаба могла организовать только политическая элита — когда обнаружилось, что даже бездарность Тухачевского не спасает положения и дело идет к разгрому польской армии.

Военная неудача дала возможность политической элите настоять на заключении мира с Польшей. При этом, чтобы уговорить поляков пренебречь интересами Антанты, политическая элита и согласилась на существенные территориальные уступки Польше. Так что мир получился близким по степени унизительности Брестскому. В итоге поляки соблазнились территориальными приобретениями, предав Англию и Францию. Стоит заметить, что в 1939 году Англия и Франция расквитались с поляками — закрыли глаза

на союзнические обязательства перед Польшей и пальцем не пошевелили, чтобы помочь ей против немцев.

Обиду военных на бесславный для них конец Гражданской войны усилили поляки — уморили голодом и болезнями несколько десятков тысяч военнопленных — по некоторым оценкам, погибло от 60 до 100 тысяч наших красноармейцев и командиров. Получалось, что, заключив с Польшей мир и не позаботившись о возвращении военнопленных, политическая элита обрекла на смерть десятки тысяч военных.

Польше эти военнопленные не были нужны. Скорее всего, поляки удерживали пленных для Антанты, которая планировала использовать их для создания очередной «добровольческой армии». И, весьма вероятно, даже выделяла продукты и медикаменты на их содержание в плену. Но только вот поляки эти ресурсы использовали не по назначению — частью для собственных нужд, частью разворовали. В результате практически все военнопленные погибли от голода и болезней.

В 1920 году военные затаили на политиков смертельную обиду. После 1917 года в составе власти безусловно доминировала политическая элита. К концу Гражданской войны в обществе сформировались две полноценные элиты — политическая и военная. В условиях военного времени военная элита не может находиться на вторых ролях, а потому политической элите пришлось потесниться — признать военную элиту в качестве равного себе субъекта власти. Но после окончания Гражданской войны политическая элита воспользовалась неудачной польской кампанией и смогла отодвинуть военную элиту на вторые роли.

У политической элиты были серьезные причины для этого. Большую часть военной элиты составляло патриотически настроенное офицерство. Как следствие, идейно военная элита была далеко не коммунистической и, соответственно, представляла серьезную потенциальную угрозу власти большевиков. Эту проблему политическая элита решила сокращением Красной Армии после окончания войны в 10 раз — с 5 миллионов до 500 тыс. человек. Причем сокращены были в первую очередь именно бывшие офицеры.

Политическая элита убрала бывших офицеров из среднего комсостава и не тронула в высшем. С одной стороны, была сохранена самая важная часть военной элиты, с другой стороны, средний и младший комсостав стал более идейно близок большевикам, а потому не мог стать опорой высшему комсоставу, вздумай он

организовать переворот. Армия стала сопоставимой по размеру с органами правопорядка, которые формировались только на идейной основе. Соответственно, органы выступали достаточно надежным силовым противовесом армии.

В итоге военная элита была ослаблена, стреножена и потому не могла составить конкуренции политической элите в деле руководства советским обществом. Так что военная элита чувствовала себя незаслуженно обиженной. При том что была уверена — это именно она победила всех врагов и спасла политическую элиту. А с ней страну и советскую власть.

36. СОВЕТСКОЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО»

Военный коммунизм только выглядит зловредным изобретением большевиков. На самом деле это известная с древнейших времен модель мобилизационной системы управления, на которую переходило любое общество, если возникала реальная угроза его существованию. Потому что без ресурсов ни одной цели достичь нельзя. И без мобилизации всех ресурсов общество в критической ситуации не сможет устоять — не спасут никакие «чудотворные иконы».

Мало того, продрозверстку начало еще царское правительство в 1916 году. А большевики просто ее не отменили — ведь экстремальная ситуация в стране никуда не делась. Поэтому весь период Гражданской войны в стране действовала эта традиционная для военного положения мобилизационная система управления, пусть и названная после большевиками иначе. По этой же причине большевики провели в конце 1918 года национализацию промышленности.

А когда война закончилась, перешли к новой экономической политике — заменили продрозверстку продналогом и разрешили частную экономическую деятельность. Соответственно, восстановили рынок и рыночные отношения.

Кроме того, большевики начали процесс денационализации промышленности — возвращения предприятий прежним хозяевам. Нужно сказать, что у большевиков с русской экономической элитой, как и с военными, были особые отношения. Во-первых, далеко не все промышленники были «кровопийцами» — большинство платили работникам достаточно высокую зарплату и создавали хорошие условия труда и быта. Во-вторых, русская буржуазия финансово поддерживала большевиков до революции. В-третьих, большевики прекрасно понима-

ли, что без экономической элиты экономику страны восстановить нельзя. И так как собственных «капитанов экономики» у большевиков не было, им нельзя было уничтожать и русскую буржуазию. В-четвертых, экономическая элита занимала в Гражданской войне нейтральную позицию. Ей не нравились белые — и потому, что представляли элиту, которая в 1917 году обанкротилась, и потому, что белые выступали в качестве коллаборационистов. Так что неслучайно русский капитал практически белое движение не финансировал.

Так что не случайно большевики откладывали национализацию промышленности до осени 1918 года — считали, что союз с экономической элитой не только необходим, но и вполне реален. Национализацию провели только после того, как началась полномасштабная Гражданская война. Тем самым большевики, как минимум, расплатились с буржуазией за свою поддержку в прошлом — дали возможность вывезти за границу или хотя бы вывести из предприятий основные оборотные средства. В итоге фактически национализированы были только основные фонды.

Разумеется, народ пограбил не только дворян, но и капиталистов. Но конфискационные обыски проводились по инициативе местных властей. А изъятые ценности практически полностью оседали в карманах тех, кто проводил эти обыски. Так что это был обыкновенный бандитизм, ничего общего не имевший с политикой большевиков. А потому не только средний слой экономической элиты, но и большинство представителей хозяйственной элиты особой вражды к большевикам не испытывали, понимали — не они довели страну до катастрофы и не они организовали криминальный беспредел. Большевики победили и, как могут, вытаскивают страну из пропасти.

В новой экономической политике большевики опирались не только на крестьянство, но и на старые российские элиты — экономическую и занятую обслуживанием экономики часть хозяйственной. При этом экономические хозяйственники отличались высоким профессионализмом. Потому что эту часть хозяйственной элиты российские предприниматели создали и воспитали по своему подобию. Этим российские «менеджеры» принципиально отличались от хозяйственников в составе власти, которых бюрократическое царство полностью развратило.

Именно русские предприниматели и менеджеры смогли осуществить первое «экономическое чудо» XX

века — НЭП. Ведь всего за шесть лет было восстановлено на 80% физически разрушенное народное хозяйство — в 1927 году был достигнут уровень ВВП самого успешного в дореволюционной России 1913 года. При этом сами большевики даже особо НЭП не организовывали — не имели нужных для этого кадров. Поэтому новая власть лишь предоставила предпринимателям свободу деятельности и создала благоприятные условия для нее.

Элита — это не «самые-самые», а наиболее энергичные люди. Соответственно, субъекты элиты находятся на всех этажах общества. А на верхнем этаже располагаются только лидеры и авторитеты элиты. В Гражданскую войну из страны уехали только авторитеты экономической элиты — представители крупного капитала. Тогда как подавляющая часть экономической элиты, представители среднего и малого бизнеса, остались. Всего в середине 1920-х годов в стране действовало около 1 млн 700 тыс. предпринимателей. Именно они при поддержке менеджеров и обеспечили успех НЭПа.

Необходимо отметить, что положительную роль в этом деле, безусловно, сыграло сокращение армии. И не только потому, что снизилась нагрузка на экономику. Важно и то, что в общественное хозяйство вернулись миллионы работников. И, что еще более важно, сотни тысяч хозяйственников — командиров среднего звена, в первую очередь из числа бывших офицеров, многие из которых имели высшее образование. Так что хозяйственный аппарат государства и экономики получил мощную кадровую подпитку.

Оставшейся в стране экономической элите была предоставлена достаточно большая свобода предпринимательства. А многие промышленные предприятия были возвращены их бывшим владельцам. Что касается пришедших на госпредприятия менеджеров, то большевики объективно оценивали их труд — платили им в десять раз большие зарплаты в сравнении с партийными директорами. Последние, по сути, были только надсмотрщиками на госпредприятиях. Более того, все шло к тому, что в страну вернется и крупный российский капитал. В итоге вполне мог бы получиться югославский вариант коммунизма — политическая элита главенствовала бы во власти, а экономическая находилась бы во властном сообществе на вторых ролях. А в такое общество вернулась бы и большая часть остальной научной и культурной эмиграции. Но ликвидация НЭПа поставила крест на этой перспективе.

Отказ от военного коммунизма и переход к новой экономической политике был естественным шагом — переводил экономику и общество на мирные рельсы, то есть с мобилизационной системы управления на рыночную. Хотя этот шаг и вызвал некоторое брожение в среде большевиков. В первую очередь потому, что мобилизационная экономика для власти проста и удобна — бери ресурсов сколько сможешь и используй их как вздумается.

Однако начавшиеся в стране крестьянские бунты продемонстрировали, что в условиях мирного времени мобилизационная экономика не только неэффективна, но и попросту опасна, и хотя большевики без особых усилий подавляли восстания, тем не менее, они выбрали именно сложный путь дальнейшего развития советского общества — перешли на рыночную систему управления. А НЭП продемонстрировал высокое качество новой власти не только в военной, но и в экономической сфере.

Это было естественно. Пропаганда внушила представления о том, как матросы и рабочие становились во главе заводов и банков. И с блеском организовывали их работу. На самом деле с большевиками во власть пришли самые сильные представители всей отечественной элиты, в том числе и самые сильные представители старой власти. По сути, большевики очистили власть от деградировавшей старой элиты и сняли все ограничения на доступ во власть полноценных представителей всех элит. Поэтому ловивший в 1917 году Ленина прокурор Вышинский смог стать Генеральным прокурором СССР. А племянник Деникина служил в СМЕРШе — военной контрразведке.

Поэтому мифом является утверждение о том, что большевики испытывали к старой элите классовую ненависть. Не только военная, но и прочие власти в значительной степени комплектовались из наиболее сильных представителей старой элиты, признавших за большевиками роль политических руководителей страны и считавших, что они возглавили власть по праву — как самый сильный отряд политической элиты, который в 1917 году победил остальных политических противников.

В свою очередь, экономическое возрождение страны и фактически ее спасение осуществила экономическая элита. Да, большевики возглавляли власть и на всех ее уровнях. Но их заслуга в блестящих результатах НЭПа состоит в том, что они, как и в революцию, и в Гражданскую войну, действовали адекватно ситуации и не побоялись предоставить российской эконо-

мической элите свободу рук. Тогда как сама власть сосредоточила усилия на решении второй важнейшей послереволюционной проблемы — борьбе с криминальным беспределом. И успешно справилась с этой задачей. Именно в этом деле решающую роль сыграли сами большевики — укомплектовав своими кадрами правоохранные органы, превратили их в идейные инструменты силового управления. Такое качество правоохранных органов позволило в короткие сроки покончить с разгулом преступности.

VI. СТАЛИНСКАЯ ИМПЕРИЯ

37. «ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ»

На протяжении Гражданской войны шел процесс формирования новой хозяйственной элиты. Ее лидером стал И. Сталин, под руководством которого к середине 1920-х годов завершился процесс формирования этой элиты. Стремление любыми способами добиться доминирующего положения, беспринципность, склонность к интригам, гипертрофированное самомнение, презрение к народу — эти черты воспитал в советской хозяйственной элите именно «великий вождь всех народов». В результате у нас сформировалась не полноценная хозяйственная элита, а ее мутант — бюрократия.

Параллельно, хотя и гораздо медленнее, шли процессы формирования остальных элит — научной, культурной, правоохранительной, судебной. К 1927 году эти элиты еще не до конца сформировались и потому не могли выступать в качестве сильных субъектов властного сообщества. При этом полностью лояльными советской власти были лишь правоохранительные органы, которые возглавлялись только представителями политической элиты и наполнялись по идейному принципу.

Как результат, во власти по-прежнему доминировала политическая элита. В качестве сильного конкурента политикам появилась хозяйственная бюрократия. Ее, как и военную элиту, политическая держала на вторых ролях. Чем бюрократы тоже были весьма недовольны — считали, что именно они «становой хребет» советской власти. А потому не болтуны-политики, а именно они должны быть во главе властной пирамиды.

В 1918 году Брестский мир расколол союз большевиков с левыми эсерами. Аналогичную роль в отношениях политической и военной элит сыграл мирный договор с Польшей — военные затаили обиду на политическую элиту, которая, как они считали, не дала им разгромить поляков. В свою очередь, партнерство политической элиты и хозяйственной бюрократии разрушил вопрос о выборе целей развития для советского общества.

После восстановления народного хозяйства на до-революционном уровне перед советской властью встал вопрос выбора стратегических целей для страны — куда двигаться дальше. Точнее, как строить социализм «в отдельно взятой стране». И здесь представления властвующих элит разошлись принципиально.

Большая часть политической элиты считала, что СССР нужно сделать образцовым «обществом будущего» — максимально эффективным и комфортным, то есть примером для подражания. Соответственно, продолжить «мировую революцию» мирным путем — обращая в свою веру остальной мир.

Для этого нужно развиваться по прежнему пути — продолжать политику НЭПа, плюрализма в культурной сфере, совершенствования общественных отношений и т. д. Кроме наличия примера для подражания требуются силы, которые смогут повернуть развитие других обществ в сторону образца. Поэтому кроме умножения успехов и дальнейшего повышения привлекательности советского общества требуется осуществлять широкомасштабную поддержку революционных сил по всему миру.

Этот путь осуществления «мировой революции» можно квалифицировать в качестве мировоззренческой экспансии. Он был выгоден для политической элиты, так как постоянное повышение качества советского общества укрепляло ее позиции в системе власти. Бюрократия и военная элита считали, что «мировую революцию» нужно осуществлять путем военной экспансии — завоевывать другие страны и силой устанавливать в них советскую модель общества. Такой путь был понятным для этих элит, потому что в их деятельности доминирует принуждение исключительно с помощью насилия.

Кроме того что бюрократы и военные считали себя более достойными быть лидерами элитного сообщества, существовали и другие причины отстранить политиков от руля советского общества. Военные не забыли, что их триумф в Гражданской войне был существенно обесценен унижительным поражением от поляков, и не простили политикам сокращение армии в 10 раз и свою ссылку на периферию власти.

У бюрократов подобных обид на политиков не было. Но бюрократическую элиту возглавил Сталин — сильнейший лидер, страдавший гипертрофированным властолюбием. И он был готов не останавливаться ни перед чем на пути к вершине власти. Тогда как политическая элита к беспределу в борьбе за свой статус во главе власти была не готова — почивала на лаврах НЭПа. Сталин оказался гораздо более искусным интриганом в сравнении со своими противниками.

Сталин использовал обиды военных — заключил союз между хозяйственной бюрократией и военной элитой, а в 1927 году союзники пришли к власти. На

очередном съезде политическая элита потеряла главенствующее положение — ее лидеры лишились официальных постов. А на их места в системе власти Сталин поставил представителей бюрократии и военных. При этом первые сформировали формальную часть власти, а вторые — ее теневую составляющую.

Новый властный союз оказался непрочным в первую очередь потому, что военные и бюрократы сразу же разошлись в представлениях о том, как осуществлять «мировую революцию». Суть расхождений наиболее четко продемонстрировал Тухачевский, который сразу после победы над политиками потребовал в течение ближайших двух лет изготовить 50—100 тысяч танков. Такое количество танков требуется для 10—20 миллионной армии. Инициатива Тухачевского наглядно демонстрировала подход военных к делу «мировой революции» — создание военной сверхдержавы путем полной мобилизации всего общества и немедленный поход в Европу. То есть предлагался восточный вариант наполеоновских войн.

Создать требуемую военной сверхдержаве промышленную базу военная элита планировала незатейливым способом — предлагалось просто захватывать промышленность европейских стран. В принципе, именно так Гитлер увеличивал промышленный потенциал Германии — за счет промышленности аннексированных, оккупированных и союзных стран. Так что логика военных была проста — один раз напрячься, мобилизоваться, наделать танков, а затем с их помощью быстро завоевывать необходимые для ведения войны промышленные мощности.

Сталин благоразумно опасался повторить судьбу Наполеона и потому считал, что для военного способа продвижения мировой революции нужно сначала создать собственную полноценную промышленную базу и организовать широкомасштабное производство оружия. А уже затем развернуть нужную для похода на Европу армию. Желательно также спровоцировать в Европе большую войну между потенциальными противниками, которая существенно их ослабит. По сути, Сталин считал, что страну нужно превратить не в военную, а в военно-промышленную сверхдержаву. Тогда как военные ориентировались на модель, которая позднее была воплощена в жизнь Ким Ир Сеном в Северной Корее.

В этом споре верх взяли бюрократы — военные вынуждены были согласиться подождать с войной до со-

здания собственной промышленной базы. Добившись своего, бюрократическая элита сразу же начала мобилизацию экономики, призванной осуществить ускоренную индустриализацию. В первую очередь был свернут НЭП — начался перевод управления на естественную для мобилизационной экономики централизованную систему.¹⁷

Мобилизацию начали с сельского хозяйства — доходы села были ближайшим доступным для бюрократов источником ресурсов для проведения ускоренной индустриализации. Эту задачу и решала коллективизация. После ее проведения настала очередь остального советского общества. У одной части доходы изымались путем снижения уровня жизни, другую часть мобилизовали на «трудовой фронт» — отправили на лесоповал, рудники и стройки работать на нужды индустриализации за лагерную пайку.

38. ТРЕТЬЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ЦАРСТВО

Паузу, которую военные согласились дать бюрократической элите, Сталин использовал не только для проведения индустриализации и создания военной промышленности. Он вовсе не собирался всегда де-

¹⁷ Необходимо уточнить, что самый верхний слой военной элиты Сталин за редкими исключениями сформировал из «народных полководцев». То есть, «героев» Гражданской войны. Не слишком грамотных и малокомпетентных в стратегических вопросах. Так что бредовые планы были результатом как раз их фанатазирования.

лить власть с военными, а потому параллельно с проведением коллективизации и индустриализации занялся подготовкой к изгнанию военных из верховной власти. Сталин подошел к этому делу очень основательно.

Д. Лихачев в одной из телепередач признался, что так и не понял, за что его арестовали в 1928 году, почему дали небольшой срок и как получилось, что эта история очень незначительно повлияла на его дальнейшую научную карьеру. При этом ведущий передачи не скупился на язвительные комментарии по поводу продемонстрированной следователями неумелости и скудоумия, а также проколов и промахов следствия вообще.

Культурологу, даже самому выдающемуся, прощительно незнание основ менеджмента и способов отладки технологического процесса перед запуском производства. Лихачев просто не понял, что он участвовал в «учебном» деле, в котором ОГПУ отработывало технологию будущих политических процессов. Руководитель ОГПУ Г. Ягода был профессионалом в своем деле, поэтому, получив соответствующее задание товарища Сталина, он не только разработал технологию осуществления фальсифицированных процессов, но и провел ее широкую экспериментальную проверку и доводку.

Надо же было отработать множество технических и процессуальных вопросов. Людей ведь планировалось публично осуждать за фальшивые преступления. Естественно, что лучше всего это было сделать в рамках «реального» дела — создать технику составления «заговоров», написания уголовных дел, методику физической и психологической обработки обвиняемых, подобрать подходящие кадры, потренировать их и т. д.

Затем нужно было соответствующим образом доработать уголовное и процессуальное законодательство. Так что «тренировочных» процессов, аналогичных Лихачевскому, в конце 1920-х — начале 1930-х случилось несколько десятков — большевики тех лет были людьми обстоятельными и вопросы решали капитально. В итоге, как отмечается всеми историками, процессы против «врагов народа» всегда проходили на удивление гладко.

Параллельно Сталин предпринял шаги по ослаблению военной элиты. С этой целью он помог «народным героям» Гражданской войны изгнать из высшего эшелона армии представителей русского офицерства. Раздутые пропагандой «герои» вроде Ворошилова и Тухачевского были для Сталина гораздо более слабыми конкурентами.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов было уволено 3,5 тысячи командиров высшего звена из «бывших». По

сути, именно тогда Красная Армия была обезглавлена—лишилась высокопрофессиональных и талантливых военачальников, обеспечивших большевикам победу в Гражданской войне. Их места заняли сталинские выдвиженцы. Что и предопределило разгром 1941 года.

Отнюдь не взаимное поедание в 1937—1939 годах «народными героями» друг друга, а изгнание за несколько лет до этого полноценной военной элиты из власти привело к печальному результату, который по качеству полностью соответствует результатам двух предыдущих изгнаний военных. Напомним, что это были поражения в Крымской и русско-японской войнах. Так что реальная «чистка» армии от талантливых военачальников случилась отнюдь не в 1937—1939 годах. Тогда «победители» уже уничтожали друг друга. Ведь в военных трибуналах заседали такие же по качеству «народные герои».

На втором этапе подготовки наступления на военных Сталин в последний раз использовал отстраненную от власти политическую элиту. Ее лидеры уже не представляли какой-либо угрозы для Сталина, но на них удобно было отрабатывать технику проведения публичных «политических процессов». С помощью показательных процессов над «героями революции» общество психологически готовилось к тому, что «врагами народа» вполне могут оказаться и «герои Гражданской войны». Немаловажное значение имело и то, что показательные процессы над недавними вождями общества парализовали волю лидеров остальных элит. Так что когда пришла очередь уничтожения лидеров военной элиты, никто из них не смог оказать даже символического сопротивления — все покорно пошли на бойню.

К середине 1930-х годов Красная Армия состояла отнюдь не из «родов войск», а из кланов, которые возглавлялись крупными военачальниками. Самыми влиятельными были клан «первоконников» и клан «червоноказаков». Каждый крупный военачальник был главой какого-то клана, а внутри крупных кланов были еще и мелкие клановые образования. Сталин прекрасно понимал, что клановая солидарность военной элиты гораздо сильнее идейной и, тем более, партийной, поэтому в случае «бунта» военных кланы без проблем получают контроль над всей армией. С клановой системой в армии нужно было кончать. Так что на протяжении 1928—1939 годов Сталин решал две задачи — удаления военной элиты из верховной власти и ликвидации клановой системы организации Красной Армии.

Из двух зол бюрократия была меньшим злом — по жестокости «народные герои Гражданской войны» на голову превосходили бюрократов. Во время Великой Отечественной войны наша военная элита наглядно продемонстрировала, что человеческая жизнь — это последнее, что она ценит. И если бы в схватке с бюрократами победили военные, весьма вероятно, что репрессии были бы гораздо более масштабными и жестокими.

Открытой схватки с военной элитой Сталин опасался. Поэтому, во-первых, он пошел круглым путем — организовал волну репрессий, которая в апогее смела его противников. Во-вторых, он нашел клан, который выполнил для него роль пятой колонны в военной элите. Ею стал клан «первоконников», с вождями которых, Ворошиловым и Буденным, Сталин сблизился во время Гражданской войны.

Опираясь на эту колонну, Сталин смог в 1937—1939 годах разгромить остальные военные кланы и отлучить остатки военной элиты от власти. После изгнания из состава верховной власти военной элиты страна вновь стала бюрократическим царством — третьим по счету после двух романовских.

39. БОЛЬШОЙ ПРЫЖОК

Бюрократия с самого начала взяла курс на построение военно-промышленной державы. Это было естественно для нее — бюрократы способны только копировать существующие аналоги, а потому в условиях, когда на мировой арене уже доминировали военно-промышленные державы, ничего другого Сталин и его команда копировать не могли. Тем более что даже колониальные империи были в первую очередь военно-промышленными державами.

Свою лепту Сталин внес не столько в конструкцию создаваемой им военно-промышленной державы (авторитарной с точки зрения системы управления), сколько в технологию ее создания и темпы строительства. Это была чисто мобилизационная технология, которую любая власть использует в условиях военного положения. Сталин перенес эту технологию на мирное время — с 1929 года советская экономика управлялась по законам военного времени. Благодаря этому бюрократия смогла мобилизовать на свой «проект» практически все ресурсы общества.

Мобилизационная система управления в условиях мирного времени неэффективна. Поэтому КПД деятельности сталинской команды был низким — децент-

рализованное управление дало бы гораздо больший эффект от использования затраченных ресурсов, но потребовало бы гораздо большего времени — механизмы рыночного управления действуют на принципе согласования, а потому более медлительны. Сталин выбрал мобилизационную модель для ускоренного создания военно-промышленной державы — ему нужно было за десять лет получить результат, который децентрализованная модель могла обеспечить только за двадцать — двадцать пять лет.

Мобилизация экономики началась со сворачивания НЭПа — перевода промышленности и торговли на централизованную систему управления. В результате власть получила возможность развивать производство в нужном для себя направлении и перераспределять ресурсы в своих интересах — как между отраслями, так и между потреблением и инвестированием.

В 1929 году начался второй этап мобилизации — сельского хозяйства. Поэтому термин «коллективизация» играл лишь пропагандистскую роль. На самом деле сельское хозяйство было мобилизовано на обеспечение ресурсами индустриализации. Впрочем, власть особо не скрывала, что в коллективизации она реально ставила себе цель перекачать ресурсы из сельского хозяйства в промышленность.

Так что низкая эффективность не только колхозов и совхозов, но и всей советской промышленности в последующие шестьдесят лет существования, имеет простое объяснение — мобилизационная экономика эффективна только в условиях войны или ускоренной подготовки к ней и только для решения задачи спасения страны. Но в мирное время мобилизационная экономика неэффективна по определению. Потому что лишена естественной для себя цели.

За две пятилетки развитие промышленности достигло такого уровня, который позволил Сталину начать создавать сверхмощную армию и приступить к выполнению второго этапа его программы — захвату стран Центральной и Западной Европы. При этом создание нужной ему армии Сталин начал с удаления военной элиты из власти, ликвидации военных кланов и уничтожения потенциально опасных для себя военачальников. Сталину нужна была не только сверхмощная, но и полностью послушная ему армия. Другая армия могла выйти из под контроля и повернуть штыки в другую сторону — против бюрократии.

В итоге к началу 1941 года Сталин имел в своем распоряжении самую мощную военную промышленность в мире и пятимиллионную кадровую армию. На военные цели были мобилизованы все ресурсы общества, а само оно уже больше десяти лет надежно управлялось по законам военного времени. По этим показателям получалось, что СССР вроде бы лучше всех мировых держав подготовился к вступлению во Вторую мировую войну. Однако в войне удача не всегда сопутствует тому, кто лучше к ней подготовился.

В нашем случае оказалось, что для успешного ведения войны гораздо важнее, кто руководит военными действиями — талантливые военачальники или военная прислуга бюрократии? Точнее, 1941—1942 годы продемонстрировали, что военная прислуга совершенно не пригодна к руководству военными действиями — умеет только гнать на смерть солдат и пускать на ветер ресурсы. В итоге «большой прыжок» бюрократии окончился в такой же луже, что и китайский «большой скачок». Даже число жертв оказалось сопоставимым. Увы, но лужи, в которые садится власть, иногда могут целиком состоять из крови.

40. РЕПРЕССИИ

Большая часть сталинских репрессий называется политическими, потому что для их осуществления использовались политические статьи Уголовного Кодекса. Но эти статьи лишь позволяли скрывать истинную суть действий сталинской команды. Вождь утверждал, что на финальной стадии построения социализма классовая борьба усиливается — враг идет в отчаянную атаку. Отсюда и ожесточение политической борьбы.

Это фальшивое представление о политической сути репрессий историков устраивает. А потому они даже не пытаются разобраться — что же в стране происходило на самом деле? Хотя имевшая место вакханалия насилия больше напоминает обыкновенный бандитизм, чем борьбу с политическими противниками. Тем более что у советской власти просто не было политических противников, представлявших собой хотя бы минимальную угрозу.

Для Сталина политические репрессии — существенный камень в фундаменте его статуса «великого политика». Ведь в случае квалификации сталинских репрессий в качестве властного бандитизма, а коллективизации, индустриализации и участия в организации Второй мировой войны — в качестве малограмот-

ного и разорительного для общества авантюризма, от «политического величия» Сталина не останется и следа.

Политические репрессии закончились вскоре после завершения Гражданской войны — все политические противники большевиков осознали бессмысленность борьбы и прекратили реальную оппозиционную деятельность. При этом большевики отнюдь не перегибали палку при осуществлении политических репрессий, о чем свидетельствует история с «философским пароходом».

Старая интеллектуальная элита большевикам была не нужна. Она продемонстрировала свою бесплодность — не смогла обеспечить качественными идеями развитие страны. Но ее никто принудительно за границу не высылал — всем был предложен выбор между переездом в провинциальные губернские города или добровольной эмиграцией. Большевики не хотели, чтобы их идейные противники имели возможность вести пропаганду в столичных вузах. А потому, кто хотел остаться в России, тот уехал в провинцию. Кто не мог переносить советскую власть — получил возможность выехать за границу.

К середине 1930-х годов в стране не осталось даже

пассивной идейной оппозиции советской власти — все элиты были коммунистически ориентированы. Поэтому сталинские репрессии преследовали три не имевшие идеологической основы цели.

Во-первых, репрессии должны были ликвидировать даже потенциальную угрозу положению бюрократов в системе власти со стороны остальных элит. Так что жертвами репрессий в составе власти были такие же коммунисты, что и сами бюрократы. По сути, бюрократы очищали власть от самостоятельных и потому потенциально опасных представителей других элитных корпораций. Тогда как те субъекты элиты, которые соглашались со статусом прислуги бюрократии, никаким репрессиям не подвергались.

Во-вторых, репрессии преследовали цель устрашения общества. Само по себе устрашение не имеет политической составляющей. Бюрократия может управлять обществом только силой или угрозой ее применения. При этом устрашение обеспечивает бюрократии возможность менее затратного использования силы, так как парализует волю части способных сопротивляться силовому воздействию бюрократической власти субъектов общества.

До середины 1950-х годов в стране существовали авторитарные общественные отношения. До конца 1920-х годов коммунистической идеологии придерживалась только власть, тогда как остальная элита и весь народ придерживались других индустриальных или патриархальных учений. И только затем коммунистическая идеология стала постепенно распространяться во всех общественных слоях и лишь к середине 1950-х годов стала доминирующей в общественном сознании. А потому в 1920—1940-х годах власть могла управлять страной только посредством силы или угрозы ее применения. Другое дело, что для достижения поставленных Сталиным целей, причем бюрократическими методами и в короткие сроки, власть нуждалась в сверхустрашении. Только оно могло повысить эффективность управления до приемлемого для вождя уровня.

В-третьих, репрессии решали задачу ускоренной индустриализации — обеспечивали трудовую дисциплину на предприятиях и бесплатную рабочую силу на отдаленных стройках. Иначе люди ехали бы осваивать Сибирь только за очень большие деньги. А так НКВД поставлял рабочую силу для отдаленных и расположенных в экстремальных климатических условиях производств в нужном количестве и с минимумом затрат.

Не случайно НКВД спускал на места планы по ре-

прессиям. Планирование привлечения человеческих ресурсов характерно как раз для экономической деятельности. Стоит также отметить, что бюрократы расширили сферу использования технологий планирования: в 1937—1938 годах на места органам спускались не только планы по поставке бесплатной рабсилы для ГУЛага, но и планы по устрашению — нормативы расстрелов. То есть бюрократы планировали, сколько человек требуется расстреливать для достижения нужного им эффекта устрашения.

Поэтому действительно политическими были репрессии начала 1920-х годов. Это была естественная инерция любой Гражданской войны — добивание политических противников. Политическими репрессиями были и депортации «чуждых элементов» в 1940—1941 и в 1944—1946 годах из западных областей Украины и Белоруссии, Молдавии, Прибалтики. Политический характер носила также депортация крымских татар, части населения Кавказа.

В основной своей части сталинские репрессии были экономическими. Точнее, были экономическим разбоем. Они начались с удушения налогами частнопредпринимательской деятельности, затем приняли форму коллективизации, потом осуществлялись под прикрытием фальшивой «борьбы с врагами народа». Экономические репрессии происходили во все века и порой принимали самые жестокие формы. Так, истребление в XIX веке индейцев в США имело под собой чисто экономическую основу — преследовало цель захвата их земель.

По чисто экономическим соображениям турки устроили в начале XX века геноцид армян, в результате которого погибло порядка полутора миллионов человек. В Османской империи турки специализировались на социальной деятельности — военной, хозяйственной, правоохранительной, судебной, а экономическая сфера полностью контролировалась армянами. Пока империя была обширной, туркам хватало собираемой с провинций дани. Но когда империя уменьшилась до размеров современной Турции, «титупная нация» оказалась на голодном пайке — могла кормиться лишь налогами, собираемыми с собственной территории.

Турки решили эту проблему просто — вырезали армян и захватили весь принадлежавший им бизнес. В конце 1950-х годов турки повторили экспроприацию в отношении еврейского бизнеса, но уже без резни — просто выслали из страны всех евреев. В результате все еврейские предприятия перешли в турецкие ру-

ки. Кстати, после захвата армянского бизнеса именно евреи помогли туркам освоить экономическую деятельность — вырезав армян, турки получили бизнес без кадров, умеющих им управлять. Эту проблему для турок решили евреи — стали управляющими захваченными предприятиями. Позднее, создавая собственные предприятия, евреи сформировали достаточно существенный подконтрольный себе сектор турецкой экономики.

Турки категорически отказываются признавать факт геноцида армян именно из-за того, что им придется признать и его цель и выплатить компенсацию за весь захваченный армянский бизнес. А затем признать факт экономических репрессий в отношении евреев и тоже выплатить компенсацию. В сумме это будет стоить туркам нескольких годовых ВВП. Понятно, что идти на это турецкая власть не хочет. Это чревато крупномасштабными социальными потрясениями — армянский и еврейский бизнес достался турецкой бюрократии, а расплачиваться придется всему обществу.

Существенная экономическая составляющая присутствовала и в геноциде евреев нацистами. Идеологами нацизма евреи были выбраны в качестве главного врага — «мирового зла». После прихода нацистов к власти «мировым злом» был назначен коммунизм. Актуальной стала именно экономическая составляющая репрессий — экспроприация еврейского бизнеса. Ее нацисты осуществляли по турецкому варианту — физического уничтожения обладателей собственности.

Репрессии 1930-х — начала 1950-х годов в СССР обеспечили ускоренную индустриализацию — создание экономического потенциала военно-промышленной державы. Но экономическую природу этих репрессий определяют не только цели, но и методы осуществления. Поэтому жертвы голода 1932—1933 годов — это тоже жертвы экономических репрессий. Люди умирали от голода в урожайные годы, потому что власть отбирала у крестьян практически все выращенное зерно — Сталину требовалась валюта от экспорта зерна для закупки импортного оборудования. Так что жертвы голода тех лет на Украине, в Поволжье, на Северном Кавказе, на юге Западной Сибири — это жертвы именно экономических репрессий.

Как бы ни была печальна участь жертв властных разборок, тем не менее все они были идейными «родственниками». А потому считать их политическими противниками власти нет никаких оснований. Борьбу между элитами за верховенство в системе власти ста-

линская бюрократия восприняла в качестве «холодной гражданской войны». А потому начала действовать так, как это было принято в Гражданской войне — физически истребляла противников. По сути, аппаратная борьба перешла в поножовщину. Но так как противниками были уже «товарищи по партии», то эту часть репрессий нужно называть бюрократической. Члены кланов составляли незначительную часть жертв бюрократических репрессий. Потому что во властных разборках уничтожался не только противник, но и поголовно все его окружение. А это часто были представители совсем других элит и слоев общества. Что и создавало ощущение, что репрессиям подвергаются все.

Те же сталинские военачальники были большие вельможи — окружали себя не только адъютантами и порученцами, но и представителями других элит. Поэтому дом любого из них представлял собой светский салон, в котором постоянно, как бы сейчас сказали, тусовались приближенные к военной особе деятели науки, культуры, экономики. И когда расстреливали вельможу-военачальника, та же участь постигала и большинство тех, кто у него часто бывал в гостях.

Тем более что НКВД активно использовало этих людей в деле создания «обвинительных материалов» — они легко ломались и давали возможность рисовать «разветвленные заговоры». Этот подход позволял решать и вторую задачу — устрашения общества. В результате огромному количеству представителей науки, культуры, экономики досталась роль пресловутых «щепок», коими сопровождалась бюрократическая «рубка леса».

Жертвами бюрократических репрессий 1937—1938 годов стали не только военные и их окружение, но и представители других советских элит, в первую очередь связанные с изгнанной ранее из власти политической элитой. Они, что называется, попали под кампанию, тем более что многие из них с 1920-х годов занимали высокие посты. Другая группа жертв бюрократических репрессий состояла из «настоящих коммунистов» и просто порядочных людей.

Все они были для бюрократии «лишними людьми», засорявшими коридоры сталинской власти. Да и занимаемые ими должности представляли собой ценный властный ресурс. В первую очередь это касалось представителей хозяйственной элиты. Поэтому Сталин расширил территорию чистки — большой охват укреплял позиции бюрократии во власти и устрашал окружение самого Сталина, что он считал отнюдь не лишним.

После Великой Отечественной войны клановые разборки возобновились — не в таких, как прежде, масштабах и в относительно менее жестоких для «щепок» формах. Эти разборки носили внутрикorporативный характер — происходили между кланами внутри элит. И их жертвы тоже на совести бюрократии.

В историях с журналом «Звезда», «делом врачей», «разгроме генетики» борьба велась за официальные посты и выделявшиеся элитам ресурсы. Партийные постановления и уголовные дела только оформляли итоги межклановой схватки. Трудно представить А. Жданова, на досуге читающего стихи Ахматовой и по результатам прочтения принимающего решение разобраться с ленинградскими писателями — выпустить постановление ЦК. На самом деле это была схватка между союзным и ленинградским кланами писателей за посты в Союзе писателей и долю в издательских планах — то есть за власть и доходы.

А Зощенко с Ахматовой к этой разборке просто пришили. Их имена использовали по той простой причине, что на всех этажах ленинградской литературной иерархии сидели писатели, к произведениям которых было невозможно придрачься — они все были полностью идейно выдержаны. Соответственно, ни в какой крамоле их обвинить было невозможно в принципе. Как известно, других писателей у товарища Сталина не было. Вот и пришлось победителям для оформления победы над ленинградским кланом искать «идейных отщепенцев» среди обитателей литературного подвала — только у них удалось найти что-то отдаленно напоминающее крамолу и получить «материал», пригодный для составления постановления ЦК.

Межклановую борьбу демонстрирует и история «разгрома генетики» — в ВАСХНИЛ один научный клан победил другой и забрал в свое распоряжение все выделявшиеся сельхознауке ресурсы и официальные должности. От этих разборок по сути ничем не отличалось и «дело кремлевских врачей». Клан кремлевских врачей, пользуясь непосредственным доступом к «телу власти», слишком усердно делил пирог ресурсов в свою пользу. Минздравовский клан воспользовался промашкой кремлевских кардиологов, которые по халатности не заметили серьезного заболевания одного из вождей — настучал об этом в органы. Власть своим здоровьем дорожила чрезвычайно, а потому кремлевский клан подвергся репрессиям и в результате утратил влияние. В дальнейшем минздравовский клан делил посты

и ресурсы без участия придворных медиков.

К середине 1940-х годов сталинская власть начала дегradировать. В ней сформировались самые примитивные виды кланов — территориальные и национальные. Существование корпоративных кланов Сталина не беспокоило — корпоративная клановость для бюрократа как раз хорошо понятна. Но появление территориальных и национальных кланов вождь решил пресечь — понимал, что это совсем другие по качеству объединения.

Любой корпоративный клан действует в какой-то узкой сфере. Например, клан Лысенко не выходил за пределы биологии — только в ней устанавливал свои порядки и осуществлял властные функции. Тогда как любой территориальный или национальный клан объединяет субъектов разных элит и распространяет свою деятельность на все сферы, в которых они присутствуют. Такого рода кланы подобны раковой опухоли, что Сталин хорошо понимал.

История с журналом «Звезда» — первая попытка пресечь развитие бюрократического местничества. «Ленинградское дело» было следующим ударом — ликвидировало самый крупный территориальный клан. В свою очередь, «дело Еврейского антифашистского комитета» преследовало цель пресечь попытки организации кланов на национальной основе.

Еврейский антифашистский комитет был создан с прагматической целью — сбора средств на нужды войны с Германией в еврейских общинах США и Англии. Но после окончания войны комитет не прекратил существование. А так как бороться было больше не с кем, он стал трансформироваться во влиятельную в культурной, научной и экономической сферах клановую структуру, объединяющую приближенную к власти еврейскую интеллигенцию. Именно это, а вовсе не антисемитизм руководителей страны, стало причиной расправы над комитетчиками.

Власть не препятствовала межклановым разборкам, так как считала их полезным тренингом органов, чтобы они не теряли формы, и не беспокоилась, что кто-то когда-то будет обвинять ее в бескультурье, невежестве, неоправданной жестокости. Она, по сути, выступала в этих делах лишь в качестве арбитра — оформляла документы победителям. Реальными противниками были кланы в самих элитах. В первую очередь, в интеллектуальных — научной и культурной.

Советские интеллектуалы сами душили друг друга — пусть и партийными или чекистскими руками.

А потому обвинять коммунистическую идеологию в репрессиях, которыми заканчивались клановые разборки, по меньшей мере, странно. Другое дело, что все участники разборок, в том числе и интеллектуалы, действовали по установленным сталинской бюрократией правилам. А потому жертвы разборок на совести не только советской интеллектуальной элиты, но и лично «вождя всех народов». Тогда как партийная бюрократия и органы были лишь техническими исполнителями этих трагедий — палачами, которые завершали клановые разборки.

Все, кто погиб на золотых приисках или лесоповалах от голода и холода, являются жертвами репрессий. Но не политических, а экономических и бюрократических — они стали жертвами развязанной сталинской командой вакханалии насилия. К концу 1940-х годов репрессивные органы окончательно превратились в орудие разборок властных кланов и поставщика дешевой рабсилы на стройки Сибири, так как никакой оппозиции в стране не осталось. Тем более экстремистской, для борьбы с которой и предназначены репрессивные органы.

Теперь о цифрах. Наиболее достоверными представляются данные исследований РАН, подготовленные в начале 1990-х годов (В. Земсков). По ним всего в период с 1921 по 1953 год по «политическим статьям» арестовано и осуждено 4 млн человек. Из них расстреляно порядка 800 тыс. человек, причем 700 тыс. в 1937—1938 годах. Последние, безусловно, главные жертвы бюрократических репрессий. Из оставшихся 100 тыс. смертных приговоров значительная часть была вынесена в первые годы после Гражданской и Великой Отечественной войн, то есть в периоды, когда еще не полностью закончилась вооруженная политическая борьба — с белогвардейцами и националистами. Так что это жертвы в большей мере политической борьбы, а не репрессий.

Оставшиеся 3,2 млн человек — это в подавляющем большинстве жертвы экономических репрессий. К ним нужно добавить высланных в северные регионы кулаков, осужденных за незначительные нарушения (опоздания на работу, колоски). В итоге жертвами экономических репрессий стали порядка 5 млн человек.

Экономические репрессии имели разный результат — не только рабство, но и преждевременную смерть от непосильного труда и ужасных условий жизни. По оценкам РАН, условия в ГУЛАГе стали причиной преждевременной смерти порядка 600 тыс. че-

людей. И еще около 250 тыс. человек преждевременно умерли из числа высланных «кулаков». Поэтому 5 млн жертв экономических репрессий нужно разделить на две группы — оказавшихся в рабстве и преждевременно погибших от условий рабства.

К последним нужно добавить умерших от голода в 1932—1933 годах. Число этих жертв достоверно не установлено, но можно предполагать, что оно составило 2—3 млн человек. Соответственно, общее число жертв бюрократического террора составило порядка 7—8 млн человек, из которых 3—4 млн погибло. Это не «миллионы расстрелянных и десятки миллионов отправленных в ГУЛаг» из писаний публицистов. Но и сотни тысяч убитых по ложным обвинениям людей — это преступление. И миллионы искалеченных судеб — это тоже преступление. Эти два вида преступлений можно квалифицировать как социальный бандитизм.

Преждевременная смерть миллионов людей от голода, болезней и рабского труда — тоже результат преступления. Как и перевод нескольких миллионов человек в рабское состояние. Это в чистом виде экономические преступления — обыкновенный разбой. А потому не нужно из Сталина и членов его шайки делать чрезмерно жестоких политиков — они лишь разбойники и грабители. Пусть и «идейные».

Но более вероятно, что сталинизм как созданная вождем и его интеллектуальной прислугой экстремистская версия коммунизма для них самих был всего лишь идеологической дубинкой — орудием преступления. И создавался именно в таком качестве. И хотя сталинизм был воспринят определенной частью советского общества в качестве идеологии, для самих его создателей и пользователей он отнюдь не был мировоззренческой логикой. Иначе получится, что бандиты поклонялись своей собственноручно сделанной дубинке.

Изложенное означает, что сталинский режим 1929—1953 годов нужно судить по тем же обвинениям, по которым был осужден нацистский режим в Германии. А сталинизм должен быть признан такой же человеконенавистнической идеологической мутацией, как и германский нацизм. По сути, между ними нет принципиальной разницы. Только в субъектах — нацизм является воинственной идеологией националистов, а сталинизм — воинственной идеологией бюрократов. И обе мутации имеют абсолютно одинаковые результаты распространения в обществе — полную ликвидацию свободы и превращение власти в преступное сообщество. Ведь нацисты тоже

ликвидировали свободу и действовали как расовые, экономические и социальные бандиты.

Сталинская вакханалия жестокости наглядно демонстрирует, что бюрократия способна не только паразитировать на обществе. Соответственно, бюрократы могут быть не только неприятными «вшами». В некоторых условиях они могут вырастать до «крыс», стая которых способна загрызть миллионы людей.

41. КТО РАЗВЯЗАЛ ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ?

В развязывании Второй мировой войны неправомерно обвинять только Германию или СССР. Ине только потому, что одной стране не под силу организовать мировую войну. В этой войне были заинтересованы все мировые державы — Германия, СССР, США, Япония, Англия, Франция, Италия. И все они «дружно» участвовали в организации этой самой большой в истории человечества бойни. Другое дело, что каждый участник преследовал свои собственные цели, каждый действовал в разных направлениях и разными способами.

Германия стремилась к реваншу за поражение в Первой мировой войне. Немецкое общественное сознание страдало от унижения, которому его подвергли союзники — Версальский мир, без сомнения, относится к числу самых унижительных в истории Европы. Плюс назначенные победителями репарации были неподъемными — обрекали страну на вечное прозябание.

В Гражданской войне потерпели неудачу не только белые, но и стоявшие за ними Англия и Франция. Лидеры Антанты тоже жаждали реванша — рассчитывали, что гитлеровской Германии удастся сделать то, что не удалось белому движению, то есть покончить с большевиками. Это было тем более актуально для Англии и Франции, что благодаря Коминтерну и достигнутым СССР успехам коммунистические идеи находили все большую поддержку в западноевропейских обществах.

СССР считал большую европейскую войну единственным способом запустить новый этап «мировой революции», точнее, планировал осуществлять ее путем военного захвата капиталистических стран с целью их насильственной советизации. С конца XIX века Япония последовательно двигалась к господству на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. И наступил момент, когда у нее на этом пути стали Англия, Голландия, США и СССР. Муссолини поставил цель восстановить Римскую империю в масштабах, которых она достигала в период расцвета. Реально такого результа-

та можно было добиться, только отобрав у Франции и Англии их североафриканские и ближневосточные колонии и захватив Балканы. На это и рассчитывала Италия, заключая союз с Германией и Японией.

Американская власть взяла курс на превращение страны в экономическую сверхдержаву и была заинтересована в расширении мирового рынка — территории, на которой США могли бы безраздельно царствовать. Однако развитие мирового рынка намертво блокировали колониальные империи. Колониями были наиболее значимые в ресурсном отношении страны, без свободного доступа в экономику которых мировой рынок не мог расширяться. Первая мировая война существенно подорвала мощь колониальных держав — Англии, Голландии, Бельгии, Франции. США рассчитывали, что следующее аналогичное по масштабам потрясение окончательно истощит силы колониальных империй и приведет к их распаду.¹⁸

Формальным инициатором мировой войны Германии сделали искусственно. С одной стороны, в этом преуспели Англия и Франция, с другой стороны — СССР. И каждый делал это в своих интересах — растил «пса», который вцепится в горло врагу. Хотя роль главного «двигателя» процесса подготовки к войне играли по очереди. Во второй половине 1920-х годов СССР оказывал всестороннюю поддержку экстремистским политическим силам в Германии. По мысли Сталина, именно Германия являлась идеальным взрывателем — была способна начать общеевропейскую войну, которая ослабила бы европейские страны. В результате они стали бы легкой добычей Красной Армии.

Поэтому СССР сыграл ключевую роль в приходе к власти нацистов — Сталин не позволил немецкой компартии, которую полностью контролировал, заключить союз с социал-демократами. В результате партия Гитлера стала правящей, что позволило ей быстро узурпировать власть — ликвидировать Веймарскую республику, установить нацистскую диктатуру и запустить процесс подготовки к мировой войне. Что Сталину и было нужно.

¹⁸ Широко распространено мнение, будто США не хотели вмешиваться в надвигающуюся мировую войну. Правда, тогда непонятно, зачем в 1938 году американскими властями была принята военная программа, предусматривавшая строительство двадцати авианосцев, тридцати линкоров, ста крейсеров и ста тысяч военных самолетов. В результате военная мощь США должна была возрасти в три раза. Получается какой-то вооруженный до зубов нейтралитет.

С конца 1920-х годов СССР помогал Германии в создании бронетанковых сил — главного оружия будущей войны. Веймарский договор запрещал Германии иметь бронетанковые войска. Сталин помог немецкой военной элите обойти этот запрет — предоставил танковые полигоны, на которых был подготовлен командный состав для германских бронетанковых сил. Многие будущие немецкие генералы учились в советских академиях — осваивали тактику блицкрига, в основе которой лежала разработанная советскими военными специалистами «теория глубокой операции».

Сначала Англия, Франция и США просто не вмешивались — считали, что маргинализация власти ослабит Германию. Но когда поддержка СССР привела Гитлера к власти, Англия и Франция соблазнились идеей направить нацистского зверя против СССР. Они вполне могли парализовать нацистскую власть, но предпочли принять от Сталина эстафету — взяли играть роль локомотива подготовки Германии к войне. В результате нацисты получили возможность восстанавливать немецкий военно-промышленный потенциал в парниковых условиях.

Так что вовсе не случайно Англия с Францией стерпели аншлюс Австрии и отдали Гитлеру Чехословакию. Логика наследников Антанты была проста — если Германия восстановит свою мощь до уровня 1914 года и усилится за счет осколков Австро-Венгерской империи, она сможет справиться с СССР. Как кайзеровская Германия и Австро-Венгрия разгромили бы царскую Россию, если бы воевали на одном восточном фронте. В итоге Гитлеру удалось не только присоединить Австрию и оккупировать Чехословакию, но и приобрести в качестве союзников Венгрию, Румынию, Италию и Турцию. По сути, англо-французской дипломатии удалось восстановить «Тройственный союз» образца 1914 года. Но который, как рассчитывали английские и французские политики, теперь будет воевать лишь на одном фронте — с СССР.

Это подтверждает история, как Англия и Франция в Мюнхене принуждали Чехословакию к капитуляции. При том, что по действующим договорам они гарантировали ей независимость и безопасность. Чехословацкая армия была не последней в Европе — насчитывала 2 млн. человек, имела порядка 1500 танков, 1000 самолетов — в 1938 году была даже мощнее вермахта. Хотя ей и трудно было бы выстоять в продолжительной войне с Германией, потенциал которой был во много раз выше. Но СССР хотел предоставить Че-

хословакии военную помощь. Была даже достигнута договоренность с Румынией о пропуске наших войск через ее территорию. Так что выполнение Францией и Англией союзнических обязательств не было бы особо обременительным.

Остается согласиться, что существовала иная причина, по которой «так получилось». И отнюдь не стремление сохранить в Европе мир двигало Англией и Францией — угрозы ему со стороны Германии в то время просто не существовало. Мало того, Гитлер даже не ожидал получить всю Чехословакию — Германия требовала передать ей только населенную немцами Судетскую область. Комментируя Мюнхенский договор, сам Гитлер признавал, что «такого в истории еще не случалось». И был «просто поражен, с какой легкостью Франция и Англия отдали Чехословакию».

Следует признать, что причина этого исторического «исключения из правил» должна была быть критически важной для Франции и Англии. И имеется единственное разумное объяснение этому невероятному исключению из правил — Гитлеру передали «оружейную мастерскую», без которой он бы не смог начать воевать. В первой половине XX века Чехословакия была не только самой промышленно развитой страной Европы, но и обеспечивала 80% мирового экспорта оружия. Так что без оборонной промышленности Чехословакии Гитлер просто не смог бы развязать мировую войну — по крайней мере, в ближайшие пять лет. И уж точно не представлял для СССР серьезной угрозы. Почему Сталин и предлагал чехословацкому президенту Бенешу военную помощь — не хотел, чтобы Германия начала войну слишком сильной. Получив же чехословацкую промышленную базу, Гитлер уже через год смог развязать войну.

Англия и Франция вплоть до вторжения немцев в Бельгию в 1940 году старались подставить Гитлеру в качестве цели СССР. Так, в середине лета 1939 года они даже пытались договориться об обмене — гарантии поддержки Польши они хотели обменять на обязательство Гитлера после Польши двинуться в СССР. И не случайно, объявив в сентябре 1939 года Германии войну, Англия и Франция пальцем не пошевелили, чтобы реально ее начать — после нападения Гитлера на Польшу больше полугода демонстрировали отсутствие всякого желания воевать, то есть продолжили только декларировать выполнение своих обязательств перед Польшей по ее защите, но никаких наступательных действий не предпринимали вообще. Соответственно,

«прямым текстом» предлагали Гитлеру двигаться дальше на Восток. Так что «Странная война» была последней попыткой направить агрессию Германии на СССР.

Гитлера привели к власти, помогли восстановить военный потенциал Германии и усилить его за счет Австрии, Чехословакии, Польши, Венгрии, Румынии, Италии тогдашние мировые державы — СССР и Англия с Францией. А США по мере сил этому делу способствовали, хотя и предпочитали оставаться за сценой. И каждая из сторон действовала в собственных интересах. Так что с помощью устроенного после войны Нюрнбергского трибунала все покровители нацистов ловко отмежевались от их преступлений.

Ничего «выдающегося» или «демонического» в личности Гитлера не было — все его успехи обеспечивались мощной поддержкой глобальных противников. А «руками Провидения», которое, как думал Гитлер, руководит его деятельностью, были вполне реальные «руки» — англо-французская, советская, американская. Гитлер — пешка, которую мировые державы вывели в ферзи. Фюреру, по сути, всегда удавалось только то, что было нужно тем, кто делал на него ставку — Англии с Францией, СССР, США. При этом воздействие Англии и Франции на политику Германии было эффективно только до 1939 года. Затем инициатива перешла к руководству СССР, которому удалось обеспечить выгодное именно Сталину развитие ситуации. Так что Сталин в итоге, безусловно, переиграл Англию и Францию — с начала 1939 года и до начала 1941 года Гитлер осуществлял сценарий, который был на руку советскому руководству.

Версия военного аналитика В. Суворова, в соответствии с которой СССР был единственным организатором Второй мировой войны, выглядит предвзято. Тем более что, согласно ей, перед войной руководство остальных мировых держав пребывало в состоянии маразма. По сути, в основе версии лежит антикоммунизм автора, в представлениях которого Сталин был злодеем не только во внутренней, но и в международной политике. Тогда как на самом деле СССР являлся только одним из инициаторов войны и компанию ему составили все мировые державы.

Разумеется, Сталин преследовал свою собственную цель — экспорт «мировой революции», как самый быстрый путь превращения СССР в сверхдержаву и лидера мирового сообщества. Но цели Англии с Францией, Японии, Германии, Италии и США были

не менее безнравственны. Реальная разница между участниками «заговора» состоит только в том, что Германия, СССР, Япония и Италия намеревались воевать сами, а США, Англия и Франция рассчитывали достигнуть своих целей чужими руками, то есть хотели, чтобы кровь в их интересах проливалась чужая, а они бы только воспользовались плодами драки более воинственных держав. Не случайно именно эти три страны оказались полностью не готовы участвовать в войне собственными вооруженными силами. В результате Франция была разгромлена за несколько недель, а вооруженные силы США и Англии только через два года ведения боевых действий смогли достичь приемлемого уровня боеспособности.

Во внешней политике СССР не совершал ничего аморального или предосудительного с точки зрения международного права того времени. И потому все заключавшиеся им соглашения, как и подписываемые протоколы, соответствовали тогдашней международной практике. Война в то время была вполне законна и не запрещалась международным правом — лишь регулировалась соответствующими конвенциями, то есть была узаконена в качестве способа разрешения конфликтов. Не случайно существовала практика заключения мирных договоров на определенный срок. Мировые войны обеспечивали глобальный передел мира. При этом те, кто в результате предыдущего передела оказался в выигрыше, не имели полноценных прав на выгоды своего геополитического положения. Так что очередной передел мира был вполне законен, пусть и не нравился тем, кто выиграл от предыдущего.

Сталин не выдумывал особых «коммунистических» способов достижения лидирующих позиций на мировой арене. В то время для этого существовал только один способ — война. И Сталин действовал так же, как все остальные мировые державы. Другое дело, что он сыграл свою партию лучше руководителей Англии и Франции. А потому Черчилль и Рузвельт не считали чем-то противоестественным для себя вести переговоры с СССР, делить вместе с ним мир и уважать его руководство. Сталин никаких международных правил не нарушал. Он слишком заботился о престиже страны, чтобы позволять действовать на мировой арене не по правилам. И потому не был в глазах западных лидеров изгоем.

Если СССР и помогал Гитлеру, то делал это в собственных интересах — это был законный способ добиться лидирующего положения в мировом сообществе. При этом в возрождении военной мощи Герма-

нии Англия, Франция и США сыграли гораздо большую роль — де-факто сняли налагавшиеся Версальским миром ограничения на этот счет, не препятствовали аншлюсу Австрии, вручили Гитлеру чехословацкую военную промышленность, помогли воссоздать «Тройственный союз». То есть воссоздали военно-экономический потенциал, необходимый для уничтожения СССР.

Все державы, по сути, использовали Германию в своих интересах. В первую очередь потому, что нацисты оказались убогими политиками и дипломатами. Но это вовсе не значит, что Германия оказалась жертвой игры мировых держав. Германия просто стала самым слабым, самоуверенным и глупым игроком. А потому больше всех проиграла.

Разумеется, от проигрыша больше всего пострадал немецкий народ. Но за развязывание Второй мировой войны он несет солидарную со всеми остальными главными участниками ответственность. В свою очередь, за преступления против человечества во время войны несут ответственность не только осужденные Нюрнбергским трибуналом нацисты. При этом с ними эту ответственность разделяет отнюдь не немецкий народ — его выбор нацистской власти представляет собой естественную реакцию на унижительный для великой нации Версальский договор и бедственное экономическое положение Германии. А это — результат политики Англии, Франции, США после Первой мировой войны.

Нацистской власти не только потакали, но и прямо ее поддерживали все великие державы. Это значит, что ответственность за преступления нацизма должна быть разделена между властями Англии, Франции, СССР и США, а не возложена на немецкий народ. Народы, разумеется, могут иногда дичать. Вслед за властью. Тем не менее, народы преступления не совершают — это всегда делает власть.

Когда в процессе участвуют несколько игроков, каждый из которых преследует собственные интересы, выигрыш победителя определяется тем, в какой степени ему удалось переиграть или перехитрить остальных участников. А проигрыш «неудачника» определяется тем, в какой степени он ошибся в расчетах и насколько слабым игроком он оказался.

С этой точки зрения главным победителем во Второй мировой войне стали США — они достигли своих целей с минимальными потерями и затратами. СССР тоже вышел из войны победителем, но гораздо менее

успешным. По сути, была достигнута в лучшем случае треть поставленных целей — захвачены только страны Центральной Европы. При этом истрачено невообразимое количество сил и ресурсов. Как следствие, СССР лишился возможности продолжить военную экспансию в Западную Европу. Не случайно в дальнейшем Советский Союз экспортировал «мировую революцию» и коммунизм только в развивающиеся страны.

Для нашего народа победа в Великой Отечественной войне имеет особое значение. Коллективизация, голод, нищета 30-х годов, наконец, массовые репрессии ужасающим образом отразились на самосознании народа. По сути, он был просто психологически сломлен. Сталин и его приспешники добились доминирования в народе рабской ментальности, как психологической основы беспрекословного подчинения.

Так что не случайно в 1941 году, хотя и имели место многочисленные подвиги, массового героизма не было и в помине. Точнее, имело место массовое нежелание воевать, особенно характерное для призванных из деревни солдат. Они в подавляющем большинстве просто ненавидели разорившую и извратившую их социальную среду советскую власть – при первой же возможности бросали боевую технику и сдавались в плен. А бывшие крестьяне составляли основную часть армии.

Только начиная с 1942 года в армии ненависть к бесчеловечной сталинской власти начинает вытесняться ненавистью к противнику. И когда этот процесс завершился, наша армия обрела необходимую ей боеспособность и начала успешно воевать. Наконец, итоговая победа фактически возродила наш народ – вернула ему самосознание великой нации. И он стал терпеливо ждать смерти Сталина и крушения созданного им бесчеловечного режима. Как итог, во второй половине 40-х, в 50-е и 60-е годы наш народ продемонстрировал всему миру чудеса созидания, аналогичные по масштабу тем, которые имели место в период между Гражданской войной и сталинским переворотом.

Сразу стоит отметить, что второе место среди победителей — результат того, что страной руководили бюрократы, а военными действиями — «народные герои». Точнее, кпд их деятельности оказался мизерным — гигантские расходы ресурсов и человеческих жизней дали эффект намного меньший, в сравнении с результатом, полученным США. Ведь расходы и по-

тери СССР в десятки раз превысили американские. В итоге Вторая мировая война стала безумным по всем статьям предприятием советских бюрократов и их военных компаньонов.

Безусловно проиграли войну Германия, Япония и Италия. Но к ним необходимо отнести и Англию с Францией, которые не только не достигли цели, но и понесли огромный урон. Как следствие, вышли из войны ослабленными и оказались в полной политической и экономической зависимости от США и лишились статуса лидеров мирового сообщества. А потому вошли в состав «держав-победительниц» формально — в качестве «компаньонов» США и СССР.

Вина Сталина и его приспешников состоит в том, какой ценой была решена задача достижения Советским Союзом лидирующего положения в мировом сообществе. И не только в отношении миллионов жертв репрессий. Переиграв английских и французских политиков, Сталин прозевал ответный ход Гитлера, который понял смысл его игры и пошел на авантюру — нанес внезапный превентивный удар, в несколько месяцев лишивший страну всех полученных невероятным трудом и безумными жертвами стратегических преимуществ. Точнее, удар прозевал начальник Генерального штаба Г. Жуков, которому Сталин поручил подготовку победоносного похода на Запад. Оба они, Сталин и Жуков, были совершенно не готовы к нестандартному поведению Гитлера — оказались никудышними не только стратегами, но и тактиками. А потому не смогли предугадать действий загнанного в угол Гитлера.

42. БЫЛИ ЛИ МЫ ОККУПАНТАМИ?

Когда говорят об «оккупации советским режимом прибалтийских стран», почему-то забывают, как тогда же вели себя демократические Англия и Франция. Они не помешали Гитлеру совершить аншлюс Австрии и узаконили оккупацию Чехословакии. Соответственно, своими действиями продемонстрировали, что ничего особо безнравственного в присоединении одних стран к другим не было. Даже когда для этого отсутствуют какие-либо юридические или исторические основания. Да мировые державы вообще не считали центрально-европейские страны полноценными субъектами мирового сообщества — были уверены в своем праве распоряжаться их независимостью по своему усмотрению.

Не лишне напомнить, что в случае с Прибалтикой речь идет о враждебных СССР государствах. Тогда

как ту же Чехословакию принудили капитулировать и подвергнуться оккупации не враждебные ей страны, а наоборот, ее собственные союзники, гарантировавшие ей защиту. Соответственно, оккупация Чехословакии с нравственной точки зрения была совсем другим по качеству делом — Англия и Франция просто предали своего младшего партнера.

Пресловутый «секретный протокол» к пакту Молотова—Риббентропа никого не лишал независимости — только делил сферы влияния. А потому был более цивилизованным соглашением в сравнении с Мюнхенским договором, который ликвидировал независимость Чехословакии. По сути, «секретным протоколом» Германия пожертвовала своими сателлитами — для получения согласия СССР о нейтралитете в планировавшейся войне с Польшей отказалась от своего влияния на прибалтийские страны и Финляндию.

Это же, и в гораздо более неприличной форме, сделали раньше Англия и Франция в отношении Чехословакии и Польши. Чехословакия досталась не только Германии — часть территорий прихватили Польша и Венгрия. Однако ничего о безнравственных действиях поляков и венгров перед Второй мировой войной не слышно — в имевших тогда место аннексиях нынешние западноевропейские политики обвиняют только нас.

На самом деле в 1938—1940 годах был осуществлен «размен активов» между основными европейскими инициаторами Второй мировой войны. При этом каждый действовал в собственных интересах, нисколько не думая о «принципах». Англия и Франция предали Чехословакию и Польшу — рассчитывали направить германскую агрессию на СССР. Германия, по сути, согласилась с тезисом о территориальной целостности России в границах, которые были близки к существовавшим до Первой мировой войны. Соответственно, признала безусловной зоной советских стратегических интересов Прибалтику и Финляндию.

И все это происходило с согласия остальных мировых держав — если не де-юре, то де-факто. При этом СССР остался единственной европейской державой, которая никого не предала. Однако именно нас сегодня стремятся изобразить европейскими отщепенцами — нарушителями международного права того времени.

В отличие от истории с оккупацией Чехословакии, присоединение к СССР прибалтийских стран было осуществлено вполне законно с точки зрения даже существующей сегодня практики международных отношений. Народы прибалтийских стран согласились

с вхождением в СССР, потому что прекрасно поняли — Германия обманула их. И это вхождение было одобрено абсолютным большинством населения. Не случайно все прошло без вооруженных столкновений. Для сравнения можно привести пример Финляндии, население которой в массе было против вхождения в СССР. Финны оказали серьезное вооруженное сопротивление, и Сталин отказался от планов присоединения Финляндии.

Сегодня никто почему-то не вспоминает о том, что в странах Балтии в то время у власти находились фашистские режимы. Это были недемократические общества, принципиально мало отличавшиеся от советского. По сути, они были близки к итальянской модели. И не нравились большей части населения. В Финляндии режим был вполне демократическим. Именно поэтому финны и не захотели присоединяться к СССР.

В судьбе прибалтийских стран договоренности между Германией и СССР сыграли свою роль. При этом безнравственно поступил не Сталин, а Гитлер — предал своих политических партнеров. Не нужно забывать, что независимость прибалтийским странам в 1918 году предоставили именно немцы. И создали в этих странах прогерманские режимы. Это были марионеточные режимы, которые сохранили верность Германии и после ее крушения. Как следствие, власти прибалтийских стран полностью ориентировались на Германию — были ее сателлитами, но никак не самостоятельными суверенными странами.

Прогерманская ориентация прибалтийских режимов не нравилось очень многим — во всех слоях прибалтийских обществ доминировали пророссийские настроения. И по простой причине — литовцы, латыши и эстонцы два века вполне комфортно существовали в составе Российской империи. А потому разногласия в общественном мнении прибалтийских стран основывались на разной ориентации — меньшая часть имела прогерманскую ориентацию, большая — пророссийскую. Тогда как идейные разногласия на этот выбор мало влияли — население не видело особой разницы между коммунизмом и нацизмом.

43. ДВЕ ВОЙНЫ

Для нашего общества Вторая мировая война происходила по тому же сценарию, что и война с Наполеоном. Та война началась для России на дальних подступах — первые сражения произошли в Италии, а затем перешли на территорию Австрии и Германии.

В 1812 году война пришла на нашу территорию — стала Отечественной. А после разгрома Великой армии снова переместилась за границу — сначала на территорию Германии, потом Франции.

Хотя в сравнении с наполеоновской эпопеей наше участие в первой фазе Второй мировой войны было не таким масштабным — советская дипломатия оказалась сильнее царской и обеспечивала достижение большинства целей невоенными методами. Исключения составили только Япония и Финляндия — в первых конфликтах с ними СССР пришлось применять военную силу в полном масштабе.

Тем не менее, первая фаза Второй мировой войны закончилась для СССР катастрофически. Гитлер смог сорвать план Сталина, по которому предусматривалось внезапное нападение СССР на Германию. Этот сценарий удалось осуществить Гитлеру — нанести упреждающий удар и в течение лета-осени 1941 года разгромить Красную Армию.

Это первое сражение вермахта и Красной Армии стало самым масштабным и важным событием всей Второй мировой войны, потому что определило ее результаты — разгром Красной Армии не дал Сталину осуществить план советизации всей Европы, так как лишил его подготовленного для достижения этой цели военно-промышленного потенциала. А для СССР Вторая мировая война стала Отечественной — второй по масштабу после войны 1812 года.

Летом и осенью 1941 года погибли или попали в плен свыше 5 миллионов красноармейцев и командиров — почти вся кадровая армия. Так что в дальнейшем воевали в большинстве своем резервисты. Кроме того, было потеряно до 90% артиллерии, танков, авиации, транспорта, приготовленных для войны боеприпасов и материальных ресурсов.

Страна лишилась значительной части промышленной и ресурсной базы. Так, было потеряно 85% мощностей по производству боеприпасов. При этом далеко не все оборудование удалось вывезти за Урал — значительная часть была потеряна. Были утрачены и имевшиеся на предприятиях огромные запасы важнейших видов сырья. Большая часть потерянного досталась немцам — усилила германский военно-промышленный потенциал. Немцы даже воевали нашими танками, пушками и снарядами. Благодаря именно этой военной добыче и нашим потерям вермахт смог еще целых четыре года продолжать военные действия, а нацистскому режиму удалось уничтожить в несколько раз больше людей.

Летом и осенью 1941 года наша армия потерпела самое сокрушительное за всю тысячелетнюю историю страны поражение. Хотя перед началом войны Красная Армия по всем параметрам была многократно сильнее немецкой. В частности, имела 3—5-кратное превосходство по количеству вооружений — танков, артиллерии, авиации, транспортных средств. При этом советское оружие по качеству в основном существенно превосходило немецкое.

Сталин намеревался летом 1941 года внезапным ударом разгромить немецкую армию и быстро «освободить» Европу. Красная Армия разворачивалась на западной границе для этого удара, назначенного, как предполагает В. Суворов, на 6 июля, поэтому оказалась в самом невыгодном для отражения удара положении — на марше. И сосредотачивалась на позициях, удобных для наступления, но совершенно не подходящих для обороны. Аэродромы вплотную к границе, войска растянуты от Бреста до Сибири, штабы, службы и подразделения находились в сотнях километров друг от друга. Даже карт у войск не было — им подготовили карты Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии.

Сталин считал, что Гитлер не рискнет начать войну на два фронта и побоится нападать на гораздо более сильного противника. Однако Гитлер оказался в ситуации загнанного в угол зверя и прекрасно понял, что летом 1941 года Сталин нанесет ему смертельный удар. Так что, хотя Гитлер имел гораздо меньше сил, ему ничего не оставалось, как пойти на отчаянный шаг — нанести превентивный удар. Фюрер сам сказал германскому послу в СССР Шуленбургу: «Граф, у меня просто нет выхода». По сути, Сталин элементарно не смог правильно спрогнозировать действия Гитлера в 1941 году.

Советские историки пять десятилетий твердили о том, что страна и Красная Армия не были готовы к войне. Мол, Сталин ожидал нападения Германии не раньше 1942 года. Российские военные историки, не сумев опровергнуть доводы В. Суворова, в конце концов были вынуждены согласиться, что в 1941 году Красная Армия сама готовилась нанести удар по Германии и в июне действительно разворачивалась для наступления.

Но при этом российские историки выдвинули версию, по которой Сталин планировал нанести превентивный удар, призванный сорвать готовящееся немецкое наступление. Мол, советскому руководству в мае 1941 года стало известно о планируемом наступлении

немцев, и, чтобы сорвать его, было решено нанести превентивный удар. Поэтому Красная Армия в момент начала немецкого наступления и оказалась в состоянии развертывания, что и привело к катастрофе 1941 года.

Увы, но эта версия демонстрирует лишь убогость нынешней российской военно-исторической науки. В самом деле, к превентивному удару готовятся только в случае, когда известна дата готовящегося наступления, потому что превентивный удар должен наноситься до его начала. Так, в Курской битве нами был нанесен превентивный артиллерийский удар за несколько часов до начала немецкого наступления.

Если верить российским историкам, получается, что советский генштаб готовил превентивный удар, не имея представления о дате планируемого немцами наступления. Точнее, назначив удобную для него самого дату — 6 июля. Очевидно, из соображений, что только к этому сроку можно успеть развернуть армию для спланированного генштабом превентивного удара. По новой версии получается, что именно так идиотски планировал свои действия генштаб, который возглавлял Г. Жуков — официально признанный «самым выдающимся советским полководцем».

Но если дата наступления не известна и ее не представляется возможным определить, то армию нужно готовить к обороне, чтобы измотать противника в оборонительных боях, одновременно готовя собственное наступление. Для обороны знать точную дату наступления не обязательно. Мало того, даже готовя превентивный удар, все равно нужно параллельно организовывать полноценную оборону. Потому что нет никакой гарантии, что превентивный удар достигнет цели и сорвет наступление противника.

Однако в 1941 году советский генштаб к обороне вообще никак не готовился — планов обороны не разрабатывалось и никаких мероприятий оборонительного характера не проводилось. Такая самоуверенность имеет только одно объяснение — Сталин и Жуков даже мысли не допускали, что немцы могут начать наступление. А потому версия о подготовке Красной Армией летом 1941 года превентивного удара не выдерживает критики.

Картина выглядит полностью логичной только в том случае, если мы готовились внезапно напасть на Германию, а превентивный удар нанес как раз вермахт. И этот удар оказался настолько успешным, что лишил СССР кадровой армии, огромных запасов военных ресурсов, половины экономического потенциала и самых

густонаселенных территорий. Как получилось, что возглавлявшийся «выдающимся полководцем» генштаб попросту прошляпил подготовку немецкого наступления? Причем подготовку, которая осуществлялась на двухтысячекилометровом фронте и в течение минимум трех недель.

Разумеется, генштаб имел достаточно сведений о развертывании немецкой армии в июне 1941 года. Но Жуков неправильно понял цель этого развертывания — решил, что немцы развертывают силы вермахта не для наступления, а для обороны. Советское руководство считало, что Гитлер догадался о планируемом наступлении Красной Армии, но, видя наше подавляющее превосходство, намеревался лишь обороняться.

Эта ошибка непростительна — характеризует Жукова как недалекого военачальника и малограмотного штабиста. Потому что развертывание армии происходит и для обороны, и для наступления. Например, для наступления выгодны одни позиции, для обороны другие. И Жуков не понял, что немецкие войска на наших границах развертывались на позициях, выгодных именно для наступления. Точнее, немцы смогли дезинформировать советский генштаб о своих истинных намерениях. А «гениальный полководец» и ГРУ Генштаба не смогли разобраться, где немцы действительно развертывали войска, а где только имитировали этот процесс.¹⁹

Говорят, что после подписания Договора о ненападении Сталин радостно закричал: «Обманул Гитлера!». То есть смог дезинформировать Гитлера о своих истинных намерениях. В 1941 году все случилось ровно наоборот — немецкий генштаб обманул советский, точнее, успешно дезинформировал советское военное руководство. В первом случае свою политическую недалекость продемонстрировал Гитлер. Во втором случае свою военную недалекость продемонстрировали Сталин с Жуковым. Немецкие генералы оказались умнее и хитрее их.

Но главная причина чудовищной близорукости состояла в том, что во главе Красной Армии оказались уникально малограмотные военачальники — Жуков,

¹⁹ В наших фильмах абвер всегда представляют глуповатой разведкой. Хотя это, разумеется, далеко не так. Потому что перед войной абвер полностью переиграл ГРУ — смог дезинформировать о реальных намерениях вермахта. Абвер смог по каналам ГРУ пустить нужную ему дезинформацию. Причем самую разную — от целей наступления до намерения предъявить вначале Москве ультиматум с требованием передать Германии Украину, Прибалтику и еще что-то «по мелочи».

Ворошилов, Буденный. На «гражданке» аналогом их военного образования является ремесленное училище. Так, главный сталинский «стратег» Жуков имел за плечами четыре класса и кавалерийские курсы. И даже русский язык у маршала был вторым после матерного.²⁰ Стоит ли удивляться, что немецкий генштаб обвел их вокруг пальца.

Для сравнения: Военно-морской флот возглавлял Н. Кузнецов, окончивший военно-морское училище, Военно-морскую академию, свободно владевший четырьмя иностранными языками. В результате армия и флот подготовились по-разному и понесли совершенно разные потери. Так, в первый день войны Красная Армия потеряла 90% авиации. Это самая ужасная цифра из всех потерь первого дня войны. А флот в первый день войны успешно отразил все налеты и не потерял не только ни одного корабля, но даже ни одного человека.

Так что вовсе не случайно в Красной Армии за годы войны трижды сменился высший комсостав. Только тогда удалось избавиться от сермяжных полководцев и армией стали командовать те, кому это положено по уму, таланту и знаниям. Флот же всю войну возглавлял Кузнецов. И за время войны не был смещен ни один командующий территориальными флотами — Северным, Балтийским, Черноморским и Тихоокеанским. Что касается людских потерь, то в удельном отношении потери флота оказались в десять раз меньше армейских потерь.

С флотом нам повезло, потому что Москва расположена далеко от моря. Флот оказался военной провинцией. Поэтому морских военачальников в меньшей степени коснулась не только чистка конца 20-х — начала 30-х годов, но и кровавые разборки Сталина с армейскими кланами в 1937—1939 годах. В итоге только советским адмиралам можно не стыдиться за то, как они воевали. Причем не только во второй, но и,

²⁰ Сталинский период в истории нашей страны характеризуется катастрофическим падением интеллектуального уровня власти. Будучи малограмотным, Сталин не любил высокообразованных интеллектуалов и доверял только малообразованным и интеллектуально убогим кадрам, то есть только тем, кого гарантированно превосходил по уму. В результате, если при Ленине мы имели самое высокоинтеллектуальное правительство на тот момент в мире и нашей собственной истории, то к концу 40-х годов говорить об интеллектуальности власти вообще не приходится. А в ЦК больше двух третей не имело даже среднего образования. При том, что уже почти три десятилетия не было проблем с получением не то что среднего, даже высшего образования. И это естественный итог владычества бюрократии — ей всегда нужны не грамотные, а верные.

главное, в первый период войны.

44. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

22 июня 1941 года для нашего общества закончилась первая фаза мировой войны — теперь, как и в 1812 году, война стала Отечественной. И если Вторая мировая война была войной Сталина и Жукова (и, разумеется, их команд — бюрократической и военной), то Отечественная война стала войной нашего народа и лучшей части его элит.

Невероятное по всем меркам поражение 1941 года привело Красную Армию в состояние шока, из которого она смогла выйти только через год. Что также помогло немцам успешно громить советские войска весной и летом 1942 года. План Сталина, осуществлением которого занимался Жуков, привел страну к ужасающему разгрому армии и потере большей части экономического потенциала страны.²¹ И вина за это полностью лежит на Сталине и Жукове — они оказались никудышными стратегами. За это наше общество заплатило непомерную цену — из миллионов жертв войны три четверти лежат на совести этих горе-полководцев.

Чтобы фигура Сталина «ссохлась» до масштаба хотя и незаурядного, но все же далеко не гениального тирана, нужно понять простую вещь — затраченных им трудовых и материальных ресурсов хватило бы на создание трех сверхдержав. И СССР превзошел бы вместе взятыми Америку и Европу во всех сферах — экономической, научной, культурной, военной.

Точно так же фигура Жукова теряет всякое величие, если осознать тот факт, что с теми потерями, которыми страна ему обязана, мы смогли бы два раза наголову разгромить Германию. Жуков был не только малограмотным самодуром, бездарным стратегом, но и форменным людоедом. Даже в последние месяцы войны он посылал солдат в атаку на немецкие минные поля, считая, что так можно достичь максимальной внезапности наступления. Имеются и другие примеры, демонстрирующие людоедский менталитет этого «четырежды героя Советского Союза». Стоит ли

²¹ Имеются вполне достоверные сведения, что в ноябре 1941 года начались переговоры с Германией о мире. Переговоры проходили при посредничестве Болгарского посольств, с представителями которого сотрудники Молотова встречались в ресторане «Арагви». Сталин был согласен отдать Прибалтику, Белоруссию и Украину. Но Гитлер требовал добавить еще и Кавказ. Наша сторона не согласилась и переговоры затормозились. А после сражения под Москвой были окончательно прерваны.

удивляться тому, что наши потери в войне в два раза превысили немецкие?

Сталин несет основную ответственность за разгром Красной Армии в 1941 году, потому что с 1939 де-факто был верховным главнокомандующим. Жуков является вторым виновником разгрома, потому что с февраля 1941 года был начальником Генерального штаба, соответственно, отвечал за всю военную сторону подготовки страны ко Второй мировой войне. В первую очередь, Жуков виноват в ошибочных прогнозах характера действий немецкой армии, а также в примитивном авантюризме, в результате чего Красная Армия оказалась неподготовленной к какой бы то ни было обороне вообще.

Разгром 1941 года намертво соединил Сталина и Жукова — верховного главнокомандующего и его начальника штаба. Именно для того, чтобы оправдать самого себя, Сталин сделал Жукова «выдающимся полководцем Великой Отечественной войны». И наградил его самым большим среди маршалов количеством орденов. Потому что возложить вину за разгром на Жукова означало бы признать свою собственную ответственность, так как главнокомандующий в конечном счете отвечает за все и в первую очередь за назначение начальником генштаба бездарного стратега.

В этой ситуации сделать Жукова «выдающимся полководцем» — значит обелить самого себя. Потому что если даже профессиональный «военный гений» не смог разгадать замысел немцев и избежать поражения, что тогда спрашивать с гражданского главковерха?

Если из официальной истории Великой Отечественной войны убрать «заслуги» Сталина и Жукова, в ней останутся истинные спасители страны и ее герои — выдвинутые войной полководцы, командиры, солдаты, труженики тыла. А если объективно рассмотреть ошибки советского командования в 1941—1942 годах, то выяснится, что подавляющей частью неудач и основными потерями мы обязаны именно этим горе-стратегам.

Только к концу 1942 года Красная Армия смогла восстановить боеспособность и научиться воевать — из толпы сталинских кадров выдвинулись действительно талантливые военачальники. А Жуков и «народные герои» были переведены в статус надсмотрщиков Сталина на фронте и в тылу. В итоге советский Генштаб начал переигрывать немецкий, а наши генералы — побеждать немецких.

В 1941 году была разгромлена сталинская Красная Армия, то есть армия, созданная в 30-е годы вождем бюрократов и его военной прислугой — Ворошиловым, Жуковым, Буденным и пр. Это значит, что в 30-е годы с невероятными усилиями и жертвами была создана небоеспособная армия, пусть и вооруженная до зубов. К лету 1942 года Сталин убедился не только в полководческой убогости своих выдвиженцев, но и в собственном дилетантизме в военном деле, а также осознал реальность перспективы проигрыша войны и, как следствие, собственного краха. И понял, что спасти его могут только настоящие военачальники. А потому передал именно им дело управления боевыми действиями — Генштабу и командующим фронтами. Так что с лета 1942 года дело возрождения армии и руководства боевыми действиями полностью перешло к доказавшим свои полководческие способности генералам. В результате осенью 1942 года появилась совсем другая Красная Армия. Ее создали талантливые военачальники — Василевский, Рокоссовский, Конев, Ватутин и многие другие генералы. А Сталин превратился в формального Верховного Главнокомандующего — только «одобрял» действия отобранной войной новой военной элиты.

В подтверждение такого положения вещей можно привести известный эпизод с Рокоссовским. Он предложил план летнего наступления 1944 года в Белоруссии, успешность которого вызывала сомнение Генштаба. На посвященном обсуждению этой ситуации совещании Сталин дважды просил Рокоссовского выйти из кабинета и подумать — полностью ли он уверен в успехе предлагаемого им плана наступления. После того как Рокоссовский в третий раз сказал, что уверен в своем плане, Сталин утвердил его. Фактически Сталин выступил арбитром в споре между командующим фронтом и Генштабом. Убедившись, что военачальник полностью уверен в своем плане, Сталин стал на его сторону — разумно рассудил, что командующему фронтом виднее и он сам будет нести ответственность за успех собственного плана.

Этот эпизод наглядно демонстрирует, что Верховный Главнокомандующий не имел собственного мнения по главной операции летней кампании 1944 года. При этом Сталина вообще не интересовало мнение присутствовавшего на совещании Жукова — «гениального полководца» и своего первого заместителя. По той простой причине, что Жуков еще в 1942 году был переведен в главные военные надзиратели — только следил за деятельностью генералов на ключевых

участках фронта. Почему он там и присутствовал. И почему всегда отзывался перед началом наступления — чтобы не мешал боевым генералам делать свое дело.

К концу 1942 года набрала обороты эвакуированная за Урал промышленность. Благодаря ее поддержке новая Красная Армия смогла перейти в наступление — начала отвоевывать утраченные территории. И только к концу лета 1944 года смогла завершить освобождение страны. После этого для нас закончилась Великая Отечественная война — возобновилась Вторая мировая.

После войны Сталин сослал Жукова в провинцию — командовать Одесским военным округом. Историки трактуют эту историю как свидетельство боязни Сталина — якобы диктатор опасался Жукова. Мол, последний приобрел такой большой авторитет в среде военной элиты, что мог реально угрожать власти Сталина.

На самом деле это абсолютный вымысел. У остальных маршалов сталинский надсмотрщик авторитетом не пользовался — они прекрасно знали «таланты» и «заслуги» Жукова. Причина ссылки была другой и гораздо более примитивной — Жуков оказался не только самым прожорливым людоедом в сталинском окружении, но и самым большим мародером.

Сразу после войны Жуков возглавил оккупационную администрацию Германии. Самой впечатляющей страницей в истории пребывания на этом посту «великого полководца» стала устроенная им самим и генералами его свиты вакханалия мародерства. Золото, серебро, драгоценности, мебель, картины, гобелены, сервизы, хрусталь, меха, дорогие ткани присваивались в невероятных количествах. Для примера, у генерала Крюкова позднее был конфискован эшелон (!) награбленного добра.

Сталину мародерство маршала и его свиты очень не понравилось — не только криминальные наклонности, но и чрезмерное барство своих соратников он всегда пресекал. Было организовано расследование, по итогам которого двух генералов (Телегина и Крюкова) посадили, у остальных отобрали награбленное. У Жукова тоже конфисковали «военную добычу» и в наказание сослали в Одессу.

Посадить Жукова было нельзя — сделав из надсмотрщика второго после себя «великого полководца», Сталин связал себе руки. Осуждение Жукова за маро-

дерство существенно девальвировало бы военные «заслуги» самого Сталина. Создалась бы двусмысленная ситуация — правой рукой вождя в деле достижения великой победы оказался бы примитивный вор, а Сталин был слеп не только в отношении замысла Гитлера — не смог разглядеть мародерские наклонности даже у своего ближайшего соратника.

Нельзя было посадить и всю свиту Жукова — получалось бы, что под носом у Верховного Главнокомандующего сформировалась и много лет процветала целая преступная шайка. Поэтому по делу о мародерстве для большинства виновных наказание оказалось чисто символическим.

Кроме того, напарник по «военной части» вполне мог пригодиться в дальнейшем. Особенно благодаря раздутому авторитету — пропаганде вполне удалось внедрить в общественное сознание представление о «великих заслугах» Жукова. И этот миф жив до сих пор.

45. ИТОГИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Катастрофическое вступление во Вторую мировую войну лишило Сталина возможности достичь поставленной изначально цели — советизации всей Европы как первого этапа военного продвижения «мировой революции». На втором этапе английские, французские, голландские и бельгийские колонии позволили бы осуществить советизацию Азии и Африки. На третьем этапе должна была прийти очередь советизации Латинской Америки. А на последнем, четвертом, пробил бы час США и Канады — с берегов Чукотки и из Мексики начался бы последний победоносный поход против капитализма.

«Гладко было на бумаге...» По итогам Второй мировой войны СССР смог установить идеологический контроль только над восемью странами Центральной Европы. Эти страны сформировали социалистический лагерь, к которому позднее примкнули некоторые страны Восточной и Юго-Восточной Азии. Правда, затем откололись Югославия, Албания и Китай. Однако со временем в сферу влияния СССР попали некоторые страны Азии, Африки и Латинской Америки. В результате Советский Союз все равно превратился в сверхдержаву, хотя и не получил возможности продолжать военную экспансию.

Для нашего народа победа в Великой Отечественной войне имеет особое значение. Коллективизация, голод, нищета 30-х годов, наконец, массовые репрессии

ужасающим образом отразились на самосознании народа. По сути, он был просто психологически сломлен. Сталин и его приспешники добились доминирования в народе рабской ментальности, как психологической основы беспрекословного подчинения.

Так что не случайно в 1941 году, хотя и имели место многочисленные подвиги, массового героизма не было и в помине. Точнее, имело место массовое нежелание воевать, особенно характерное для призванных из деревни солдат. Они в подавляющем большинстве просто ненавидели разорившую и извратившую их социальную среду советскую власть – при первой же возможности бросали боевую технику и сдавались в плен. А бывшие крестьяне составляли основную часть армии.

Только начиная с 1942 года в армии ненависть к бесчеловечной сталинской власти начинает вытесняться ненавистью к противнику. И когда этот процесс завершился, наша армия обрела необходимую ей боеспособность и начала успешно воевать. Наконец, итоговая победа фактически возродила наш народ – вернула ему самосознание великой нации. И он стал терпеливо ждать смерти Сталина и крушения созданного им бесчеловечного режима. Как итог, во второй половине 40-х, в 50-е и 60-е годы наш народ продемонстрировал всему миру чудеса созидания, аналогичные по масштабу тем, которые имели место в период между Гражданской войной и сталинским переворотом.

Европейские «столпы» капиталистической системы по итогам Второй мировой войны не только устояли, но и объединились в новый антикоммунистический союз, который возглавили США. Так что лишь Америка в полном масштабе и с минимумом потерь достигла всех поставленных перед Второй мировой войной целей — стала безусловным и по всем статьям лидером Запада и значительной части Востока и Юга, то есть сверхдержавой.

После этого США не торопясь разрушили колониальную систему — главное препятствие на пути создания нужного Америке мирового рынка. Точнее, принудили колониальные империи, ставшие их сателлитами, постепенно предоставить независимость всем колониям и так открыть доступ к их ресурсам американским компаниям. То, что на это потребовалось два десятилетия, вовсе не означает, что американцы действовали не

очень успешно. Сталин тоже рассчитывал завоевать мир не за пару лет — минимум за полтора десятилетия.

Это значит, что США получили от Второй мировой войны максимальный выигрыш — тот, на который рассчитывали. Тогда как Сталину достался «второй приз» — меньше десятка второразрядных европейских стран. И советскому руководству потребовалось еще два десятилетия для того, чтобы создать полноценную сверхдержаву. Но по масштабу и мощи далеко не такую, как планировалось в 1939 году.

Достигнутый результат выглядит более чем скромно в сравнении с платой за сверхдержавность — невероятным числом жертв и безумным количеством затраченных ресурсов. Но это вообще характерно для деятельности бюрократической и военной элит — они не ценят жизнь людей и не умеют эффективно использовать ресурсы. Так что если бы в 1927 году у власти в СССР осталась политическая элита, а экономическим развитием страны занималась бы экономическая элита, они бы создавали сверхдержаву так же эффективно, как это делали американцы.

В США во власти доминировали как раз политическая и экономическая элиты. Стоит отметить, что у проигравших войну Германии, Японии и Италии во власти доминировали военная и экономическая элиты. Это дополнительно подтверждает объективность представления социогенеза о том, что в индустриальную эпоху доминирование во власти любой социальной элиты снижает эффективность общества. Время доминирования социальных элит — архаичная и патриархальная эпохи.

VII. ЧЕТВЕРТЫЙ РИМ

46. «ХРУЩЕВСКАЯ ОТТЕПЕЛЬ»

Демократия — это отнюдь не «власть народа». В представлениях социогенеза демократия — это технология управления обществом, требующая для своего использования совпадение мировоззрения власти с мировоззрением большинства общества. Как следствие, власть проводит политику, с которой в принципиальных деталях согласно большинство граждан. В результате большинство членов общества чувствует себя комфортно.

Всеобщие выборы, свобода слова, независимость СМИ — это механизмы демократии, обеспечивающие более эффективное управление процессами формирования власти и выработки общих целей. Поэтому в своей деятельности власть пользуется дополнительным ресурсом — поддержкой общества.

При авторитарном уровне развития общественных отношений мировоззренческое единство власти и общества отсутствует — они придерживаются разных позиций. При таких отношениях нет «демократических свобод» — власть формируется механизмами корпоративного отбора и не нуждается в «обратной связи» с народом. По той простой причине, что из-за мировоззренческих расхождений во взглядах власть ни о чем не может с ним договариваться.

Тогда как системы управления текущей деятельностью общества могут быть более или менее централизованными. Децентрализованная система управления высвобождает инициативу и предприимчивость элиты, что обеспечивает ускоренное развитие, но она эффективна только в благоприятных для общества условиях — когда всего хватает и обществу ничто не угрожает, инициативы элиты не так рискованны.

В экстремальных условиях эффективна централизованная система — позволяет мобилизовать максимальное количество ресурсов. А так как любые проблемы решаются в первую очередь с помощью ресурсов, их мобилизация позволяет обществу справиться с экстремальной ситуацией. К тому же, в экстремальной ситуации у общества нет свободных ресурсов для экспериментов элиты.

Централизованная система управления хотя и шире применяется в авторитарных обществах, отнюдь не является исключительно их принадлежностью. Потому что в экстремальном состоянии может оказаться любое общество. Так, самая демократическая страна мира,

Великобритания, в первой половине 1940-х годов выглядела почти полным аналогом СССР — централизованное планирование производства, цензура, принудительный труд, карточное распределение. Война — экстремальные условия для общества. Вступив в мировую войну, Великобритания перешла на централизованную систему управления. И полностью вернулась к децентрализованной системе только к концу 40-х годов.

Дефицит ресурсов усиливает иррациональные мотивы в деятельности субъектов общества. В этих условиях децентрализованная система управления, рыночная, перестает быть эффективной. Механизмы рынка управляют только рациональными действиями своих субъектов. Поэтому если в какой-то сфере рыночной экономики возникает дефицит ресурсов, власть должна вводить централизованное управление. Что и объясняет факт существования в рыночных экономиках секторов, управление которыми осуществляется централизованно.

До начала 50-х годов общественные отношения в СССР носили безусловно авторитарный характер — коммунистической идеологии придерживалась меньшая часть населения страны. Но коммунизм постепенно распространялся в советском обществе, и общественные отношения со временем стали вполне демократическими — в 50-е годы коммунистических взглядов стала придерживаться большая часть общества. Однако демократическими отношения стали только по сути, но не по форме. Как следствие, перед властью встал вопрос налаживания механизмов демократии — без устранения противоречий между «содержанием» и «формой» невозможно эффективное управление обществом.

Попытка запустить процесс создания демократических механизмов получила название «хрущевская оттепель». В рамках новой политики власть начала понемногу поднимать уровень свободы в интеллектуальной сфере. Ведь свободы слова, независимости СМИ требуют в первую очередь субъекты этой сферы. Тогда как субъектов социальной сферы больше интересует справедливость. А ее уровень в СССР был очень высок.

Вторым препятствием на пути повышения эффективности советской власти был высокий уровень централизации управления. Хотя советское общество вышло из экстремального состояния, власть предпочитала сохранять централизованную систему управления. Этому имеется простое объяснение — доминировав-

шей во власти бюрократической элите централизованная система была удобнее и позволяла сохранять главенство — не давала возможности развиваться остальным элитам, в первую очередь — главным конкурентам бюрократов — интеллектуальным элитам.

Советская бюрократическая элита была выпестована Сталиным и организована в форме жесткой авторитарной структуры, возглавляемой вождем. Но из-за боязни потерять власть Сталин не вырастил себе преемника — сопоставимого с ним по силе и уму лидера. Поэтому после смерти вождя бюрократия не смогла найти ему достойного преемника и в начавшейся борьбе за власть проиграла интеллектуальным элитам — политической, экономической, научной и культурной. Эти элиты не только сумели сплотиться, но и использовали в качестве союзника военную элиту, у которой к бюрократам имелся большой «счет» за репрессии 1937—1939 годов.

Сталину приходилось мириться с усилением интеллектуальных элит: в 1920-е годы — экономической, в 1930-е годы — культурной, после войны — научной. Сталину нужны были только самые сильные интеллектуалы — лишь они могли успешно решать грандиозные задачи, которые он ставил. Сталин умел отбирать действительно лучших и давал им достаточно много воли. Как следствие, к началу 1950-х годов во власти советского общества накопилась «критическая масса» полноценных лидеров интеллектуальных элит, способных объединиться и вступить в борьбу за власть с бюрократией.

После смерти Сталина страну сначала возглавил Г. Маленков. Правоохранительная элита попыталась перехватить у бюрократии лидирующий статус в составе верховной власти, но Маленков быстро обезглавил конкурента — Л. Берия, лидер правоохранительной элиты, был арестован и расстрелян, после чего Маленков смог организовать тотальную чистку «органов» — верхушка была репрессирована, а все занимавшиеся «борьбой с внутренними врагами» кадры были уволены.

Новый лидер бюрократической элиты был не только самым сильным, но и самым интеллигентным членом ближайшего окружения Сталина. В частности, один из немногих в этом «круге власти» имел высшее образование и владел правильной русской речью. Возможно, поэтому Маленков смог понять, что обществу нужна кардинальная реорганизация, которую могут разработать только интеллектуалы.

Понесенные в войне жертвы и разрушения, появление атомного оружия поставили крест на планах военного продвижения мировой революции — требовалась новая стратегия. Ее мог сформулировать только новый лидер. Поэтому смерть «вождя всех народов» поставила на повестку дня в качестве главного вопроса смены стратегии. Именно для решения этой задачи Маленков резко усилил позиции во власти интеллектуальных элит, которые в качестве новой стратегии сформулировали переход к мирному соревнованию двух систем — социалистической и капиталистической, что и привело к «хрущевской оттепели». Соответственно, этот феномен правильнее назвать «маленковской оттепелью».

Почему же Маленков не смог удержаться на вершине власти и был заменен Н. Хрущевым? Судя по всему, интеллектуальные элиты, укрепившись в верховной власти, сочли неперспективным для себя союз с бюрократией и решили, что безопаснее, чтобы ее возглавлял гораздо менее сильный, а потому более безопасный для интеллектуалов лидер. Выбор пал на самого слабого — Н. Хрущева. В новой конструкции верховной власти ему была отведена роль формального руководителя страны — зиц-председателя.

Хрущев не получил бы статус главы власти ни в каком другом варианте — не только Маленков, но и большинство остальных представителей сталинского окружения были в сравнении с ним абсолютными тяжеловесами. Молотов, Каганович, Микоян, Булганин были намного более мощными фигурами. Именно опасаясь коллег, Маленков сделал Хрущева своей правой рукой, даже селил в расположенных по соседству с собственными особняках. Поэтому Хрущев был не только удобной для зиц-председательства фигурой — соблазнив его недостижимым в других обстоятельствах статусом, можно было нанести по Маленкову удар оттуда, откуда он не ждал, то есть осуществить дворцовый переворот, аналогичный тому, в ходе которого был свергнут Павел I.

В результате аппаратных разборок 1955—1957 годов во главе власти укрепились интеллектуальные элиты, тогда как бюрократическая и правоохранительная элиты постепенно были отодвинуты на периферию властной территории. Окончательная смена власти завершилась отправкой на периферию военной элиты. Хотя доминирование интеллектуальных элит не было абсолютным — социальные элиты сохранили достаточно сильные позиции в системе вла-

сти, пусть и преимущественно на вторых ролях.

«Хрущевская оттепель» — результат принятия советскими интеллектуалами двух принципиальных решений. Прогрессивные идеологи отказались от главной экстремистской составляющей коммунистического учения — тезиса о вооруженной борьбе с капитализмом. И был взят курс на мирную конкуренцию социалистической и капиталистической систем, в первую очередь, в экономической и культурной сферах. Фактически, это был возврат к стратегии политической элиты, которую она сформулировала в середине 1920-х годов и которую похоронили пришедшие к власти в 1927 году бюрократы и военные.

Началось сокращение армии. Для конкуренции в экономической сфере большая по масштабу армия была обузой, как и присутствие военных в составе верховной власти. Удалив с властного олимпа военных, интеллектуалы смогли резко сократить численность армии и снизить непроизводительную нагрузку на экономику. В свою очередь, военная реформа позволила начать конверсию части военной промышленности, что обеспечило быстрое увеличение производства товаров народного потребления. Было развернуто широкомасштабное жилищное строительство. Этому имеется понятное объяснение — конкурировать нужно было не только в цифрах объемов производства, но и, главное, в показателях уровня жизни.

Для конкуренции эффективнее децентрализованная система управления. Поэтому интеллектуалам удалось добиться принятия второго принципиального решения — о начале перехода на децентрализованную систему управления. В первую очередь, разумеется, в экономической сфере. Организация совнархозов стала началом движения в этом направлении. Одновременно был запущен процесс освобождения культурной сферы от жесткого бюрократического контроля.

47. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗИГЗАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Коммунизм стал первой воинственной материалистической идеологией, производной от социализма. Воинственность коммунизма — следствие использования его основоположниками ложного представления о том, что «мотором» развития является «борьба противоположностей», в коммунизме — борьба угнетенных классов с эксплуататорскими. И если социализм представляет собой «мирное учение справедливости», то коммунизм стал «воинствующим учением

справедливости».

При этом коммунизм отнюдь не был человеконенавистнической идеологией. По этой причине коммунизм нельзя ставить в один ряд с нацизмом — расистской мутацией социализма. Дело в том, что целью борьбы коммунизм объявлял монополию общества на средства производства, которые в руках буржуазии рассматривались в качестве орудия эксплуатации. Тогда как нацизм, объявляя «мотором развития» борьбу наций, ставил целью установление господства «избранной» арийской расы над всеми остальными народами и уничтожение «плохих» наций.

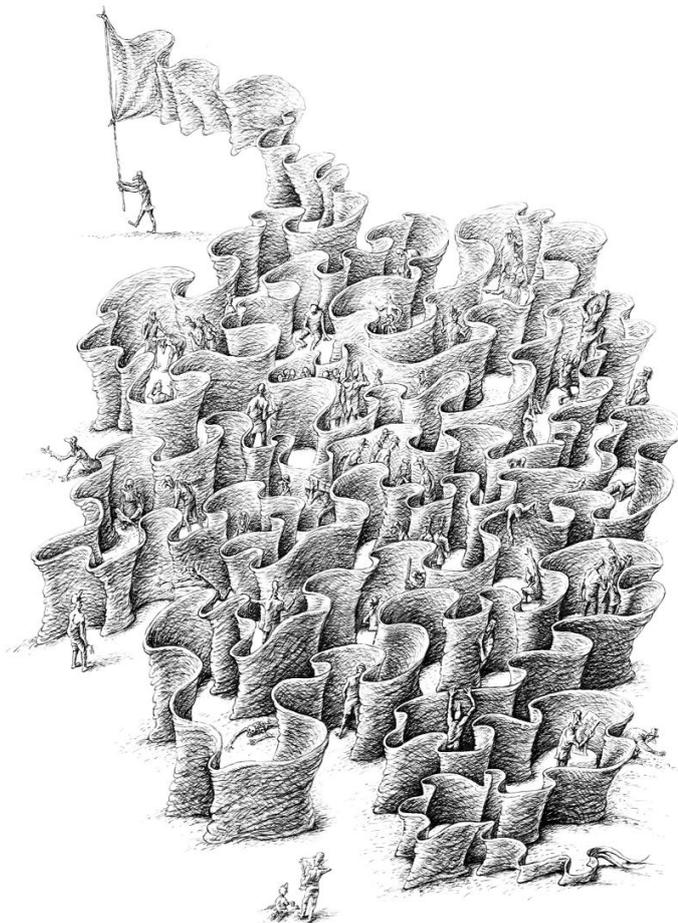
Топор может быть рабочим инструментом или орудием преступления. Идеология может быть руководством по созданию общества и управлению им или орудием политической борьбы и преступлений. Мирная идеология — это руководство. Военственная идеология — это орудие политической борьбы. Идеологическая мутация — это орудие преступления.

Марксизм-ленинизм как русская версия коммунизма сначала был, безусловно, орудием политической борьбы. Но после того как большевики пришли к власти и победили в Гражданской войне, они начали переводить марксизм-ленинизм на «мирные рельсы». В ленинской версии коммунизма идея насилия (в форме диктатуры пролетариата) не предусматривала физического уничтожения противника — только отстранение его от власти. А потому действовать диктатура пролетариата должна была только в период открытой борьбы за власть. В свою очередь, НЭП продемонстрировал, что даже в вопросах частной собственности на средства производства марксизм-ленинизм был достаточно гибким — допускал ее существование при условии отделения ее владельцев от власти.

Марксизм-ленинизм постепенно становился все более терпимым. Это был процесс взросления русской версии коммунизма — превращения ее во все более мирную, зрелую и ответственную «теорию справедливости». Опыт Югославии, в которой после Второй мировой войны был построен как раз ленинский социализм, наглядно демонстрирует, что марксизм-ленинизм был достаточно терпимым и допускать достаточно высокий уровень личных свобод.

В своих исходных представлениях марксизм-ленинизм полностью соответствовал практике политической борьбы в России в начале XX века. Стоит напомнить, что массовые убийства начала практиковать царская власть. 9 января 1905 года, расстреляв демон-

страцию, она развязала террор против собственного народа — эскалацией жестокости попыталась создать иллюзию своей силы. И веревку виселицы тоже не случайно стали называть именем царского премьера — «стольпинским галстуком».

Пришедшие после революции к власти правые демократы быстро свернули на протоптанную царизмом тропу — перешли к практике устрашения общества. И по той же причине, что и их предшественники, — осознав свою слабость, пытались запугать своих политических противников и поддерживавшую их часть общества. А затем, бесславно лишившись власти, развязали «белый террор» и начали Гражданскую войну. В ней планку жестокости противники поднимали уже совместными усилиями.

После окончания Гражданской войны большевики быстро снизили степень жестокости используемого в деле управления обществом насилия. И по понятной причине: жестокость — удел слабой власти. А большевики были сильной властью, и потому им незачем было устрашать общество. Тем более что в 1920-е годы 234

в СССР у большевиков просто не было серьезных политических противников.

К 1930-м годам второе Смутное время еще не закончилось, и нашему обществу пришлось пережить еще один рецидив властного беспредела — сталинские репрессии. У этого рецидива имелись вполне понятные причины. Во-первых, поднятая царизмом волна жестокости еще не исчерпала своей энергии. Во-вторых, в 1927 году к власти пришли те части советской элиты, которые в мясорубке Гражданской войны ожесточилась в наибольшей степени. Именно они составили костяк сталинской команды, считавшей, что врага нужно не просто побеждать, а обязательно уничтожать.

Прекрасно осознавая интеллектуальную слабость своей команды, Сталин решил компенсировать ее беспрецедентной жестокостью, то есть поступил так же, как до него, осознав свою слабость, поступали царская власть и правые демократы — с помощью жестокости создать иллюзию силы. Тем более что его соратники для удержания власти были готовы идти на все. А без организации тотального террора долго удержаться у власти Сталину просто не удалось бы — все «достижения» его команды стоили невероятно дорого. Да без террора и достижений никаких бы не было. Неслучайно уже на следующем XVII съезде Сталину удалось сохранить власть только благодаря махинациям при подсчете голосов.

В-третьих, для упрочения своей власти Сталин создал сталинизм — бесчеловечную мутацию коммунизма, использовавшуюся властью в качестве орудия преступлений. Сталин, безусловно, был марксистом, пусть и не очень сильным, но хорошо понимающим силу идеологического оружия, а потому не поленился создать подходящую для себя мутацию коммунизма. Создание именно мутации было вполне естественно — бюрократия является мутантом социальных элит, и создаваемая по ее заказу идеология не может иметь иного качества.

Мало того что эта мутация была ориентирована только на военную борьбу с капитализмом, Сталин ввел в нее еще и тезис о том, что по мере развития строящего коммунизм общества внутривластная борьба в нем со сторонниками капитализма непрерывно возрастает. Это положение сталинизма обосновало беспримерную жестокость власти. В результате сталинизм и нацизм оказались в одном ряду идеологи-

ческих извращений — оба не просто ставили целью получение власти избранной группой людей (партно-менклатурой или расой), но и обосновывали необходимость физического уничтожения противников и всех, кто их поддерживает.

«Хрущевская оттепель» представляла собой попытку власти вернуться к ленинской версии коммунизма. Но брежневский переворот эту попытку пресек. Вернувшаяся к власти бюрократия тоже понимала, что без идеологического обеспечения нормальным образом управлять обществом невозможно. Поэтому под руководством М. Сулова была создана очередная мутация коммунизма — «развитой социализм».

Если сталинское «учение» было бесчеловечной мутацией коммунизма, то суловская мутация имела иное качество — маразматическое. К середине 1960-х годов сталинская бюрократия уже явно вырождалась, как следствие — ей могла соответствовать только аналогичная по качеству мутация учения. Не случайно под знаменем этого «учения» всего за двадцать с небольшим лет сверхдержава с вершины своего могущества успела дойти до бесславного краха.

В итоге в истории СССР власть за 70 лет четырежды существенно меняла идеологическую ориентацию. При этом важно понимать, что как христианство создало великую русскую нацию, так и марксизм-ленинизм сделал нашу страну сверхдержавой. Хотя без сталинской мутации этот результат был бы достигнут без ужасающих жертв и гигантских затрат ресурсов. А без суловского «развитого социализма» СССР бы не развалился и сегодня по-прежнему был одним из двух полюсов мирового сообщества, и уровень благосостояния народа был бы не ниже, чем сегодня в развитых странах.

Любая идеология — это информационный продукт, существенной частью которого является этические нормы. А потому качество любой идеологии подчеркивает мораль и нравственность своих создателей. Так что бесчеловечность нацизма и сталинского коммунизма отражает морально-нравственные качества своих создателей — Гитлера и Сталина. Точно так же идеологии востребуются последователями — бесчеловечные собирают под своими знаменами морально-нравственных уродов. В условиях войны значительная часть элиты не только криминализуется, но и перестает ценить человеческую жизнь. Нацизм и сталинизм собрали вокруг своих вождей именно эту часть элиты. Точнее,

эти мутации объединили вокруг своих создателей элитные отбросы немецкого и советского обществ.

В свою очередь, мирные и даже воинственные идеологии создаются полноценными в морально-нравственном отношении людьми и востребуются такими же по качеству членами общества. Другое дело что идеологии непрерывно изменяются в ответ на изменение условий общественной среды. Так что марксизм-ленинизм, несмотря на воинственность, был достаточно гуманистической идеологией. И только в условиях Гражданской войны ожесточился — стал менее гуманным. Но затем начал смягчаться, избавился от иллюзий, наивности и стал более ответственным учением. И хотя история не знает сослагательного наклонения, жаль, что ленинский коммунизм недолго был руководством советского общества — только в период НЭПа и «хрущевской оттепели». При этом первый стал «золотым», а второй «серебряным» веком советской истории.

Эволюция прагматична — на нее работают и гении, и злодеи, и даже маразматики. Гении ускоряют развитие, злодеи — деградацию. Именно по этой причине злодеям часто сопутствует удача. В мироздании нет свободного пространства. И потому, чтобы появилось что-то новое, часть старого должна освободить ему место — разрушиться. Естественно, погибает самая несовершенная часть старого и находящаяся на месте, в котором появились условия для появления нового.

В такой ситуации эволюцией востребуются злодеи — они организуют ускоренное разрушение старого. Так нацизм обеспечил ускоренное разрушение остатков патриархального сознания, сохранявшегося у значительной части немецкого общества. Аналогичную роль сыграл для советского общества сталинский коммунизм — быстро покончил с патриархальными рудиментами в составе нашего общественного сознания. В результате советское и немецкое общество ускоренно закончили патриархальный этап своего развития. Поэтому больше ни немцы, ни мы ни при каких условиях не способны обрести патриарха — вождя, монарха, высшего авторитета. Точнее, в наших обществах эта роль уже никогда не достанется человеку — только мировоззренческому учению. Что, кстати, не поняли Хрущев и Брежнев.

Сусловский «развитой социализм» решил задачу ускоренной деградации коммунистического мировоззрения. Все-таки это была индустриальная идеология — не подходящая для условий наступающей информационной эпохи. Она смогла дать нашему обществу хотя

и небольшой по продолжительности, но важный положительный эффект — быстро разрушила романовскую империю и обеспечила советскому обществу импульсы движения в 1920-е и 1950—60-е годы. В результате по уровню развития наше общество догнало ушедшие к началу XX века вперед развитые страны.

Но к концу XX века для индустриальных идеологий пришел срок уступить роль мировоззренческого «мотора» развития новым идеологиям — постиндустриальным, или информационным. Поэтому закончилась эпоха лидерства не только коммунизма, но и социализма, либерализма, социал-демократии. И суловский «развитой социализм» обеспечил разрушение коммунистического мировоззрения в щадящем режиме — во сне застоя. Витог коммунизм покинул сознание нашего общества без крупномасштабных потрясений.

Призывы ультралибералов «осудить коммунизм» не встречают широкой поддержки в российском обществе по понятной причине — нельзя осудить «учение справедливости», пусть даже и воинственное. Если осудить коммунизм, то придется осудить и религиозное «учение справедливости» — христианство. Ведь в его истории кровавых страниц не меньше. Если коммунизм ставил целью силой установить в мире справедливый порядок, то чем он принципиально отличается от нынешнего американского неоконсерватизма, который ставит целью силой насадить во всем мире свободу и демократию?

Речь об осуждении может идти в отношении только человеконенавистнических мутаций мировоззренческих учений — как идеологических, так и религиозных. Что касается коммунистических мутаций, то к ним, безусловно, относятся сталинская, маоцзэдуновская, кампучийская. Социалистическими мутациями являются германский нацизм, итальянский фашизм, северокорейский и туркменский «идейные проекты» — «чучхе» и «рухнаме». Все перечисленные мутации, безусловно, представляют собой идеологические извращения. И не только из-за своей бесчеловечности. Эти мутации также являются агрессией бюрократии против интеллектуальной сферы общества — по сути, освящают войну со свободой.

Осуждение учения означает запрет на его распространение. И такого рода запреты, разумеется, нужны. Важно только, чтобы под них не попадали воинственные учения — ориентирующие своих последователей на борьбу. Потому что элементы воинственности

содержит в себе любое молодое учение — они помогают ему на первом этапе завоевать часть мировоззренческого пространства и укрепиться. Например, неоконсерватизм, как новая версия либерализма, содержит в себе явные признаки экстремизма.

Но как бы мутации ни были безобразны, они только орудия преступлений, а вовсе не самостоятельное зло, и должны, безусловно, запрещаться именно в качестве орудий преступления. Тогда как осуждаться должны все-таки их создатели и те, кто пользуется ими в борьбе за власть. Это значит, что российскому обществу нужно осудить Сталина и его «команду», а сталинский коммунизм квалифицировать как орудие преступления. То есть осудить групповое преступление персон советской власти в период с 1929 по 1953 годы — организаторов и исполнителей длившейся четверть века вакханалии насилия. Кроме Сталина и Берии участие в нем принимали все без исключения руководители советского государства, пусть и в разной степени.

Пока же получается, что все преступления этого периода списаны на некий «общий» коммунизм и десяток самых одиозных представителей сталинской «команды», тогда как ее подавляющая часть фактически избежала суда общества.

48. ЧЕТВЕРТОЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ЦАРСТВО

Начатые интеллектуалами в 50-е годы реформы вполне могли привести к тому, что к началу 70-х годов в стране сформировалась бы югославская модель коммунизма. Или нынешняя китайская модель. И вполне мог бы осуществиться переход к гораздо более демократическому способу формирования власти — основанному на свободных выборах, независимых СМИ и т. д. Пример Японии демонстрирует, что одна партия вполне способна сохранять доминирующее положение в обществе и при такой системе формирования власти, и при использовании рыночной системы управления. Ведь либеральные демократы уже шесть десятилетий без единого перерыва остаются правящей партией Японии.

Однако этот курс был отменен брежневским переворотом 1964 года. Бюрократы сумели объединиться с военной и правоохранительной элитами и отстранить от власти интеллектуалов. Заговорщики победили еще и потому, что их поддержала оппозиция в составе самих интеллектуальных элит. Во-первых, на

сторону заговорщиков перешли консервативные идеологи, несогласные со сменой борьбы с капитализмом на конкуренцию с ним. Во-вторых, к заговорщикам примкнула часть экономической элиты — той, которая управляла оборонной промышленностью. Она была недовольна политикой разоружения, так как последняя снижала ее вес и влияние в экономической сфере.

В 1965 году в нашей стране наступило четвертое по счету бюрократическое царство. Первое и второе существовали с 1825 по 1917 годы с перерывом на время царствования Александра II. Третье, сталинское, существовало с 1927 по 1955 годы. Четвертое, брежневское, существует до настоящего времени. При этом история этих царств, безусловно, представляет собой самые неудачные страницы в летописи нашего общества.

Бюрократы и военные не решились возобновить силовую борьбу с капиталистической системой — понимали ее очевидную бесперспективность, поэтому им ничего не оставалось, как продолжить конкуренцию с Западом. Но если интеллектуальные элиты начали конкурировать в экономической и культурной сферах деятельности, в которых они вполне могли добиться успеха, то военно-бюрократический союз выбрал гонку вооружений.

Отнюдь не США втянули брежневское руководство в соревнование, в котором мы ни при каких условиях не могли добиться успеха. Американцы только при Р. Рейгане начали использовать гонку вооружений в качестве способа ослабления СССР — на протяжении 1960—1970-х годов они лишь принимали симметричные ответные меры, обеспечивавшие им сохранение военного паритета. Гонку вооружений организовала брежневская власть — это было единственное поле конкуренции, на котором после 1965 года СССР мог что-то противопоставить капитализму.

Брежневская власть преследовала в первую очередь собственные интересы. Причем не столько во внешней, сколько во внутренней политике. Гонка вооружений представляла своего рода «отступные», которые полностью удовлетворяли интересы военных — позволяла плодить генеральские должности и проводить все более грандиозные учения. В обмен военные отказались от претензий на верховенство во властном союзе. Что полностью удовлетворяло интересы бюрократии. Ведь, по большому счету, ей было все равно, что де-

вать, — важно было оставаться главной во власти.

Смена поля конкуренции на мировой арене сыграла для судьбы сверхдержавы роковую роль — стала одной из главных причин ее крушения. По той простой причине, что гонка вооружений представляла собой мотовство — на ветер было выброшено невообразимое количество ресурсов, использование которых в мирной экономике позволило бы легко перегнать по уровню жизни страны Запада.

С появлением атомного оружия объективным критерием достаточной обороноспособности стала гарантия нанесения потенциальному противнику «неприемлемого ущерба». Любой агрессор нападает только в том случае, если полностью уверен, что понесенный им самим в ходе войны ущерб не будет превышать какой-то критической для него величины. Например, для США «неприемлемым ущербом» можно считать потерю миллиона человек или разрушение в ходе атомной бомбардировки хотя бы одного города-столицы штата.

Если бы советское руководство в своей военной политике руководствовалось критерием «неприемлемого ущерба», расходы на оборону были бы в десять раз меньше. По оценкам как наших, так и американских экспертов, в 60-е годы для создания угрозы нанесения «неприемлемого ущерба» было достаточно 200 атомных боезарядов. А мы заготовили их больше 10 000 штук.

Современное оружие безумно дорого. Вместо одной атомной подводной лодки можно было бы построить тысячу километров первоклассной автомагистрали или изготовить миллион легковых автомобилей. А таких лодок было построено больше двух с половиной сотен. Построили сопоставимое количество дизельных подлодок. В аналогичных масштабах тратились ресурсы на оснащение надводного флота, авиации, ракетных и сухопутных войск.

Но и это еще не все. Сопоставимое количество ресурсов тратилось на содержание социалистического лагеря и поддержку сателлитов по всему земному шару. Одного только оружия ежегодно фактически безвозмездно передавалось ориентирующимся на СССР развивающимся странам на сумму, эквивалентную стоимости трех атомных подводных лодок. Оказывалась разнообразная экономическая и гуманитарная помощь.

Если бы большая часть ресурсов, тратившихся на гонку вооружений и политическую благотворитель-

ность, были направлены в мирную экономику, уровень жизни к началу 1980-х годов был бы в 5—7 раз выше того, который удалось реально достичь. Именно на такой результат ориентировались доминировавшие во власти в начале 1960-х годов интеллектуальные элиты, когда обещали за двадцать лет «построить коммунизм». Был бы это настоящий «коммунизм» или нет, сказать трудно. Но вот «шведский социализм» построили бы точно. И по уровню жизни были бы на первом месте в мире. По крайней мере, пущенных на ветер бюрократами и военными ресурсом на это бы хватило. А интеллектуальные элиты использовали бы их минимум в три раза эффективнее.

Для сохранения доминирующего положения в структуре власти бюрократия начала ужесточать режим правления. Насилие или угроза его применения обязательно присутствует в деятельности власти, потому что далеко не все проживающие на подвластной обществу территории люди считают его институты и законы совершенными — отвечающими критериям свободы и справедливости.

Так, искренне верующий человек обязательно считает светское государство ложным — его учение описывает совсем другую модель организации общества и другое право. И среди инакомыслящих всегда есть экстремисты, готовые любыми средствами перестроить общество в соответствии со своими представлениями. Кроме того, в любом обществе имеются люди с криминальным сознанием, которые соблюдают законы только под угрозой насилия.

Но насилие власти может быть разным по качеству — адекватным или нет по масштабу и степени жестокости отношения к оппозиции. Чем слабее власть в физическом или интеллектуальном отношении,

тем использование ею насилия менее адекватно — или чрезмерно, или недостаточно.

В брежневскую эпоху насилие со стороны власти было несопоставимо меньшим в сравнении со сталинской эпохой. Тем не менее, оно тоже было неадекватным. В культурной сфере насилие было неадекватным по масштабу. В отношении диссидентов — неадекватным по масштабу и степени жестокости.

Реально власть вернулась к практике политических репрессий первых лет советской власти. Они начались во второй половине 1960-х в виде борьбы с диссидентством. Нужно сказать, что диссиденты вообще не являются реальной оппозицией власти — это инакомыслящие, существующие всегда и в любом обществе. При этом принципиальное отличие инакомыслия от оппозиционности заключается в вопросе власти — в отличие от оппозиционеров, диссиденты не борются за власть, поэтому воевать с ними с помощью репрессивных органов и бессмысленно, и опасно. Бессмысленно, потому что репрессиями инакомыслие не искореняется. Опасно, потому что такая борьба раздражает общество и разлагает карающие органы. Как всякая имитация борьбы.

После антибериевского переворота партия провела чистку «органов» — были уволены почти все «специалисты по внутренним врагам». В результате КГБ перестал быть карательным орудием и поставщиком рабсилы. Но так как механизм остался прежним, он начал искать себе «работу». В частности, взял на себя расследование особо опасных с точки зрения власти экономических преступлений. И, что было совсем лишнее, занялся поиском внутренних «идейных врагов».

Середина 1960-х годов — пик могущества СССР и максимальный уровень мировоззренческого единства власти и народа. Плюс полное отсутствие каких-либо признаков общественного кризиса, которым могли бы воспользоваться диссиденты для разложения общества. А потому власти и в голову не могло придти опасаться кучки инакомыслящих, не имевших никакой поддержки в народе.

Угрозу диссидентства раздуло КГБ в своих корпоративных интересах — возглавивший его «интеллектуал» Ю. Андропов организовал имитацию идеологической борьбы, которая повышала его собственный вес в структуре верховной власти. Поэтому накал и степень жестокости борьбы с диссидентами и близко не соответствовали уровню исходящей от них опасности. Большинство диссидентов исповедовало коммунистическую идеологию — их инакомыслие заключалось

в ином понимании постулатов учения. В итоге «охота на ведьм» запустила процесс разложения КГБ — начался он с очковтирательства, а закончился полным маразмом. Как следствие, когда в стране появилась реальная оппозиция (социал-демократическая и либеральная), органы оказались не способны ей противостоять.

Гонка вооружений успешно отвлекала общество от насущных проблем. Дело в том, что в остальных направлениях внутренней политики бюрократия занялась имитацией реформ. Реальные реформы она не могла осуществлять по определению — это не ее профиль, да и стратегической мотовство не оставляло ресурсов для полноценного реформирования. А гонка вооружений создавала у общества ощущение, что его возглавляет деятельная и даже молодецкая власть, по крайней мере, в действиях на международной арене. Эту же цель преследовали и прочие внешнеполитические инициативы Кремля.

Однако уже в начале 1970-х годов руководство

СССР осознало, что страна практически не способна конкурировать в гонке вооружений с США, и тем более с НАТО. Следствием этого стал переход от «соревнования с капитализмом» к политике «мирного сосуществования» с ним. По сути это был отказ брежневской команды от курса на какое бы то ни было развитие советского общества. И это логичный итог тотального господства обюрократившихся социальных элит. Их функция в обществе — обеспечение его устойчивости. А развитие — это неустойчивое состояние. Поэтому бюрократия и отказалась от него. Как верно было замечено в анекдоте — «стучали по рельсам», изображая движение вперед.

Когда имитация гонки вооружений и внешнеполитическая шумиха перестали производить на общество должное впечатление, советское руководство развязало войну с Афганистаном. Расчет был на то, что «маленькая победоносная война» произведет тонизирующее воздействие на советское общество, которое застой явно погружал в спячку. А это для власти опасно — в таком состоянии общество теряет управляемость и при пробуждении может не захотеть подчиняться существующей власти. Что и случилось в конце 80-х годов.

Однако «маленькой победоносной войны» не получилось — страна оказалась втянута в изнуряющую партизанскую войну, в которой, как показал вьетнамский опыт США, у СССР не было шансов побе-

дять. Тем более что американцы снабжали моджахедов всем необходимым для ведения боевых действий, включая наемников со всего Ближнего и Среднего Востока. Вместо «маленькой войны» с богом забытым Афганистаном СССР ввязался в долгую войну с США.

49. БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ОККУПАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ

В распоряжении власти имеются две главные технологии управления обществом – технология цели и технология врага. Технология цели предусматривает формулирование глобальных целей на достижение которых власть объединяет общество и направляет его деятельность. Технология врага предусматривает выявление врагов и объединяет общество на борьбу с ними.

Технология цели требует высокого уровня интеллекта власти. Потому что требует сформулировать реальную глобальную цель, изыскать ресурсы на ее достижение и организовать соответствующую деятельность. Тогда как технология врага особого ума не требует – нужно только уметь пугать общество.

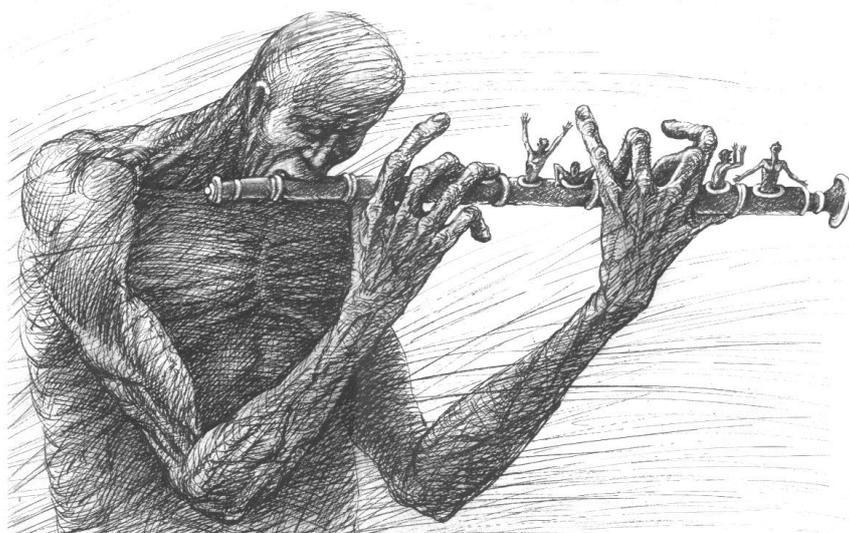
Понятно, что управление обществом по технологии цели по силам только интеллектуальным элитам. Тогда как бюрократам и военным по руке только технология врага. Так что если они и объявляют какие-то грандиозные цели, то дальше деклараций у них дело не идет.

Так что, вернувшись на вершину власти, бюрократы и военные перешли к управлению советским обществом по технологии врага. Тем более, что она позволяла военным получать на свои нужды львиную долю ресурсов советского общества.

Но это было не все ноу-хау брежневской бюрократии. Сталин все элиты, как социальные, так и интеллектуальные, перевел в положение прислуги бюрократии. Но при этом все элиты возглавлялись своими собственными авторитетами и лидерами. Так, научная элита возглавлялась авторитетными учеными, культурная — авторитетными деятелями культуры, и т. д. Причем действовала жесткая система отбора авторитетов и лидеров не только по лояльности, но и по качеству. Так что даже в положении прислуги элиты сохраняли свою эффективность.

Вернувшись к власти, бюрократы сменили тактику — вместо подчинения остальных элит перешли

к оккупации их сфер деятельности. После брежневского переворота начался процесс массового назначения бюрократов на руководящие должности в первую очередь в интеллектуальной сфере деятельности — они становились руководителями научных институтов, учреждений культуры, заводов и т. д. При необходимости бюрократы снабжались нужными атрибутами — степенями и званиями. За какие-то десять лет структуры власти всех сфер деятельности оказались оккупированы бюрократами.

Это ноу-хау Л. Брежнева должно было защитить власть бюрократии от посягательства других элит. Брежневский клан учел опыт 1956—1957 годов и решил полностью исключить даже потенциальную угрозу власти бюрократии. И застой стал естественным следствием такой политики. Бюрократия сама себя «кастрировала» — лишилась полноценных элит, как социальных, так и интеллектуальных. Общество оказалось без полноценного интеллектуального обеспечения.

Если в социальной сфере рокировка элит еще теоретически возможна, хотя и очень рискованна, то интеллектуальная сфера общества может быть эффективной только при наличии в ней качественных профильных элит. И замена бюрократом любого специалиста резко снижает эффективность деятельности сферы. Если же осуществляется поголовная замена власти бюрократами в любой интеллектуальной сфере, она автоматически погружается в застой. А если бюрократы оккупируют все сферы, в застой погружается все общество. Что и случилось в СССР к середине 1970-х годов.

Когда бюрократы выполняют функции политиков, предпринимателей, руководителей творческих организаций, это всегда заканчивается для общества пе-

чально — оно обязательно начинает отставать в развитии от своих конкурентов. Поэтому условием эффективной деятельности общества является не только качество элит, но и качество отношений между ними. Только развод элит по соответствующим сферам деятельности и партнерские отношения между ними обеспечивают благоприятные условия для развития. Потому что в этом случае в каждой сфере власть формируется из ее собственной элиты.

Бюрократы не только оккупировали интеллектуальную сферу, но и покровительствовали части творческих деятелей, которые стали коллаборационистами — интеллектуальной прислугой бюрократии. Так, «генералы» от культуры создавали иллюзию, что в культурной сфере доминирует полноценная творческая элита и принимает непосредственное участие в руководстве деятельностью культурной сферы.

В научной среде присвоение начальством творческих достижений подчиненных постепенно приобрело массовый характер, и в любом мало-мальски перспективном изобретении или значимой публикации всегда присутствовала толпа научного начальства. Становясь соавторами, бюрократы получали возможность защищать диссертации, обретать статус «видных ученых» и на «законном основании» занимать должности руководителей институтов. А к концу брежневской эпохи номенклатурные соавторы стали вообще выбрасывать истинных авторов изобретений или публиковать результаты только от своего имени.

Бюрократическая селекция со временем привела к тому, что коллаборационисты стали доминировать в культурной сфере. В научной сфере благодаря «институту соавторства» бюрократы оккупировали все мало-мальски значимые руководящие должности. Эти «творческие деятели» обеспечили деградацию общественных отношений в обеих сферах до деспотического уровня. Стоит заметить, что и первые, и вторые в российском обществе сохранили доминирующее положение во власти обеих сфер. Это и является основной причиной продолжения процесса их деградации.

VIII. ТРЕТЬЯ СМУТА

50. ГИБЕЛЬ СВЕРХДЕРЖАВЫ

Масштаб катастрофы и скорость ее развития зависят не только от мощности разрушающего действия, но и от складывающихся условий. И условия могут настолько содействовать катастрофе, что для нее будет достаточно небольшого толчка, особенно если одновременно будут иметь место несколько неблагоприятных условий. Что и случилось с СССР в 1991 году.

Направленное на разрушение СССР воздействие Запада хотя и имело место, тем не менее, было невелико по масштабам и само по себе не то что разрушить, даже поколебать советское общество не могло. Поэтому крушение сверхдержавы оказалось неожиданным не только для нас, но и для наших противников в «холодной войне».

СССР разрушился в результате совпадения по времени нескольких неблагоприятных факторов. Во-первых, советское общество погрузилось в мировоззренческий кризис, то есть потеряло ориентацию. Во-вторых, элитное сообщество возглавляли социальные элиты, в принципе не способные управлять страной в условиях мировоззренческого кризиса. В-третьих, верхний эшелон интеллектуальных элит деградировал до состояния вырождения, а потому просто не мог выполнять штурманские функции. В-четвертых, власть допустила ряд ошибок в определении своего стратегического курса, в первую очередь в выборе поля для конкуренции с Западом. В-пятых, сверхвысокая милитаризация бюджета усугубилась резким ухудшением конъюнктуры мировых рынков сырья, доходы с которых представляли собой существенную часть ресурсного обеспечения власти. Потребности в ресурсах на содержание сверхдержавы (союзников и военно-промышленного комплекса) оказались гораздо выше возможностей страны.

Эти неблагоприятные факторы были основными. Но кроме них был еще и пакет второстепенных неблагоприятных факторов — локальные катастрофы, деградация обеспечивающих властных структур, тактические ошибки субъектов верховной власти. Чернобыльская катастрофа и землетрясение в Спитаке, безусловно, внесли свой вклад в процесс стремительного крушения сверхдержавы.

Фальшивая борьба с диссидентами не только разложила органы госбезопасности, но и посеяла в обще-

ственном сознании сомнения в истинности коммунистического учения, подготовив почву для распространения в самой власти идей социал-демократии и либерализма. И как только советское общество начало погружаться в масштабный экономический кризис, во власти дружно взошли ростки сначала социал-демократического, а затем и либерального учений.

Силовые органы оказались бессильными препятствовать этим всходам в первую очередь потому, что умели искать «врагов» только в народе. А социал-демократия и либерализм начали распространяться в среде самой власти — именно там возникла оппозиция, которая в конечном итоге разрушила страну. Не случайно все «революционеры» конца 1980-х и начала 1990-х годов были сплошь представителями советской партийной и хозяйственной номенклатуры.

Так что КГБ боролся с крамолой не там, где она представляла опасность, а там, где чекистам было удобнее — комфортнее и безопаснее. Ведь общественное инакомыслие было полностью незащищено — «бей не хочу». Чего нельзя сказать о властных коридорах — они были достаточно защищены клановыми связями и потому весьма опасны для чекистов. В итоге имела место примитивная имитация идеологической борьбы — чекисты искали врагов, что называется, «под фонарем».

Имитация борьбы — это не тренинг органов госбезопасности, а профанация деятельности. И ее результат всегда один — деградация. Так что когда во второй половине 1980-х годов возникла реальная угроза существованию советского общества, органы оказались не в состоянии выполнить свои функции — помочь М. Горбачеву удержать страну от развала. Точнее, смогли организовать убогую «психическую атаку» — имитировали переворот, который только ускорил крушение советского общества.

В утрате доверия советского общества к бюрократической власти большую роль сыграли ясно наблюдаемая физическая деградация ее первых лиц и афганская война. Стагнация экономики, результаты которой почувствовали все слои общества, окончательно лишила власть авторитета. Недоверие к персонам власти естественным образом начало распространяться и на коммунистическую идеологию — в массовом сознании зарождались сомнения в истинности постулатов учения. Началось очередное, третье в нашей истории Смутное время.

«Кастрация» бюрократами интеллектуальной сферы лишила власть минимальной способности приспособли-

ваться к изменяющимся условиям. Так что единственное, что руководство страны смогло попытаться сделать после смерти Брежнева — ужесточить стиль руководства. Для бывшего начальника КГБ Ю. Андропова это был естественный способ восстановить управляемость общества. Со смертью Андропова эксперимент закончился.

Омоложенное после смерти «последнего старца» К. Черненко Политбюро осознало, что проблема в отторжении общественным сознанием коммунистической идеологии и сделало попытку перейти на альтернативное социал-демократическое учение. В чем и состояло «новое мышление» М. Горбачева. Однако и это власти не удалось. И по достаточно объективным причинам. Неудача с идейным обновлением постигла Горбачева в первую очередь потому, что он опирался на номенклатурных интеллектуалов. А они вместо реальной социал-демократической идеологии подсунули генсеку идейную «куклу» — «социализм с человеческим лицом».

Миф о «социализме с человеческим лицом» был той фальшивой идеей, которой КГБ отвлекло два поколения советских интеллектуалов от реальной борьбы за свободу. Любой общественный строй представляет собой результат воплощения властью какой-то идеологии. А потому человеческое или нечеловеческое «лицо» имеется только у создателя общества — его власти.

Идею «социализма с человеческим лицом» двигало в общественное сознание поколение интеллектуалов, которое принято называть «шестидесятниками». Это были «подснежники» хрущевской оттепели — первое с 1920-х годов поколение советских интеллектуалов, подвергнувшее сомнению сначала сталинскую, а затем и суловскую мутации коммунистической идеологии. Однако эти сомнения не оказали особого влияния на развитие советского общества в 1960—1970-е годы.

Причина была в том, что КГБ изначально сформировал в составе этой идейной оппозиции достаточно большую группу своих агентов влияния. В результате «шестидесятники» быстро превратились в номенклатурных диссидентов. Им разрешалось поклевывать власть. Чтобы все было «по-честному», власти в ответ разрешалось немножко тиранить «оппозицию» — заставлять по десять раз сдавать спектакли, поругивать в печати, ограничивать в комфорте и т. п. Если кто-то из «шестидесятников» не выдерживал даже символической порки и переходил рамки дозволенного, его высылали за границу. В отличие от настоящих диссиден-

тов, которых сажали в психушки и лагеря.

Тем не менее, КГБ вполне успешно создавал иллюзию революционности номенклатурных диссидентов. А сами они выглядели чуть ли не декабристами XX века. В результате оппозиционный настрой интеллектуальной части общества уходил в кухонные дискуссии о формулируемых лидерами «шестидесятников» фальшивых идеях, главной из которых как раз и была идея «социализма с человеческим лицом».²²

Увы, Горбачев пытался внедрить не реальную социал-демократическую идеологию, а ее кое-как слепленный муляж. Причем муляж не был снабжен полноценными доказательствами своей истинности. А потому он не смог покорить общественное сознание. В итоге перестройка никак не способствовала преодолению мировоззренческого кризиса — лишь перевела его течение из латентной в открытую стадию.

Как общественное явление, открытая стадия мировоззренческого кризиса наблюдается в виде выхода народа из повиновения власти. И такое случается, если власть настолько ослабевает, что утрачивает возможность управлять развивающимися в обществе процессами. Поэтому когда страна попадает в экстремальную ситуацию, власть оказывается неспособна предотвратить развитие неуправляемых процессов — общество начинает деградировать. В 1905 и 1917 годах такими экстремальными ситуациями стали войны — Русско-японская и Первая мировая, приведшие царизм сначала к частичному, а затем к окончательному политическому банкротству.

В 1991 году советское общество ввергло в экстремальную ситуацию экономическое банкротство. Тогда цена нефти упала с достигнутого в 1990 году уровня сорока долларов за баррель до десяти. Экспортная подпитка бюджета иссякла, и власть лишилась экономических рычагов управления страной. Обществом-банкротом способна руководить только диктатура, поэтому ГКЧП был неудачной попыткой сохранить управляемость страны. Однако власть оказалась слишком слабой для диктаторского амплуа, и сверхдержава рухнула.

Экономическая причина разрушения общества достаточно часто встречается в истории. Стоит напомнить, что Новгородско-Киевская Русь развалилась

²² «Шестидесятников» по человечески жаль — они искренне верили в то, что говорили. Поэтому их не стоит осуждать. По сути, они интеллектуальные жертвы КГБ

после того, как лишилась одного из двух главных источников ресурсов — доходов от торгового пути «из варяг в греки». В 1991 году все произошло строго по сценарию XIII века — потеряв экспортные доходы, Москва перестала быть полноценным сюзереном.

При этом, как процесс разрушения Новгородско-Киевской Руси был запущен распрей между «столичными» юго-западными и «провинциальными» северо-восточными Рюриковичами, точно так же процесс распада СССР начался с борьбы между союзным и российским этажами власти. Б. Ельцин, будучи изгнан горбачевской командой с этажа союзной власти, смог организовать оппозицию, которая пришла к власти в РСФСР. И уже используя российский парламент в качестве политической базы, Ельцин развернул наступление на союзный этаж власти.

После провала ГКЧП оппозиция стала сильнее союзного руководства страны. Однако ельцинская команда не решилась захватывать союзную власть — понимала, что может не справиться с управлением сверхдержавой, и посчитала более безопасным для себя просто разрушить СССР — удовлетвориться захватом РСФСР. Что и было осуществлено в Беловежской Пуще — СССР был упразднен. Союзный этаж власти был просто ликвидирован.

51. МЫ СНОВА ПЕРВЫЕ

Деградация бюрократической власти, афганская война, ошибки «перестройки», экономический кризис конца 1980-х годов, ГКЧП стали лишь дополнительными факторами, обеспечившими ускоренное разрушение советского общества. Тогда как главной причиной стал мировоззренческий кризис — разочарование нашего народа в коммунистической идеологии. И так как все общественные институты представляют собой материализованные представления идеологии, то в результате все они в общественном сознании утратили свою легитимность. Точнее, стали восприниматься в качестве дефектных сооружений. Как следствие, народ не стал защищать союзную власть, когда после провала ГКЧП она была контратакована ельцинской оппозицией.

Не менее важным результатом безнадежного устаревания коммунизма стало снижение его эффективности в качестве объединяющего начала общества и лоции власти. Однако наш народ разочаровался в коммунизме отнюдь не в результате впадения брежневской

власти в маразм. Общественное сознание не путает власть с идеологией — прекрасно понимает, что идеология бывает истинной или ложной, а власть — умной или глупой.

Наш мировоззренческий кризис был лишь советской частью глобального мировоззренческого кризиса всех индустриальных идеологий. К концу XX века развитые страны начали переход с индустриального на информационный уровень развития. Поэтому устарел не только коммунизм, но и остальные индустриальные идеологии — все версии социализма, либерализма, социал-демократии.

По сути, мы просто первыми из развитых стран достигли открытой стадии глобального мировоззренческого кризиса. Разумеется, свою роль сыграло и то, что «развитой социализм» был самой отсталой индустриальной идеологией. К тому же СССР оказался в тяжелом экономическом положении, тогда как остальные развитые страны пока не испытывают серьезного экономического напряжения. Хотя оно становится все более заметным — растут все виды долгов, и власти все труднее выполнять социальные обязательства. Как следствие, во всех развитых странах начался процесс урезания социальных программ.

Так что развитые страны тоже погружаются в глобальный мировоззренческий кризис, пусть пока и пребывают в его латентной стадии. Они пока не хотят признавать эти факты, а тем более признавать, что в этом деле они всего лишь на какое-то время отстают от нас. Только отдельные интеллектуалы пыта-

ются обратить внимание своих обществ на признаки того, что имеет место как раз глобальный мировоззренческий кризис. Но делают это очень осторожно. Даже название для кризиса придумали достаточно отвлеченное — «кризис христианской цивилизации».

Дело в том, что доминирующие в развитых странах версии социалистического, либерального и социал-демократического учений пока еще обеспечивают обществу сознанию достаточный уровень духовного комфорта. В свою очередь, созданная Западом «мировая экономическая система» исправно выкачивает ресурсы третьего мира и тем обеспечивает развитым странам материальное благополучие. Как следствие, они пока не осознают потребность в новых идеологиях.

Да и исторический опыт свидетельствует — новые мировоззренческие представления никогда не рождаются в сытых и благополучных обществах. От добра, как известно, добра не ищут. Если же нет солидного спроса, не появятся и серьезные предложения. Тем более что мировоззренческий поиск — это для общества самое рискованное из всех известных предприятий. Но из мировоззренческого кризиса иначе не выбраться — его суть как раз и состоит в устаревании существующих представлений.

Формулировать и внедрять новые мировоззренческие представления можно только в условиях, когда нечего заимствовать — у других тоже нет ничего нового. История свидетельствует, что новые мировоззренческие представления появляются в развитых, но при этом находящихся в бедственном состоянии странах.

Из развитых стран в таком положении сегодня находится только Россия. А потому у нас есть реальный шанс осуществить мировоззренческую революцию. До сих пор нам удавалось выходить из мировоззренческих кризисов, пользуясь, пусть и в разной степени, «чужим умом». Теперь нам самим нужно искать выход — больше не удастся усилиться чужими достижениями. Их просто не существует. А потому остается только самим их создавать. И мы вполне подготовлены к решению этой задачи.

Индустриальные идеологии перестали обеспечивать ускоренное развитие человечества, потому что устарела их концептуальная основа — материализм. И для создания идеологий информационного общест-

ва требуется принципиально новая концептуальная основа. Именно появление материалистической концепции инициировало в XVIII веке процесс создания индустриальных идеологий. Потому что и тогда, и сейчас кризис имеет ту же причину — устарелость концептуальной основы доминирующих учений. К XVIII веку устарела библейская концепция мироздания, сегодня — материалистическая.

Мы безусловно разочаровались в коммунизме. Но и другие индустриальные идеологии не смогли покорить российское общественное сознание. Такому мировоззренческому нигилизму имеется вполне понятное объяснение — наш народ интуитивно осознал устарелость индустриальных доктрин. По сути, мы уже переросли все индустриальные учения. А других сегодня в мире просто не существует. Так что для выхода из мировоззренческого кризиса нам самим нужно создавать принципиально новую идеологию — соответствующую условиям информационного общества.

Постигшие нас сегодня беды дают нам шанс самим создать передовое учение. Мало того, ситуация просто отказывает нам в выборе — мы или сами создадим нужную пока только нам более совершенную идеологию и первыми найдем выход из мировоззренческого кризиса, или уйдем в небытие — сначала в качестве великой нации, а затем и самостоятельного государства.

Наш народ никогда не был глупым, иначе бы не считался великой нацией. Сегодня он просто ослеп — потерял ориентацию в окружающем мире. Но нам пока вполне по силам решить задачу обретения нового зрения. И потому, что обладаем интеллектом, необходимым для решения задач такого уровня сложности, и потому, что имеем достаточный опыт мировоззренческого поиска, и потому, что у нас просто нет другого выхода.

По сути, сегодня для нас наступил, пусть и наблюдаемый в виде идеологической «ломки», момент исторической истины. Будем ли мы и дальше, в надежде выехать на чужом уме, заниматься обезьяньим копированием устаревших идеологий или на полную мощь включим свой талант и сможем решить эту самую сложную из всех известных человечеству задач и получим шанс первыми подняться на новый уровень общественного развития?

Авторы проверили реальность осуществления мировоззренческого прорыва. За несколько лет нами

разработаны принципиально новые мировоззренческие представления — альтернативная материалистической энергетическая концепция мироздания и модель целенаправленного эволюционного процесса. В качестве производных от них сформулированы новые представления о сути общественных отношений и направленности процесса общественного развития.

Разумеется, наши разработки пока достаточно эскизны. Тем не менее, они позволили создать первую идеологию информационного общества, названную «философией свободы и справедливости». В итоге наш проект решил, как нам представляется, главную задачу — продемонстрировал реальность успешного осуществления мировоззренческого поиска и то, что для него имеются все необходимые условия.

52. НЕДОЛГАЯ ЖИЗНЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Развал СССР представляет собой естественный результат мировоззренческого кризиса – самого политически сейсмоопасного. СССР развалился точно так же, как в 1917 году развалилась Российская империя. Различаются не сами катастрофы, а их последствия. В 1917 году на месте старого общества было создано принципиально другое общественное образование – соответствующее индустриальному уровню развития. Тогда как после 1991 года новая власть создала из обломков рухнувшего бюрократического царства его уменьшенную и упрощенную копию. Пусть и надстроенную рыночными джунглями и диковатой демократией.

В 1917 году к власти в России пришла политическая элита. В 1991 году к власти пришла лишь более молодая бюрократия – выходцы из «золотой молодежи» советской партийно-хозяйственной номенклатуры. В качестве «идейного платья» эти мажоры выбрали либерализм – чтобы выглядеть идейными борцами за свободу и демократию. Именно эта «молодая гвардия» сделала ставку на Ельцина и сформировала его политическую опору. При этом молодые бюрократы ставили целью всего лишь убрать из власти стариков, которые, по их мнению, в ней засиделись.

Придя к власти, «либеральные бюрократы» за несколько месяцев разрушили советское общество. Из-за своей малограмотности в вопросах общественного устройства они не ведали, что творят, и потому сыграли роль классических исторических злодеев. Цена, которую пришлось заплатить народу, не только оказа-

лась чрезмерной, но и была заплачена совершенно напрасно – в стране сохранилось то же самое бюрократическое царство. Только теперь оно возглавлялось идейно «отмороженной» молодой бюрократией – беспринципной, а потому паразитической.²³

Либеральный переворот перевел общество не на следующий уровень развития, а на следующую ступень деградации, по тяжести сравнимую с апогеем первой Смуты – временем Лжедмитриев.

Стоимость разрушенного «младореформаторами» советского государства по некоторым оценкам в 400 раз превышает стоимость награбленного в результате приватизации общественного экономического имущества. Государство – это материализованная информация. Институты и право государства индустриального уровня развития – результат гигантских вложений интеллектуального труда. А наши «либералы» примитивно разорили и разграбили это государство – растащили мебель и инвентарь, а здание сожгли.

Е. Гайдар всегда говорил, что его команда спасла страну от голода и полного распада. Мол, даже валютные

²³ События 1991 года могут условно называться революцией только в случае добавления слова «мажоров». То есть, «революции мажоров». Первому поколению советской золотой молодежи (мажорам) вполне хватало номенклатурных благ, получаемых родителями. Поэтому первая буза мажоров пришла на «хрущевскую оттепель» – второму поколению золотой молодежи захотелось большей личной свободы. Протест принял форму движения стилияг, предпочтения импорта в культуре и одежде. Вторая буза имела основным движущим мотивом зависть и, как следствие, желание пожить так же «роскошно и вкусно», как живет детям элиты на Западе. Эти мажоры ездили по командировкам и понюхали буржуазную жизнь с ее товарным изобилием и высоким уровнем личной свободы. Не случайно мажоры 80-х до сих пор начинают ругать СССР с воспоминаний о дефиците и очередях.

резервы составляли только несколько десятком миллионов долларов. Так что их команду позвали во власть, потому что никто не хотел брать на себя ответственность за эти ожидавшиеся катастрофы. Вроде политических камикадзе. И команда справилась – спасла страну от голода и полного распада.

Но эти его объяснения не выдерживают критики. Хотя бы потому, что у остальных четырнадцати республик ситуация была гораздо хуже. У них валютных резервов не было вообще. Плюс не было независимой системы снабжения – она вся была построена под московское распределение товарных потоков. Так что им пришлось с нуля создавать систему снабжения, находить поставщиков, организовывать всю логистику. Вот это действительно было достижением. При том, что параллельно республикам требовалось решать аналогичную задачу по обеспечению энергоносителями, источники которых тоже остались в России. Однако не слышно, чтобы в республиках тех, кто эти задачи решил, считали спасителями. Власть просто выполняла свои обязанности. Где лучше, где хуже.

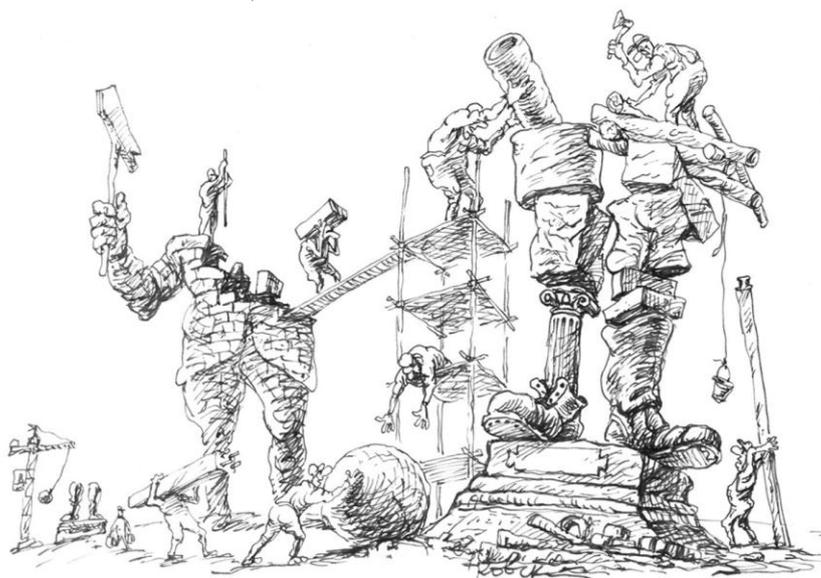
Даже развал СССР был инициирован гайдаровской командой в первую очередь для того, чтобы облегчить себе управление страной. Во-первых, она стала меньше. Во-вторых, возростала ресурсная база. Потому что РСФСР была донором для остальных республик (кроме Азербайджана). Так что, избавляясь от них, Россия избавлялась от обязанностей содержать их за счет собственных ресурсов.

Более вероятно выглядит версия, что гайдаровскую команду призвали во власть для организации первичного накопления капитала. Советская элита придерживалась марксистского представления, что капитализм можно быстро построить только организовав первичное накопление. Причем, как и положено по марксистской теории, бандитским путем – разграблением и обворовыванием. Именно задача организации такого накопления реально была поставлена перед младореформаторами. И именно ее они решали. И именно по марксистки – разграблением и обворовыванием. Как сформулировал суть гайдаровских реформ достаточно независимый историк М. Гефтер: «Слияние власти и собственности навсегда.»

В 1991 году молодые бюрократы «отправили в трюм» российского общества силовиков – понимали, что двух паразитов страна не прокормит. Но 90-е годы только выглядят эпохой союза хозяйственной и экономической элит при доминировании последней. На самом деле ничего подобного не было – в роли новой экономической элиты выступали все те же бюро-

краты, которые в процессе приватизации растащили общественное хозяйство.

По сути, приватизация просто разделила победителей на две группы – одной досталась государственное пепелище, другая получила наиболее ценные экономические активы. И достаточно скоро у обеих групп бюрократии сформировались разные представления о целях, на которые должна ориентироваться власть. Что стало причиной раздора внутри бюрократического сообщества.

Начиная с 1993 года хозяйственная бюрократия начала восстанавливать бюрократическое царство. Экономическую бюрократию после завершения приватизации интересовали только вывоз за границу доходов и перспективы продажи существенной части приватизированных активов западным инвесторам. Таким способом она хотела, во-первых, войти в мировую экономическую элиту, во-вторых, защитить свои капиталы от покушений на них власти.

Хозяйственной бюрократии нужно было, чтобы деньги оставались в стране, а активы принадлежали российским резидентам. Первое укрепляло бы режим, а второе давало бы полную власть над крупным бизнесом. Естественно, что экономической бюрократии не нужно было ни первое, ни, тем более, второе. В результате хозяйственная бюрократия естественным образом начала заражаться национализмом, а экономическая – космополитизмом. И так как обе группы кормились на одной территории, России, конфликт между ними был неизбежен.

В одиночку противостоять сформировавшимся олигархическим командам хозяйственная группа бю-

рокрации не могла – не имела необходимых для этого интеллектуальных и финансовых ресурсов. Но быстро поняла, что проблему может решить антиолигархический союз с правоохранительной элитой. Хозяева потеснились и допустили на властный олимп силовиков. Устроенный в 1998 году либеральными рулевыми экономики дефолт дал хозяйственной бюрократии повод перейти в скрытое наступление на позиции олигархов во власти – начать заменять их представителей силовиками. Поэтому после 1998 года бюрократическое царство начало трансформироваться в полицейско-бюрократическое.

Последнее не столько убого, сколько более опасно – правоохранительная элита из «боцмана» в составе власти, кем она, по сути, была в советском бюрократическом царстве, в новом царстве получила статус «штурмана». И хотя с этим штурманом мы еще не плавали, куда он направит общественный корабль, догадаться нетрудно. Как и нетрудно понять, как именно он будет его модернизировать.

К слову заметить, авторы, отнюдь не являются ненавистниками хозяйственников или силовиков. Потому что общество просто не может существовать без профессиональных и добросовестных представителей хозяйственной и правоохранительной элит. Но при этом не нужно забывать, что когда эти элиты монополизируют власть, их субъекты быстро превращаются в бюрократов и жандармов. И формируют уже совсем другой по качеству властный пейзаж.

Авторы даже допускают мысль, что одна из этих элит в некоторых ситуациях даже может быть неплохим «капитаном» общества. Проблема в том, что эти элиты никогда и ни при каких условиях не способны выполнять роль его «штурмана». Это по силам (точнее, по способностям) только интеллектуальным элитам.

В 2003 году хозяйственники и силовики развернули открытое наступление на олигархические группы. Схватка закончилась победой союзников – они продемонстрировали свое превосходство в силе, единстве и умении воевать. В результате экономическая бюрократия капитулировала – олигархи признали свою безусловную подчиненность победителям.

Так как в борьбе за власть ключевое значение имеет не только административные, но и финансовые ресурсы, союзники взяли курс на увеличение подконтрольного себе сектора экономики. Сначала в разы

увеличили долю государственного сектора в нефтяной отрасли. Затем начали расширять свое влияние в других прибыльных или просто важных отраслях.

Параллельно союзники занялись модернизацией созданной в стране демократической системы управления. Она в 90-е годы хоть и была диковатой, тем не менее, худо-бедно работала. А после 2000 года стала ускоренно превращаться в бутафорскую демократию. Или теневою авторитарию, в которой политическим партиям отведена декоративная роль – имитировать публичный политический процесс. Тогда как реальными субъектами политики являются пребывающие в тени бюрократические кланы и кланчики.

По сути, проводимые в последние годы политические реформы, во-первых, имели целью создать политическую систему, в которой нельзя было бы сменить власть и, соответственно, разрушить ее клановую организацию. Во-вторых, решалась задача перейти на «гибкое» право. Так как клановая власть в своей деятельности руководствуется не законами, а межклановыми соглашениями, ей требуется право, позволяю-

щее использовать законы в управлении народом и игнорировать их в своей «внутренней» деятельности.

Так бандитский капитализм начала 90-х годов сначала превратился в олигархический, а затем в клановый. На чем и закончилось развитие капитализма в России. А сложившаяся в стране клановая организация власти – это не «зло», а естественный результат отсутствия полноценной основы общественной консолидации.

Власти, как и любому объединению людей, требуется общность, являющаяся естественной основой любого объединения. Общее мировоззрение и общие цели – два наиболее эффективных вида общности. Потому что не только консолидируют власть, но и объединяют вокруг нее общество.

Разочарование народа в коммунистической версии социализма и неудачи с внедрением в общественное сознание социал-демократической и либеральной идеологий привели к тому, что российское общество осталось без полноценного мировоззренческого обеспечения. При отсутствии в обществе доминирующего мировоззренческого учения и общих целей власть объединяется на основе иных видов общности – родственной, корпоративной, земляческой, сексуальной и пр. Эти общности неполноценны, потому что не обеспечивают объединения вокруг власти остального общества. Как следствие, основанная на такой общности власть быстро превращается в паразита, существующего за счет общественных ресурсов. Или в злокачественную опухоль в теле общественного организма.

Через пятнадцать лет строительства «новой России» страна пришла к версии бюрократического царства, внешне напоминающей югославскую – с вождем, правящей партией, всесилием правоохранительных органов, относительной экономической свободой для малого и среднего бизнеса, бутафорской демократией. А потому исключительно велика возможность того, что 1991 год был только повторением 1905 года и у страны впереди новый 1917 год.

С 1905 по 1917 годы царская власть методично урезала предоставленные манифестом свободы. Не правда ли – полный аналог того, что происходило в политической жизни страны на протяжении последних пятнадцати лет. Остается надеяться на известное наблюдение, что «история повторяется дважды – в первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса». И новый 1917 год окажется фарсом в сравнении с предыдущим – в своем апогее Смутное время не станет «кровавым».

Тем не менее, 90-е годы только выглядят беспреде-

лом – политическим, экономическим и социальным. И нынешняя власть широко использует образ «дикого поля», в которое тогда превратилась страна – страшает общество угрозой возвращения в лихие 90-е. Мол, это было время властвования подонков и проходимцев. Как будто нынешняя власть в 2000 году прилетела к нам с Марса.

«Беспредел 90-х» представлял собой родовые муки нашего народа. А роды – это всегда страдания. И новорожденные всегда и везде выглядят одинаково – не симпатично или даже страшновато.

Увы, младенец гражданского общества был удушен союзниками в колыбели. Естественно, «ради блага народа», которое должны обеспечить стабильность общества и авторитарность власти. Хотя, на самом деле, он был убит потому что представлял собой главную и при этом реальную угрозу бюрократическому царству – обязательно вырос бы в демократического Давида, который смог бы уничтожить Голиафа – бюрократическое царство.

53. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ

Когда власть была захвачена, а СССР разрушен, перед руководством России встал вопрос – на какой идейной основе строить новую российскую государственность? «Коней на переправе не меняют», поэтому выбор был сделан в пользу либерализма – он стал официальной идеологией новой власти. Таким образом, можно считать, что в 1991 году в стране произошел либеральный переворот.

Российский либерализм по своему качеству был такой же идейной «куклой», что и «социализм с человеческим лицом», – имел мало общего с реальным либеральным учением. Только сходные лозунги. Точнее, российский либерализм представлял собой попытку синтеза его «основоположниками» усвоенных в молодости догматов марксизма с литературными описаниями либеральных представлений и идей, популярных в первой половине XIX века. Дело в том, что никто из лидеров российских либералов никогда не жил в либеральном обществе и не работал в рыночной экономике. А потому все их представления о либерализме носили полностью фольклорный характер – были сборником баек и стереотипов антикоммунистической пропаганды.

Так что вовсе не случайно в результате проведенных в 1992—1993 годах реформ в стране был создан

либеральный Диснейленд – в общественных институтах и праве был воплощен мировой либеральный фольклор. О «невидимой руке рынка», «государстве – ночном стороже» и т. п. Этот Диснейленд просуществовал чуть больше года – уже в 1993 году либеральные реформы были свернуты. И началось преобразование либерального «Беловодья» в работоспособное общественное образование. И так как эту работу выполняли сами бюрократы, они воспроизводили то, что знали – бюрократическое царство. Точнее, рыночно-демократическую версию советского бюрократического царства.

Реальные политические и экономические свободы наше общество обрело в результате горбачевских реформ – еще в конце 80-х годов. Тогда как либеральные реформы лишь довели полученную обществом свободу до беспредела. Как итог, процесс деградации советской власти перешел в процесс одичания ее российской наследницы. Следом за властью стало дичать и остальное общество.

Беспредел – свобода, лишённая ограничений справедливости. Как аналогично рабство – справедливость без свободы. Свобода и справедливость, как две

главные человеческие ценности, являются противоположностями, сосуществующими в общем пространстве организации. Поэтому проход между Сциллой рабства и Харибдой беспредела – баланс между свободой и справедливостью. А любое его нарушение – уход в рабство или в беспредел.

Так в СССР баланс между ценностями был заметно смещен в сторону справедливости. Как следствие, страна во многом напоминала рабовладельческую плантацию. Младореформаторы своими действиями кардинально поменяли знак баланса – из-за катастрофического снижения уровня справедливости в стране наступил беспредел. А потому не стоит удивляться, что российский либерализм не получил широкого распространения – его халтурность была быстро осознана обществом.

«Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Сама власть поставила крест на либерализме еще в 1993 году. И в следующие несколько лет либеральными лозунгами и заклинаниями только декорировала или камуфлировала свои цели. Но к концу 90-х российский либерализм окончательно перестал быть нужен власти. Во-первых, потому что выполнил свою функцию – «осветил» растаскивание по клановым подворьям общественного хозяйства. Во-вторых, потому что не имел ни малейших перспектив покорить общественное сознание – олицетворял лихие 90-е годы. В-третьих, потому что сами либералы оставили попытки доработать свое творение до состояния полноценной идеологии.

Спустя несколько лет власть осознала, что без качественного идеологического обеспечения эффективно управлять обществом невозможно в принципе. И ориентировочно в 2004 году была вынуждена отправиться в новый мировоззренческий поиск – поставила перед придворными интеллектуалами задачу создать подходящую для власти и страны и при этом работоспособную идеологию.

Так как сама власть далека от мировоззренческого единства, сегодня в Кремле параллельно разрабатываются два конкурирующих продукта. Первый, получивший название «идеологии суверенной демократии», отражает мировоззренческие представления той части власти, которую можно назвать «просвещенной бюрократией». Этот проект по сути представляет собой приспособленную к российским реалиям и интеллектуальному уровню отечественной бюрократии версию социал-демократической идеологии.

«Идеология суверенной демократии» ориентирована на достаточно спокойный способ существования общества – комфортный для бюрократии и терпимый для народа. Разумеется, на словах идеология обещает ускоренное развитие страны. Но так как роль «руководящей и направляющей силы» закрепляется за бюрократией и силовиками, это вряд ли получится. Тем не менее, при благоприятной конъюнктуре внешних рынков эта идеология способна обеспечить стране «бабье лето» – погожие деньки перед холодами очередного застоя.

Однако, как представляется, толку от «идеологии суверенной демократии» будет мало. Дело в том, что любая идеология выполняет свою объединяющую и ориентирующую функции только в том случае, если она достаточно широко внедрена в общественное сознание. Так что создать идеологию – решить только сотую часть задачи. А шансов на то, что «суверенная демократия» увлечет наш народ, крайне мало. По той простой причине, что она создается специалистами той же школы, которая в свое время разрабатывала «развитой социализм» – застойную версию коммунистической идеологии. И по тем же технологиям.

«Идеология суверенной демократии» даже существует в аналогичной форме – набора партийных документов и речей представителей власти. По сути, работчики создают не идеологию, а ее эрзац, пригодный для использования в качестве партийной программы. А потому как не смог покорить советское общественное сознание словеский «развитой социализм», так не

удастся это сделать и новому бюрократическому продукту – «идеологии суверенной демократии».

Второй проект, который можно условно назвать православно-патриотическим, представляет собой попытку приспособить к современным условиям учение славянофильства. Как коммунизм и нацизм были экстремистскими версиями социалистической идеологии, так и этот проект по всем признакам выглядит экстремистской версией славянофильства. То есть ориентирует в первую очередь на борьбу со всеми возможными врагами, но никак не на созидание. А потому декларируемое проектом стремление к «благу нации» не должно вводить в заблуждение – коммунизм тоже был «за все хорошее против всего плохого».

Это вполне естественная ориентация проекта, создаваемого по заказу реакционной части бюрократии, силовиков и придворных интеллектуалов. Заказчиков проекта объединяет в первую очередь ностальгия по советской военно-промышленной империи. Но возродить ее они хотели бы в урезанном виде – военной империи. Потому что на промышленную составляющую нет ни сил, ни мозгов.

К концу 90-х годов новые черносотенцы поняли, что самим с этой задачей не справиться – им так и не удалось получить пригодный к практическому политическому применению идеологический продукт. Точнее, окончилась провалом попытка А. Дугина оплодотворить евразийство, как мутацию славянофильства, маккиндеровским эпосом противоборства «цивилизаций Суши и Моря». То есть сермяжной версией хантингтоновской теории «борьбы цивилизаций».

В итоге пришлось нанять РПЦ, которая взялась на концептуальной основе православия создать годный для использования полномасштабный идеологический продукт. Сегодня проект осуществляется полным ходом – его идеи через СМИ продвигают десятки прикладных продуктов. И с каждым годом их число растет. Так в рамках проекта РПЦ предлагает обществу собственную концепцию прав человека, отношений общества с бизнесом, свою версию истории страны, «правильный» маршрут общественного развития, формулирует собственные ответы на другие концептуальные вопросы. Так при каждом удобном случае обществу внушается мысль, что только благодаря РПЦ в истории страны имеются светлые моменты. Тогда как все несчастья имеют следствием отступление власти от церкви.

Вообще, в сравнении с «идеологией суверенной демократии» православно-патриотический проект разрабатывается капитальнее и продвигается в общественное сознание гораздо настойчивее и шире. Чувствуется, что над проектом работают специалисты не суловской академии идеологической халтуры, а совсем другой по качеству школы – церковной.

По сути, проект подразумевает разделение власти, в соответствии с которым роль духовной власти в российском обществе должна быть закреплена за РПЦ, а силовики и бюрократы будут, как в брежневские времена, иметь право авторитарного управления государственной машиной. Так что в случае успеха проекта РПЦ должна стать тем, кем в СССР была КПСС – идейным штурманом великодержавного похода.

Принципиально важным различием между обоими проектами является ориентация. Первый проект предлагает российскому обществу бег трусцой вдогонку за развитыми странами. То есть в будущее. Хотя и без шансов кого-нибудь догнать. Тогда как второй ориентирует общество на галоп в прошлое – в последнюю четверть XIX столетия. Стоит напомнить, что Александр III тоже пытался вернуть российское обще-

ство в прошлое – во времена Московской Руси. Чем закончился в 1917 году этот поход Романовых известно. И не потому, что появились плохие большевики, а потому что движение в прошлое – это движение против течения эволюционного процесса. А это никому не под силу – обязательно закончится разрушением безумца.

Наши интеллектуалы, пусть и интуитивно, осознают клерикальную опасность. В подтверждение можно привести выдержку из статьи в «Независимой газете», излагающей позицию российских правозащитников и видных интеллектуалов по поводу письма группы академиков РАН, выступивших с предупреждением об опасности проводимой властью политики клерикализации общества.

«Под видом религиозного возрождения в России “формируется новая национально-религиозная идеология, пронизанная отрицанием демократии, ксенофобией и культом власти”». Проект превращения России в «православную цивилизацию» утопичен и опасен, поскольку, «как и “коммунистический проект”, не может осуществляться без насилия» (С. Минин).

Увы, но насилие, которого опасаются интеллектуалы – это только вершина айсберга проблем, которые получит общество, если его власть вздумает отправиться в прошлое. Так что если в идеологическом конкурсе православные патриоты победят просвещенных бюрократов, власть просто повторит поход Романовых. И с тем же печальным итогом.

54. В ЧЕМ СОСТОИТ «ОСОБОСТЬ» РОССИИ?

У наших историков сегодня доминирует представление о том, что Россия в 1917 году «свернула со столбовой дороги цивилизации». Да и раньше то и дело сворачивала с нее – двигалась окольными путями. Это представление успешно внедряется в общественное сознание. На самом деле ничего подобного не могло быть в принципе – при всем желании мы не могли идти иным, кроме проложенного руслом эволюционного процесса, путем.

Теории, которые объясняют наши несчастья результатом сворачивания общества «со столбовой дороги цивилизации» или ошибок власти в выборе правильного пути на «развилках истории», демонстрирует незнание их создателями и сторонниками азов устройства мироздания.

Дело в том, что, по крайней мере, в нашей Вселен-

ной движение существует в двух формах – перемещения в пространстве и изменения во времени. Пространство мироздания трехмерно. И потому траектория перемещения в пространстве тоже трехмерна. Соответственно, в пространстве можно «сворачивать» куда угодно.

Тогда как время одномерно – имеет единственную ось измерения, которая имеет только два направления – прошлое и будущее. Изменение тоже одномерно – имеет только два направления. Соответственно, в этом измерении можно только развиваться или деградировать – двигаться в одном из двух направлений одной оси, которая и является реальной «столбовой дорогой цивилизации». И «свернуть» куда-нибудь невозможно в принципе.

Общественное развитие, как организуемый и поддерживаемый человеческой деятельностью искусственный эволюционный процесс, представляет собой движение в форме изменения во времени, которое не имеет пространственного измерения. Отсюда абсциссой и ординатой процесса общественного развития являются ось времени и ось изменения.

Время воздействию человека недоступно – течет в одну сторону и с темпом, заданным алгоритмом эволюции. По той простой причине, что движение по оси времени обеспечивается энергией глобального эволюционного процесса. Так что двигаться в прошлое или изменять темп течения времени принципиально невозможно – для этого нужно быть мощнее глобального эволюционного процесса.

А вот управлять общественным развитием человек может. Во-первых, благодаря свободе воли в своем воздействии человек всегда сам задает направленность изменения – на развитие или на деградацию. Во-вторых, используя в своем воздействии разное количество ресурсов, человек может достигать разной скорости – изменяться быстрее или медленнее.

Так что Россия никогда никуда со «столбовой дороги цивилизации» не сворачивала. Она только двигалась по ней с разной скоростью. И иногда в разных направлениях – в большей мере развивалась, хотя иногда и разворачивалась в направлении деградации. Это значит, что не существует «второго», «третьего», «особого» пути общественного развития. В любой части мироздания есть только один путь – русло эволюционного процесса. И оно имеет только два направления – развитие или деградация. При

этом истинным является только развитие – изменение субъектов мироздания в направлении все большего совершенства.

На этапе общественного развития повышение совершенства наблюдается в виде роста свободы и справедливости общественных отношений – свободы в интеллектуальных, а справедливости в социальных отношениях. В результате в интеллектуальной сфере возрастает уровень свободы, а в социальной повышается уровень справедливости.

Так как общество состоит из этих двух сфер, а каждая сфера является самостоятельным субъектом мироздания, и, соответственно, полноценным участником эволюционного процесса, развитие каждой сферы имеет единственное измерение – как и положено любому процессу мироздания. А потому для общества русло эволюции представляет собой две параллельные «колеи» – в одной развивается социальная сфера, в другой – интеллектуальная.

Эти «колеи» жестко связаны друг с другом – любое изменение в одной «колее» обязательно оказывает влияние на состояние другой. Соответственно, рассматривая любой процесс общественного развития, в нем всегда нужно выделять два течения – развития социальной и интеллектуальной сфер. И видеть связь между ними и взаимовлияние.

Изложенное означает, что ускорение общественного развития можно обеспечить единственным способом – повышением свободы и справедливости. Так в 20-е годы был резко повышен уровень справедливости советского общества. А по окончании Гражданской войны возрос уровень свободы. Это обеспечило ускоренный темп общественного развития в период между 1922 и 1927 годами. После того как в 30-е годы был заморожен рост справедливости и резко снижен уровень свободы, наше общественное развитие сначала остановилось, а затем общественные отношения стали ускоренно деградировать.

В десятилетие со середины 50-х до середины 60-х годов уровень свободы и справедливости советского общества вновь повышался. Уровень справедливости определяется в том числе и тем, как делятся общественные ресурсы. Причем не только между гражданами, но и между сферами общества. В период «оттепели» уровень справедливости повышался за счет более справедливого распределения ресурсов как раз между сферами.

В начале 50-х годов реальной военной угрозы не существовало, тем не менее, военная сфера получало ресурсов по нормам, близким к нормам военного времени. Это было несправедливо по отношению к мирной сфере. И когда в результате изменения направления вектора советской политики распределение ресурсов стало меняться в пользу мирной сферы, это начало поднимать общий уровень справедливости. В итоге рост свободы и справедливости обеспечивали ускорение развития советского общества.

НЭП можно считать «золотым веком» советского общества, а «хрущевскую оттепель» – «серебряным». При этом быстрый рост ресурсного потенциала советского общества в эти периоды был следствием именно общественного развития. Стоит отметить, что именно на «золотой век» советского общества приходится достижения, которые позднее были восприняты всеми развитыми странам. Достаточно сказать, что современная система социального обеспечения развитых стран ведет свое происхождение от советской, которая начала создаваться в 20-х годах.

Система стратегического планирования, как и прикладная наука в качестве самостоятельной сферы деятельности, созданы в СССР во второй половине 20-х годов. Между тем в США и Европе прикладные научно-исследовательские институты появились только после Второй мировой войны. Эти фундаментальные достижения организации общества были заимствованы Западом именно у нас.

Со второй половины 60-х годов военная сфера снова стала получать большее количество ресурсов, чем это объективно требовалось из соображений обеспечения надежной обороноспособности. В результате уровень справедливости в обществе стал снижаться. Этому процессу также способствовал расцвет блата и коррупции. Кроме того, сначала остановил свой рост, а затем вновь стал снижаться уровень свободы. Как следствие, развитие советского общества начало замедляться и вскоре совсем остановилось – наступил застой. А затем началась деградация – общественные отношения стали все больше искажаться. В итоге общество начало слабеть и в конце концов разрушилось.

Сталинская и брежневская эпохи представляли собой периоды деградации советского общества – снижения в нем уровня свободы и справедливости. Если человек наживает квартиру, машину, дачу, денежные

сбережения, то он просто увеличивает свое благосостояние. Но никакого отношения к развитию самого человека этот процесс не имеет. Потому что это изменение не его самого, а его возможностей удовлетворять потребности. Точно так же изменение мощи или богатства общества не отражает изменение имеющихся в нем общественных отношений. Поэтому рост ресурсного потенциала советского общества (рост производства, уровня жизни) никакого отношения к его развитию не имел.

К примеру, та же индустриализация никакого общественного развития не демонстрирует. Наоборот, в этот период общественные отношения катастрофически деградировали – уровень свободы снизился до небывалого во всей тысячелетней истории страны. Так что быстрый рост ресурсного потенциала в сталинскую эпоху обеспечивался жесточайшей эксплуатацией народа. В брежневский период такой эксплуатации не было, не было и ускоренного роста. Точнее, ускоренно нарастали лишь кризисные явления.

К концу «хрущевской оттепели» советское общество далеко обошло западные страны в социальном развитии. И догнало в развитии культурном, научном, экономическом. В политической сфере тоже наблюдались близкие достижения – общественные институты имели сопоставимый уровень сложности и эффективности.

Различие наблюдалось в дисбалансах – в советском обществе имел место дисбаланс в пользу справедливости, а в западных обществах – в пользу свободы. Так что когда власть СССР поставила целью «догнать Америку», она имела в виду отнюдь не уровень развития. А только аналогичный американскому уровень потребления. Потому что в конкуренции двух систем мы по этому показателю существенно проигрывали Западу.

Рост ресурсного потенциала может быть самоцелью только интеллектуально убогой власти. Потому что ресурсный потенциал не является самостоятельной ценностью – представляет собой лишь средство достижения целей власти и граждан. И в первую очередь для обеспечения целей развития. Для власти – целей развития общественных институтов, для граждан – целей развития собственного разума.

По естественной для глобального эволюционного процесса модели развития первичным фактором для нее является уровень свободы и справедливости. А ресурсный потенциал вторичен. Поэтому естест-

венный цикл развития начинается с повышения уровней свободы и справедливости. Их рост вызывает увеличение потребности в ресурсах – для достижения появившихся у власти и граждан новых целей. Одновременно повышение уровней свободы и справедливости повышает совершенство общественных институтов и отношений и, как следствие, обеспечивает повышение эффективности общественной деятельности. В результате ресурсный потенциал начинает естественным образом расти.

Если рост ресурсного потенциала осуществляется за счет снижения уровня свободы и справедливости, это значит, что власти ресурсы требуются не для развития общества, а для совершенно других целей. Так Сталину ресурсный потенциал требовался для достижения мирового господства. Поэтому для получения необходимых для достижения этой цели ресурсов вождь, не задумываясь, превратил страну в рабовладельческую плантацию.

Отсюда рост ресурсного потенциала общества эффективно может осуществляться только двумя способами. Или стимулированием властью процесса общественного развития путем повышения уровня свободы и справедливости, или переводом народа в рабское состояние. А опыт брежневской эпохи однозначно свидетельствует, что «золотой середины» в этом деле не существует – все промежуточные варианты обеспечивают лишь имитацию рвения власти.

«Особость» российского общества, о которой так любят рассуждать патриотически мыслящие интеллектуалы, не имеет в своей основе ничего мистического или сакрального. Только отражает особенности движения нашего общества в русле эволюционного процесса. В первую очередь, это особенности процесса заимствования созданных другими обществами новых мировоззренческих представлений – о природе мироздания, совершенных общественных отношениях, направленности эволюционного процесса.

Новые мировоззренческие представления создаются редко и далеко не всеми обществами. Большинство заимствуют новые для себя представления у других обществ. А потому заимствование идей – это обычное дело, которого не чураются даже самые развитые общества. Дело в том, что создавать и внедрять в общественное сознание новые мировоззренческие представления очень рискованно. Недавняя история Германии это со всей очевидностью подтверждает. Гораздо безопаснее внедрять представления, которые

уже проверили другие общества. И получили положительный результат.

В мироздании ничто не возникает из ничего – любое новое явление представляет собой продолжение и, соответственно, является преемником какого-то предшествующего явления. Это в полной мере относится к цивилизациям – мировоззренческим обществам. Любая может умереть, но ни одна не может возникнуть на пустом месте из ничего – всегда является продолжением и преемником какой-то предшествующей цивилизации. Как человек может исчезнуть без следа, но появляется всегда в качестве продолжателя своего рода.

Российская цивилизация продолжила греческую. Сначала мы заимствовали достижения Древней Греции – в части общественных отношений архаичной эпохи. Затем мы заимствовали мировоззренческое достижение Византийской Греции – христианство. В XIV веке мы заимствовали достижения монгольской цивилизации – в части патриархальных общественных отношений. В XV веке мы воспользовались наукой католической цивилизации, а в XVI веке заимствовали в Западной Европе идеи протестантизма.

У западноевропейских стран этот процесс выглядит несколько иначе. Сначала они заимствовали общественные отношения поздней Римской империи. И раньше нас заимствовали у Византии христианство. Но греческие достижения в области демократических общественных отношений Западная Европа начала заимствовать только в XIV веке.

В свою очередь первый эксперимент по созданию собственных представлений западноевропейские общества осуществили в X веке – создали католическое учение. Точнее, модернизировали ортодоксальное христианство. А в XV веке аналогичным образом создали протестантское учение. И только в XVIII веке Западная Европа начала создавать собственное оригинальное мировоззренческое учение – материалистическую концепцию мироздания. А так же производные от материализма основополагающие идеологии индустриального общества – масонство, социализм, либерализм, социал-демократию.

Именно поэтому в XVIII веке Западная Европа начала обгонять в общественном развитии российское общество. И мы начали заимствовать уже материалистические представления и идеологии. А после того как к концу XIX века заимствовали все, что предста-

вляло ценность, перешли к созданию собственных мировоззренческих представлений – создали оригинальную версию коммунистического учения.

Мы прошли школу мировоззренческого поиска и вполне готовы подняться на следующую ступень – самостоятельно создать принципиально новую идеологию, отвечающую условиям информационного общества. То есть двинуться по тому пути, по которому в XVIII пошла Западная Европа – заняться формулированием принципиально новых мировоззренческих представлений и созданием на их основе идеологий информационного общества. Если это удастся сделать, мы сможем снова стать идейным «коренником» человеческой цивилизации, которому будет суждено вытянуть ее на новый уровень развития.

55. О «НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ»

«Национальная идея» – это принятая в публицистике и понятная большинству граждан формулировка сверхзадачи общества. Как стрелка компаса, национальная идея ориентирует деятельность власти и большинства субъектов общества в одном направлении. В результате общество приходит в движение – развивается или деградирует. Потому что если деятельность субъектов общества ориентирована в разных направлениях, оно остается стоять на месте.

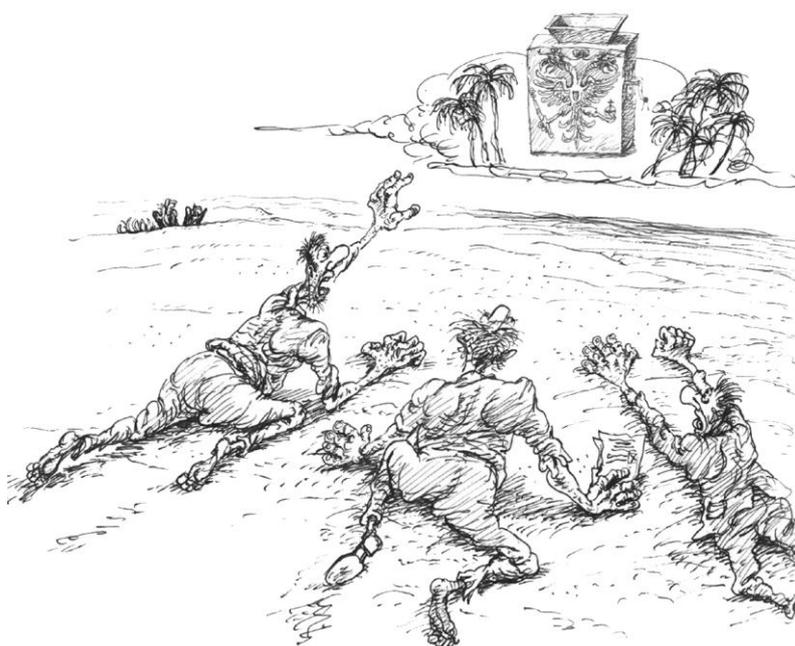
Развитие общества обеспечивают цели, производные от доминирующей в нем идеологии. Любая идеология формулирует широкий спектр целей в социальной и интеллектуальной сферах деятельности. При этом из всех целей одна выглядит главной – может быть принята большинством в качестве сверхзадачи общества и каждого его субъекта. Именно такая цель становится тем, что принято называть национальной идеей.

Общество развивается, если национальная идея истинная – ориентирует его в направлении вектора эволюционного процесса. И общество деградирует, если национальная идея задает противоположную эволюции ориентацию. Так ложная идея о расовом превосходстве германской нации и, как следствие, праве на господство над другими народами, обеспечила быструю деградацию немецкого общества – за считанные годы оно одичало до средневекового уровня.

Национальная идея должна быть не только всем понятна, но и представляться полностью истинной.

А для этого требуется полноценная идеология – проработанная во всех аспектах и деталях. Потому что национальной может быть только идея, производная именно от доминирующей в обществе идеологии. Или, как минимум, доминирующей в элите.

Сегодня в российском обществе нет доминирующей идеологии, которая смогла бы сформулировать общую для большинства субъектов общества сверхзадачу – национальную идею. Поэтому необходимо сначала создать новую идеологию и уже из нее выкристаллизовывать национальную идею. Как в свое время из православного учения выкристаллизовалась идея о том, что «Москва – это третий Рим».

«Философия свободы и справедливости» позволила нам сформулировать, как представляется, полноценную национальную идею. По нашему мнению, ею для российского общества должна стать понятная любому человеку сверхзадача построения самого лучшего в мире общества – самого свободного и самого справедливого. Соответственно, способная объединить граждан самой разной идейной ориентации – либеральной, социалистической, патриотической.

Только самое свободное и самое справедливое в мире общество займет лидирующее положение в мировом сообществе в информационную эпоху. Потому что такое общество станет безусловным авторитетом для остальных обществ и образцом для подражания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как реставраторы, снимая наслоения накопившейся грязи и поздние подрисовки, восстанавливают подлинный вид старинной картины, так мы создавали свою версию российской истории – только очищали ее от грязи, мифов, лжи. А потому слова «иная история» в названии книги вполне можно заменить словами «реставрированная история». И реставрация выглядит вполне успешной. В первую очередь потому, что она свела в непротиворечивое целое гораздо большее количество существенных фактов нашего прошлого. Соответственно, воссоздала более глубокую и всестороннюю картину.

Второе свидетельство высокого качества реставрации – ликвидация парадоксальной ситуации, в которой великая по всем статьям страна имеет убогую историю – пребывания в «тысячелетнем рабстве», постоянного блуждания в окрестностях «столбовой дороги цивилизации», вечного отставания от «передовых обществ Запада». Потому что в новой версии наше общество многие века было самым свободным и демократическим в мире, никуда с дороги прогресса не сворачивало и чаще обгоняло другие народы, чем отставало от них. Именно поэтому российская нация и смогла достичь статуса великой.

Успешность выполненной реставрации имеет вполне понятные объяснения. Во-первых, потому что наша работа выполнялась не по заказу власти и не для удовлетворения страсти к историческому сыску. Нам самим потребовалось разобраться с нынешним состоянием страны. А для этого нужно было выяснить, откуда наше общество пришло и какой проделало путь. Только выяснив это, можно пытаться понять, куда оно сможет двигаться дальше.

Во-вторых, потому что наша версия основывается на полноценной теории общественного развития – социогенезе. Причем эта теория выглядит более качественной в сравнении с марксистской формационной теорией и этногенезом. Не говоря уже о современных западных «теориях» – модернизации, миросистемного анализа, борьбы цивилизаций.

Книга дает ответы на первые два интересовавших нас вопроса – откуда наше общество действительно пришло и какой проделало путь. Так что в заключении остается изложить полученный нами ответ на последний вопрос – куда наше общество может двигаться

дальше? То есть в каком из двух возможных направлений, развития или деградации, российское общество продолжит свое движение в русле эволюционного процесса.

Реформы 90-х годов не изменили направление вектора движения нашего общества – оно по-прежнему деградирует. Власть выглядит все более убого, а народ неуклонно дичает. Потому что реформы не создали нового общества – лишь модернизировали бюрократическое царство. И избавили от груза сверхдержавных обязательств, приведшего его в 1991 году к банкротству – на международной арене, в гонке вооружений. А заодно от существенной части социальных обязательств. Ну и омолодили власть.

Бюрократическое царство – это общественная мутация. Точнее, это не столько общество, сколько иго, которое всегда заканчивается катастрофой или даже крахом. Оба бюрократических царства Романовых закончились плачевно. Первое царство Николая Палкина привело к позорному поражению в Крымской войне. Второе бюрократическое царство Александра III и Николая II закончилось крушением империи в 1917 году.

Аналогичную картину мы видим и с советскими бюрократическими царствами. Сталинское привело страну к военной катастрофе 1941—1942 года, когда Красная Армия была разгромлена вторым более слабым противником. Второе царство, брежневское, закончилось в 1991 году крушением сверхдержавы. Причина катастрофических итогов деятельности бюрократии очевидна – это естественный результат деградации. Потому что бюрократия, как мутация элиты, в своих интересах изменяет принципы формирования и деятельности власти. Во-первых, власть становится клановой. Как следствие, замыкается, что приводит к прекращению процесса ее обновления сильной элитой из народа. Во-вторых, обслуживающие власть кадры начинают подбираться не по эффективности, а по верности.

В итоге этих «новаций» власть начинает деградировать – катастрофически тупеть и слабеть. И это естественные результаты быстрого снижения интеллекта власти и ее потенциала воздействия. Затем процесс деградации бюрократической власти переходит в процесс ее криминализации. Во-первых, власть переходит к жизни не по законам, а по «понятиям». Во-вторых, начинает коррумпироваться – кормиться от полученного в управление общественного имущества или властных полномочий. Проще говоря, получать

теневые доходы в форме привилегий и блата, воровать и брать взятки.

Получение властной ренты через привилегии и блат – легкая форма коррупции. Получение властной ренты с помощью воровства, взяток и «откатов» – тяжелая форма коррупции. Точнее, финальная стадия ее развития. Потому что на этой стадии метастазы коррупции поражают весь общественный организм.

До 90-х годов коррумпированность советской бюрократии перешла в тяжелую форму только в среднеазиатских и кавказских республиках. Тогда как в остальных регионах тяжелая форма встречалась нечасто – широко была распространена только легкая форма. В целом европеизированная часть российской бюрократии вполне удовлетворялась привилегиями и блатом и редко рисковала прямо запускать руки в закрома родины.

Ситуацию принципиально изменила приватизация. В самом деле, если экономическая часть бюрократии получила легальную возможность обогатиться за счет присвоения общественного имущества и получать огромные дивиденды от созданных чужим трудом активов, то почему хозяйственная не может иметь прямые доходы от своего властного статуса? Чем металлургический комбинат принципиально отличается от мэрии? Только продукцией – комбинат производит товары, мэрия – услуги. А деятельность их руководителей и управляющих в целом одинакова.

Чиновники посчитали, что справедливо и им пусть и неформально приватизировать свои должности и сытно кормиться от них – кто на чем сидит, тот то и имеет. Как следствие, стали с чистой совестью получать взятки и откаты. Так что сегодняшний разгул коррупции в стране – прямой результат нечестной приватизации. И ничего с этим поделать нельзя. Точнее, можно или полностью сменить всю власть, как это случилось в 1917 году, и заставить новых владельцев приватизированных предприятий заплатить за них реальную цену, или узаконить приватизацию власти – ввести понятие «кормления от должности». Первый вариант выглядит более цивилизованным и реальным.

С головы рыба только начинает гнить. А затем процесс гниения распространяется дальше. Так же и в обществе – «гниение» только начинается с власти. И вслед за ней обязательно начинает «гнить» остальное общество – сначала деградировать, а затем криминализироваться.

Изложенное означает, что нынешнее бюрократическое царство не имеет перспектив существования – обязательно уйдет в небытие. Поэтому вопрос лишь в том, уйдет ли в небытие только бюрократическая власть и выродившаяся элита, или вместе с ней туда же отправится и страна. Увы, в любом варианте российскому обществу предстоит и дальше двигаться по ступеням катастроф.

Но «нет худа без добра» – катастрофы не только причиняют страдания народу. Они также быстро уничтожают разложившуюся власть и выродившуюся элиту, и разрушают созданные ими институты. И когда это происходит, качественной части элиты остается только воспользоваться случаем и возглавить общество. Разумеется, если качественная элита в обществе существует. И при этом обладает хоть какой-то силой. К примеру, в 1991 году у нас просто не оказалось качественной элиты. В результате выродившуюся коммунистическую власть сменил ее молодой отпрыск – либеральный «выкрест».

Так что какая-то из катастроф вполне может в считанные дни разрушить нынешнее бюрократическое царство. В результате чего появится шанс сменить направление вектора изменения нашего общества на противоположное – возобновить процесс развития.

Захватить власть после катастрофы может любая качественная элита. Но для осуществления разворота с деградации на развитие требуется, чтобы власть возглавили качественные интеллектуальные элиты. Потому что только они способны организовывать развитие общества. Причем обязательно возглавляемые политической или, в крайнем случае, экономической элитой. То есть, специалистами по созданию организаций.

Однако главное условие успеха в деле осуществления разворота общества с деградации на развитие – наличие передовой идеологии. Точнее, соответствующей условиям наступившей информационной эпохи развития человеческой цивилизации. Потому что качественную элиту требуется объединить. И передовая идеология это обеспечивает наиболее эффективно.

Но захватить власть мало – нужно еще и направить общество в новом направлении. А без идеологии это сделать невозможно в принципе. И потому, что только идеология может выполнять функцию лоции общественного развития. И потому, что только передовая идеология может объединить вокруг новой вла-

сти существенную часть народа и тем обеспечить ей необходимую опору для осуществления разворота.

Процесс деградации бюрократического царства может быть долгим – тысячелетняя страна обладает огромным запасом устойчивости и всегда разрушается постепенно. Та же Британская империя разрушается уже скоро век. И конца ему пока не видно – сегодня на очереди отделение Шотландии. Потом потребуется достаточно много времени для завершения аналогичных процессов в Северной Ирландии и Уэльсе. На что тоже потребуются десятилетия.

Так что даже с учетом ускорения процессов общественного развития для окончательного ухода нашего общества в небытие потребуется не меньше века. Это значит, что у нации еще есть достаточно времени для того, чтобы изменить свою судьбу – повернуть вспять процесс общественной деградации. Как она смогла это сделать в 1917 году. И есть ключевое благоприятное обстоятельство – бюрократическое царство.

Тому же британскому обществу так и не удалось осуществить разворот в эволюционном процессе в первую очередь потому, что оно всегда имело достаточно эффективную власть, которой удавалось избегать катастроф. Хотя и не хватало таланта изменить направление вектора своего движения. Точнее, талант британской элиты успешно блокировался ее собственным чрезмерным консерватизмом.

Сегодня из перечисленных для осуществления разворота условий в России имеется только одно – неэффективная власть бюрократического царства. Соответственно, мы обеспечены лишь грядущими катастрофами. И пока нет ни качественных интеллектуальных элит, ни передовой идеологии. Эти проблемы для нашего общества никто не решит. Оно само должно поддерживать процесс формирования качественных интеллектуальных элит. А они должны создать передовую идеологию – свое политическое оружие и лоцию для возобновления процесса развития российского общества.

Удастся нам развить нашу «философию свободы и справедливости» до состояния высококачественного мировоззренческого учения или другие интеллектуалы создадут аналогичный более качественный продукт – не принципиально. Важно, чтобы он у нашего общества как можно скорее появился. И наш мировоззренческий поиск в первую очередь демонстрирует, что задача создания передовой идеологии вполне

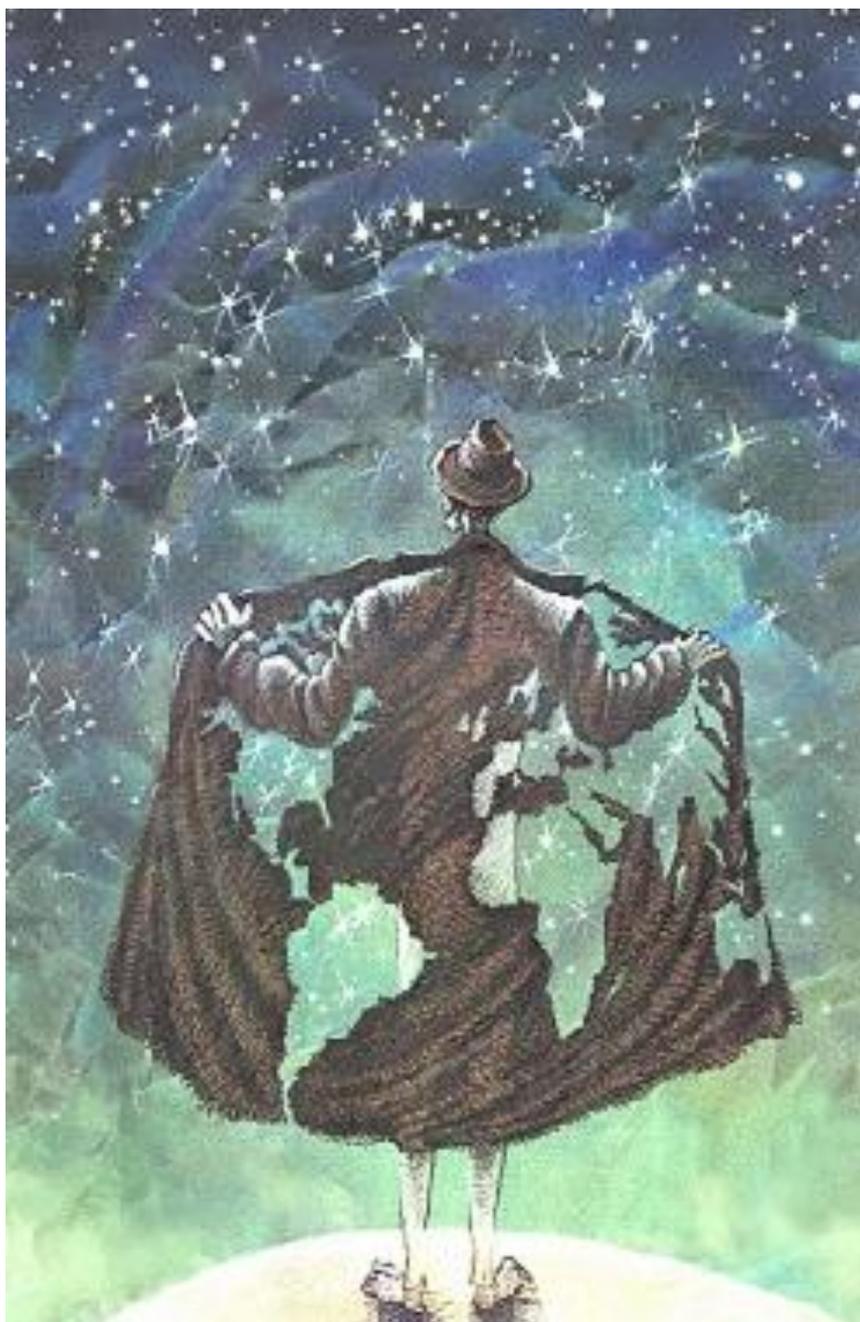
решаема – было бы стремление и упорство. А необходимый для решения этой задачи интеллектуальный потенциал у нашего общества еще имеется.

«Иная история России» дает нашему общественному сознанию шанс избавиться от прививавшегося ему последние два века комплекса исторической неполноценности. От которого, в сущности, и ведут свое происхождение наши нынешние общественные проблемы. Потому что этот комплекс в первую очередь парализует волю интеллектуальных элит. В результате они не могут ни отправиться в самостоятельный мировоззренческий поиск, ни составить конкуренцию бюрократам и силовикам на капитанском мостике общественного корабля. Так что без избавления от этого комплекса нашему обществу не удастся остановить процесс своей деградации и развернуться в направлении развития. А новая версия нашей истории наглядно демонстрирует – наше общество способно самостоятельно развиваться и достигать в этом процессе самых высоких результатов.

М. КРУГОВ

СОЦИОГЕНЕЗ

теория эволюции разума и общества

История — ещё не наука. Её можно заставить казаться наукой лишь с помощью фальсификаций и умолчаний
Б.Рассел

ВВЕДЕНИЕ

Мировая историческая наука до сих пор остается относительно научной дисциплиной. Дело в том, что историк руководствуется научной методологией только в поиске фактов и проверке их истинности. Но как только историк приступает к складыванию из фактов картины исторического процесса, он сразу же меняет научную методологию на набор совсем других инструментов — этическую логику, способность фантазировать и умение комбинировать факты. В результате историк создает внешне выглядящую реальной, но имеющую относительную научность картину исторического процесса.

Такому положению дел имеются две понятные причины. Во-первых, нигде в мире нет независимой исторической науки — все историки работают по заказу власти. А для нее история — инструмент формирования национального самосознания и патриотического воспитания народа. Поэтому власть заказывает не научную, а пригодную для своих нужд историю. И заданный результат могут обеспечить только перечисленные три приспособления. Тогда как научная методология для этого не пригодна в принципе.

Во-вторых, у исторической науки просто нет научной методологии реконструкции процессов общественного развития. Такая методология представляет собой производную от концепции мироздания общую теорию исторического процесса — инструмент научной реконструкции прошлого. Для выполнения этой функции общая теория должна описывать суть исторического процесса, его типовых субъектов, существенные связи между ними, закономерности, которые управляют взаимодействиями между основными субъектами, и их результаты, характер влияния на результаты не основных субъектов. Наконец (и это, возможно, самое главное), общая теория должна естественным образом вводить исторический процесс в общий процесс развития в качестве очередного этапа эволюции.

Только руководствуясь такой по качеству общей теорией, историк может реконструировать реальный исторический процесс — выделить его действующих субъектов, описать процессы их взаимодействия и оценить его результат. И пока у исторической науки нет полноценной общей теории, описываемые историками картины исторического процесса относятся к беллетристике.

Попытку создать действительно общую теорию исторического процесса предприняли К. Маркс и Ф. Энгельс. Созданная ими формационная теория общественного развития соответствовала критериям научности — была производной от материалистической концепции мироздания и содержала большинство положенных для общей теории элементов. Другое дело, что формационная

теория достаточно быстро продемонстрировала свою ошибочность и теми же советскими историками использовалась только в качестве методологической декорации. Любая советская историческая работа начиналась с «земных поклонов» марксизму, после чего автор переходил к описанию картины, имеющей мало общего с формационной теорией.

В нашей исторической науке попытку создать общую теорию предпринял Л. Гумилев. Его теория этногенеза описывает общественное развитие в виде цепочки «пассионарных толчков», которые и являются источником процесса. Таким образом, разумно предполагается возрастание у пассионариев энергетического потенциала, воздействие которого обеспечивает ускорение развития. При этом процесс описывается близкой к синусоиде кривой (естественная форма протекания любого процесса). Соответственно, теория этногенеза исходит из энергетической природы исторического процесса и описывает общую закономерность его протекания.

Тем не менее, теория этногенеза не выглядит убедительной. Во-первых, потому, что источник энергии и причина его «фонтанирования» остаются неизвестными. Предполагается наличие некоей «биохимической энергии живого вещества биосферы». Но что это за энергия, каким образом она концентрируется для пассионарного толчка, как выглядит механизм ее воздействия, теория этногенеза не объясняет.²⁴

Во-вторых, теория этногенеза никак не вписана в общую картину эволюционного процесса мироздания. Соответственно, предполагает наличие пока неизвестных собственных законов, управляющих общественным развитием. Получается, что общество и его субъекты с остальным мирозданием связаны только ресурсной базой — развиваются в качестве «инородного образования» в теле мироздания.

Что касается теорий, предложенных другими разработчиками, от Гегеля до Хантингтона и Валлерстайна, то они не выглядят полноценными. Во всех этих теориях определены лишь субъекты исторического процесса — власть и народ. И установлена единственная существенная связь между ними — власть управляет народом. На этом научность теорий заканчивается — теории не формулируют представления о сути исторического процесса, не выглядят производными от научной концепции мироздания, не описывают полноценных с научной точки зрения закономерностей взаимодействия субъектов исторического процесса, не задают типовые результаты взаимодействия его субъектов и, наконец, не вписывают процесс развития человечества в общий процесс эволюции мироздания.

Все современные исторические теории являются в лучшем случае частными — пытаются описать какую-то одну грань процесса

²⁴ Идея существования биохимической энергии живого вещества биосферы была сформулирована В. Вернадским. Но полноценного развития она не получила — осталась гипотезой.

общественного развития. Так что наиболее распространенные сегодня в историческом сообществе теории модернизации, миросистемного анализа, борьбы цивилизаций для выполнения функции научного методологического руководства в принципе непригодны. Они и создавались для выполнения совсем других функций. Во-первых, эти теории обеспечивают научный декор историческим комиксам, которые историки рисуют по заказам властей, то есть повышают «объективность» этих картинок в общественном мнении. Во-вторых, они способствуют эффективному продвижению создаваемых историками продуктов в общественное сознание. Потому что чем примитивнее теория, тем большее количество людей способно понять как ее саму, так и созданные на ее основе продукты и с меньшим умственным усилием воспринять последние.

Это значит, что на базе материалистической концепции за двести лет не удалось создать полноценной теории общественного развития. Впрочем, как и физикам уже скоро век не удастся в рамках материализма создать общую теорию поля. Представляется, что проблема обществоведения, как и физики, имеет своим источником ограниченность материалистической концепции.

Материализм три века прекрасно выполнял роль мировоззренческого фундамента, на котором строилось здание европейской цивилизации. Однако к началу XX века этот фундамент перестал соответствовать масштабам, которых в своем развитии достигла лидирующая человеческая цивилизация — постулаты материализма стали препятствовать созданию более совершенных научных, культурных, экономических и политических конструкций. И хотя на основе материализма и создавались более сложные и масштабные творения, уровень их совершенства стал неуклонно снижаться. Так что к последней четверти XX века дело дошло до полноценного мировоззренческого кризиса — все, что творило передовое человечество, становилось все более убогим и примитивным.

Проявления кризиса сегодня ясно наблюдаются во всех сферах развитых стран — научной, культурной, экономической, политической, социальной. Тот же кризис науки имеет вполне конкретные свидетельства. Например, безрезультатно закончились все попытки найти общие закономерности для естественных, общественных и гуманитарных дисциплин. Соответственно, не удалось соединить три эти составляющие науки в единое целое.

Уже сто лет не удастся создать производные от теории относительности научные продукты, пригодные для использования в практической деятельности. Даже на самом передовом рубеже прогресса, в освоении космоса, управление полетами обеспечивается расчетами, выполняемыми по законам классической механики. Так что фундаментальная наука уже век, безусловно, буксует — все научные достижения XX века представляют собой вторичные продукты, производные от фундаментальных открытий XIX века.

Прогресс науки тянет за собой развитие техники, а за ней и экономики. Фундаментальные открытия на несколько десятилетий обеспечивают изобретателей информационным сырьем для создания новых продуктов, которые на еще больший срок обеспечивают развитие экономики. Например, открытие электромагнитных колебаний несколько десятилетий воплощалось в новых продуктах, из которых последним важнейшим можно считать изобретенную в конце 40-х годов XX века сотовую связь. Это значит, что открытие полвека обеспечивало развитие техники и уже скоро век обеспечивает развитие существенной части экономики.

Во все времена жизнь людей кардинально изменяли принципиальные изобретения — орудия труда, предметы быта, технологии. Каменный топор, колесо, парус, одежда, глиняная посуда, жилище, скотоводство, земледелие, металлургия и т. п. Если расположить на оси времени все изобретения такого качества, то можно наглядно увидеть процесс ускорения технического прогресса. Сначала промежуток времени между принципиальными изобретениями составлял несколько тысяч лет, потом сотни лет, потом десятки. К середине XX века темп появления таких изобретений составлял всего восемь-десять лет. Но в последнюю треть прошлого века темп явно начал замедляться — между появлением персонального компьютера и Интернетом прошло полтора десятка лет. А после появления Интернета уже больше двадцати лет в мире не появилось ничего принципиально нового.

И это при том, что инвестиции в научно-технические исследования и разработки только возрастают. Этот факт со всей очевидностью демонстрирует наступление полномасштабного кризиса в интеллектуальном прогрессе. И его причина — истощение материализмом способности не только ускорять, но даже поддерживать прогресс.

Не с лучшей стороны характеризует ситуацию в мировой экономике нынешняя вакханалия спекулятивной деятельности. Сегодня оборот спекулятивных рынков уже в пятьдесят раз превышает оборот рынков реальных товаров и услуг. Поэтому если раньше спекулянты были лишь катализаторами экономики, то сегодня они в ней царствуют. Это значит, что производные от материалистической концепции представления о смысле человеческой деятельности и ее предназначении начали искажаться и утрачивать достигнутый уровень совершенства.

Не красит передовые страны и постоянно увеличивающийся разрыв между доходами элиты и народа. Точнее, все меньшая адекватность разрыва реальной разнице в результатах деятельности. Особенно вопиющий разрыв демонстрирует, естественно, нынешний лидер развитых стран — США. В экономически благополучные 1960-е годы топ-менеджеры получали в среднем в 30 раз больше квалифицированных рабочих. В 1980-е годы этот разрыв увеличился до 140 раз. В начале 1990-х он составлял уже 320 раз. А на пике биржевого бума в конце 1990-х годов разрыв доходил до 460

раз. При этом нет никаких свидетельств, что за это время производительность труда топ-менеджеров выросла в пятнадцать раз.

На протяжении всей эпохи капитализма передовые страны тянули за собой весь остальной мир — даже нещадно эксплуатируя колонии, они обеспечивали народам третьего мира ускоренное развитие. Сегодня разрыв в уровне развития между передовыми и развивающимися странами стал неуклонно увеличиваться. Мало того, появился даже феномен «конченных стран» — потерянных для эволюционного процесса. Это значит, что воздействие передовых стран на процесс развития человечества приобрело негативный характер.

Не менее отчетливо мировоззренческий кризис проявляется в культурной сфере. В ней, несомненно, наступила эпоха «одноразового искусства». Можно сказать, что идет процесс обратного превращения — качества в количество. Что, несомненно, является признаком исчерпания потенциала культурной элиты. Она не подтягивает к своему уровню развития остальное общество, а сама опускается на массовый уровень.

Передовое человечество вступает в следующую эпоху развития — постиндустриального, или информационного, общества. И ему требуется создавать следующие по уровню сложности и масштабности в сравнении с индустриальной эпохи информационные продукты и структуры. Но материалистическая концепция исчерпала свои возможности и больше не может выполнять функцию концептуального фундамента. А потому требуется новая концептуальная основа, соответствующая условиям информационной эпохи.

Материализм не подходит информационной эпохе в первую очередь потому, что в нем информация не является самостоятельным субъектом мироздания — выступает лишь в качестве характеристик сущих и процессов. Как следствие, социализм, либерализм, социал-демократия и другие индустриальные идеологии не содержат представлений, которые позволяли бы понимать суть информационных процессов. Тогда как сегодня развитие передовых стран в первую очередь обеспечивается за счет роста оборота как раз информационных ресурсов. И этот оборот уже намного превосходит оборот физических ресурсов.

Передовые общества руководствуются идеологиями, которые ничего не говорят об особенностях общественных отношений, связанных с созданием и оборотом информационных ресурсов. Как следствие, пользуются устаревшими логиями — в принципе не способными предостерегать от опасностей, которые возникают в условиях доминирования оборота информационных ресурсов. Что как раз и является главной причиной глобального мировоззренческого кризиса — индустриальные идеологии не обеспечивают понимание властями развитых стран сути информационных процессов. В итоге кпд деятельности передовых обществ падает, вызывая нарастание кризисных явлений.

I. ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИРОЗДАНИЯ

1.1. Неоматериализм

Имеется вполне понятная причина, по которой современная фундаментальная наука не предпринимает попыток создать принципиально новую и альтернативную материалистической концепцию мироздания. По сути, материализм основывается на двух постулатах — материальности и рациональности мироздания. Первый постулат — представление о том, что все субъекты мироздания имеют материальную природу. Так что в материализме энергия не является самостоятельным сущим. Это всего лишь характеристика состояния материи — количество движения. Второй постулат — представление о том, что характеристики любых сущих и процессов конечны и принципиально доступны для измерения и, соответственно, познания.

В конце XIX века начался кризис классической физики, вызванный неспособностью материализма объяснить новые открытия. Физики решили выбраться из кризиса с помощью модернизации материалистической концепции — отказом от постулата о рациональности мироздания — и стали «обогащать» физику иррациональными понятиями: бесконечности, неопределенности, энтропии, поля. Хотя введение этих понятий в конструкцию мира делает ее принципиально непознаваемой. В результате получился оплодотворенный иррациональными представлениями материализм — неоматериализм.

Модернизированная иррационализмом концепция позволила продолжить развитие формально материалистической картины мироздания. Так, физикам удалось создать внешне выглядящую материалистической модель рождения и эволюции Метагалактики — Большой взрыв. В этой модели Метагалактика рождается в результате взрыва вещества бесконечно большой плотности, сконцентрированного в бесконечно малой точке. А процесс развития уподоблен движению взрывной волны. «Бесконечно большое в бесконечно малом» — представление, иррациональное в квадрате, а потому полностью фантастическое. Модель Большого взрыва узаконила в материалистической концепции чудесную природу мироздания. Хотя физики и предпочитают говорить не о чудесах, а о «принципиально других законах», действовавших в исходном пространстве Метагалактики — до Большого взрыва. Но так как «другие законы» имеют иррациональную природу, их совокупность следует называть давно известным термином — магия.

По сути, неоматериализм позволил имитировать течение научного процесса — создавать не новые объективные представления о природе мира, а научные фантазии. Они предъявляются обществу в качестве «научных достижений», оправдывающих выделение

ресурсов на содержание и деятельность фундаментальной науки. Но так как иррациональные объяснения не позволяют создавать рациональные производные продукты, эффект от таких достижений оказался равным нулю. А фундаментальная наука из катализатора процесса общественного развития все больше превращается в гимнастику ума для ученых.

Во второй половине XX века мотором развития неоматериализма стала синергетика, узаконившая фактор случайности в качестве нормальной иррациональной характеристики протекающих в мироздании процессов. В соответствии с представлениями синергетики детерминированы только самые простые процессы. Но по мере роста их сложности появляется и постепенно возрастает влияние фактора случайности, делающего результат все более неопределенным. А с какого-то уровня сложности достигается полная непредсказуемость результата.

Введение иррациональных представлений позволило фундаментальной науке легко выходить из концептуальных тупиков. Иррационализм стал тем чудесным «подпространством», через которое фундаментальная наука получила возможность обходить любые препятствия. В свою очередь, отказ от принципа детерминизма позволил ей отказаться от исполнения одного из двух главных своих обязательств — прогнозирования будущего. И целиком сосредоточиться на постижении прошлого, что благодаря узакониванию иррационализма стало не слишком тяжелой обязанностью. В результате фактическое банкротство науки было представлено обществу в качестве текущей модернизации ее производственного процесса.

Автор и его коллеги пошли другим путем — создали новую концепцию мироздания, которую можно назвать энергетической. Любая концепция мироздания принципиально недоказуема. Поэтому ее качество в первую очередь определяется совершенством исходной основы — постулатами, на которых строится концепция. Предлагаемая энергетическая концепция мироздания и производная от нее модель единого и целенаправленного эволюционного процесса носят, как и в случае материализма, гипотетический характер. И демонстрируют возможность иного в сравнении с материализмом объяснения накопленных наукой фактов, сведения их в иную картину мира и иную модель эволюционного процесса. В качестве первого исходного постулата взято противоположное материализму представление о том, что все сущие в мироздании имеют энергетическую природу. В качестве второго исходного постулата взято отвергнутое неоматериализмом представление о рациональности мироздания. Соответственно, в концепции полностью отсутствуют иррациональные представления — о бесконечности, неопределенности, энтропии, поле, случайности.

Энергетическая концепция предлагает иной способ разрешения конфликта между рационализмом классического материализ-

ма и иррационализмом идеализма. Предлагается в качестве альтернативы введению иррациональных представлений в модель мироздания осуществить территориальный раздел. Для этого часть мироздания в границах Метагалактики нужно признать территорией рационального. Это значит, что все происходящее в этом пространстве принципиально доступно для измерения и изучения. Тогда как пространство мироздания за пределами Метагалактики предлагается считать территорией иррационального — все происходящее там считать принципиально недоступным для наблюдения и, соответственно, познания.

Раздел мироздания по территориям позволяет отказаться от попыток найти рациональные ответы на вопросы о том, что было до рождения Метагалактики и что сегодня происходит за ее границами. Соответственно, науке не возбраняется допускать, что Метагалактику действительно создало высшее для нас существо — тот, кого в религиозных учениях принято называть Творцом. При этом, как и утверждает идеализм, Творец действительно непознаваем — находится за пределами Метагалактики и потому недоступен для непосредственного наблюдения и изучения.

1.2. Основные представления энергетической концепции

Постулаты о рациональности и энергетической основе мироздания являются *исходными представлениями*. Для создания сложной модели мироздания требовалось сформулировать производные от исходных дополнительные постулаты — *основные представления*. В энергетической концепции сформулированы следующие основные представления.

1. Исходная энергия существует в виде конечных линейных импульсов.

2. Импульс имеет два энергетических по сути начала — физическое силовое и информационное волевое. *Сила* — воздействующее начало импульса, а *воля* — его управляющее начало. Соответственно, воздействие и управление — физическое и информационное действия.

3. Импульс существует в неравновесном состоянии — *энергии*. Замыкаясь в кольцо, импульс превращается в *материю* — переходит в равновесное состояние. В состоянии энергии в импульсе доминирует силовое начало, а в состоянии материи — волевое. Поэтому энергия и материя различаются не своей природой, а только состоянием.

4. Каждое состояние импульса доступно для наблюдения только в собственной системе измерения. В состоянии энергии импульс доступен для наблюдения во *временной системе измерений*, а в состоянии материи — в *пространственной системе измерений*. Так что если материя представляет собой субстанцию, протяженную в пространстве, то энергия — субстанцию, протяженную во

времени.

5. Замкнувшиеся импульсы формируют мотки, которые и представляют собой большие по масштабам, в сравнении с замкнутым импульсом, *материальные сущие*. И в большие по масштабу образования материальные сущие соединяются не таинственными «внутренними силами», а замкнутыми импульсами, которые выступают аналогом бечевки. В свою очередь импульсы могут соединяться в большие по длительности и подобные веревкам пучки импульсов — *потоки энергии*. Как следствие, пространство Метагалактики заполнено мотками материальных сущих и пучками импульсов.

6. Мироздание существует не в движении, а во *взаимодействии* энергии и материи. В виде движения взаимодействие только наблюдается — в форме перемещения в пространстве или изменения во времени. В процессе взаимодействия энергия своим силовым началом выводит материю из равновесного состояния, а материя, наоборот, своим волевым началом стремится восстановить свое равновесное состояние.

7. Объемные образования имеют разный состав внутреннего пространства — в одних больше энергии, в других — меньше. Если имеющие разную плотность энергии сущие вступают в контакт, то часть импульсов получает возможность покинуть внутреннее пространство сущих — перетечь во внутреннее пространство другого сущего. Соответственно, первое сущее теряет часть своего энергетического потенциала, а второе сущее увеличивает.

8. *Смысл любого взаимодействия между сущими состоит в передаче энергии*. И вектор взаимодействия всегда имеет единственное направление — из пространства, имеющего большую плотность энергии, в пространство с меньшей плотностью. Соответственно, исходным условием любого взаимодействия является наличие разности энергетических потенциалов между сущими.

9. Любое сущее представляет собой *внутреннее взаимодействие* собственного силового и волевого начал. Тогда как *взаимодействие между сущими является внешним*. Во внешнем взаимодействии сущее, обладающее большей плотностью энергии, является *активным*. При контакте активное сущее передает избыток своего энергетического потенциала *пассивному* субъекту взаимодействия.

10. Единственным источником энергии является Творец — он генерирует импульсы и наполняет ими пространство Метагалактики. Как следствие, она расширяется.

1.3. Модель эволюционного процесса

Главная идея новой модели эволюции заключается в ее целенаправленности. Модель, в сущности, решает одну задачу — формулирует представления о векторе эволюции как истинном направлении, в котором имеющаяся у человека свобода воли и способ-

ность трудиться должны ориентировать деятельность человека. Естественными производными от этой модели должны быть представления о совершенных морали и нравственности, пользуясь которыми человек автоматически следовал бы в направлении эволюционного процесса, а не против его течения.

Целенаправленность эволюции подразумевает наличие силы и воли, которые ориентируют процесс на достижение конкретного замысла. Поэтому у Метагалактики обязательно должен быть Творец — внешнее для него начало, замысел которого составляет цель эволюционного процесса.

Рациональная логика требует, чтобы эволюция была конечна во времени. А потому эволюционный процесс должен прекратиться — или вследствие достижения поставленной цели, или вследствие исчерпания источника энергии. Неоматериализм исключает обе причины — в его представлениях эволюция бесцельна и бесконечна, вечна. А закон сохранения энергии обеспечивает эволюционному процессу «вечный движитель».

Творец, который в энергетической концепции является источником и движущей силой эволюции, безусловно, непознаваем и непостижим — находится вне доступной для непосредственного наблюдения части мироздания. Однако это вовсе не означает, что непознаваем и непостижим преследуемый им замысел. Ведь он достигается в пространстве Метагалактики, а сам процесс достижения протекает в виде эволюции. Как следствие, как минимум, доступен для постижения.

Эволюция продолжается уже около четырнадцати миллиардов лет. И так как она не только, как представляется, целенаправленна, но и подчиняется неизменным законам Бытия, принципиально возможно определить не только ее динамические и масштабные характеристики, но и ориентацию ее вектора. И, определив направление вектора эволюционного процесса, можно постичь его конечную цель — понять замысел Творца.

В процессе эволюции появляются все более совершенные сущие. Поэтому вполне логичным выглядит предположение, что со временем в Метагалактике появится сущее, как минимум, равное по совершенству Творцу. Или, вероятно, в чем-то даже более совершенное. Если соединить в одно представление о целенаправленном характере эволюционного процесса и предположение о принципиальной возможности появления в его результате близкого Творцу по совершенству сущего, мы получим единственно возможное рациональное представление о величайшем замысле — рождении *Нового Творца*. Это значит, что в Метагалактике, как во чреве матери, уже четырнадцать миллиардов лет идет имеющий рациональную природу и потому доступный для постижения разумом процесс рождения Нового Творца. Что и представляет собой смысл эволюции и замысел Творца.

Эволюция — глобальный процесс Метагалактики. Тогда как

все остальные протекающие в ней процессы — какие-то производные от эволюционного процесса. Отсюда следует, что предназначение человека — производное от предназначения мироздания. Точно так же цель жизни человека должна быть производной от заданной Творцом цели. Поэтому определить цель эволюции и способ ее достижения — значит сформулировать представления о смысле жизни человека в виде идеи его предназначения, цели его существования и правильного способа его деятельности.

Вектор эволюции — не дорожный указатель. Он не наблюдаем прямо. Только сравнивая прошлый и настоящий мир, человек может определить, в каком направлении он развивается. Поэтому только изучение истории человечества, живой природы, планеты, Метагалактики дает человеку знания, анализ которых поможет определить направленность вектора эволюционного процесса.

Материализму не удалось найти общие для всех эпох закономерности развития и выделить его типичных субъектов. Как следствие, существующие эволюционные теории (физическая, космологическая, биологическая и общественные) в принципе непригодны для объединения в виде общей модели эволюции.

При создании предлагаемой модели эволюционного процесса было сформулировано два исходных представления. В соответствии с первым, *эволюция как способ существования Метагалактики представляет собой единый и имеющий дискретный характер процесс развития*. В соответствии со вторым постулатом, *эволюция носит целенаправленный характер, ориентация которого задается законами Бытия*.

Как следствие, эволюционный процесс имеет общие для всего времени его течения закономерности, которые современной наукой пока еще не выявлены, и однотипные в своих принципиальных особенностях циклы — *эволюционные эпохи*. Соответственно, во всех эпохах есть однотипные субъекты развития, взаимодействие которых осуществляется по общим закономерностям.

Метагалактика способна расширяться только в том случае, если Творец будет непрерывно генерировать исходные импульсы и направлять их в ее внутреннее пространство. Это представление полностью рационально. Точнее, оно иррационально только в части происходящего за границами Метагалактики — в объяснении происхождения потока исходных импульсов.

Если кому-то не нравится гипотеза о генерирующем исходные импульсы «высшем существе», он может удовлетвориться более приземленным представлением на этот счет, например, представлением о том, что в пространство Метагалактики исходные импульсы перетекают из другого пространства, обладающего большей плотностью энергии. Такую гипотезу можно назвать моделью «Большого дырявого мешка».

Астрономы университета г. Ульм (ФРГ) построили модель конечной Вселенной. Оказалось, что она похожа на дудку —

имеет коническую форму. Причем ее узкое отверстие чрезвычайно мало. Такая форма полностью отвечает энергетической концепции, в которой Метагалактика должна иметь «горлышко», через которое Творец направляет импульсы в ее внутреннее пространство. В модели «рожка» Метагалактика как раз и имеет единственное и небольшое по размерам «входное отверстие». Хотя это отверстие вполне может быть не входным, а выходным — той самой «дыркой» в каком-то большом мешке.

Теория Большого взрыва с моделью «рожка» несовместима. Вернее, с этой моделью совместим только управляемый взрыв. А он требует для себя управляющего начала — кого-то, кто своим действием заставляет Метагалактику расширяться не по естественной для взрыва модели сферы, а по модели «рожка». А это автоматически приводит к представлению о Творце, выполняющем функцию управляющего начала Большого взрыва. В итоге остается лишь сделать выбор между Творцом-созидателем и Творцом-подрывником.

Модель единого и целенаправленного эволюционного процесса имеет в своей основе следующие основные представления.

1. Для Метагалактики Творец выступает первым внешним для нее началом — активным. Тогда как вторым внешним для Метагалактики началом является пассивное Бытие, образ которого можно представить в виде исходной уравновешенной среды. Соответственно, Метагалактика родилась и существует в результате воздействия Творца на Бытие.

2. Устойчивость — это неизменность. А *развитие* или *деградация* — это противоположно ориентированные процессы изменения, источником которых является воздействие энергии. Соответственно, развитие или деградация — это ориентация процесса взаимодействия.

3. Так как вектор развития направлен от менее совершенных к более совершенным сущим, можно предположить, что субъекты эволюционного процесса развиваются в направлении Творца — самого совершенного сущего мироздания. А так как Творец является активным сущим, то повышение энергетического потенциала относительно окружающей среды — это путь развития любого сущего. Но так как повышение энергетического потенциала обеспечивается деятельностью Творца, то развитие сущего идет путем повышения качества его оболочки — материальной составляющей, позволяющей сущему повышать плотность энергии в своем внутреннем пространстве.

4. Любое взаимодействие протекает по логистической кривой, продолженной за точку апогея, а его результат представляет собой итоговый энергетический баланс. На рис. 1 представлен универсальный график взаимодействия, описывающий процесс его протекания и демонстрирующий его конечный результат. Восходящий участок кривой описывает

процесс воздействия активного субъекта взаимодействия — выведение пассивного сущего из состояния равновесия. Нисходящий участок описывает процесс уравнивания пассивного сущего на доступном ему энергетическом уровне.

Рис. 1. Кривые изменения сущего в процессе взаимодействия

Если по окончании взаимодействия сущее теряет меньшее количество энергии в сравнении с полученным в результате воздействия, плотность энергии в его внутреннем пространстве оказывается большим в сравнении с исходным. В этом случае сущее развивается. Этот вариант демонстрирует «кривая развития». Если в результате взаимодействия сущее отправляет в окружающее пространство большее количество энергии, в сравнении с полученным в процессе воздействия, плотность энергии в его внутреннем пространстве оказывается меньшей, в сравнении с исходной. В итоге сущее деградирует. Этот вариант демонстрирует «кривая деградации». Если сущее в результате взаимодействия отправляет в окружающее пространство то же количество энергии, что и получило в процессе воздействия, тогда плотность энергии в его внутреннем пространстве остается на исходном уровне. В этом случае сущее сохраняется неизменным. Этот вариант демонстрирует «кривая устойчивого существования».

Цикл взаимодействия начинается и заканчивается в точках нижних перегибов кривой — исходной и финальной. Нижние перегибы кривой, точки перегиба, являются зонами застоя — в них сущее уравнивается до следующего цикла изменения. В точке верхнего перегиба кривой, в апогее, происходит поворот вектора процесса — с получения энергии на

избавление от нее. Результат изменения сущего определяется разницей между исходным и финальным уровнями нижних пегрибов и знаком этой разницы — положительным или отрицательным. Положительная разница демонстрирует процесс развития, а отрицательная — процесс деградации. Соответственно, знак разницы определяет ориентацию вектора взаимодействия — в направлении развития или в сторону деградации. Достигшие полной устойчивости сущие становятся вечными — будут существовать столько времени, сколько будет существовать Метагалактика.

5. На описывающей взаимодействие кривой имеются четыре *особые точки*, в каждой из которых меняется характер течения процесса — в первой ускорение сменяется замедлением, в точке апогея процесс ускоряется, в следующей точке ускорение опять сменяется замедлением, а в точке перигея процесс снова ускоряется — начинается следующий цикл. В точках, в которых меняется знак ускорения, должны происходить принципиальные изменения в течении процесса. Как представляется, должны рождаться новые исходные сущие и начинаться новая стадия цикла. Поэтому любую эволюционную эпоху необходимо делить на четыре *стадии* — по две в каждой фазе.

6. Переход процесса на новую стадию осуществляется действием «масштабного эффекта», иногда называемого *М-эффектом*. Суть М-эффекта заключается в том, что при увеличении пространственной или временной характеристики однородного тела всегда наступает момент, когда в нем появляются области с иной структурой — рождаются новые *исходные сущие*. М-эффект выступает в качестве *пускового механизма эволюционного процесса*, действие которого приводит к появлению в существующей среде новых субъектов развития — обеспечивает запуск очередной стадии эпохи или очередной эпохи.

7. Для того чтобы происходили взаимодействия, сущие должны быть доступны для воздействия — должны контактировать друг с другом. Это происходит в том случае, когда они объединяются в виде образования, в котором отсутствует пустота — все субъекты доступны для воздействия. Задачу взаимной доступности для субъектов развития решает действующий в эволюционном процессе *механизм объединения*. Он обеспечивает заполнение среды субъектами развития до уровня, когда они становятся доступны друг другу для взаимодействия — объединятся в пространственном измерении.

8. Для того чтобы развитие продолжали только самые совершенные сущие и отбраковывались менее совершенные, в эволюционном процессе действует *механизм отбора*. Действие механизма отбора основывается на оценке ориентации вектора взаимодействия — в сторону цели эволюции или в противоположном ей направлении. Так что механизм отбора имеет достаточно простую конструкцию — дает шанс только тому сущему, вектор изменения

которого в процессе взаимодействия совпадает с вектором эволюционного процесса.

9. Оба механизма являются механизмами действия среды. Так как развитие представляет собой внутренний процесс сущего, действие механизмов эволюционного процесса представляет собой влияние на процесс развития *третьего фактора* — среда выступает в качестве третьего субъекта любого взаимодействия, в результате которого сущие развиваются или деградируют. Соответственно, эволюционные механизмы только ускоряют процессы изменения сущих. Тогда как качество изменения, развитие или деградация, определяется внутренним взаимодействием сущего — его силового и волевого начал. Представление о «третьем факторе» гораздо проще, в сравнении с синергетикой, объясняет отклонение результатов взаимодействий от задаваемых управляющими ими закономерностями.

10. Эволюционный процесс детерминирован — направлен на достижение замысла Творца. Воздействие среды ориентировано в направлении вектора эволюционного процесса. Так что если общественное взаимодействие тоже ориентировано в этом направлении, то воздействие среды будет ускорять его течение — энергия среды будет выступать в качестве «попутного ветра». А потому его субъекты смогут ускоренно развиваться и будут иметь больше шансов на победу в эволюционной гонке. Если же общественное взаимодействие ориентировано в противоположном относительно вектора эволюции направлении, воздействие среды будет тормозить его течение, как движение человека тормозит дующий ему навстречу ветер. Субъекты взаимодействия не смогут успеть завершить процесс своего развития и будут отбракованы механизмом отбора — в достигшей устойчивости среде для них не окажется места.

11. Каждый цикл эволюционного процесса начинается с действия М-эффекта, приводящего к появлению новых исходных сущих. По мере возрастания их числа формируется *исходное облако* (максимонное, водородное, пылевое). Механизмы объединения создают в облаке новые сущие — большие по масштабу и уровню сложности в сравнении с исходными. А механизм отбора разрушает менее совершенные и тем освобождает пространство для развития более совершенных. В конце цикла образуется какое-то количество совершенных и, соответственно, полностью устойчивых *глобальных сущих*. В их внутреннем пространстве формируются области, условия в которых приводят к возникновению М-эффекта. Начинается новый цикл эволюционного процесса — рождаются новые исходные сущие. И так как глобальных сущих образуется какое-то количество, эволюционный процесс автоматически разделяется на несколько *параллельных русел*. И хотя в руслах процесс протекает по одним и тем же закономерностям, в зависимости от имеющихся условий скорость его течения оказывается разной. В одних руслах процесс может идти с макси-

мальной скоростью, а в других «ползти». В одних руслах эволюция продолжается, тогда как в других руслах останавливается.

12. Все эпохи эволюционного процесса сопрягаются так, как это изображено на рис. 2.

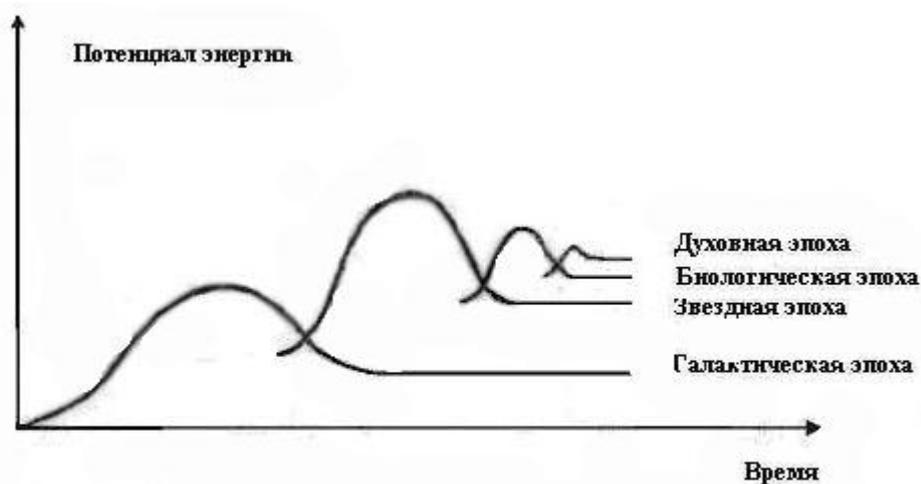

Рис. 2 Земное русло эволюционного процесса

В энергетической модели эволюционного процесса Метагалактика сохраняет неизменной свою природу на всем своем протяжении в пространстве и длительности во времени. Эволюционным процессом управляют одни и те же законы, а эволюционные эпохи становятся циклами общего процесса. При этом эволюция является единым процессом только во времени. Тогда как в пространстве разветвляется на самостоятельные процессы, каждый из которых протекает в своем собственном русле.

Новая модель эволюционного процесса ликвидирует основу для спора между приверженцами разных механизмов развития — мутагенеза и «борьбы за существование». В предлагаемой модели процесс развития состоит из четырех стадий. На первой М-эффект обеспечивает рождение новых сущих и представляет собой механизм действия мутагенеза. На второй стадии механизм объединения обеспечивает наполнение среды новыми сущими. На третьей стадии механизм отбора обеспечивает выбраковку недостаточно устойчивых сущих и может идентифицироваться в качестве механизма «борьбы за существование». На четвертой стадии осуществляется наполнение среды полностью устойчивыми сущими. К концу четвертой стадии создаются условия, необходимые для начала следующего цикла развития.

В предлагаемой концепции субъекты развития ни с кем не борются — они только повышают степень своего совершенства и, как следствие, свою устойчивость. И тот, кто в этом деле преуспевает, продолжает развитие. Естественно, что более устойчивые сущие выглядят более сильными. Откуда и берет начало ошибоч-

ное представление о том, что они «выжили», потому что кого-то «победили». На самом деле они просто первыми пришли к «финишу». А так как любое пространство ограничено, опоздавшим в нем не находится места и они разрушаются.

1.4. Биологическая эпоха

На протяжении первых двух эпох глобального эволюционного процесса (*галактической* и *звездной*) в качестве активных субъектов взаимодействия выступали **физические импульсы** — сначала сами по себе, а затем в качестве инструментов воздействия активных физических сущих. Такой тип взаимодействия можно назвать **физическим**, а эпохи, на протяжении которых развитие обеспечивалось этим типом взаимодействий, **физической фазой эволюции**.

Вторая фаза эволюции начинается в апогее звездной эпохи. Глобальный эволюционный процесс тоже протекает по логистической кривой. И его вторая фаза является зеркальной относительно первой — на ней процесс имеет противоположную направленность. А это возможно только в том случае, если субъекты развития на второй фазе имеют противоположные в сравнении с субъектами первой фазы свойства.

Как представляется, противоположными физическим субъектам первой фазы эволюции стали **информационные** субъекты развития второй фазы. В апогее второй эволюционной эпохи, звездной, ставшей точкой апогея глобальной эволюции, на Земле сформировалась водная среда — однородное пространство, в котором начинает действовать М-эффект и появляется принципиально новый вид импульсов — **информационные импульсы**. И появляются принципиально новые субъекты развития — **информационные сущие**. Соответственно, возникает новый тип взаимодействия — **информационный**. Поэтому вторая фаза эволюции может называться **информационной**.

Каждое физическое сущее в процессе взаимодействия излучает в окружающее пространство пучки импульсов, которые имеют разную толщину и длительность — содержат в себе разное количество исходных импульсов. При этом толщина и длительность излученного пучка определяется особенностью создавшего его сущего. Каждый из них своей длительностью и конфигурацией сечения кодирует информацию о какой-то особенности создавшего его сущего. Лазер демонстрирует возможность образования устойчивого пучка импульсов, а зеркало демонстрирует, что поток света в конфигурации лучей может нести информацию.

Хотя любой излученный импульс несет информацию об особенности создавшего его сущего, не любой импульс может считаться информационным. Реальность субъекту мироздания обеспечивает устойчивость, поэтому реальным информационным импульсом может считаться только импульс, несущий **устойчивую**

информацию о создавшем его сущем.

Источник устойчивой информации — характерная особенность сущего, его характеристика. Поэтому только характеристика представляет собой устойчивую информацию о сущем. Соответственно, только пучок импульсов, который своим сечением и длительностью кодирует информацию о характеристике создавшего его сущего, представляет собой информационный импульс. Он же постоянно воспроизводится сущим, и потому является устойчивым субъектом мироздания.

Исходным субъектом информационной фазы стал исходный информационный импульс — **сигнал**. Он представляет собой исходную информационную энергию, в которой воздействие осуществляет волевое начало. Замыкаясь, сигнал преобразуется в исходную **информационную материю** — доступную для наблюдения в пространственной системе измерений в форме **элементарного знания** информацию.

Для обретения устойчивости в физическом мире информации требуются физические субъекты — физические импульсы в качестве **носителей** сигналов и физические сущие в качестве **хранителей** знаний. Поэтому характеристика становится сигналом после того, как обретает носитель — пучок физических импульсов, обеспечивающий сигналу устойчивость. И характеристика превращается в знание после того, как обретает хранителя — устойчивое физическое сущее, обеспечивающее знанию устойчивость.

Обретение информацией устойчивости происходит путем ее **запоминания** устойчивыми физическими импульсами и сущими. Запоминание осуществляется путем превращения информационной энергии в информационную материю в результате замыкания сигнала на устойчивых физических сущих.

Если информацией обладали уже пучки импульсов, генерируемые элементарными частицами, то способные запоминать информацию физические сущие, молекулы, появились лишь в конце первой фазы. Так что развитие информации стало возможным только после появления пригодных в качестве хранителей молекул.

Зеркало демонстрирует способность кристаллических молекул выступать в качестве неустойчивых хранителей информации. Фотобумага демонстрирует, что устойчивость хранителей повышается за счет аморфных молекул, которые способны лучше запоминать информацию и быть для нее более устойчивым хранителем. А самыми совершенными хранителями информации стали органические молекулы.

В начале второй фазы появилась необходимая для течения эволюционного процесса пара — сигнал и знание. Будучи противоположными друг другу по своему состоянию, они могли вступать в естественное для них информационное взаимодействие. С появлением информационного взаимодействия начинается течение первой информационной эпохи — **биологической**. Как

и в предыдущие эпохи, в первой стадии биологической эпохи шло формирование состоящего из элементарных знаний исходного *биологического облака*.

Любой сигнал — «вестник» какого-то сущего в составе окружающей среды. И демонстрирует его характеристику. А так как любое сущее имеет несколько характеристик, то оно генерирует несколько устойчивых сигналов. И если эти сигналы запоминаются одной органической молекулой, в ней формируется набор характеристик сущего — его *статический портрет*.

Устойчивые сгустки органических молекул могли запоминать большое количество портретов — вплоть до всей имеющейся в окружающей среде их номенклатуры. Ведь субъектов окружающей среды было не так уж много. Поэтому гамма портретов хотя и шире гаммы сложных атомов, была все-таки ограниченной. И после того, как сгусток молекул запоминал портреты всех имевшихся в окружающей среде сущих, возникала *картина окружающей среды*.

Картина представляет собой информационную материю в составе *одноклеточного организма*, или *микроорганизма* — реального вследствие своей устойчивости *сложного информационного сущего*. Ведь после того, как сгусток молекул запоминал все распространяющиеся в среде сигналы, картина в его составе переставала изменяться — приобретала устойчивость, необходимую для существования в качестве реального субъекта мироздания.

В единую картину элементарные знания соединяются *связями-отношениями* друг с другом. Представляется, что связи-отношения существуют в виде устойчивого кокона, формирующегося из вторичных информационных импульсов, которые генерируют элементарные знания в составе сложного информационного сущего.

Любые связи-отношения наблюдаются в виде *моделей действия*, которые используют для взаимодействия друг с другом их субъекты. Сложное сущее имеет два пространства — собственное внутреннее и окружающее внешнее. Связи-отношения как модели действия связывают элементарные составляющие сложного сущего тем, что направляют реакцию на любое воздействие на них в одно из пространств — внешнее или внутреннее. Модель действия, руководящая взаимодействием сущего с субъектами окружающего пространства, необходимо называть *моделью деятельности*. Тогда как модель действия, руководящая взаимодействием сущего с субъектами внутреннего пространства, нужно называть *моделью поведения*.

Именно связи-отношения между элементарными знаниями обеспечивают информационному сущему возможность устойчивого существования и целенаправленной деятельности. Для него главным является качество связей между ними. А потому *субъектом развития в информационной фазе эволюции являются не картина окружающей среды, а связи-отношения между ее элементами*.

Если физическая составляющая микроорганизма наблюдается в виде органического вещества, то управляющие взаимодействием модели действий доступны для наблюдения в виде набора рефлексов. Поэтому в дальнейшем совокупность моделей действий микроорганизма можно называть *рефлекторной системой управления*.

Информационное начало микроорганизма наблюдается в виде его *ядра*. Тогда как *тело* микроорганизма — это его физическое начало. Точнее, физиологическое, представляющее собой преобразованное в подобие скафандра прилегающее к микроорганизму внешнее пространство. Соответственно, тело микроорганизма обеспечивает ему устойчивость во взаимодействии с субъектами окружающей среды и процесс деления — размножения микроорганизмов.

В начале второй стадии появились и стали развиваться новые информационные сущие — *макроорганизмы*. А микроорганизмы в составе макроорганизма становились его *клетками*. Оставаясь по исходным особенностям микроорганизмами, клетки в составе макроорганизма продолжали делиться, при этом новые клетки, естественно, оставались в его внутреннем пространстве, что обеспечивало увеличение размеров макроорганизма.

Со временем начался процесс специализации клеток. Так, клетки, которые находились ближе к внешней оболочке макроорганизма, в большей мере участвовали в обеспечении его деятельности — накапливали энергию, которая использовалась во взаимодействии с окружающей средой. Тогда как клетки, которые находились далеко от внешней оболочки, в большей мере участвовали в обеспечении поведения макроорганизма — накапливали энергию для взаимодействий в его внутреннем пространстве.

Специализация клеток привела к тому, что вокруг разных групп клеток начали формироваться специфичные замкнутые импульсы, генерируемые соответствующими группами клеток. Как следствие, возникали специализировавшиеся на руководстве действиями во внешнем или внутреннем пространстве оболочки. В результате макроорганизм приобрел многослойную структуру — превратился в *растение*.

Однотипные субъекты не могут полноценно взаимодействовать друг с другом. Поэтому вначале растения разделились по специализации на *мужские* и *женские* — активные и пассивные. *Животные* в биологической среде выступили как активные по отношению к растениям субъекты. Животные со временем тоже разделились на мужские и женские особи. Первоначально животные были травоядными — активными только по отношению к растениям. Но затем появились и животные, активные по отношению к травоядным животным, — хищники.

Одни органы и системы обеспечивали функционирование те-

ла животного, другие обеспечивали его взаимодействие с окружающей средой. А один орган стал специализироваться на общем управлении — выступил управляющей системой всего животного, наблюдаемой в виде *мозга*. При этом нужно понимать, что сам мозг является физиологическим носителем системы управления. Действия животного наблюдаются в виде *многоходовых процессов взаимодействия*, управляемых многоходовыми программами в виде *инстинктов*. Соответственно, систему связей-отношений макроорганизмов можно назвать *инстинктивной системой управления*.

Как представляется, исходными информационными импульсами, с появления которых начался процесс развития инстинктивной системы управления, стали *сложные сигналы* — змейки последовательных сигналов, каждый из которых описывал портрет какого-то субъекта окружающей среды в каком-то одном состоянии. В результате получалась последовательность портретов, в сумме представлявших собой описание процесса существования или деятельности этого субъекта.

Если сложный сигнал замыкался в кольцо, он превращался в *динамический портрет* субъекта окружающей среды. Сложные сигналы поступали не только из внешнего пространства — их создавали и органы, обеспечивающие функционирование физиологического организма. Эти сигналы тоже запоминались инстинктивной системой управления в виде *динамических портретов внутреннего пространства животного — процессов существования и развития его систем жизнедеятельности*. Объединение динамических портретов приводило к возникновению *динамической картины окружающей и внутренней среды*, которая стала «базой данных» инстинктивной системы управления.

В каждом русле звездной эпохи глобальными сущими стали звезда и окружающие ее планеты. При этом нужно иметь в виду, что в энергетической концепции светило является только ядром звезды, тогда как ее тело охватывает пространство всех окружающих планет. В биологическую эпоху глобальными сущими стали *биосфера* как аналог звезды и *биоценозы* как аналоги планет. Соответственно, глобальные сущие представляют собой среды, в пространствах которых продолжается течение эволюционного процесса.

Биосфера и биоценозы формируются не только за счет живых организмов. Гибель организма представляет собой разрушение лишь образующих его физическую составляющую органических молекул. Но это не касается имеющихся в составе молекулы элементарных знаний — их замкнутые цепочки удерживаются собственными сигналами и соединяются в картину собственными связями-отношениями. А потому в случае разрушения органической составляющей достигшие достаточной устойчивости информационные сущие продолжают существование.

При разрушении физического содержания микро- и макроорганизмы лишаются возможности взаимодействия с окружающей средой. А потому погружаются в «сон» — существуют дальше в качестве полностью устойчивых информационных сущих или вторичных и третичных после элементарных знаний наполнителей информационной среды. Другое дело, что организмы в чисто информационном виде недоступны для непосредственного наблюдения современными приборами — замкнутые импульсы в их составе во много раз меньше атома. А плотность мотка импульсов недостаточна для генерирования заметных для средств наблюдения импульсов.

Изложенное означает, что бессмертие информационных субъектов мироздания реально в той же мере, в которой реально бессмертие физических сущих. Его условие то же, что и для физических субъектов — полная устойчивость. А смерть организма представляет собой переход физическо-информационного взаимодействия в чисто информационное. Как следствие, в момент смерти происходит переход от активной жизнедеятельности к «вечному сну». Представляется, что биосфера и биоценозы в подавляющей части состоят из микро- и макроорганизмов, лишившихся физиологической составляющей. Тогда как живые организмы составляют незначительную часть облака.

1.5. Духовная эпоха

Инстинктивная система управления стала самым сложным информационным сущим биологической эпохи. Поэтому именно на ней, как на *информационном носителе*, возникли исходные информационные сущие четвертой эволюционной эпохи — *духовной*. К концу второй стадии биологической эпохи в результате действия М-эффекта в пространстве инстинктивной системы управления некоторых насекомых, рыб, птиц и млекопитающих стали рождаться исходные импульсы духовной эпохи — *идеи*. Замыкаясь и уравниваясь, идеи превращались в исходные сущие духовной эпохи — *представления*. В дальнейшем для удобства изложения речь пойдет только о млекопитающих, в русле развития которых продолжилось течение эволюционного процесса на следующей стадии духовной эпохи.

Сигнал — это информационный импульс, описывающий созданный физическим сущим его реальную характеристику. При этом сигнал создается физическим взаимодействием. Идея отличается от сигнала тем, что создается самим информационным сущим и потому представляет собой информационный импульс, описывающий *гипотетическую характеристику* реального сущего или процесса. И создается мышлением — новым видом информационного взаимодействия.

Исходным информационным импульсом стала идея о сородиче как *партнере в совместной деятельности по достижению общей*

цели. Совместная деятельность повышает эффективность действий, ускоряет процесс развития и повышает устойчивость существования. Поэтому совместная деятельность стала для субъектов духовной эпохи мотором развития и опорой существования.

Совместная деятельность возможна только в том случае, если имеется общая для ее субъектов цель, которая способна сделать их партнерами. Но непосредственно наблюдаемой партнерской характеристики сородича не существует — партнерский статус животного может косвенно наблюдаться через его действия в некоторых ситуациях — например, оказание помощи в выкармливании детенышей или их защите.

Поэтому идея о партнерстве рождалась в качестве объяснения нестандартных действий сородича — представляла собой его гипотетическую характеристику. Замыкаясь и уравниваясь, идея превращалась в исходное сущее духовной эпохи — представление о сородиче как партнере. Соответственно, идея и представление открывают новый вид информационных субъектов мироздания — создаваемых мышлением.

Несколько описывающих партнерские характеристики представлений соединялись в единое целое в виде *образа партнера* — материального начала *социальной системы управления*. Образы соединялись в единую социальную систему управления моделями действий в отношениях с партнером в процессе совместной деятельности. По аналогии с компьютером, образы выступали в качестве «базы данных», а модели действий — в качестве «программного обеспечения».

Как и предыдущие системы управления, рефлекторная и инстинктивная, социальная система представляла собой картину окружающей *социальной среды*, состоящей из образов партнеров, объединенных коконом стандартных моделей действий. При этом образы выполняли функцию пассивного начала внутреннего информационного взаимодействия социальной системы управления, а модели действий — ее активного начала в таком взаимодействии. В дальнейшем мы будем называть животное, обладающее социальной системой управления, *социальным животным*.

Системы управления двух партнеров не равны друг другу по энергетическому потенциалу — одна обязательно сильнее, а другая слабее. Поэтому во внешнем взаимодействии между партнерами функции разных начал выполняют уже они сами — один выступает в качестве активного, а другой — пассивного начала. Социальная система управления мужской особи чаще сильнее социальной системы управления женской — мужской организм дает исходное преимущество. Поэтому в социальном взаимодействии животных мужские особи чаще выполняют функцию активного начала, а женские — пассивного.

Модели поведения и деятельности в социальном взаимодействии существуют в виде *общих правил*, одинаковых для партнеров

и в сумме наблюдаемых в виде *морали*. При этом если модели рефлекторной и инстинктивной систем создавались эволюционным процессом и копируются механически, то социальная система управления создается каждым животным самостоятельно на протяжении детства. Образ партнера и модель действий в совместной деятельности социальным животным осознанно принимаются или нет в зависимости от того, насколько они оказываются адекватными реальности.

Детеныши, наблюдая действия родителей и сородичей, получают и перерабатывают информацию — копируют образы партнеров, модели их действий и соединяют их в виде самостоятельного информационного сущего — социальной системы управления. Судя по всему, решение именно этой задачи обеспечивает феномен иждивения детенышей многих социальных животных — им не нужно заботиться о пропитании и потому имеется достаточно времени для создания социальной системы управления.

В составе инстинктивной системы управления имеются две главные цели, являющиеся общими для всех без исключения живых существ — цели продолжения рода и добывания пищи. Тогда как все прочие цели являются вторичными — обеспечивающими достижение главных целей. Как следствие, возникли две социальные системы управления совместной деятельностью по их достижению — *семейная* и *стайная*. Первая обеспечивала более эффективное достижение общей цели продолжения рода, вторая — более эффективное достижение общей цели добывания ресурсов для жизнедеятельности. Соответственно, возникли два вида морали — семейная и стайная.

Вероятнее всего, специализированные системы управления возникли последовательно. И более вероятно, что первой возникла стайная система управления, а за ней семейная.²⁵ Последовательно возникали *социальные информационные пространства*. Сначала возникла *стая* — социальная среда, состоящая из партнеров в деле достижения общей цели добывания пищи. Второй возникла *семья* — социальная среда, состоящая из партнеров в деле достижения общей цели продолжения рода.

Принципиальной особенностью общей цели является то, что она безальтернативна. И животное не может одну общую цель сделать главной, а другую второстепенной — обе системы управления обеспечивают решение одинаковых по важности задач: семейная — продолжения рода, стайная — устойчивого существования. И так как обе цели являются целями одного животного, семейная и стайная системы должны взаимодействовать друг с другом — создать соответствующие устойчивые модели действий. При этом именно эти модели действий будут объединять обе системы управления в единое целое — *общую социальную систему уп-*

²⁵ Автор исходит из представления, что дружба, как «стайное чувство», проще любви, как «семейного чувства». Соответственно, как дружба должна была появиться первой, так и стая должна была возникнуть раньше семьи..

равления.

Модели действий могут объединять только в том случае, если они основаны на принципиально важной для субъектов объединения **общности** — наличии **общих принципов** создания моделей действий. Принцип **территориального раздела** стал основой социальных моделей поведения. В соответствии с ним, в информационном пространстве каждой системы управления только она выступает в качестве активного начала. Поэтому в информационном пространстве той же семьи стайная система управления может обладать только пассивным статусом — не иметь права вмешиваться в процесс управления.

Совместная деятельность представляет собой объединение сил для достижения общей для ее субъектов цели. Поэтому **принцип объединения сил** стал основой социальных моделей деятельности. Как следствие, в социальном информационном пространстве легальными являются только модели деятельности, осуществляемой объединенными усилиями в рамках совместной деятельности. Тогда как индивидуальная деятельность может осуществляться только вне социального пространства — в природной среде.

Чтобы животные в семье и стае могли мирно сосуществовать и совместно действовать, информационное содержание их социальных систем управления должно быть одинаковым. Это достижимо только в том случае, если информацию для создания собственной социальной системы управления все животные копируют с какой-то общей матрицы — **модели стандартной социальной системы управления.**

Такая модель стандартной для всех животных социальной системы управления должна представлять собой самостоятельное информационное существо, реально существующее вне животных в виде части окружающей социальной среды. Потому что животное может копировать информацию только из окружающего пространства — у детеныша нет миллионов лет, которые требуются для самостоятельного создания портретов партнеров и моделей взаимодействия с ними. У него имеется только фундамент для их создания — общая цель.

Функцию **матрицы стандартной социальной системы управления** выполняет общая социальная среда, состоящая из стаи и семей, — **животный социум.** А социальные системы управления его субъектов выполняют функцию носителей информационной матрицы. И, осуществляя информационное взаимодействие с социальной средой, детеныши имеют возможность быстро создать собственную социальную систему управления — скопировать стандартные портреты партнеров и модели взаимодействия с ними.

В случае гибели части животных модель стандартной социальной системы управления сохранялась в головах оставшихся в живых. А это позволяло очередному поколению животных создавать собственные социальные системы управления. Поэтому социаль-

ная среда выполняет основную функцию физиологического тела — обеспечивает социальной системе управления возможность тиражирования себя. Соответственно, если головной мозг является *индивидуальным телом* социальной системы управления, то животный социум можно считать *общим телом* социальной системы управления.

Таким образом, социальная система управления существует в двух разных видах — стандартной матрицы и создаваемых животными ее копий, то есть информационной среды и ее субъектов. При этом если рефлекторная и инстинктивная системы управления размножаются путем деления и самокопирования, то социальная система управления размножается путем копирования социальной среды. Соответственно, копирование среды стало механизмом создания исходного облака духовной эпохи, состоящего из социальных систем управления.²⁶

Как и в случае с рефлекторной и инстинктивной системами управления, после гибели физиологического организма социального животного его система управления не разрушается. Она продолжает существовать в качестве полностью устойчивого информационного сущего — субъекта социального облака духовной эпохи. Процесс рождения и развития до полностью устойчивого состояния социальных систем управления обеспечивает наполнение информационной среды очередными по уровню сложности информационными сущими. Поэтому животный социум можно считать фабрикой, наполняющей пространство информационными сущими «третьего поколения». А копирование среды стало механизмом создания облаков духовной эпохи.

Исходными импульсами второй стадии духовной эпохи стали идеи о *воображаемых* сущих или процессах. Исходными стали два вида идей — первый содержал информацию о реальных, но недоступных для непосредственного наблюдения сущих и процессах мироздания, например о духах, законах природы. Второй вид идей содержал информацию о создаваемых воображением и до того реально не существовавших субъектах мироздания. Например, об искусственных орудиях труда, производственных процессах, предметах быта.

Исходная идея создается социальной системой управления и замыкается в виде представления о характеристике самого воображаемого сущего или процесса. Совокупность представлений формирует образ воображаемого сущего или процесса. В свою очередь, совокупность образов создает картину воображаемой части мироздания. Эта картина стала основой принципиально новой *интеллектуальной системы управления*.

²⁶ С течением времени ключевые (некоторые наиболее важные и устойчивые) модели действий вполне могут закрепляться на генерическом уровне — в составе информационной базы яйцеклетки. Соответственно, обретаются животным при рождении. И в дальнейшем в процессе обучения только снабжаются деталями и тонкостями использования.

Образы соединялись в единую картину моделями действий. Модели деятельности создавались в виде *технологий*, обеспечивающих *материализацию* воображаемых образов и постижение ненаблюдаемых сущих и процессов. Та же технология постижения позволяла изучать ненаблюдаемые субъекты мироздания — сущие и процессы. А технологии обработки физических материалов позволяли материализовать образы сущих и процессов, которых не существовало в природе — создаваемых воображением.

Модели поведения создавались интеллектуальной системой управления в виде *отношений* с субъектами *интеллектуальной среды* — совокупности искусственных и ненаблюдаемых сущих и процессов. Вера в Бога или любовь к вещам — примеры такого рода моделей поведения.

Интеллектуальная система управления начала формироваться в конце первой стадии духовной эпохи, когда она в своем временном измерении вышла на точку изменения скоростного режима — достигла максимальной скорости. И человекообразные обезьяны обрели интеллектуальную систему управления потому, что создаваемая ими социальная система управления развивалась с максимальной относительно остальных млекопитающих скоростью.

Закон инерции универсален. Поэтому в эволюционном процессе многих сущих «заносит» в следующую эпоху. У многих социальных организмов встречаются признаки наличия простейшей интеллектуальной системы управления. Известный пример — строительство гнезд. Другое дело, что такая интеллектуальная система управления дальше не развивается — не превращается в полноценную.

Совокупность моделей поведения и деятельности интеллектуальной системы управления наблюдается в виде *нравственности* — ее активного начала. Ведь именно нравственность руководит действиями — что материализовывать или изучать и каким именно способом, в каком направлении и каким путем преобразовывать окружающую интеллектуальную среду, как относиться к ее субъектам.

Научившись формулировать идеи и преобразовывать их в образы не существующих в реальности или не наблюдаемых сущих, создавать технологии и использовать свой физиологический организм в качестве *первого орудия труда*, интеллектуальная система управления начала преобразовывать окружающий мир. Например, сделав каменный топор, интеллектуальная система управления создала субъект мироздания, которого в природе не существовало. Как не существовало соответствующих процессов — технологий изготовления топора и его использования.

Поэтому не труд превратил обезьяну в человека, а способность

генерировать идеи и создавать представления. Тогда как процесс материализации в первую очередь обеспечивал представлениям устойчивость. А использование результатов материализации, орудий труда и предметов быта, только ускоряло развитие — создавало для него благоприятные условия.

Социальная система управления создавалась самим эволюционным процессом, поэтому была его пассивным субъектом. Появление интеллектуальной системы управления сделало возможным активное участие информационных сущих в эволюционном процессе, результаты которого наблюдаются в виде создания искусственной части мироздания — физической и информационной.

Так как существует два вида идей, сформировались два вида интеллектуальной системы управления — *созидательная* и *познавательная*. Созидательная система управления имеет в основе картину искусственной части мироздания, состоящей из образов сущих и процессов, созданных воображением и материализованных трудом. Познавательная система управления имеет в основе картину ненаблюдаемой непосредственно части мироздания.

Имеют свои особенности и нравственные составляющие систем. Это связано в первую очередь с тем, что системы разными способами воздействуют на окружающую среду — у созидательной системы доминирует физическое воздействие, а у познавательной — информационное. Как следствие того, что созидательная система больше воздействует на физическую часть окружающей среды, а познавательная — на информационную.

Созидательная и познавательная системы управления соединяются в *общую интеллектуальную систему управления* таким же образом, как и специализированные социальные системы, — моделями взаимодействий. И эти модели имеют такую же основу — пассивные основаны на принципе территориального раздела, а активные — на принципе объединения усилий. Хотя если социальные системы объединяли физические силы, то интеллектуальные объединяют информационные.

Территориальный раздел обеспечивает каждой интеллектуальной системе собственное поле деятельности — созидание или познание. А объединение усилий обеспечивает повышение эффективности каждой системы. Так, познавательная помогает созидательной затрачивать меньше физических сил на материализацию. В свою очередь, созидательная система снабжает познавательную инструментами, которые позволяют повысить объективность и скорость познания.

Такое сотрудничество интеллектуальных систем управления нельзя считать совместной деятельностью — хотя усилия объединяются, не происходит разделения результата между его участниками. Поэтому интеллектуальные системы управления неспособны к совместной деятельности. Как следствие, сотрудничество ме-

жду системами возможно только в форме *обмена результатами труда*. Так что если совместная деятельность является основой социальной системы управления, то *кооперация* является основой интеллектуальной системы.

Кооперация обеспечивает постепенное повышение специализации интеллектуальных систем управления. Специализация достигается большим масштабом и уровнем развития какой-то составляющей интеллектуальной системы управления. В этом случае соответствующий фрагмент интеллектуальной картины содержит гораздо больше элементов и моделей действий, и интеллектуальная система управления начинает специализироваться на деятельности в какой-то одной сфере в качестве профессионала в ней.

Любая общая интеллектуальная система управления содержит в своем составе обе специализированные системы — созидательную и познавательную. При этом какая-то из них может быть большей по масштабу и более развитой — она доминирует в составе общей системы. Отсюда первый уровень специализации общей интеллектуальной системы — созидательный или познавательный. Второй уровень специализации — отраслевая, связанная с деятельностью в одной или нескольких областях интеллектуальной среды.

Статус интеллектуальной системы управления в процессе взаимодействия, активный или пассивный, к специализации не относится. Статус зависит от собственного энергетического потенциала интеллектуальной системы и потенциалов других субъектов взаимодействия. Поэтому интеллектуальная система может постоянно менять статус, в зависимости от того, с какими субъектами она вступает во взаимодействие.

Создание образов искусственных сущих и процессов представляет собой процесс достижения *частных целей*. Именно это обеспечивают модели деятельности в составе созидательной системы управления. Появление искусственных сущих и процессов преобразовывает мир. Поэтому достижение частных целей стало тем способом, посредством которого созидательная система управления стала принимать активное участие в эволюционном процессе.

Частные цели создаются созидательной системой управления самостоятельно в качестве образов, нужных именно ей, но реально отсутствующих в окружающем ее мире сущих или процессов. Поэтому, в отличие от общих целей, частных целей великое множество, и их набор уникален для каждой интеллектуальной системы управления — как по номенклатуре частных целей, так и по особенностям каждой из них.

Совокупность образов искусственных сущих и процессов формирует первую составляющую искусственной информационной среды — *экономическую*. Она состоит из образов орудий труда,

предметов быта и технологий их создания. Позднее появляется вторая составляющая искусственной информационной среды — *политическая*. Она состоит из образов общественных сред и технологий управления ими — права и институтов.

Образ не наблюдающихся сущего или процесса представляет собой *личное мнение*. Формулирование личного мнения обеспечивают модели деятельности в составе познавательной системы управления. Появление личных мнений обеспечило развитие представлений о ненаблюдаемой части мироздания. Формулирование личных мнений стало тем способом, посредством которого познавательная интеллектуальная система управления принимает активное участие в эволюционном процессе — ориентировать деятельность познавательной системы в мироздании.

Совокупность представлений о составе и структуре мироздания составляет содержание следующей составляющей искусственной информационной среды — *мировоззренческой*. Наконец, совокупность представлений о гармонии и совершенстве составляет содержание последней составляющей искусственной информационной среды — *культурной*. Обычно каждая интеллектуальная система специализируется на создании и развитии какой-то одной из четырех составляющих искусственной информационной среды.

Социальная и интеллектуальная системы как субъекты развития в первой фазе духовной эпохи соединяются в единое целое в виде *разума человека*. При этом рефлекторная и инстинктивная системы управления в состав разума не входят — они служат ему информационной опорой. Социальную систему управления в составе разума можно уподобить его фундаменту, а интеллектуальную — непосредственно зданию. В составе разума социальная система выполняет функцию пассивного начала, а интеллектуальная — активного.

Совокупность представлений человека о мире, собственном предназначении, исповедуемых им морали и нравственности принято называть *мировоззрением*. Но разум человека как информационное сущее состоит из этой же информации. Это значит, что именно в виде мировоззрения разум и существует в качестве реального информационного сущего. Поэтому можно утверждать, что «разум человека» и «мировоззрение» являются тождественными понятиями — *разум человека доступен для непосредственного наблюдения в виде имеющегося у человека мировоззрения*.

Разум человека создается им самим путем заимствования из окружающей среды представлений и создания собственных. Последние требуются в первую очередь для того, чтобы соединить заимствованные представления в виде единого целого — мировоззрения. Представления — детали конструктора, из которых далеко не каждый человек сможет создать картину мира и модель его

существования. И сформировать мораль и нравственность в качестве правил поведения и деятельности в мире.

Эту проблему для развивающегося разума решают мировоззренческие учения — *религии* и *идеологии*, обеспечивающие человеку возможность более высокого старта для развития. Ведь любая религия или идеология предлагает человеку готовый и достаточно совершенный эскиз разума, включающий в себя общее описание картины мира, действующих в нем порядков, норм морали, нравственности, представления о предназначении человека и общества. По сути, учение — это база исходных представлений и методическое руководство по их соединению в виде разума.

Человеку остается только скопировать постулаты учения и модель их соединения в единое целое и таким способом получить себе *исходную форму разума*, а затем на протяжении жизни наполнять его деталями, которые будут повышать его масштаб и степень совершенства. В результате за какие-нибудь два-три десятка лет человек сможет создать самое сложное информационное существо — свой разум.

Религии отличаются от идеологий способом создания. Религия формируется из отобранных общественным мнением в качестве совершенных преданий и притч, описывающих модель мира, и набор необходимых для устойчивого существования в нем правил морали и нравственности. Идеология создается путем целенаправленного научного познания мира. Поэтому картина мира в составе индустриальных идеологий — результат синтеза достижений науки и культуры.

Общее учение, как *матрица стандартного разума*, обеспечивает фундаментальное сходство разума в основополагающих представлениях. Другое дело, что разум состоит из картины мира, видимой каждым человеком с собственной точки обзора. Как следствие, разум конкретного человека имеет множество индивидуальных черт. А потому любой разум уникален в части картины мира.

Так как совершенные модели действий не имеют вариантов, то их индивидуальность является признаком дефектности разума. Развитие разума — развитие морали и нравственности до стандартных для мироздания моделей действий. Что и обеспечит разуму устойчивость после гибели его физиологического носителя — тела.

Эволюция создала миллионы разных по внешнему виду многоклеточных организмов. Но при этом все они идентичны по моделям действий — стандартным инстинктивным. Так что разнообразие многоклеточных обеспечивается только разнообразием условий их существования, а не используемых ими моделей действий.

Вполне логично предположить, что как для строительства био-

логического мира потребовалась большое количество живых «кирпичиков», так и для создания духовного мира нужно множество разумных «кирпичиков». Их разнообразие в первую очередь обеспечивается разнообразием существующих учений, руководствуясь которыми люди создают великое множество собственных разумов.

Люди отличаются друг от друга в первую очередь структурой разума — тем, какие системы управления в его составе достигли доступной им степени совершенства. Соответственно, полноценным субъектом каких сред является человек — всех или только некоторых. Люди различаются также по пройденному в процессе собственного развития пути. То есть, до какого уровня совершенства они успели развиться. Люди различаются по своему статусу — активному или пассивному — и по мировоззренческой основе своего разума — учения, представления которого использованы при его создании.

Поэтому расовые отличия людей, то есть особенности их физиологических организмов, имеют такое же значение, какое для автомобилиста — марка автомобиля. Национальные различия между людьми являются следствием различий в культурной составляющей мировоззрения — этике и эстетике.

В этических и эстетических представлениях всегда присутствуют ретро-элементы — сохранившиеся с прежних этапов развития. Поэтому в разуме индустриального уровня развития всегда имеется некоторый набор культурных ретро-элементов, доставшийся ему по наследству от архаичных и патриархальных предков. А так как ретро-элементы не играют существенной роли в этической и эстетической составляющих разума, национальные различия не являются принципиальными, то есть имеют такое же качество, как черты лица человека или особенности его одежды.

Представляется, что эволюционным процессом в качестве концептуальной основы социальных моделей действий избран **принцип справедливости**. В социальной сфере достигаются только общие цели, поэтому суть принципа справедливости состоит в равенстве субъектов социальной сферы между собой по статусу. Все вносят равный во временном измерении вклад в дело достижения общих целей и получают равную в этом же измерении долю результатов их достижения.

Это значит, что все субъекты, к примеру, общины должны отработать на общие цели одинаковое время. И каждый должен получить долю дохода, дающую возможность существовать одинаковое по продолжительности время, или иметь равный доступ к пользованию общественной инфраструктурой. Отсюда следует, что субъекты социальной среды могут полноценно объединяться только в том случае, если модели действий в составе морали субъектов объединения основаны на принципе справедли-

вости.

В интеллектуальной сфере ее субъекты никогда не равны друг другу — все имеют разный созидательный или познавательный потенциал и потому достигают разных результатов. Как следствие, интеллектуальным моделям действий требуется иная концептуальная основа. Так как в интеллектуальной сфере достигаются частные цели и формулируются личные мнения, ее субъекты должны иметь право их достигать и формулировать. Поэтому в качестве концептуальной основы интеллектуальных моделей действий эволюционным процессом отобран **принцип свободы**.

Точно так же в интеллектуальной сфере имеется иная общность, позволяющая ее субъектам объединяться — **общие представления** об истинной ориентации вектора деятельности и правилах поведения. Если векторы деятельности субъектов ориентированы в одном направлении, они параллельны и не пересекаются. Как следствие, не возникает конфликтов — субъекты объединения не борются, а соревнуются в своих достижениях. При этом каждый бежит по своей «дорожке». Точно так же общие представления об истинных правилах поведения обеспечивают субъектам интеллектуального объединения возможность устойчиво сосуществовать в общем пространстве.

Интеллектуальная система управления деятельностью изменяет окружающий мир. При этом легальной является только та интеллектуальная деятельность, вектор которой совпадает с вектором эволюционного процесса, а правила поведения не противоречат правилам существования в мироздании. Общие представления как раз эти вопросы и разрешают — ориентируют в нужном направлении и устанавливают истинные правила поведения. Разумеется, если общие представления объективно описывают ориентацию эволюции и порядки мироздания.

Это значит, что основой нравственности является принцип свободы, ограниченный рамками общих представлений субъектов интеллектуального объединения об ориентации деятельности и истинных правилах поведения. И каждый субъект интеллектуальной среды имеет право достигать свои частные цели или формулировать личные мнения, не нарушая границ, установленных общими представлениями.

Свобода является главным условием созидания, которое обеспечивает человеку выполнение его предназначения. И ограничения свободы общими представлениями, ориентирующими в направлении эволюционного процесса и подчиняющимися правилам мироздания, позволяют всем разумам выполнять их предназначение.

В деятельности по достижению общих целей нет свободы — здесь просто нет такого понятия. Потому что в социальной сфере (общее образование, здравоохранение, социальное страхование, охрана правопорядка и т. д.) достигаются исключительно

общие для всех субъектов цели существования. И нет выбора, достигать этих целей или нет. А раз нет выбора, то не требуется и свобода.

В деле достижения частных целей не существует понятия справедливости. В интеллектуальной сфере деятельности люди всегда неравны друг другу по причине неравенства их интеллектуальных возможностей. Из-за чего в своей деятельности они достигают разных результатов и получают разные доходы. А раз существует неравенство, значит, отсутствует справедливость.

Так как равенство и неравенство означают прямо противоположные состояния, то прямыми противоположностями друг другу являются свобода и справедливость. Отсюда следует определение главной особенности этих принципов, без ясного понимания которой ими невозможно пользоваться: ***свобода — это несправедливость, а справедливость — это несвобода.***

Свобода и справедливость как условия среды нужны для того, чтобы каждый разум имел возможность выполнить свое эволюционное предназначение, то есть развиваться до состояния бессмертного информационного сущего. Справедливость нужна для устойчивого существования, а свобода — для успешного развития. Эволюции совершенно не нужны свобода и справедливость, позволяющие человеку вести любой образ жизни. ***Свобода и справедливость как благоприятные условия развития и существования разума обеспечивают эволюционный процесс***, а не возможность угнетать окружающих или паразитировать за их счет.

Справедливость как условие социальной среды является «человеческой» производной от общего условия, обеспечивающего субъектам мироздания возможность устойчивого существования. Поэтому ***справедливость представляет собой продукт эволюционного развития сред — условия, обеспечивающие социальной системе управления возможность устойчивого существования. Справедливая социальная среда обеспечивает человеку возможность устойчивого существования — предоставляет ресурсы и защиту, объективно достаточные для существования человека.***

Свобода как условие интеллектуальной среды является «человеческой» производной от общего условия, обеспечивающего субъектам мироздания возможность развития. ***Свобода тоже представляет собой продукт эволюционного развития сред — условия, обеспечивающие интеллектуальной системе управления возможность развития. Поэтому свободная интеллектуальная среда обеспечивает человеку возможность развития — дает право заниматься созиданием и допускает к необходимым для этого ресурсам.***

II. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

2.1. Человеческие общества

Социальная и интеллектуальная системы управления создают не только себя, но и окружающее внешнее информационное пространство. Изменяя окружающую информационную среду нужным образом, системы управления создают в ней собственное информационное тело, наблюдаемое в виде общества.

Общество выполняет для разума ту же функцию, которую для социальной системы управления животного выполняет животный социум — позволяет устойчиво существовать и ускоренно развиваться. При этом любое общество является копией какой-то из систем управления в составе разума — социальной или интеллектуальной. А совокупность обществ является копией стандартного разума. Люди объединяются в общества на тех же принципах, на которых в единое целое объединяются системы управления в составе их разумов — совместной деятельности и территориального раздела.

Любое общество представляет собой специализированную информационную среду — социальную или интеллектуальную. Но в первую очередь общества следует разделить на два типа — *естественные* и *искусственные*. Естественные общества — информационные среды, которые создаются эволюционным процессом. Искусственные общества — информационные среды, создаваемые целенаправленной деятельностью разума, точнее, интеллектуальной системой управления в его составе. В дальнейшем термином «*общество*» мы будем называть естественные общества, а термином «*организация*» — искусственное общество.

Естественные социальные общества, *человеческая семья* и *родовая община*, представляют собой результат эволюционного развития животных социумов — семьи и стаи. А потому могут считаться высшими формами социума. Предназначение этих форм общества и их принципиальные особенности остались без изменения — человеческая семья обеспечивала достижение общей цели продолжения рода, а родовая община — достижение общей цели добычи пищи.

Интеллектуальные общества, *племя* и *этнос*, объединяют *единомышленников* — людей, имеющих сходное в принципиальных особенностях мировоззрение. Поэтому интеллектуальная общность основывается на общих представлениях. Племя возникало в качестве объединения созидательных систем управления людей, считавших какой-то вид деятельности наиболее предпочтительным — охоту, скотоводство, земледелие и т. д. Этнос возникал в качестве объединения познавательных систем управления людей, имеющих общие представления о мироздании.

Племя и этнос развиваются до *нации* и *цивилизации*. Это значит, что племя и этнос представляют исходные, а нация и цивилиза-

ция — финальные интеллектуальные общества, аналогично тому, как семья и стая являются исходными, а человеческая семья и родовая община финальными формами социальных обществ.

Как самостоятельное существо в составе мироздания, общество тоже существует в виде процесса взаимодействия активного и пассивного начал — имеющих разный энергетический потенциал субъектов. В роли активного начала общественного взаимодействия выступают субъекты *элиты* — люди, обладающие активным разумом. В роли пассивного начала выступают субъекты *народа* — люди, обладающие пассивным разумом.

Элита оказывает воздействие на народ двумя способами — физическим и информационным, то есть принуждая силой или увлекая новыми идеями — о добре и зле, устройстве мироздания, направлении его развития, предназначении человека и общества, сути общественных отношений, способов управления и т. д. и т. п. Эти идеи выводят разум из равновесия и тем обеспечивают его изменение — развитие или деградацию.

Отсюда следует, что элитный статус обеспечивается наличием более мощного энергетического потенциала — источника воздействия: для физического воздействия — потенциала физической энергии, для информационного воздействия — потенциала информационной энергии. Так как разум имеет информационную природу, только информационная энергия способна выводить его из равновесия и заставлять субъектов народа что-то делать. Но так как разум устойчив благодаря физическому носителю, выводить его из равновесия можно и физическим воздействием на физиологический организм.

Ролевое разделение субъектов общества на элиту и народ не имеет ничего общего с неравноправием — это разделение разумов по двум фундаментальным началам, обеспечивающее выполнение ими разных функций в общественном взаимодействии. И для этого разделения существует объективный критерий — масштаб энергетического потенциала, которым обладает человек. Поэтому в общественном взаимодействии между людьми есть только одно принципиальное различие — какую роль, активную или пассивную, они выполняют.

Общественную роль человек получает независимо от своего желания — так же как при зачатии обретает пол. Субъекты элиты от рождения обладают большей способностью накапливать энергетический потенциал и в результате автоматически обретают элитный статус, тогда как обладающие меньшей способностью накапливать энергетический потенциал становятся субъектами народа.

Различие между субъектами социальной и интеллектуальной элит определяется тем, какая именно система управления в составе разума является активной. Если активна социальная система, разум является субъектом социальной элиты. Если активна интел-

лектуальная система, разум является субъектом интеллектуальной элиты. При этом социальная элита может эффективно воздействовать только на родных для нее субъектов социальной среды, а интеллектуальная элита — на субъектов интеллектуальной среды.

2.2. Искусственное русло эволюции

Развитие человеческих организаций представляет собой процесс ученичества разума. В организациях материализуются представления учений. *Но так как учения создаются самими людьми, то процесс их развития представляет собой искусственный эволюционный процесс — рукотворное русло эволюции. А развитие мировоззренческих учений — его наблюдаемое течение.*

Так как в мироздании действуют только законы бытия, то искусственный эволюционный процесс не может не быть полным аналогом глобального эволюционного процесса. Соответственно, он тоже должен пройти четыре эпохи. Поэтому история учений отражает преодоление разумом и организациями четырех ступеней развития.

График на рис. 2 полностью подходит для иллюстрации процесса развития человеческих организаций — исторические эпохи в своем течении повторяют эволюционные. *Архаичная, патриархальная, индустриальная и информационная эпохи* не только демонстрируют процесс развития учений, но и являются аналогами галактической, звездной, биологической и духовной эпох в составе глобального эволюционного процесса.

На протяжении первой исторической эпохи, архаичной, доминировали языческие религии в виде набора культов — представлений, одухотворяющих «силы природы» путем наделения их способностью осмысленных действий. С ними можно было вступать в умозрительные отношения — договариваться о «мирном сосуществовании» или откупаться символической данью. В истории человечества архаичный период продолжается уже порядка пятидесяти тысяч лет.

На протяжении продолжающейся уже третье тысячелетие патриархальной эпохи возникли и развивались более сложные монотеистические религии, описывающие картины мира, в центре которых находится единственное высшее существо — Бог. Смысл монотеизма заключается в том, что Бог выступает в качестве единственного авторитета для человека. А нормы морали и нравственности постулируются в качестве директив, данных людям этим «высшим существом».

На протяжении третьей эпохи, индустриальной, которая продолжается уже более пятисот лет, развиваются материалистические идеологии. В них «высшими сущими» объявляются мироздание и «законы природы». Важнейшим достижением материалистической концепции мироздания стало представление об эволюции, в соответствии с которым мир существует в развитии. Главным до-

стижением материалистических идеологий, либерализма и социализма, стало формулирование представления о главных человеческих ценностях — свободе и справедливости.

В последней четверти XX века началась четвертая эпоха — информационная. На ее протяжении должно развиваться следующее поколение учений — информационные идеологии. Можно предполагать, что эти идеологии должны создать представления о цели эволюции и обеспечить деятельности человечества целенаправленный характер — на достижение замысла Творца. А потому информационные идеологии смогут максимально точно ориентировать деятельность разума относительно вектора эволюционного процесса. А потому будут описывать не только прошлое и объяснять настоящее, но и смогут достаточно точно указать человечеству правильную дорогу в будущее.

Естественное общество обеспечило человеческому разуму устойчивое существование. И позволило какому-то количеству людей развить интеллектуальную систему управления. После чего разум вырвался на «оперативный простор» и начал ускоренно преобразовывать окружающий мир. В том числе и создавать искусственные информационные среды — организации.

Организация появляется в результате создания общественных институтов и права, совокупность которых образует искусственное информационное пространство — организованную информационную среду. Так как в составе разума имеется две самостоятельные системы управления, разум начал создавать два типа искусственных информационных сред — социальные и интеллектуальные организации.

Вначале разум занялся модернизацией социальных обществ. Так человеческая семья была модернизирована до **законного брака** — семейной организации, в которой социальная система управления руководствовалась сформулированными интеллектуальной системой управления законами. Естественно, что разум создавал законный брак не просто так, а в ответ на усложнение семейных отношений.

Аналогично была модернизирована родовая община — создана **территориальная община**. В этой социальной организации существование и деятельность людей подчинялись законам, сформулированным интеллектуальной системой управления. Субъектами территориальной общины стали не родственники, а соседи, при этом членом общины мог становиться любой проживающий на ее территории человек.

Затем разум начал создавать интеллектуальные организации. Первой интеллектуальной организацией и аналогом племени стало **предприятие** — объединение людей для эффективной производственной деятельности. Поэтому основой объединения в предприятие являются общие представления о том, как эффективно свести в единый производственный процесс специализированный

труд его субъектов.

Вторым видом интеллектуальной организации и аналогом этноса стал **рынок** — объединение производителей для эффективного обмена продуктами труда. Поэтому основой объединения предприятий в рынок являются общие представления о том, как эффективно организовать процесс обмена результатами их деятельности.

Разум объединяет социальную и интеллектуальную системы управления в единый субъект мироздания. Аналогично действует человек — создает **общие организации**, объединяющие социальные и интеллектуальные организации в единое целое. Первой такой общей организацией стало **государство**.

В составе государства объединяются браки, общины, предприятия и рынки. А само государство создается в виде набора общественных институтов и общего права, которые обеспечивают эффективное взаимодействие между собой субъектов социальных и интеллектуальных организаций. По сути, государство представляет собой общую инфраструктуру существования и развития его субъектов. Отсюда второе предназначение государства — содержание и развитие общей инфраструктуры.

Так как все виды обществ и организаций имеют два предназначения и соответствующие им два масштаба, человек создает вторую общую организацию — **федерацию**. Она объединяет государства и обеспечивает повышение эффективности общей организации за счет специализации управления общей инфраструктурой. В составе государств остается **общая инфраструктура существования**, тогда как содержание и развитие **общей инфраструктуры развития** переходит в ведение федерации.

Хотя община выглядит объединением нескольких семей, рынок — предприятий, государство — общин, федерация — государств, на самом деле их субъектами являются только люди. Потому что любые общественные отношения обеспечивают достижение целей, которые есть только у обладающих разумом людей. А любая искусственная среда является аналогом машины — создается человеком и не обладает способностью мышления. Соответственно, не может формулировать собственных целей и, как следствие, не способна быть субъектом общественных отношений.

Человеческое общество, а затем человеческая организация стали матрицей разума, которая своей социальной составляющей позволяет человеку ускоренно создавать социальную систему управления, а своей интеллектуальной составляющей дает возможность создавать большую по масштабу и более сложную по структуре интеллектуальную систему управления. И объединять их в единое целое так же, как объединяются в единое целое социальные и интеллектуальные общества и организации.

Для любой организации религия или идеология выполняют ту же роль, которую она выполняет для разума — исходного проек-

та. Поэтому любая организация имеет мировоззренческую природу, а ее институты и порядки всегда воплощают идеологические воззрения своих создателей. Как, например, в случае законного брака — одни религии разрешают только моногамный брак, тогда как другие допускают существование полигамного брака.

Если элита является естественным активным началом в обществе, то в организации активным началом является *власть* — часть элиты, создающая организацию и руководящая ее функционированием. Тогда как пассивным началом в социальной организации являются граждане, а в интеллектуальной — *соратники*. Для удобства в дальнейшем пассивное начало любых организаций будем называть народом.

У разных людей в составе разума доминируют разные системы — у одних социальная, у других интеллектуальная. В результате каждый человек в большей мере является субъектом только одного вида организаций — социальных или интеллектуальных. Соответственно, в других организациях он всегда пассивен — находится в составе народа.

Власть только в идеальном варианте формируется из представителей элиты — субъектов, обладающих повышенным энергетическим потенциалом. Обычно во власть по разным причинам попадает достаточно много не элитных субъектов. Как следствие, качество любой организации зависит в первую очередь от состава власти — чем большую долю в ее составе занимают субъекты элиты, тем власть совершеннее, а деятельность организации эффективнее.

Вторая проблема власти — качество воздействия. Оно полностью зависит от мировоззренческих воззрений власти — совершенства исповедуемого ее субъектами учения. Потому что учения могут быть как устаревшими, так и экстремистскими. Так что качественной может быть только власть, исповедующая только современное и мирное учение.

В любой организации только властный статус дает легитимное право осуществлять *прямое воздействие* — направлять процесс изменения организации или определять особенности ее функционирования. Поэтому властью становится часть элиты, которая побеждает в конкуренции за властный статус. Тогда как более слабая часть элиты образует оппозицию, имеющую возможность оказывать на организацию лишь *косвенное воздействие*. По своей сути любая оппозиция — это иноверческая территория в подвластном организации информационном пространстве.

Слова «кипит наш разум возмущенный» точно передают состояние элиты, лишенной возможности прямого воздействия. Потому что если кто-то обладает повышенным энергетическим потенциалом, он всегда нуждается в его применении — иначе он просто сторит. Поэтому оппозиция всегда ведет борьбу с властью за право реализовывать те идеи, которые представляются более истин-

ными.

Принципиальное отличие общества от организации состоит в том, что в первом общественный статус, элитный или народный, относителен, так как полностью зависит от того, с кем именно человек вступает в общественное взаимодействие — более или менее энергичным субъектом отношений. Поэтому в обществе статус человека определяется имеющимся у него энергетическим потенциалом и взаимодействием, в которое он вступает.

В организации статус субъекта власти человек получает на какой-то срок, в течение которого он должен выступать в качестве активного начала во всех взаимодействиях. Причем независимо от того, менее или более энергичный человек вступает с ним во взаимодействие. Как говорится, «хоть яловая, а телись» — в любом взаимодействии субъект власти всегда должен выполнять функцию воздействующего начала.

Принципиально важной особенностью власти является то, что она подобна Луне — непосредственно видима только формальная часть власти. И имеется «невидимая» часть — неформальная. При этом власть подобна еще и айсбергу — ее «видимая» официальная составляющая не превышает одной седьмой всей властной структуры. А шесть седьмых составляет «тневая».

Это только кажется, что власть — это группа ее официальных субъектов. На самом деле власть — это среда, у которой доступны для непосредственного наблюдения только внешние области. То есть те, которые граничат с остальной частью организации. Тогда как внутреннее пространство власти субъектам остальной организации для непосредственного наблюдения практически недоступно. А потому оппозиция и народ могут судить о том, что происходит в недрах власти только по косвенным признакам.

В принципе, большая часть научных представлений — результат анализа массива косвенной информации. Поэтому по такого типа информации вполне возможно составить близкую к реальной картину существования и деятельности власти. Для этого нужно в первую очередь видеть не властный «пейзаж», а процесс воздействия власти на организацию. То есть смотреть на власть через призму общественного взаимодействия, в котором она выступает в качестве воздействующего начала.

Любое воздействие власти состоит из четырех осуществляемых последовательно действий — формулирования цели воздействия, разработки способа осуществления воздействия, принятия решения о воздействии, непосредственного воздействия. При этом остальная организация более-менее ясно видит только четвертое действие. Тогда как остальные три действия наблюдаются оппозицией и народом только косвенно — в лучшем случае в виде осуществления властью формальных публичных процедур.

Народу только кажется, что официальная часть власти одна выполняет все четыре перечисленные выше действия. На самом

деле в них принимает участие все окружение официальных лиц — теневая часть власти. Не случайно говорится, что «короля играет свита» — все его окружение непосредственно участвует, пусть и в разной степени, во всех действиях власти. Вплоть до королевского парикмахера. При этом судьба Петра III и Павла I наглядно демонстрирует, что случается с императором, который начинает действовать так, как ему вздумается — игнорировать теневую составляющую власти. Как и пример Николая II показывает, что случается, если император возомнит себя единоличным «хозяином земли русской».

Общественная среда состоит из многих сфер деятельности. А потому руководство организацией требует разных навыков и знаний. В результате власть разделяется на профессиональные группы. Социальная власть разделяется на **военную, хозяйственную (управленческую), правоохранительную, судебную группы**. Точно так же интеллектуальная власть разделяется на **мировоззренческую, культурную, экономическую, политическую группы**.

Как следствие, в составе системы управления государством и федерацией формируется восемь типов общественных институтов в форме **управленческих организаций** — четыре социальные и четыре интеллектуальные. В идеале субъектами власти социальных организаций становятся **лидеры** социальных элит. Точно так же в качестве субъектов власти интеллектуальных организаций предпочтительны **авторитеты** интеллектуальных элит. Поэтому власти следует разделять не на «три ветви», а на восемь — по числу имеющихся в общественной среде типов институтов, то есть на четыре социальные и на четыре интеллектуальные власти.

Для создания самостоятельной организации каждая профессиональная власть должна сформировать систему корпоративных ценностей, разработать свои собственные принципы и технологии создания и развития общественных институтов и формирования власти, получить свои собственные источники ресурсов, обрести силу, которая позволит элите отвоевать на властном поприще свою собственную территорию. Соответственно, для создания полноценных управленческих организаций каждая профессиональная элита должна пройти определенный путь развития.

В каждую эпоху в составе элиты присутствуют представители всех групп. Но при этом в каждую эпоху в составе власти доминируют разные группы. Как следствие, разные группы завершают свое развитие в разные эпохи. Военная и мировоззренческая элиты — в архаичную эпоху, хозяйственная и культурная — в патриархальную, правоохранительная и экономическая — в индустриальную. Соответственно, в информационную эпоху завершат свое развитие судебная и политическая элиты. Так что неслучайно последние элиты сегодня в массовом сознании имеют плохую репутацию. Они просто не завершили процесс своего развития — не выработали корпоративной системы ценностей и не научились создавать эффектив-

ные структуры для обеспечения своей деятельности.

Наделение политической элиты правом конструирования всех институтов узаконивания правил организации — это благоприятное условие, которое может обеспечить успешное развитие. Но для использования этого условия политическая элита должна быть мощнее других элит — быть лидером элитного сообщества. Тогда как далеко не всегда политическая элита обладает силой, которая обеспечивает ей такой статус. И если такой статус получает какая-то другая элита, именно она конструирует институты и узаконивает порядки. Естественно, что в этом случае менталитет и система ценностей лидирующей элиты оказывают существенное влияние на конструкцию институтов и суть порядков. Как следствие, на эффективность деятельности организации.

Политическая элита конструирует эффективные институты и узаконивает разумные порядки, потому что эта работа является ее специальностью. Соответственно, она занимается этой деятельностью профессионально. Так что если лидером является военная элита, профессионал в деле ведения боевых действий, под ее руководством создается армейская организация, а законы становятся гражданскими уставами. Если правоохранительная — создается полицейское государство. Если экономическая — организация становится аналогом бизнес-корпорации.

При этом в организации начинает доминировать тот вид деятельности, который является естественным и понятным для элиты-лидера. Так что если во главе оказывается военная элита, общая организация осуществляет агрессивную внешнюю политику. Если доминирует правоохранительная элита — надзор приобретает гипертрофированные масштабы. И т. д.

Поэтому лидерство в элитном сообществе и исключительные права должны основываться только на профессиональной специализации. Так что если судебная элита будет иметь исключительное право судить все власти, это вовсе не значит, что она должна иметь право создавать необходимые им институты.

В свою очередь, далеко не всегда в элитном сообществе имеется безусловный лидер. Чаще имеются две близких по силе элиты, которые объединяются в союз, доминирующий в составе власти общей организации. Как следствие, институты и право обретают свойственные особенностям союзников черты. А в деятельности общей организации доминируют естественные для союзников виды деятельности. Хотя часто встречается одна доминирующая элита.

Это объясняет, например, почему при наличии общей религии и, соответственно, идентичного мировоззрения, достижения древнегреческих государств существенно отличались от достижений Римской империи. В период расцвета Римской империи в ней доминировали военная и политическая элиты. Как следствие, военными захватами было создано огромное государство и внесен большой вклад в развитие права. Тогда как в большинстве городов

Древней Греции доминировала экономическая элита, опиравшаяся на поддержку мировоззренческой и культурной элит. Как следствие, интеллектуальные достижения греков неизмеримо превосходят интеллектуальные успехи римлян. А та же империя Александра Македонского — результат доминирования в обществе военной элиты в благоприятных для нее условиях.

Исторический опыт однозначно свидетельствует, что союз элит во главе общей организации может добиться успеха только в тех случаях, когда он состоит из интеллектуальных элит или в нем присутствует интеллектуальная элита. И результаты будут плачевны в случае, если в составе союза объединились только социальные элиты. Так брежневский застой — результат деятельности союза военной и хозяйственной элит. В свою очередь, успехи послевоенных Германии и Японии — результаты деятельности смешанных союзов. В Японии — хозяйственной и экономической. В Германии — хозяйственной и политической.

Социальные и интеллектуальные организации хотя и существуют на общей территории, сами по себе соединиться в единое целое неспособны — будучи искусственными информационными сущими, они не способны к самоорганизации. Они имеют разную природу — основываются на разных принципах. Объединить социальные и интеллектуальные организации в общую человеческую организацию могут только элиты и только на основе естественной для них общности.

Поэтому первой основой объединения организаций должно быть общее учение — доминирующее в объединенной среде. Ведь разные учения формулируют разные представления об устройстве мира, морали и нравственности, предназначении человека и общества. И людям, имеющим разную основу мировоззрения, чрезвычайно трудно договариваться о том, как именно следует совместно существовать и изменять окружающий мир.

Второй естественной основой объединения организаций должна быть специализация — распределение между ними ролей. И, как следствие, осуществление максимально четкого территориального раздела. Требуется однозначно определить, какая организация какой деятельностью должна заниматься в составе общей организации и на какой территории. В результате каждой сферой деятельности будет руководить только профильная для нее элита.

Разделение обществ и организаций на социальные и интеллектуальные соответствует фундаментальному разделению любых сущих на активные и пассивные, мужские и женские, элиту и народ. Соответственно, интеллектуальные общества и организации являются активными, а социальные — пассивными субъектами взаимодействия общественных сред. Это вполне естественно — более поздние субъекты развития во взаимодействии с субъектами предыдущего этапа развития всегда играют роль активного на-

чала. Поэтому общая организация развивается только в том случае, если роль активного начала в ней играют интеллектуальные организации. Если же эту роль будут играть социальные организации — общая организация будет деградировать.

2.3. Законы общественного развития

Развитие среды наблюдается в виде изменения условий в ней. Первая составляющая условий общественной среды — уровень ее сложности. Этот уровень определяется сложностью мировоззренческого учения, представления которого воплощены в институтах и законах. Вторая составляющая условий общественной среды — уровень ее совершенства. То есть, уровень свободы и справедливости в ней.

Любое изменение обеспечивается воздействием энергии. Так как избыток энергетического потенциала имеют только субъекты элиты, только они способны осуществлять воздействие, приводящее организацию к изменению. В чем и состоит вторая особенность процесса общественного развития.

При этом элиты взаимодействуют в первую очередь друг с другом. Как следствие, именно межэлитное взаимодействие задает направленность и темп изменениям общественной среды. Точнее, параметры течения процесса общественного развития являются производными от соотношения сил конкурирующих элит.

Третья особенность общественного развития состоит в том, что последующий субъект эволюционного процесса всегда выступает в качестве активного, а предыдущие субъекты — пассивного начала. А если они меняются местами, автоматически меняется и направленность процесса — в противоположную вектору эволюции сторону. Эти три особенности позволяют сформулировать четыре закона общественного развития.

Первый закон общественного развития гласит, что процесс общественного развития в измерении сложности организации носит дискретный характер и наблюдается в виде последовательного преодоления элитой четырех уровней развития мировоззрения — архаичного, патриархального, индустриального и информационного.

Второй закон общественного развития гласит, что общественное развитие в измерении совершенства общества наблюдается в виде возрастания уровня справедливости в социальной и уровня свободы и справедливости в интеллектуальной средах.

Третий закон общественного развития гласит, что процесс общественного развития протекает по синусоиде, параметры которой определяются соотношением сил имеющих разное мировоззрение элит.

Четвертый закон общественного развития гласит, что общественное развитие является результатом взаимодействия, в котором интеллектуальные элиты выступают в качестве активного, а социальные — в качестве пассивного начала. Соответственно, общест-

венная деградация всегда является результатом взаимодействия элит, в котором социальные элиты выступают в качестве активно-го, а интеллектуальные — пассивного начала.

Развитие организации — это результат процесса информационного взаимодействия. И так как субъектами развития являются не только организации, но и их субъекты, имеет место два параллельных процесса развития. Первый процесс — это развитие общественных отношений между властью и народом. Второй процесс — это развитие разума субъектов элиты и народа.

Как всякий процесс, развитие обеспечивается дисбалансом. Развитие организации обеспечивается информационным дисбалансом, который возникает между представлениями о свободе и справедливости, исповедуемыми субъектами организации, и представлениями на этот счет, воплощенными в институтах и праве.

Представления о свободе и справедливости, воплощенные властью в институтах и праве, могут быть более совершенными, в сравнении с распространенными среди оппозиции. В этом случае информационный дисбаланс обеспечивает развитие оппозиции и народа — заставляет их изменять свои представления в направлении большего совершенства.

Исповедуемые оппозицией представления о свободе и справедливости могут быть более совершенны, в сравнении с представлениями, воплощенными властью в институтах и праве организации. В этом случае имеющийся информационный дисбаланс обеспечивает развитие общественных отношений в организации. Потому что оппозиция своим воздействием на власть добивается воплощения в институтах и праве более совершенных представлений о свободе и справедливости.

Условно можно выделить два принципиально отличающихся друг от друга освоенных человечеством уровня развития организаций — *авторитарный* и *демократический*. На авторитарном уровне развития полноценные субъекты элиты составляют меньшинство элитного сообщества. Соответственно, только меньшая часть элиты ощущает условия в организации свободными и справедливыми. Тогда как большинство считает условия несвободными и несправедливыми — находится в оппозиции. Обычно в авторитарной организации общественные отношения свободны и справедливы только для некоторых сословий, называемых «привилегированными». Такими сословиями были дворянство, духовенство, иногда купечество или военные.

На демократическом уровне развития полноценные субъекты элиты составляют большинство элитного сообщества. То есть, большая часть элиты ощущает условия в организации как вполне свободные и справедливые. Как следствие, в демократической организации отсутствуют привилегированные сословия. Обычно в демократической организации «меньшинство» лишь иначе понимает свободу и справедливость. И потому оппозиция состоит

из диссидентов — субъектов элиты, иначе понимающих свободу и справедливость. При этом разрешается «меньшинству» излагать свои взгляды или нет — вопрос непринципиальный, так как ничего в раскладе «сил» он не меняет.

Демократия — это система управления обществом, основанная на использовании мировоззренческого единства власти с большей частью элиты. А потому мировоззренческое единство власти с большей частью элиты — обязательное условие использования демократической системы управления.

Как система управления демократия представляет собой набор демократических механизмов формирования власти и контроля за ее деятельностью. Так что свободные выборы, свобода слова, свобода политической и общественной деятельности обеспечивают, во-первых, выборы власти, мировоззренчески близкой большей части элиты, во-вторых, контроль за деятельностью власти со стороны не вошедшей в ее состав элиты.

По сути, демократия реализует потенциал мировоззренческого единства общества. Соответственно, при наличии такого единства демократические механизмы обеспечивают максимально эффективное управление обществом — определения целей, обеспечения их достижения и контроля развивающихся в обществе и власти процессов.

В свою очередь, авторитария — это система управления обществом, при которой мировоззренческое единство имеется между властью и меньшей частью элиты. Соответственно, отсутствует возможности объединения большей части элиты. Поэтому в авторитарной системе управления используются механизмы управления, основанные на силовом принуждении и ограничении свобод.

В авторитарном обществе демократические механизмы просто неэффективны — нет мировоззренческого единства, реализацию потенциала которого они способны обеспечивать. А потому использование авторитарной властью демократических механизмов только снижает ее силу. Так что попытки авторитарной власти внедрить демократические механизмы или преследуют цель создания демократического камуфляжа, или отражают впадение власти в маразм.

2.4. Системы управления организацией

Общие цели, которые достигаются в социальной сфере деятельности, не имеют альтернативы. А раз нет выбора, нет и свободы. Поэтому в управлении социальной сферой всегда используется только *централизованная модель управления*. А так же всегда имеет место насилие — принуждение оппозиции и оборотней участвовать в достижении общих целей и соблюдения установленных в социальной сфере порядков.

Субъекты интеллектуальной сферы объединяются на основе общих представлений, а потому делают это исключительно добро-

вольно. Поэтому насилие в интеллектуальной сфере требуется не для принуждения к деятельности, а только для противодействия засоряющим ее среду чужим субъектам и поддержания установленных порядков.

Как следствие, в интеллектуальной сфере легитимна только **децентрализованная (рыночная) система управления** деятельностью. Она не требует насилия, и потому субъекты интеллектуальной сферы действуют свободно. Точнее, их свободу ограничивают только рыночные механизмы — регулируют величину прибыли. Тем самым они ограничивают возможности индивидуальной деятельности или блокируют ее в случае, когда она противоречит интересам остальных субъектов интеллектуальной сферы. Никакого насилия — «вредному» субъекту не удастся продавать продукты своего труда и, как следствие, он просто лишается возможности обеспечивать свою индивидуальную деятельность ресурсами.

В государстве и федерации, как общих для социальной и интеллектуальной сфер организаций, используются политические системы управления — объединяющие сферы в единое целое. Так что авторитария и демократия, как основные политические системы управления, выполняют именно функцию создания единой организации в составе социальной и интеллектуальной сред.

По сути, политические системы обеспечивают управление процессом взаимодействия элит разных сфер в деле создания общей организации и руководстве ее деятельностью. Практически эта задача решается соединением в политической системе в работоспособное целое двух специализированных систем управления — централизованной и рыночной. И успех достигается только в том случае, когда каждая система используется в «родной» для нее сфере деятельности — централизованная система используется для управления социальной сферой, а рыночная — интеллектуальной.

Централизованная система управления «по руке» социальным элитам. Они специалисты по управлению социальной сферой, в которой нет свободы. А потому она для них непонятна и чужда. Отсутствие в централизованной системе понятия свободы делает ее удобной для авторитарного управления. Так что неслучайно социальные элиты часто имеют авторитарный менталитет. И воспринимают демократию в качестве анархии — не понимают основанного на свободе механизма самоорганизации рыночной системы управления. А потому доминирование в элитном сообществе социальных элит автоматически ведет к авторизации власти.

Рыночная система управления «по руке» интеллектуальными элитам. Они специалисты по управлению интеллектуальными сферами, в которых свобода является первым источником эффективности. Как следствие, рыночная система управления естественна для демократии, а интеллектуальные элиты чаще имеют демокра-

тический менталитет. А потому доминирование в элитном сообществе интеллектуальных элит автоматически ведет к демократизации власти.

В этом деле имеется еще один важный момент. Субъектам социальных элит комфортен формальный властный статус, позволяющий осуществлять управление непосредственным образом. Тогда как субъектам интеллектуальных элит комфортен неформальный властный статус, позволяющий участвовать в управлении косвенным образом. Это различие в отношении к статусу связано с тем, что для социальных элит управление является основным видом деятельности, тогда как для интеллектуальных — вспомогательным. Последние в первую очередь занимаются достижением своих собственных частных целей, а в управлении обществом участвуют в той мере, в какой это необходимо для их основной деятельности. Точнее, с целью повышения уровня благоприятности для их деятельности общественной среды.

Это значит, что переход с авторитарного на демократический уровень развития представляет собой процесс смены доминирующих во власти элит — переход статуса лидера элитного сообщества от социальных к интеллектуальным элитам. И наоборот. Соответственно, разделение властей, рост уровня политической свободы демонстрируют процесс усиления интеллектуальных элит. И наоборот.

Однако демократию обеспечивает не децентрализованная система управления, а мировоззренческое единство организации. Именно оно позволяет использовать децентрализованную систему — устанавливает естественные для большинства граждан порядки и задает общий вектор деятельности. Соответственно, переход от авторитарии к демократии представляет собой смену капитана организации — на место социальной элиты приходит учение. А интеллектуальные элиты выступают в качестве его подсобных рабочих.

Поэтому борьба элит за верховенство должна заканчиваться не победой интеллектуальных элит, а внедрением в общественное сознание общего учения. Соответственно, интеллектуальные элиты должны не захватывать капитанский мостик, а получать статус штурмана общественного корабля. А социальные элиты должны получать статус его боцмана. И объединять социальные и интеллектуальные элиты должно понимание, что штурман и боцман — это не иерархические статусы, а специализация в деле управления общественным кораблем. Хотя, разумеется, штурман ближе к капитану, чем боцман. В чем и заключается смысл доминирования интеллектуальных элит в элитном сообществе.

Реформирование — управляемый режим ликвидации возникающего дисбаланса в представлениях о свободе и справедливости, воплощенных в институтах и праве и доминирующих в организации. При этом степень радикальности реформ должна

быть прямо пропорциональной их запаздыванию. Поэтому революция неизбежна только в том случае, когда власть не занимается постоянным реформированием — очищением и обновлением своего состава и модернизацией институтов и права.

Революция — это неуправляемый способ ликвидации дисбаланса. Почему и наблюдается в виде взрыва — неуправляемого процесса. Как следствие, революция разрушительна — как всякий неуправляемый процесс. В виде революции происходит «пробой» — энергия оппозиции сметает власть и с нею всю организацию. Так что революция никакое не «зло», а лишь произошедший по вине деградировавшей власти взрыв, который уничтожает не только ее саму, но и устаревшие общественные институты и право. В виде революции переход организации на новый уровень развития осуществляется наиболее болезненным способом — через самоликвидацию организации и создание из ее уцелевших «активов» новой организации, в институтах и праве которой будут материализованы более совершенные представления о свободе и справедливости.

Революции достаточно редки, потому что представляют собой самые разрушительные общественные катаклизмы. А они случаются не так часто — только в периоды глобальных мировоззренческих кризисов, происходящих при переходе человечества от одной эпохи к другой. Потому что в эти периоды требуется кардинальная перестройка институтов и права, на которую власти трудно решиться. Как следствие кардинального различия сменяющих друг друга в качестве доминирующих мировоззренческих учений. Так серия «буржуазных революций» сопровождала переход европейских стран с патриархального на индустриальный уровень развития.

Но далеко не всегда власть вырождается настолько, что доводит дело до революции. Все-таки чаще власти осмысливают примеры, которые демонстрируют страны, пережившие революции. И сами инициируют кардинальное реформирование общественного устройства.

В сущности, процесс общественного развития представляет собой процесс развития мировоззрения. Потому что власть воплощает в институтах и праве представления собственного мировоззрения. И так как мировоззрение развивается непрерывно, спустя какое-то время в организации получает распространение мировоззрение, отличающееся от воплощенного в институтах и праве. Как следствие, какая-то часть субъектов организации перестает чувствовать себя в ней комфортно. А потому начинает борьбу с властью, целью которой является реформирование институтов и права.

Пока мировоззренческая оппозиция невелика по масштабам, власть может ее игнорировать. А оппозиция не может заставить власть что-то изменить в устройстве общества. Так в 1825 году либеральная оппозиция в лице декабристов была неизмеримо сла-

бее патриархальной российской власти, а потому была легко побеждена.

Однако новое мировоззрение постепенно распространяется все шире, и рано или поздно наступает момент, когда власть не может ее игнорировать. И начинает хотя бы в деталях уступать — проводить требуемые оппозиции реформы. После того, как мировоззренческая оппозиция становится, безусловно, сильнее власти, последняя сдается. В результате оппозиция становится властью и перестраивает организацию в соответствии со своими собственными мировоззренческими представлениями.

Мирный характер смены власти может нарушаться только при переходе на принципиально новый уровень развития. Например, с патриархального на индустриальный. Потому что в этом случае субъекты власти далеко не всегда готовы согласиться сдать и покинуть властные коридоры. Ведь их противники — это не еретики, а полностью чуждые субъекты. А потому власть иногда остается стоять «до конца». И революция — результат именно такого бескомпромиссного мировоззренческого противостояния.

Исторические личности отнюдь не управляют течением общественных процессов. Так что неслучайно в 1924 в России было создано государство, имевшее весьма небольшое сходство с тем образом, который имелся в голове В. Ленина в 1917 году. Точно так же М. Горбачев не планировал разрушить СССР.

А Б. Ельцин аналогично не собирался построить в новой России «бандитский капитализм». Если личности планировали одно, а в результате получалось совсем другое, это значит, что процессом общественного развития они не управляли.

Да у отдельного человека и сил нет для того, чтобы управлять общественными процессами. Сильный человек способен принудить подчиняться себе пять, десять, максимум двадцать человек. Поэтому для принуждения ста человек требуется уже минимум десять единомышленников — людей, имеющих общую цель и одинаково представляющие себе способ ее достижения. А для принуждения сотен тысяч или миллионов требуются десятки тысяч единомышленников. И их совместные усилия на процессы общественного развития уже влияют.

При этом задача лидера — организация взаимодействия внутри группы единомышленников. А именно — заключение необходимых договоренностей и иногда арбитраж в возникающих спорах. Выполнение этих функций автоматически делает лидера узнаваемым субъектом общественного процесса. В результате в массовом сознании деятельность группы ассоциируется с ее лидером, и ему приписывают достигнутые группой результаты. Как следствие, возникает представление о том, что личность способна оказывать влияние на течение общественных процессов.

На самом деле масштаб любой исторической личности и, соответственно, величина ее влияния — это масштаб и величина вли-

яния группы единомышленников, которую личность представляет. При этом качество лидера прямо демонстрирует качество представляемой им группы. Поэтому убожество лидера — это отраженное убожество субъектов группы, которую он представляет. А вовсе не результат «стечения обстоятельств». Как аналогично сильный и умный лидер — отражение потенциала субъектов группы.

Любое действие имеет вектор — не только характеристику величины воздействия, но и направленность. То есть любое действие всегда ориентированно — на достижение какой-то цели. В свою очередь, субъекты любой группы, как бы они ни были «едины», всегда различаются между собой не только своим потенциалом воздействия, но и ориентацией. Пусть и не всегда существенной, тем не менее, имеющей место. А потому результат действий любой группы — суммарное арифметическое значение характеристик действий ее субъектов. Как в части результирующей величины воздействия, так и в части его направленности.

Поэтому результат действий власти определяется не заявлениями ее формальных представителей или принятыми ими решениями, а фактической ориентацией и реальным воздействием всех ее субъектов — как формальных, так и теневых. Так что во все не случайно сплошь и рядом власть вполне искренне говорит одно, а делает совсем другое. А потому в анализе действий власти всегда нужно рассматривать не декларации или «документы», а достигнутые результаты. И по ним делать вывод — к чему именно стремилась доминировавшая в составе власти часть ее субъектов.

В качестве иллюстрации можно привести действия верховной власти СССР во второй половине 50-х годов. Ни в одном выступлении или партийном решении ни слова не говорилось о повышении уровня свободы в советском обществе. Тем не менее, действия власти имели именно этот результат — уровень свободы заметно возрос. И никакого парадокса в этом нет — в составе власти имелась достаточно большая группа субъектов, вектор действия которых был направлен на повышение уровня свободы. А величины оказываемого ими воздействия оказывалось достаточно для достижения нужной им цели.

То, что уровень свободы повысился не так сильно, объясняется наличием в составе власти большой группы субъектов, вектор действия которых имел другую ориентацию — на сохранение имевшегося раньше низкого уровня свободы. И воздействие субъектов этой группы было достаточно существенным по величине. Как результат, советское общество становилось свободнее, но двигалось в этом направлении медленно и с периодическими отступлениями.

Этот пример так же показывает, что группа, действия которой определяют результат деятельность власти, далеко не всегда бывает организована в виде партии, фракции, заговора. Просто субъекты власти на своих рабочих местах делают то, что считают

правильным и необходимым. А в сумме эти единичные действия приводят к изменению организации — существующих в ней условий. Как следствие, попытки обществоведов анализировать действия только формализованных и организованных структур власти часто не дают объективной картины процесса — результат анализа противоречит наблюдающейся реальности.

Публичные заявления и решения власти совпадают с результатами ее деятельности только в тех случаях, когда она преследует простую и однозначно формулируемую цель. Например, построить завод. Или изменить какую-то правовую норму. Но как только дело касается сложных, относительно конкретных целей, в первую очередь в сфере организации процессов изменения организации, все заявления и решения власти представляют собой лишь «протоколы о намерениях». Причем не всей власти, а только части ее формальной составляющей. А потому результат будет зависеть только от того, какое направление будет иметь суммарный вектор действий всего властного сообщества. И каких масштабов будет достигать величина его воздействия.

2.5. «Царствие небесное»

Жизнь требуется разуму для развития до полностью устойчивого состояния, в котором он сможет стать исходным сущим духовного облака. И жизнь человека коротка, потому что для развития до устойчивого состояния любого по масштабу разума достаточно 25 лет. После чего он перестает нуждаться в физическом носителе. А за 60—70 лет человек может решить эту задачу в самых неблагоприятных условиях и обладая самым малопродуктивным мышлением.

После наблюдаемой в виде смерти человека гибели физиологического организма, его разум продолжает существование в форме полностью информационного сущего — *духовного*. Если до полностью устойчивого состояния смогла развиться только социальная система управления, после смерти разум становится душой. Если успели развиться обе системы управления, социальная и интеллектуальная, — становится *духом*.

Если за срок жизни человека разум достиг полностью устойчивого состояния, после смерти тела он разрушится так же, как разрушается изотоп атома. Соответственно, дальнейшее существование продолжит только инстинктивная система управления, которая продолжит существовать в информационном пространстве вместе с системами управления животных. Такой результат неизбежен в случае, если человек прожил жизнь животным.

Поэтому если жизнь — это школа разума, то смерть для него является выпускным экзаменом, на котором разум получает итоговую оценку своего качества. Соответственно, в момент смерти человека эволюционный процесс выставляет его разуму одну из двух оценок — «уд.» или «неуд.». Если это «уд.» — он продолжа-

ет существование в виде бессмертного духовного сущего. Если это «неуд.» — разрушается и уходит в небытие. Эволюция прагматична — ей требуются сущие, которые будут обеспечивать достижение замысла Творца. И только.

В свою очередь, от того, какого масштаба и уровня сложности в процессе своего развития достигнут социальная и интеллектуальная системы управления, зависит, каким по уровню сложности и масштабу будет душа или дух. То есть они будут различаться друг от друга точно так же, как отличаются друг от друга сложные атомы.

Только совершенство обеспечивает бессмертие — устойчивое существование в составе мироздания и ориентированную в направлении замысла Творца деятельность в эволюционном процессе. Для этого разуму требуется за срок жизни человека успеть освоить правила существования и деятельности — создать совершенные мораль и нравственность.

Представляется, что только основанные на принципах справедливости и свободы мораль и нравственность соответствуют стандартам поведения и деятельности полностью устойчивых сущих в составе Мироздания. Изложенное означает, что если исповедуемые человеком мораль и нравственность совершенны, его разум останется неизменным и после смерти. А душа или дух будут существовать в том виде, до которого человек успел развить социальную и интеллектуальную системы управления.

При взаимодействии в составе духовного облака души и духи будут выступать в качестве пассивных и активных субъектов. Можно предполагать, что если пассивный разум достигнет устойчивости, то ему уготован в буквальном смысле слова вечный сон. Гибель физиологического организма лишает разум физических органов чувств — зрения, слуха, обоняния и осязания. Чем в этом случае может заниматься разум? Единственный ответ на этот вопрос дает феномен сна — состояния разума, в котором практически полностью отключаются органы чувств. В этом состоянии разум занимается творчеством — создает сновидения в виде картин воображаемой среды и своего поведения и деятельности в ней.

Вряд ли процесс создания разумом сновидений является творческой гимнастикой — тренировкой воображения. Можно предполагать, что в состоянии сна развиваются органы чувств умозрения — аналоги физических органов чувств. Поэтому, оказавшись в духовном облаке, активный разум сможет не только существовать, но действовать — быть активным. То есть, общаться с душами, духами и более сложными духовными сущими.

Представляется, что активным душам и духам предстоит *вечный труд* в эволюционном процессе. Как всякое созидание, эволюционный труд, разумеется, не будет восприниматься ими в качестве «каторжного». Ведь в «земной жизни» субъекты элиты занимались тем же — в процессе ученичества осваивали именно

активный способ существования. Так что и в «царствии небесном» они будут заниматься тем же. При этом отсутствие физиологического организма позволит забыть о таких раздражающих факторах, как физическая усталость, болезни, голод — даст возможность постоянно пребывать в комфортном состоянии.

Активные души и духи будут создавать не физические сущие, а духовные. И будут выполнять эту работу, соединяясь друг с другом в более сложные духовные сущие. Точнее, создавая объединяющие их связи и используя пассивные души и духи в качестве информационных носителей — для создания информационных цепочек, которые, замыкаясь, будут превращаться в замкнутые духовные импульсы. В свою очередь, эти духовные импульсы будут соединяться в большие по масштабу и более сложные духовные сущие.

В результате в духовном облаке будет идти процесс, аналогичный по своим принципиальным особенностям тем, которые протекали в остальных облаках — максимонном, водородном, пылевом и т. д. В земной жизни социальные системы управления объединяются на основе общих целей и общей морали, а интеллектуальные системы управления — на основе общих представлений и нравственности. В небесном бытии души и духи будут объединяться аналогичным образом — создавать все более крупные и сложные духовные образования. Как представляется, именно таким способом будет осуществляться процесс структурирования духовного облака — созданием «небесных» социальных и интеллектуальных сред.

Единственным «материалом», из которого активные души и духи смогут создавать большие по масштабу духовные сущие, являются формулируемые ими идеи и их пассивные собратья. Ведь не имея материальных носителей, они будут лишены инструментов физического воздействия. Это значит, что им ничего не остается, как формулировать идеи и обмениваться ими. То есть создавать информационные импульсы, которые будут соединяться на пассивных духовных сущих в цепочки и замыкаться в виде образов субъектов мироздания и моделей их действий. Таким способом духи смогут соединять картины мира в своем составе в более совершенную и большую по масштабу картину — основу более совершенного и большего по масштабу духовного сущего.

Органы умозрения позволят духам общаться и, соответственно, осмысленно взаимодействовать друг с другом. Все, что изобретает человек, имеет достаточно близкие аналоги в природе. И тот же компьютер всего лишь аналог инстинктивной системы управления. Можно предполагать, что изобретенный человеком Интернет представляет собой аналог системы взаимодействия в духовном облаке. Соответственно, души представляют собой подобия сайтов. Тогда как духи подобны провайдерам, соединяющим сайты в единую работающую паутину. В свою очередь, рефлекторные и инстинктивные системы управления образуют проводящую среду духовного облака — информационный эфир.

История человеческого общества демонстрирует лишь процесс ученичества разума — освоение навыков и получение практического опыта создания глобальных и локальных сущих духовной эпохи. То есть, структурирования духовного облака и поиска совершенных форм социальных и интеллектуальных объединений. Поэтому человечество кроме функции фабрики по производству духов и душ, выполняет и роль экспериментальной лаборатории, в которой создаются все более совершенные конструкции информационных сущих и моделей общественных отношений.

Общие цели универсальны. Как и нормы созданной на основе принципа справедливости морали. Поэтому объединяться в более сложное духовное сущее способны любые души — независимо от их вероисповедания или этнической принадлежности их физиологических носителей. Поэтому души формируют глобальное сущее эпохи — *социальное облако*. А активные души структурируют его в виде *Человеческого Социума*.

Духи объединяются на основе общих представлений, которые постулируются учениями. Поэтому объединяться могут только духи, в основе интеллектуальной системы управления которых лежит сходное учение. Так как в человеческой цивилизации распространены несколько учений, в пространстве Человеческого Социума духи формируют несколько *интеллектуальных облаков*, которые активные духи структурируют в виде локальных сущих эпохи — *Мировых Духов*.

Биологическая эпоха в земном русле Эволюции началась порядка 2—3 млрд лет назад, а около полумиллиарда лет назад наступила ее вторая стадия. Духовная эпоха началась ориентировочно около 250—300 млн лет назад, и ее первая стадия закончилась развитием социальной системы управления как субъекта, и семейного и стайного обществ как социальных сред. Вторая стадия духовной эпохи началась порядка 15—20 млн лет назад и закончилась развитием интеллектуальной системы управления, как субъекта, и племенного и этнического обществ, как интеллектуальных сред. Столько же лет развивается и разум человека.

На третьей стадии параллельно идут два процесса. В духовном облаке продолжается течение естественного русла эволюционного процесса — идет структурирование Человеческого Социума. В земном мире начинается течение искусственного русла эволюционного процесса — развития организаций.

Можно предполагать, что 2—3 тысячи лет назад плотность духов в некоторых частях Человеческого Социума возросла настолько, что в нем началось формирование Мировых Духов. То есть, началась четвертая стадия духовной эпохи. Это значит, что в земном русле эволюция вышла на финишную прямую — начался процесс формирования Нового Творца. Соответственно, уже достаточно скоро в земном русле может быть достигнут замысел Творца мироздания.

Новым Творцом станет тот из Мировых Духов, в составе которого сформируется истинная картина мироздания и совершенные модели действий. А потому он сможет создать новую Метагалактику и запустить собственный эволюционный процесс. После чего эволюция в земном русле завершится.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
I. КУПЕЧЕСКАЯ РУСЬ	
1. Начало пути	7
2. Первые восточнославянские государства	8
3. Новгородско-Киевская федерация	13
4. Устройство Древнерусской федерации	17
5. Деятельность Рюриковичей на федеральном поприще	22
6. Начало патриархальной эпохи Руси	28
7. Турецкая диверсия	33
II. МОНГОЛЬСКАЯ РУСЬ	
8. Монголы	42
9. Батыево нашествие	46
10. Под монгольской «крышей»	48
11. Вассалы	52
12. Стратегический союз Москвы, РПЦ и купечества	55
13. Спасение Орды	59
14. Элитный фактор	65
III. СМУТНОЕ ЦАРСТВО	
15. Полу-цари	69
16. Царь всея Руси	74
17. Контрнаступление РПЦ	89
18. Карнавал царей	92
19. Первая русская революция	96
20. Раскол РПЦ	102
21. Последняя схватка	106
22. «Птица-тройка» Петра	111
23. Итоги Смуты	116
IV. ТРЕТИЙ РИМ	
24. Девять веков русской демократии	120
25. Закат российской экономической элиты	132
26. Исторический разворот	137
27. Великая стройка эпохи заката	140
28. Первое бюрократическое царство	143
V. ВТОРАЯ СМУТА	
29. Либеральная оттепель	150
30. Второе бюрократическое царство	154
31. Могильщик империи	158
32. Вторая русская революция	165
33. Двоевластие	170
34. Гражданская война	172
35. Первый конфликт советских элит	177

36. Советское «экономическое чудо»	180
VI. СТАЛИНСКАЯ ИМПЕРИЯ	
37. «Великий перелом»	186
38. Третье бюрократическое царство	189
39. Большой прыжок	192
40. Репрессии	194
41. Кто развязал Вторую мировую войну?	204
42. Были ли мы оккупантами?	212
43. Две войны	214
44. Великая Отечественная война	220
45. Итоги Второй мировой войны	224
VII. ЧЕТВЕРТЫЙ РИМ	
46. «Хрущевская оттепель»	228
47. Идеологические зигзаги советской власти	232
48. Четвертое бюрократическое царство	239
49. Бюрократическая оккупация интеллектуальной сферы ..	245
VIII. ТРЕТЬЯ СМУТА	
50. Гибель сверхдержавы	249
51. Мы снова первые	253
52. Недолгая жизнь гражданского общества	257
53. Идеологические искания	264
54. В чем состоит «особость» России?	270
55. О «национальной идее»	277
Заключение	279
СОЦИОГЕНЕЗ (Приложение)	
Введение	286
I. ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИРОЗДАНИЯ	
1. 1. Неоматериализм	291
1. 2. Основные представления энергетической концепции ...	293
1. 3. Модель эволюционного процесса	294
1. 4. Биологическая эпоха	302
1. 5. Духовная эпоха	307
II. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ	
2. 1. Человеческие общества	320
2. 2. Искусственное русло эволюции	322
2. 3. Законы общественного развития	330
2. 4. Системы управления организацией	332
2. 5. «Царствие небесное»	338

Литературно-публицистическое издание
Михаил Кругов и др.
ИНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ
Редактор
Татьяна Тимакова
Художественный редактор
Валерий Калныньш
Корректор
Ирина Машковская
Подписано в печать 12.05.2008
Формат 84x108/32
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 3000 экз.
«Время»
115326, Москва, ул. Пятницкая, 25
Телефон (495) 951 5568
<http://books.vremya.ru>
e-mail: letter@vremya.ru
Отпечатано ОАО ИПП «Уральский рабочий»
620019, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru